КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

СЕНТЯБРЬ.

Годъ восьмой. ТОМЪ XXVI. 1889 годъ

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

Въ вышедшихъ 1—9 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго**.—Судъ и казнь Григорія Самойловича **А. А. Востокова**.—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова**.—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачтета**.—Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску**.—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петкевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка**.—Воспоминанія Н. И Усковой о Т. Г. Шевченкѣ, съ прим. М. Чалаго, **Н Зарянки**.—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго**.—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка**.—На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н**.—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**—Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова**. Очерки изъ исторіи кіев. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева**. Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн. Корсуня или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго**. Очерки старин. быта Волыни и Украины. **О. И. Левицкаго**. Іоаннъ Вишенскій. **Мирона**. Нечистая сила, повѣсть **Остои**, пер. съ пол. **К. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго**. Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго**. Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго**. Чума, разск. **Мирона**. Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана**. М. С. Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ **В. Ермилова**. Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго**. Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ**. Два намѣстника. **А. Е.** Рекрутчина въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф очеркъ). **М. К. Васильева**. Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. **М. И. Лилеева**. На «Вовчомъ хуторѣ». **Димитрія Маркевича**. Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. **А. А.** Изъ воспоминаній по Малороссіи **Акад К. А. Трутовскаго**. Лирники. **Валеріана Боржковскаго**. Ѳома Падурра. (Критическій очеркъ). **Равиты**.

Въ отдѣлѣ «Документовъ, извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. П. А. Лашкарева, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, П. Л., И. С. Листовскаго, А. Л., В. А., П. Т., Мирона, К. В. Болсуновскаго, Ив. Манжуры, И. Бѣньковскаго, О. Л., W., Н. М., М. К. Чалаго, проф. Н. И Петрова, Хр. П. Ящуржинскаго, А. А. Савича, В. П. Науменка, А. Ш., Н. Н. Оглоблина, Я. П. Новицкаго, Н. Д. Н., Б. С. Познанскаго, А. С. Л., Г., Вл. Ляскоронскаго, А. Андр., Г. Залюбовскаго И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ап. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша, Ю. Д. Талько-Гринцевича, Кравченка, П. Г.

Для справокъ. Столбцы, прип. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А И. Маркевичъ**.

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тяпинскаго къ печатн. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова**.—

Дозволено цензур. Кіевъ, 31-го Августа 1889 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVI.

Сентябрь.

1889 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПОѢЗДКАХЪ ПО МАЛОРОССІИ.

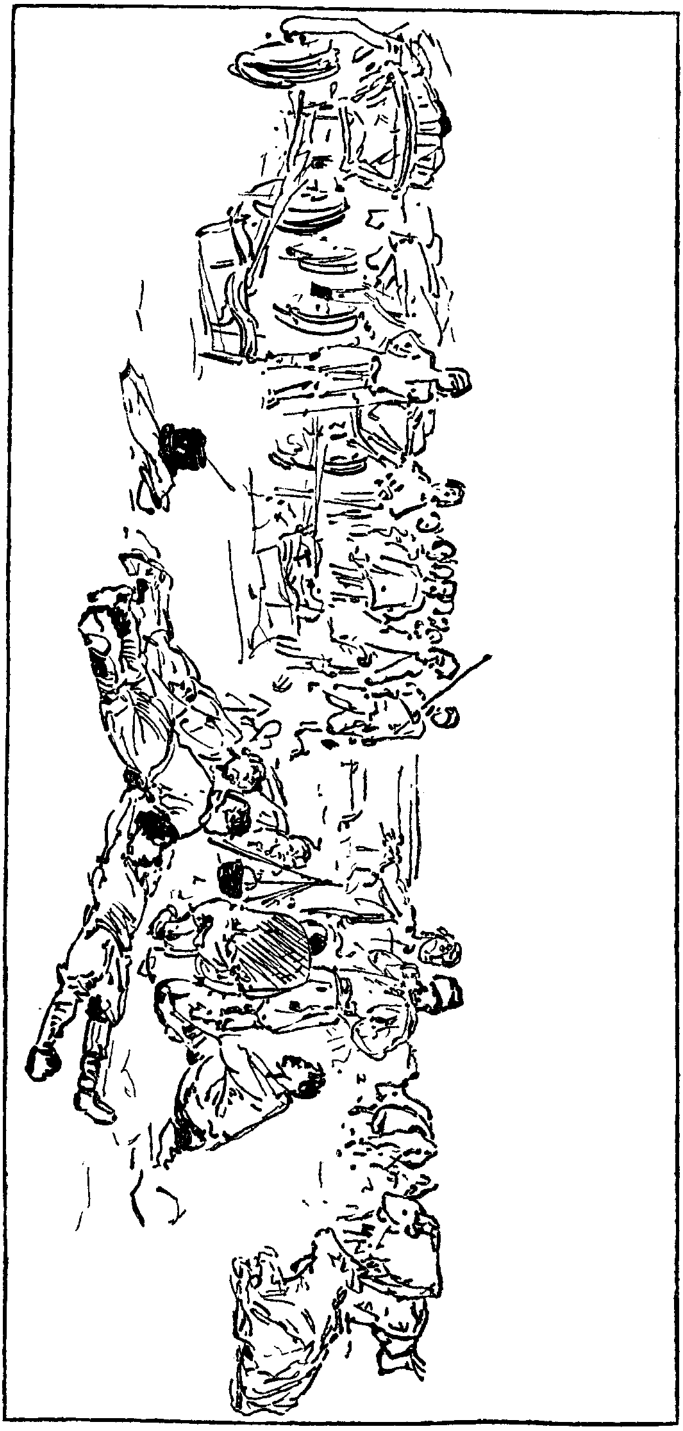
Съ отраднымъ чувствомъ мысленно переношусь въ прошлое, въ 50-е и 60-е года, вспоминаю свои поѣздки по Малороссіи съ художественной цѣлью,—когда въ этомъ чудесномъ краѣ существовали довольство, простота и радушіе, когда хранились еще въ народѣ старые патріархальные обычаи и своеобразные, живописные костюмы, существовало чумачество и когда на каждомъ шагу можно было встрѣтить слѣпого бандуриста, воспѣвавшаго прошлое своей родины въ думахъ и пѣсняхъ, а затѣмъ переходившаго къ удалой веселой пѣснѣ, подъ звуки которой съ невыразимымъ увлеченіемъ молодежь пускалась въ бѣшеный плясъ, а на лицахъ стариковъ и старухъ появлялась веселая улыбка. Все было такъ красиво и чувствовалось, что народу, строго хранившему свои обычаи и вѣковые завѣты, несмотря ни на что, жилось все таки хорошо и привольно. Малороссійскія деревни и хутора производили чарующее впечатлѣніе, а внутренность бѣлыхъ хатъ поражала чистотою и опрятностью. И теперь, конечно, въ Малороссіи много сохранилось отъ прежняго, но многое и утрачено. Старинныя чудесныя пѣсни вытѣснены солдатскими или еще хуже—фабричными, бабы и дивчата, вмѣсто живописныхъ плахтъ и корсетовъ, надѣли уродливо сшитыя платья и „польты",—мужчины надѣли поддевки и картузъ, вмѣсто бѣлыхъ свитъ и шапокъ, а бандуру замѣнила гармонія. Только въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, вдали отъ желѣзныхъ дорогъ и фабрикъ, куда еще не достигла такая „цивилизація", сохранилось кое что отъ старины.

Поѣздки свои я обыкновенно совершалъ на своихъ лошадяхъ, въ тарантасѣ, ѣхалъ не спѣша, останавливаясь въ мѣстахъ, гдѣ находилъ что нибудь интересное. Случалось, ночью я встрѣчалъ таборъ чумаковъ, остановившихся на ночлегъ,—мѣсяцъ ярко освѣщалъ множество *хуръ* (подводъ), вдали паслись волы, вокругъ костра лежали и сидѣли чумаки, варили кулишъ. Костеръ ярко освѣщалъ близьлежащихъ чумаковъ, слабѣе были освѣщены возы еще слабѣе пасущіеся волы и затѣмъ все тонуло въ ночной мглѣ. Чумаки или отправлялись въ Крымъ за солью, или возвращались оттуда. Во всякомъ таборѣ былъ непремѣнно хоръ и одинъ изъ чумаковъ выбирался въ регенты. И эти чудныя пѣсни, исполнявшіяся большею частію баритонными голосами, и эти живописныя картины—дѣйствовали такъ обаятельно на душу.

Присаживался я къ костру и чумаки всегда радушно предлагали мнѣ раздѣлить съ ними трапезу и угощали горилкой,—и какая чудесная тогда была водка!

Если я узнавалъ, что въ какомъ нибудь городкѣ или селѣ была ярмарка, то непремѣнно направлялся въ этотъ городокъ или село—и всякій разъ находилъ множество интересныхъ сценъ и типовъ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ я направился въ г. Гадячъ, полтавской губ., гдѣ долженствовала открыться ярмарка 29 іюня „на Петра“. За нѣсколько верстъ передъ городомъ мнѣ стали попадаться пѣшіе и конные жители окрестныхъ селъ. Все это стремилось въ городъ продавать, покупать, погулять и потолкаться среди народа. Медленно тащились возы, запряженные большею частію волами, и нагруженные бабами и дивчатами съ веселыми лицами,—мужики большею частію шли около возовъ, покрикивая на воловъ. Дорога была песчаная, по сторонамъ тянулся невысокій лѣсъ, въ концѣ его дорога упиралась въ рѣку Пселъ, а за рѣкой на горѣ показался весь утопающій въ зелени Гадячъ. Видъ былъ очень красивый, но гармонія его нарушалась только возвышавшимся среди города безобразнымъ зданіемъ острога. Взобравшись на гору, мы съ трудомъ пробрались чрезъ толпу народа, между возовъ и палатокъ, до постоялаго двора, гдѣ я нашелъ просторную, чистую комнату. Стѣны ея были чисто выбѣлены мѣломъ, скамьи и столъ вымыты, а на толстой балкѣ огромными буквами были написаны какія то изреченія изъ св. писанія.

Поѣвши отличнаго борщу и еще чего то, я тотчасъ же отправился бродить по ярмаркѣ и сдѣлавши нѣсколько шаговъ, наткнулся на прелестную сцену: малорусская дѣвушка, поразительной красоты,—что то объясняла мимикой стоящей передъ ней бабѣ (она оказалась глухо-нѣмой); всѣ ея движенія были такъ натурально красивы, что я долго не могъ оторвать глазъ отъ этой картины, мнѣ ужасно захотѣлось нарисовать лицо этой дѣвушки, но какъ я не упрашивалъ ее, предлагая хорошую плату, она ни за что не согласилась мнѣ позировать.—Около насъ образовалась кучка народа, и жиды накинулись съ бранью на мою красавицу за то, что она не согласилась на мое предложеніе, и дивились, какъ это она не польстилась на предлагаемыя ей деньги.

Нагулявшись вдоволь по ярмаркѣ, накупивъ себѣ костюмовъ, я зашелъ на свою квартиру, гдѣ и зачертилъ въ свой альбомъ видѣнныя мною сцены. Затѣмъ, захвативъ съ собою альбомъ, я отправился на окраины города. Городъ былъ окруженъ гористою мѣстностью, покрытою лѣсомъ, въ ярахъ текли ручейки, тамъ и сямъ были разбросаны хатки, окруженныя маленькими садиками, около хатокъ были насажены цвѣты: мальва, георгины

и вился королевъ цвѣтъ,—а внизъ, къ ручью бѣжали узенькія дорожки. Кругомъ была тишина невозмутимая, такъ какъ всѣ обитатели этихъ хатъ отправились на ярмарку. Ничто не мѣшало мнѣ сидѣть, разглядывать окружающую меня природу—и чертить въ альбомъ. Одна изъ хатокъ привлекла особенно мое вниманіе, и я сталъ ее срисовывать. Черезъ нѣсколько времени въ воротахъ показалась баба, удивленно посмотрѣла на меня, и тотчасъ же скрылась. Затѣмъ эта баба, сидя верхомъ на лошади, выѣхала со двора и стремглавъ куда то поскакала. Потомъ я узналъ, что она отправилась къ своему мужу, на пасику, чтобы сообщить ему, что „якійсь то панъ“ сидитъ противъ ихъ хаты, и пишетъ, и нѣтъ ли тутъ „якого лыха“.

Окончивъ рисунокъ, я направился обратно на свою квартиру. Проходя мимо воротъ какого то двора, я увидалъ, что, опершись на ворота, стояла какая то полная женщина, повидимому мѣщанка, такъ какъ она была одѣта въ платье и волосы ея были зачесаны „у *пучку*“. Особа эта обратилась ко мнѣ съ словами: „Здраствуйте, будте здоровы!“—Отвѣтивъ на ее привѣтствіе поклономъ, я хотѣлъ идти далѣе,—но она снова обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: „Что се вы дѣлаете?“ Я отвѣтилъ, что гуляю, рисую.—„На що же вы—это рисуете?“, снова спросила она меня. Я отвѣчалъ, что такъ мнѣ надо,—и хотѣлъ идти. Но не тутъ то было. Особа стала меня упрашивать зайти къ ней въ хату, отдохнуть и закусить. Я долго отказывался, но она просила такъ любезно и настойчиво, что я наконецъ согласился зайти, имѣя при этомъ въ виду найти что нибудь интересное во внутренней обстановкѣ жилища. Когда я вошелъ въ домъ, то увидѣлъ тамъ какого то господина въ вицъ-мундирѣ, шагавшаго по комнатѣ и курившаго изъ длиннѣйшаго чубука, пыхтя и пуская клубы дыма. При моемъ появленіи, господинъ какъ то подозрительно взглянулъ на меня, почти не поклонился, и продолжалъ ходить взадъ и впередъ. Хозяйка, поставивши на столъ, покрытый чистой скатертью, пироги, колбасы, огурцы, паляницы и графинчикъ водки, стала усердно угощать меня, болтая безъ умолку. Чиновникъ все пыхтѣлъ, дымилъ, и по временамъ бросалъ на меня свирѣпые взгляды. Чрезъ нѣсколько времени, онъ какъ то разомъ остановился

противъ меня, и хрипливымъ голосомъ спросилъ, чѣмъ это я занимаюсь, и что это за книжка, которую я принесъ съ собою. Я отвѣчалъ ему тоже, что и хозяйкѣ, продолжая съ аппетитомъ уплетать колбасу, пирогъ и огурцы. „А есть ли у васъ, милостивый государь, паспортъ?“ еще болѣе свирѣпо спросилъ меня, чиновникъ. Вопросъ этотъ нѣсколько смутилъ меня, такъ что я даже поперхнулся. Паспорта у меня не было. Въ тѣ времена, о которыхъ пишу, было проще и на ѣздившихъ на своихъ лошадяхъ помѣщиковъ не обращали большаго вниманія, но все же при поѣздкѣ въ сосѣднія губерніи всякій обязанъ былъ брать какой нибудь видъ. Для меня стало ясно, что этотъ чиновникъ, вѣроятно служащій въ полиціи, имѣлъ виду, въ случаѣ если у меня паспорта не окажется, получить отъ меня въ свою пользу какую нибудь сумму. Я былъ смущенъ, но все же сказалъ ему, что показывать свой видъ я не обязанъ всякому—и не знаю, кто онъ такой и имѣетъ ли онъ право дѣлать мнѣ такіе вопросы. Господинъ возражалъ мнѣ, что много шатается всякаго народу, подозрительныя бываютъ, и поджигатели, и всякія темныя личности, и что всякій гражданинъ обязанъ содѣйствовать правительству въ поимкѣ вредныхъ людей и пр., и наконецъ сталъ указывать мнѣ тѣ печальныя послѣдствія, которымъ подвергается всякій путешественникъ, не имѣющій при себѣ никакого вида. Я довольно храбро сказалъ ему, что паспорта не покажу и прошу его не мѣшаться не въ свое дѣло. Однако въ душѣ я сталъ очень безпокоиться какъ бы не вышло какой нибудь непріятности. Но вдругъ я вспомнилъ, что въ моемъ альбомѣ, случайно былъ мой заграничный паспортъ, въ который была завернута рисовальная бумага, и мнѣ пришло въ голову воспользоваться этимъ документомъ въ моемъ критическомъ положеніи. Въ то время заграничные паспорты были большаго размѣра, на цѣломъ листѣ писчей бумагѣ на одной половинѣ было напечатано на русскомъ языкѣ, а на другой на нѣмецкомъ, имя, фамилія и все что слѣдуетъ.—Идея воспользоваться этимъ видомъ меня очень ободрила, и я тотчасъ перемѣнилъ тонъ изъ смиреннаго въ вызывающій.—„Что вы ко мнѣ придираетесь“, сказалъ я ему, „я можетъ быть командированъ начальствомъ и исполняю какое нибудь важное

порученіе". Но мой чиновникъ нисколько не смутился, и мои слова не произвели на него никакого впечатлѣнія; съ усмѣшкой онъ возразилъ мнѣ, что лица, посылаемыя начальствомъ, ѣздятъ въ каретѣ и о пріѣздѣ ихъ въ данное мѣсто знаютъ заранѣе,—что ихъ встрѣчаютъ и провожаютъ мѣстные чиновники и что они не бродятъ по захолустьямъ, съ какими то книжками—можетъ быть недозволенными.—„Ну, хорошо" сказалъ я ему, „я вамъ покажу часть своего паспорта, ту часть, гдѣ значится мое званіе и фамилія, а другую часть, гдѣ обозначено порученное мнѣ дѣло, я вамъ показать не могу—это секретъ"; при этомъ я сунулъ ему подъ носъ сперва то мѣсто, гдѣ значилась моя фамилія, а затѣмъ другое, гдѣ была огромная печать. Печать эта такъ поразила моего преслѣдователя, что онъ тотчасъ перемѣнилъ со мною обращеніе сдѣлался любезенъ, извинялся и принялся угощать меня вмѣстѣ съ хозяйкой. Но, несмотря на такой, повидимому благопріятный, исходъ изъ затруднительнаго положенія, я поспѣшилъ распрощаться съ хозяйкой, отправился на свою квартиру, немедленно велѣлъ запрягать лошадей и уѣхалъ изъ Гадяча, чѣмъ, можетъ быть, избѣгнулъ непріятности посидѣть подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока не разъяснилась бы моя благонамѣренность.

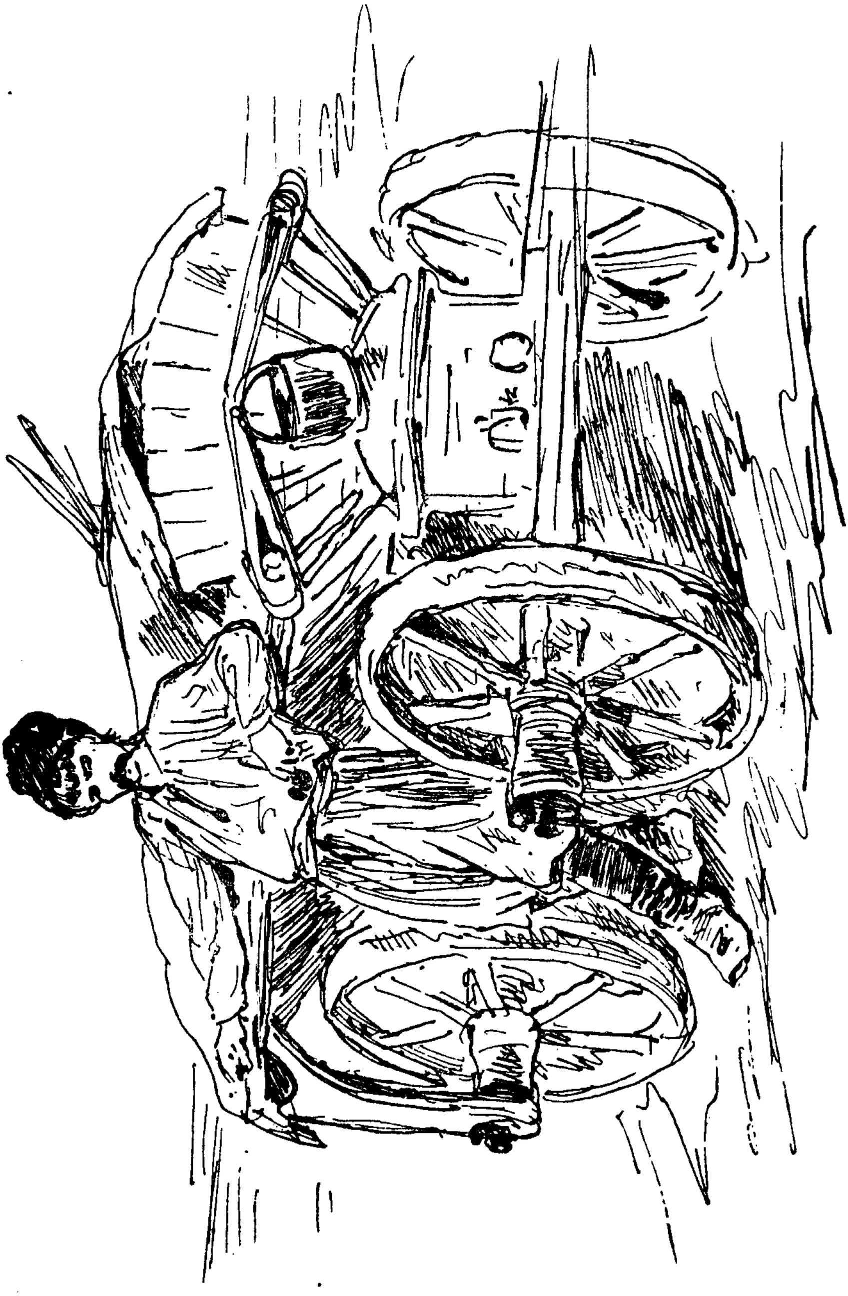
Иногда, въ лѣтнее время, я проживалъ у моей сестры, близь г. Сумъ, харьковской губ., въ д. Ольшанкѣ. Деревня эта расположена въ живописной мѣстности, на берегу р. Пели. Усадьба выстроена на площадкѣ, среди вѣковаго лѣса, на нѣкоторой возвышенности, у подножія которой находится другая усадьба, окруженная прудами,—а за прудами опять стоитъ вѣковой лѣсъ. Въ полуверстѣ отъ усадьбы, высятся мѣловыя горы, изъ которыхъ добывается мѣлъ, и въ построенныхъ здѣсь же заводахъ выжигается известка (вапна). Такъ какъ въ сосѣднихъ уѣздахъ полтавской и черниговской губерній, известковыхъ заводовъ не было (нѣтъ и теперь), то изъ этихъ уѣздовъ, съ весны наѣзжала масса чумаковъ, за известью. Нѣкоторымъ приходилось долго ожидать очереди, чтобы забрать известь,—и тогда они располагались цѣлымъ таборомъ близь заводовъ, и пускали своихъ воловъ пастись на обширномъ лугу близь Пели. Какой интересный матеріалъ представляли эти чумаки, волы, возы—и

какіе интересные типы попадались на каждомъ шагу! Высокій, стройный, загорѣлый, съ важной осанкой, въ широчайшихъ шароварахъ, пропитанныхъ дегтемъ, чумакъ такъ и просился на полотно.—Я конечно всегда обращался къ такому чумаку съ просьбой позволить нарисовать его; но не такъ то скоро можно было добиться его согласія позировать. Недовѣрчиво относился онъ къ моей просьбѣ, и долго допытывался отъ меня, зачѣмъ, да почему пришла охота рисовать. Не очень то соблазняло его и обѣщаніе заплатить за то, что онъ посидитъ передо мной—и когда наконецъ онъ соглашался исполнить мое желаніе, то рѣдко бралъ за это плату, но за то непремѣнно требовалъ, чтобы я съ нимъ выпилъ „по чарци горилки". Не разъ мнѣ случалось слышать отъ чумака, когда онъ собирался выпить чарку—слѣдующую поговорку: „чарко моя, чупурушко, я тебе выпью, моя душко, я тебе выпью та не вылью; я съ тобою, чарочко, погуляю якъ билая рыбочка по Дунаю" — и затѣмъ „бувайте здоровы, хай вамъ легенько згадается".

Случалось, что я приглашалъ чумака въ домъ, также съ цѣлію рисовать его, и подмѣтить его жесты, движенія, въ то время, когда онъ будетъ разговаривать.—Входилъ онъ, обыкновенно въ комнату важно, на лицѣ его не выражалось удивленія при видѣ непривычной для него обстановки, садился на стулъ или диванъ совершенно свободно, и какъ будто не обращалъ ни на что никакого вниманія. Сестра моя и зять старались занять его разговоромъ, а я въ это время располагался гдѣ нибудь поодаль и рисовалъ. — Чумакъ, повидимому, и не замѣчалъ, что я его рисую, а между тѣмъ онъ все видѣлъ,—и когда я оканчивалъ рисунокъ, то онъ обыкновенно обращался ко мнѣ съ словами: „хиба я не бачивъ шо ты робывъ, а ну, покажъ, якъ ты мене намалювавъ".

Однажды, приглашенный такимъ образомъ чумакъ цѣлый вечеръ занималъ насъ разсказами, и что это были за разсказы! сколько тутъ было неподражаемаго юмора и картинности въ описаніяхъ!—Еслибы возможно было эти разговоры стенографировать, то они составили бы драгоцѣнный матеріалъ народнаго творчества, и талантливыя импровизаціи — но увы, все это пропадало безслѣдно. У Марка-Вовчка въ его „Народныхъ опо-

виданяхъ" есть изъ чумацкаго быта нѣсколько разсказовъ, напоминающимъ тѣ разсказы, которые мнѣ приходилось слышать изъ устъ чумаковъ.

Разъ, когда я бродилъ по чумацкому табору, вниманіе мое было привлечено нѣсколькими хурами (возами), рѣзко отличавшимися отъ прочихъ,—возы эти были крупнѣе другихъ, нѣкоторыя части ихъ были украшены рѣзьбой и покрашены; ярмо также было покрыто рѣзьбой. Облокотившись на возъ стоялъ высокій статный чумакъ, въ синихъ шароварахъ и высокой барашковой шапкѣ.—Ужасно захотѣлось мнѣ его нарисовать—такъ онъ былъ весь живописенъ по своей позѣ; я подошелъ къ чумаку, поздоровался;—онъ, неизмѣняя своей позы, приподнялъ шапку и отвѣтилъ мнѣ легкимъ поклономъ; на мою просьбу—постоять въ той позѣ, пока я его нарисую, онъ отвѣтилъ;—„чому жъ, можно—малюй, колы хочешъ"—когда я усѣлся, и сталъ набрасывать рисунокъ въ альбомъ,—чумакъ обратился ко мнѣ со словами: „а я такій же панъ, якъ и ты, дарма, шо чумакую".—Я выразилъ удивленіе и спросилъ, что же заставило его чумаковать. „Да такъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, люблю; дома сидѣть наскучаетъ,—да и много всякой погани между людей,—а тутъ идешь много верстъ степью повидишь Крымъ, наберешь соли—и назадъ. Хорошо весной на вольномъ воздухѣ и въ широкихъ степяхъ! нѣтъ бабъ—и вздоровъ меньше".—Все время, пока я рисовалъ его, онъ разсказывалъ мнѣ про свои поѣздки съ большимъ увлеченіемъ.—Мнѣ говорили, что это былъ не единственный примѣръ чумака-пана (изъ мелкопомѣстныхъ).

К. Трутовскій.

ИЗЪ НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРІИ РАСКОЛА ВЪ СТАРОДУБЬѢ.

(*Окончаніе* [1]).

Упоминаемый Ив. Алексѣевымъ указъ царевны Софьи Алексѣевны къ черниговскому архіерею и стародубскому полковнику Самойловичу, вслѣдствіе котораго раскольники были вытѣснены изъ Понуровки и другихъ заселенныхъ ими слободъ, неизвѣстенъ. О немъ упоминаетъ только Ив. Алексѣевъ. По его словамъ, «Софья Алексѣевна пріимши скипетръ царства великороссійскаго» и услышавши о населеніи стародубскихъ слободъ, повелѣла послать указъ къ поименованнымъ властямъ, чтобы они «забѣглые народы, или ласкою, или прещеніемъ градскимъ къ новымъ догматамъ приводили». Раскольники разбѣжались, и только немногіе «къ новодогматствованію приступиша», которые не захотѣли лишиться «стяжанія и домовъ». Попытка снова возвратиться на облюбованныя уже мѣста, по прошествіи нѣкотораго времени, когда повидимому «зѣльность гоненія» стихла, также не имѣла успѣха; потому что «паки отъ того же Симеона гоненіе наста». Въ актахъ «протокула» стародубскаго за 1683 г. мы еще видимъ въ Понуровкѣ двухъ войтовъ изъ раскольниковъ: Ивана Ѳедорова и Ивана Ларіонова [2]). Происхожденіе упомянутаго указа, въ существованіи котораго врядъ ли и можно сомнѣваться, какъ увидимъ ниже, можетъ быть объяснено слѣдующими уже несомнѣнно достовѣрными историческими данными.

Извѣстно, что стрѣлецкіе бунты по кончинѣ царя Ѳеодора Алексѣевича были вмѣстѣ и раскольничьими бунтами, такъ какъ имѣлось въ виду «и патріарха и властей поставить, кого изберутъ

---

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 8, августъ.

[2]) Черниг. губ. вѣдом. 1852 г. №№ 10, 22. Ср. Ист.-ст. оп. черн. еп. VII, стр. 81.

народомъ, которые бъ старыя книги любили» [1]). Это соединенное движеніе стрѣльцовъ и раскольниковъ отозвалось и въ Малороссіи. Русскіе торговые люди производили въ ней тревогу своими разсказами о стрѣлецкихъ возстаніяхъ и расправѣ съ боярами. Пошли и въ Малороссіи толки о томъ, чтобы подняться народу и обобрать значныхъ старшинъ и орандарей, возбудившихъ противъ себя народную ненависть. Были и весьма злонамѣренные толки со стороны русскихъ людей. Путивльскій купецъ Бѣляевъ распускалъ слухи въ городѣ Конотопѣ, что подъ Путивлемъ остановятся тайно царскія войска и будутъ рубить старшинъ козацкихъ. Толки эти своевременно однакоже дошли до гетмана Самойловича: онъ написалъ къ народу успокоительный универсалъ и сообщилъ о положеніи дѣлъ въ Малороссіи боярину Василью Васильевичу Голицыну. Между прочимъ онъ писалъ: «Досадны намъ зѣло неразсудныхъ людей великороссійскихъ слова бездѣльныя, что межъ народомъ нашимъ нерозмышленно вносятъ расколъ, толкуя вездѣ черни тотъ случай, который въ царствующемъ градѣ Москвѣ по допущенію Божію великимъ людемъ учинился, и поведеніе инако изворачивая подкидаютъ допущенія той же черни, чтобъ и здѣсь надъ нами, надъ старшиною, отъ чего Боже сохрани, учинили вредительство; а дѣется то отъ путивльцевъ и отъ иныхъ горожанъ людей торговыхъ». По донесенію его изъ Москвы данъ былъ указъ боярину Петру Ивановичу Хованскому, начальствовавшему бѣлогородскимъ краемъ—подтвердить торговымъ людямъ, чтобъ они подъ опасеніемъ смертной казни не смѣли разсѣевать въ народѣ пустыхъ рѣчей. Это было въ 1682 г.[2]).

Московскія стрѣлецкія и раскольническія движенія отзывались особенно между стрѣльцами Кіева, Переяслава, Чернигова и Батурина. Въ описяхъ столбцовъ кіевскаго повытья за 190— 200 гг., составленныхъ въ концѣ XVII в. подъячими малороссійскаго приказа, находятся прямыя указанія на это. Вотъ эти указанія.

«191 г. Отписка изъ Сѣвска Леонтія Неплюева и подъ отпискою гетманскій листъ о посылкѣ подъячаго Василія Баутина въ Кіевъ зъ грамотами отъ возмущенія о уговорѣ стрѣльцовъ московскихъ».

«Отписка изъ Кіева, что приказу Малыя Россіи подъячій Василій Баутинъ посылалъ о уговорѣ отъ смуты московскихъ стрѣльцовъ въ Кіевъ и Переяславль».

---

[1]) Записки Желябужскаго съ 1682 г. по 2-е іюля 1709 г. Спб. 1840. стр. 11.

[2]) А. М. И. Д., св. 59. Письмо Самойловича въ рус. переводѣ, отъ 8-го августа. Универсалъ отъ 16 го іюня 1682 г., въ Акт. зап. Россіи, V, 168.

«Распросные рѣчи капитана Карпа Хлудова, что онъ, будучи въ Кіевѣ, слышалъ московскихъ полковъ отъ стрѣльцовъ, и что ихъ великихъ государей грамоту, которая прислана о измѣнѣ князя Ивана Хованскаго, называли воровскою и подьячаго Василія били».

«Великихъ государей грамота въ Кіевѣ, что посыланъ былъ приказу Малыя Россіи подьячей Василій Баутинъ, изъ села Воздвиженскаго, о измѣнѣ князя Ивана и сына его Андрея Хованскаго, будучи онъ въ Кіевѣ тое грамоту объявилъ и чтена всѣмъ полкамъ вслухъ, и московскихъ разныхъ полковъ стрѣльцы тое грамоту называли воровскою и непристойные слова говорили и подьячего били и въ тюрьмѣ держали, и грамоту къ себѣ взяли, и за то генералу-порутчику, и полковникамъ, и нижнихъ чиновъ начальнымъ людямъ, и рейтарамъ, и солдатамъ, и стрѣльцамъ указъ сказанъ, чтобъ они къ той шатости не приставали и никакова зла не чинили, и они стрѣльцы били челомъ великимъ государемъ, чтобъ въ той винѣ ихъ великіе государи простили, а воровъ и заводчиковъ они выдали, и велѣно тѣхъ стрѣльцовъ держать въ тюрьмѣ до указу, а въ винахъ они прощены» (лл. 46—47)[1]).

Правительство приняло свои мѣры противъ мятежныхъ стрѣльцовъ и раскольниковъ какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ. Шакловитый, новый начальникъ стрѣльцовъ послѣ казни Хованскаго, пришелъ къ мысли перебрать всѣ стрѣлецкіе полки, удалить крамольниковъ и оставить въ Москвѣ только такихъ, на которыхъ можно было положиться. Стрѣльцы сомнительной вѣрности, «пьяницы, и зернщики, и всякому злому дѣлу пущіе заводчики и раскольники», исподоволь были переведены въ украинные города. Вмѣстѣ съ разсылкой по городамъ эти мятежные стрѣльцы разносили по государству и ядъ раскола и духъ мятежа[2]). Не мало ихъ потомъ и на всегда поселилось въ стародубскихъ раскольничьихъ слободахъ.

Еще круче было поступлено съ раскольниками и ихъ предводителемъ попомъ Никитой Пустосвятомъ. Всѣ «неистовые отцы» были перехватаны и выданы властямъ, а Никита Пустосвятъ поплатился даже жизнію: казненъ главы отсѣченіемъ. Другіе взяты были на патріаршій дворъ съ ихъ книгами и тетрадями, разсажены порознь и подвергнуты увѣщаніямъ, отъ смерти же были избавлены

---

[1]) Кіевскій столъ разряднаго приказа: ст. Н. Н. Оглоблина. Ср. Розыск. дѣло о Ѳедорѣ Шакловитомъ. Изд. арх. ком. т. I. 467—468.

[2]) Докладная выписка 25 декабря 192 г. въ сказаніи Медвѣдева. Тоже и царскій указъ отъ 30 дек. 1683 г. съ боярскимъ приговоромъ объ удаленіи изъ Москвы нѣкоторыхъ стрѣлецкихъ полковъ въ Актахъ арх. эксп. IV, № 280.

Хованскимъ, по настоянію котораго отданы были только архіереямъ подъ крѣпкія начала въ смиреніе: «зане не покаяшася отъ злобъ своихъ». Такимъ образомъ дѣятельность была совершенно парализована въ столицѣ; раскольники присмирѣли и не могли явно ходить по улицамъ царствующаго града, а нѣкоторые должны были даже оставить Москву, скрываться по другимъ мѣстамъ, градамъ и весямъ, тайно распространяя свои прелести[1]).

Успокоивъ волненія въ столицѣ, правительство принялось и за областныя проявленія смутъ, руководясь при этомъ преданіями московскаго государства. Прежде всего посланы были грамоты воеводамъ, чтобъ они поставили крѣпкіе караулы и заставы на перевозахъ «и въ иныхъ причинныхъ мѣстехъ», ловили и разспрашивали на крѣпко бѣжавшихъ съ Москвы стрѣльцовъ, про ихъ товарищей и понаровщиковъ, а отписки присылали въ приказъ. «Сентября въ розныхъ числѣхъ бѣжали съ Москвы изъ разныхъ полковъ надворной пѣхоты многіе люди невѣдомо для чего; а для тайного проходу надѣваютъ на себя деревенскихъ мужиковъ кафтаны сермяжные и иное такое жъ платье, чтобъ ихъ не познали»... Правительство заботилось, чтобы областные жители не вѣрили никакимъ распускаемымъ «прелестнымъ и смутнымъ» словамъ и письмамъ, а властямъ предоставлялось право «то лихое дѣло искоренять по своему разсмотрѣнію». 30-го ноября 1683 г. правительство издало указъ—не пропускать безъ проѣзжихъ грамотъ въ малороссійскіе города духовнаго и мірскаго чина людей по калужской и тульской дорогамъ[2]).

Вскорѣ послѣ окончанія раскольничьяго бунта Никиты Пустосвята, т. е. послѣ 5-го іюля 1682 года, былъ принятъ рядъ энергическихъ мѣръ церковною и гражданскою властями, находившимися тогда въ полной солидарности, и прямо противъ раскола, распространившагося тогда уже далеко и по областямъ. Въ царскихъ указахъ по этому поводу воеводамъ и приказнымъ людямъ ставилось на видъ, чтобы они сыскивали церковныхъ мятежниковъ по городамъ, пригородамъ и уѣздамъ и приводили ихъ въ приказы духовныхъ дѣлъ для вразумленія, употребляя при этомъ, въ случаѣ протеста, и служилыхъ людей; кромѣ того повелѣвалось: тѣхъ изъ мятежниковъ, которые останутся упорными въ своихъ заблужденіяхъ, пытать на-

---

[1]) Увѣтъ, л. 70. Зап. Медвѣдева, стр. 29—30. Зап. Крекшина, стр. 44. Собр. Госуд. гр. IV, № 152, стр. 461.

[2]) Собр. госуд. грам. IV, № 160; Доп. къ Акт. ист. X, №№ 55 и 59; Акт. эксп. IV, № 279; П. С. З. II, №№ 1002 и 1053.

крѣпко, бить на козлѣ кнутами и даже казнить смертію—жечь; а тѣхъ, которые покаются, хотя и отпускать на свободу, но не иначе, какъ «съ поручными записями, чтобы имъ впредь расколу не чинить, и порутчикомъ того за ними смотрѣть; а буде они явятся въ прежней мерзости, а порутчики того смотрѣть за ними не станутъ и въ томъ на нихъ извѣщать не будутъ, и за то имъ быть въ смертной казни, а порутчикамъ въ жестокомъ наказаніи безъ всякаго милосердія. Вмѣстѣ съ тѣмъ архіереямъ повелѣвалось, чтобы они по всей Россіи старались разыскивать раскольниковъ и предавать ихъ суду. Епископы съ своей стороны разсылали грамоты, чтобы строго слѣдить и записывать, кто ходитъ къ Божіей церкви; отъ нихъ «велѣно приходскимъ попамъ присылать въ судный приказъ росписи за руками», кто именно противникъ церковный, не бываетъ у исповѣди. А если священники имянныхъ списковъ давать не учнутъ, быть отлученными вѣчно отъ священства; а раскольникамъ быть «въ ссылкѣ по монастырямъ и въ заточеніи подъ крѣпкимъ началомъ, доколѣ они отъ упрямства своего отстанутъ и принесутъ истинное покаяніе и раскольничать престанутъ [1]). Мѣры эти завершены статьями 1685-го года, по которымъ раскольниковъ, какъ враговъ церкви и государства, велѣно было розыскивать, ловить и жечь съ ихъ жилищами; даже раскаяніе и нежеланіе болѣе находиться въ рядахъ раскола не сопровождалось освобожденіемъ отъ наказанія: раскаявшіеся ссылались въ большіе монастыри и содержались тамъ въ великомъ береженіи, за крѣпкимъ карауломъ, подъ надзоромъ искусныхъ старцевъ, и выпускались только послѣ достаточнаго удостовѣренія въ томъ, что они оставили безповоротно раскольническую прелесть. Кто перекрещивалъ другихъ, хотя бы послѣ и раскаялся, подлежалъ смертной казни; подлежали смертной казни безъ всякаго милосердія и проповѣдывавшіе самосожженіе. Наказаніе постигало и тѣхъ, которые или перекрещивались по увлеченію и винились въ томъ безъ всякія противности, или оказывались вообще виновными въ церковной противности, въ недавнемъ времени и при допросахъ показывали, что они то дѣлали по невѣдѣнію, или по какому либо принужденію: таковыхъ подвергали біенію кнутомъ и отсылкѣ ко архіереямъ. Кнутъ, ссылка въ *дальніе города* грозила и тѣмъ, которые тайно держались раскольнической прелести; на мѣ-

---

[1]) Рукоп. солов. биб. № 20, стр. 329—330. Царская грамота отъ 14 ноября 1682 г. въ Ист. Акт. V, № 100.

стахъ своего невольнаго водворенія они подвергались строгому надзору тамошнихъ воеводъ и приказныхъ людей, обязанныхъ доносить о всякихъ ихъ противностяхъ великимъ государямъ. Кнутъ и батоги грозили и намѣреннымъ покровителямъ раскола и всѣмъ тѣмъ лицамъ, которые какимъ бы то ни было образомъ содѣйствовали раскольникамъ и ихъ дѣлу. Принимавшіе на поруки противниковъ церкви и не доносившіе о неоставленіи ими упорства церкви подвергались денежной пени въ размѣрѣ 50 руб., а въ случаѣ несостоятельности—ссылкѣ; заявленіе о невѣденіи упорства не освобождало отъ наложенія наказанія на поручителей. Имѣніе раскольниковъ какъ казненныхъ и сосланныхъ, такъ равно и имѣніе ихъ поручителей, ссылаемыхъ по несостоятельности, отписывалось на государей и продавалось по оцѣнкѣ. Таковы по существу указанныя статьи 1685 года противъ раскольниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу соборнаго опредѣленія 1681 года и царскихъ указовъ, въ свое время не приведенныхъ въ дѣйствіе, епархіальныя власти стали теперь требовать отъ воеводъ, вотчинниковъ и помѣщиковъ выдачи раскольниковъ и приведенія ихъ въ духовные приказы для расправы съ ними, подвергая ихъ или увѣщанію и монастырскому смиренію, по мѣрѣ вины, или предавали гражданскому суду. Такимъ образомъ какъ гражданская, такъ и церковная власть руководились въ своихъ отношеніяхъ къ раскольникамъ принципомъ смиренія раскольниковъ «прещеніемъ и наказаніемъ». При такихъ условіяхъ раскольникамъ оставался одинъ исходъ: бѣжать на окраины, гдѣ надзоръ за ними все таки былъ слабѣе, или за рубежъ, что раскольники и дѣлали: они появились на всѣхъ окраинахъ государства, даже въ Сибири, и за рубежами—польскимъ и шведскимъ, пробираясь даже въ Турцію. При страшныхъ преслѣдованіяхъ раскольники двинулись на окраины и за рубежъ цѣлыми толпами; оставшіеся въ Россіи сожигались цѣлыми сотнями въ разныхъ мѣстностяхъ [1]). Преслѣдованіе это доходило до страшныхъ размѣровъ, если вѣрить вполнѣ раскольничьимъ показаніямъ. Въ одномъ раскольничьемъ рукописномъ синодикѣ между прочимъ отмѣчено: «Въ Пальѣ Островѣ скончавшихся 1687 г. марта 24,—инока Игнатія, инока Матвѣя... и иже съ ними 2700; на Березовѣ на Волгѣ скончавшихся въ 1687 г. августа 9 инока Германа, инока Ефрема, Өотиніи, Евфиміи и всѣхъ иже съ ними скончавшихся 1500». Рукоп. В. М. Ундольскаго, № 161, л. 41—44.

---

[1]) См. Ак. ист. №№ 93, 100—101, 117 и др.

Въ это время эмигрировали не только стрѣльцы и раскольники, но и боярскіе рабы и холопы, такъ какъ стрѣлецкіе бунты имѣли такое же направленіе и возбуждены были одной причиной, какъ и бунты въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Какъ тогда, такъ и теперь была провозглашена свобода боярскимъ людямъ. Это было опасное для государства движеніе, потому что крѣпостное право прямо вытекало изъ развитія силы московскаго государства, и, чтобы сломить его учрежденія, нужно было побороть и уничтожить эту силу. Вотъ почему правительство постаралось энергически прекратить попытки къ свободѣ боярскихъ людей и уничтожить слѣды возникшихъ стремленій (П. С. Зак. 11, № 992). Строгія мѣры правительства въ этомъ отношеніи заставили, конечно, многихъ холоповъ спасаться бѣгствомъ отъ наказанія, какъ видно изъ многихъ строгихъ постановленій относительно бѣглыхъ. Какъ велико было это эмиграціонное движеніе, можно судить по тому, что въ одномъ сѣвскомъ уѣздѣ съ 1682 года «предъ прежнимъ прибыло близко тысячи дворовъ» какъ свидѣтельствовалъ въ своихъ челобитныхъ въ 1690 г. бывшій сѣвскій воевода, именовавшій себя и намѣстникомъ стародубскимъ, Леонтій Романовичъ Неплюевъ. Эти бѣглые холопы, какъ въ это время, такъ и въ послѣдующее, до самой отмѣны крѣпостнаго права, доставляли наибольшій контингентъ для усиленія и укрѣпленія раскола на русскихъ окраинахъ.

Не слѣдуетъ забывать, что въ 1682 г. масса замѣшанныхъ въ московскихъ смутахъ лицъ была сослана въ Малороссію. Въ 1683 г. тотъ же сѣвскій воевода Неплюевъ, по общему совѣту съ гетманомъ Самойловичемъ, въ бытность свою въ Москвѣ, представлялъ царевнѣ, чтобы сосланные въ Малороссію въ 1682 г. снова были возвращены и награждены, «потому что то разграбленіе и ссылки воспріяли безвинно, послѣ того изъ ссылки многіе къ Москвѣ взяты», какъ онъ высказывался въ своихъ челобитныхъ 1690 г. [1]).

Естественно, стало быть, что московскія смуты временъ царевны Софьи Алексѣевны, какъ и послѣдующія конца XVII вѣка, дали значительный контингентъ новыхъ поселенцевъ для Малороссіи и повели къ образованію новыхъ раскольничьихъ слободъ. Такъ, въ 1687 г. поселена была слобода *Воронокъ* или по тогдашней малороссійской терминологіи *Воронецъ* на грунтахъ войсковыхъ товарищей Якова и сына

---

[1]) Розыск. дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ. Изд. археогр. ком. Спб. 1875. т. I. 462, 470. т II. 539, 580—581, 585—588.

Ѳедора Рубцовъ, осадчимъ которой былъ великороссіянинъ Игнатій Волкъ, какъ сказано въ румянцевской описи. Въ 1691 году поселена была другая слобода *Деменка*, при р. Деменкѣ, на земляхъ тростанскихъ, по разрѣшенію стародубскаго полковника Михаила Андреевича Миклашевскаго; осадчимъ ея былъ Тимоѳей Максимовъ. Въ самомъ концѣ XVII вѣка основаны еще двѣ слободы: одна на грунтахъ бунчуковаго товарища Ивана Лаврентьевича Бороздны, при небольшой рѣченкѣ Туроснѣ, въ 50 в. отъ г. Стародуба, это столь извѣстные нынѣ въ промышленномъ отношеніи *Клинцы*; другая, на земляхъ гетмана Ивана Степановича Мазепы, въ черниговскомъ полку, въ лѣсистой мѣстности надъ рѣкою Днѣпромъ,—*Радуль*.

Въ самомъ началѣ XVIII в., въ эпоху преобразовательной дѣятельности Петра Великаго и отрицательнаго отношенія къ старорусскимъ обычаямъ и преданіямъ, появилось, или, по выраженію того времени, «осѣло» до десятка такихъ раскольническихъ поселеній. Въ 1700 г., по румянцевской описи, осажена была слобода *Лужокъ*, нынѣшніе *Лужки*, при озерѣ Черемошкѣ, на брахловскихъ грунтахъ Игнатія Ильича Рубца (CXVII, вѣдом. войта Фотія Томилина). Въ первой четверти XVIII в. она называлась еще слободкой *Залужьемъ* (Обозр. рум. оп. Мал. IV, 675). Къ тому же времени относится заселеніе двухъ слободъ *Зыбкой* и *Злынки*.

О заселеніи Зыбкой (теперешняго г. *Новозыбкова*) имѣются слѣдующія данныя. Въ 1701 году выданъ былъ полковникомъ Миклашевскимъ фундушевый листъ и высланы были «певнія особы для отведенья и ограниченья на тую слободку грунту, аби тоей слободкѣ поселенія было безъ обиди людской и помежнихъ селецъ». 29 го іюня 1702 г., регентъ войсковой канцеляріи Василій Чуйкевичъ именемъ гетмана Мазепы подтвердилъ произведенное посланными полковникомъ и мѣстными «старинными людьми» ограниченіе назначенныхъ грунтовъ подъ поселеніе, съ тѣмъ, чтобы «Апанасъ Зѣнченокъ и потомки его, подданіе его тожъ и помежнихъ селецъ жители въ опредѣленномъ грунтѣ слобожаномъ не важилися перешкоди чинити и насилія, а зъособна тѣже и слобожани же би не шкодили дереву бортному въ грунтахъ такъ Апанасовихъ Зѣнченковихъ, яко и помежнихъ селецъ вступу не имѣли, перешкоди жадной и наименшой шкоди не чинили, подъ виною рублей двохъ сотъ на ясневелможного добродѣя положенного». Вмѣстѣ съ тѣмъ Чуйкевичъ обязывалъ слобожанъ, «подъ вышеписаною виною неотступкою, аби Зибкой жители слободскіе столко дуброви, гдѣ ся Зѣнченку подобаетъ у его

грунтѣ, виробили, роспахали и вигноили, якъ широкостю поле отеханное Зѣнченково сягаетъ, зъ которого засѣвъ теперешній озимій забрать Зѣнченку позволяемъ волно, безъ жадной отъ москалей перешкоди, до которого по знятію посѣву южъ Зѣнченко вѣчно неповиненъ будетъ и потомки его интересоваться и нихто съ таможнихъ помижныхъ селецъ жителей вступу въ тое мити неволенъ подъ вишеписанной зарукой» [1]).

Эта новая слобода, по тогдашнему административному раздѣленію, была поселена въ сотнѣ топальской, «на урочищи Зыбкой, между тростянскими и иными сельцами помежними, надъ рѣчкою Корною, у вершинѣ, на дубровѣ», около стариннаго села *Людковщины*. Она была осажена «къ помочи мѣской» и для поселенія ея были высланы «старинные люди изъ сосѣднихъ селъ».

Есть основаніе относить начало поселенія слободы Зыбкой, какъ и Лужковъ, къ болѣе раннему времени, чѣмъ 1700—1701-й годы. Если вѣрить показаніямъ обывателей—старожиловъ слободы Зыбкой, даннымъ румянцевскимъ ревизорамъ въ 1767-мъ году, относительно времени поселенія ихъ дѣдовъ и отцовъ, то начало поселенія этой слободы нужно относить къ 90-мъ или даже 80-мъ годамъ XVII в. Такъ, братья Гридины показывали, что дѣдъ ихъ «природной» каширскаго уѣзда, крестьянинъ дворцовой жерковской волости, д. Акуловой, «пришолъ въ слободу Зыбкую тому нынѣ 70 лѣтъ». Тоже говорили дѣти Тимоѳѣя Карпова, Евсей и Самсонъ Карповы, равно Никифоръ Ларіоновъ Карповъ, хорошо помня, что первыхъ дѣдъ, а второго отецъ вышли изъ деревни Спѣсивцовой, рыльскаго уѣзда, будучи крестьянами помѣщика Аѳанасія Григорьева Спѣсивцева. Братья Уколовы (4) показывали, что дѣдъ ихъ, будучи посацкимъ человѣкомъ г. Одоева, пришелъ тому назадъ 71 годъ; дѣти Якова Молчанова (3) въ свою очередь показывали, что отецъ ихъ, будучи уроженцемъ ярославскаго уѣзда с. Сеславки, Спасскаго монастыря крестьяниномъ, пришелъ 72 года тому назадъ; къ тому же времени относили поселеніе своего дѣда братья Костерины, Ѳедоръ и Степанъ, по отцу Ларіоновы, занимавшіеся во время румянцевской описи въ слободѣ «обученіемъ грамотѣ дѣтей и отъ того пропитаніе имѣвшіе» а Трифонъ Васильевъ Старковъ—своего отца. Дѣдъ первыхъ былъ дворцовымъ крестьяниномъ костромскаго уѣзда, даниловской волости д. Салова, донынѣ

[1]) Листъ полковничій 1701 г. напечатанъ въ Истор.-стат. опис. черн. еп. кн. II. Стр. 199—200. Подтвердительный листъ войсковой канцеляріи регента Чуйкевича въ Обозр. рум. оп. Малор. IV, 681—682.

существующей, а отецъ послѣдняго — дворцовымъ крестьяниномъ Верхней слободки г. Брянска. Гаврило Карповъ, 65 лѣтъ, сынъ перваго слободскаго бурмистра извѣстнаго Еремы Карпова, находившагося въ перепискѣ съ кіевскими губернаторами князьями—Д. М. Голицынымъ и Ив. Юрьевичемъ Трубецкимъ, и самъ бурмистръ въ концѣ 30-хъ, 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ XVIII в. послѣ отца, показалъ, что отецъ его вышелъ въ слободу Зыбкую 79 лѣтъ назадъ и былъ крестьяниномъ упомянутаго помѣщика Спѣсивцева. А Корнѣй Перфильевъ Карповъ, 70 лѣтъ, показалъ, что отецъ его былъ тоже крестьяниномъ Спѣсивцева и вышелъ тому назадъ 81 годъ [1]).

Указанія эти отчасти подтверждаются и другими данными. Въ числѣ рукописей московскаго публичнаго и румянцевскаго музеевъ, въ собраніи В. М. Ундольскаго, есть весьма замѣчательная рукопись подъ № 436: святцы и пасхалія, на 280 л., въ 8-ку, писанная скорописью XVII в. Самая пасхалія писана въ 1623 году; но въ концѣ ея есть нѣсколько позднѣйшихъ замѣчаній путеводнаго характера, сдѣланныхъ раскольниками относительно поволжскихъ и стародубскихъ ихъ поселеній, собственно о томъ, какъ до нихъ добраться. Эти замѣчанія писаны или въ самомъ концѣ XVII в. или въ самомъ началѣ XVIII в. В. М. Ундольскій по почерку относитъ ихъ къ XVII в. Изъ поволожскихъ раскольничьихъ поселеній упоминаются здѣсь извѣстные раскольничьи тамошніе починки—Березовъ и Ларіоновъ, а изъ стародубскихъ только слобода Зыбкая. Именно тамъ сказано: «Припаметовать: ѣхати по дорогѣ отъ Городца до Москвы, а отъ Москвы до Калуги, ко Ивану Стефанову Кадмину, отъ Калуги до Брянска, а отъ Брянска въ Черкаской городокъ, на Почопъ, а отъ Почепа во Стародубъ, а въ Стародубѣ вопрошать Цыгановыхъ Ивана, и онъ бы возвѣстилъ о Василіи Петровѣ Костериныхъ и о деревни ихъ, Зыпковѣ». Въ Компутахъ 1723 г. въ числѣ обывателей слободы Зыбкой мы встрѣчаемъ только Ивана Петрова Костерина и сына его Ларіона; Василія Петрова уже очевидно не было въ то время въ живыхъ, если не считать его въ числѣ «бобылей» подъ именемъ Василія Петрова, но безъ обозначеніи фамиліи [2]).

Относительно болѣе ранняго поселенія слободы Лужковъ говорятъ нѣкоторыя показанія лужковскихъ обывателей данныя румян-

[1]) Румянцев. опись, CXVI, вѣдом. войта слоб. Зыбкой, лл. 4—6, 34—35, 48, 62, 64, 67—68, 71—72. Ср. также лл. 86 об., 90, 94 об., 97 об., 140, 147 об. и др.

[2]) Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго М. 1870. № 436, ст. 325. Компутъ старод. полка 1723 г., л. 583.

цевскимъ ревизорамъ. Такъ, вдова Пелагея Дмитріева, 60 л. показала, что мужъ ея пришелъ въ Лужки тому назадъ 71 годъ. Андрей Леонтьевъ, 31 года, показалъ, что дѣдъ его, по происхожденію дворцовой крестьянинъ костромскаго уѣзда, с. Данилова, сошелъ оттуда 79 лѣтъ назадъ, а отецъ его въ слободѣ Лужкахъ и родился. Еще болѣе отодвигаетъ назадъ начало поселенія Лужковъ показаніе 84 лѣтняго старца Дмитрія Ефремова Потемкина, показавшаго, что отецъ его, посацкій города Бѣлева, сошелъ тому назадъ въ Лужки 81 годъ [1]).

Злынка была поселена въ денисковскихъ и лысовскихъ грунтахъ, по общему съ обѣихъ сторонъ злынковцевъ съ денисковцами и лысовцами согласію, и въ 1702 г. называлась еще «новозачавшейся слободкой».

Съ 1703 г. началось заселеніе раскольниками слободы *Тимошкина Перевоза*, по листу отъ 3-го іюня полковника Миклашевскаго, дозволившаго осадчему Тимофею Максимову, бывшему осадчему деменковскому, имѣть хуторъ на р. Ипути и содержать паромъ, съ тѣмъ, что поселенцы будутъ жить три года безплатно. Тимошкинъ Перевозъ поселенъ на тростанскихъ земляхъ, и какъ Зыбкая, «ку помочи мѣсту», подъ условіемъ заселенія отведенныхъ урочищъ «заграничными людьми» [2]).

Въ 1704 году Тимошкинъ Перевозъ съ слободами Зыбкою, Деменкою и Злынкою отданы универсаломъ гетмана Мазепы во владѣніе полковнику Миклашевскому. См. экстрактъ, учиненный въ кіев. губ. канц., по дѣлу о спорныхъ земляхъ между раскольниками сл. Деменки и Тимошкина Перевоза 1776 г., въ связкахъ кіев. центр. архива.

Шведское нашествіе на Украину не остановило ни дальнѣйшаго притока сюда великорусскаго населенія, ни образованія новыхъ слободъ. Въ 1708 г., по разрѣшенію полковника Скоропадскаго, на чолховскихъ грунтахъ, «въ помощь волости чолховской», осажена слобода *Климова*, названная такъ по имени осадчаго «зъ заграници зашлого Клима Ермолаевича» которому поставлялось условіемъ при заселеніи слободы «осажовати людей... не тутешнихъ, але также зъ заграници зашлихъ», съ предоставленіемъ «воли» на семь лѣтъ. На

[1]) Румянц. оп. Вѣдомость войта Томилина, лл. 4, 5, 16, 18—19 и 23 и др.

[2]) Ист.-стат. опис. черн. еп. кн. VII, 199.—Отдаточная книга чолховской волости: Лазаревскій, II, стр. 451. Въ войтовской вѣд. 1767 г. сказано, что Злынка осажена въ ранговомъ грунтѣ полковниковъ стародубскихъ. CXVI. Ср. обозр. рум. оп. IV, 708. Ист.-ст. оп. черн. еп. I, 126. Ср. Зап. о жизни протоіер. Верховскаго. Спб. 1877 г. стр. 927. Лазаревскій, II, 453.

первыхъ порахъ она называлась и *Песочанской* слободкой по р. Песочной. Въ слѣдующемъ году образовалось еще двѣ слободы: *Чуровичи* и *Городище*.

Раскольничья слобода Чуровичи, правильнѣе, согласно болѣе древнему прозванію того Хвоевскаго или Фоевскаго урочища, на которомъ поселились раскольники, *Щуровичи*, заселилась раскольниками, вышедшими изъ Польши. Сотникъ стародубскій Иванъ Марковичъ Чарнолузскій, на земляхъ котораго они первоначально поселились, писалъ 11-го апрѣля 1709 г.: «Вамъ войтови хвоевскому зъ мужиками чиню видомо симъ моимъ писаніемъ ижъ любо поселилися були слобожане по першомъ моемъ благоволенію и позволенію нижей Хвоевичъ на бору при млинку нашомъ. Однакъ теперь донесъ мнѣ панъ Потапъ Гуляницкій, осадчій ихъ, же оніе слобожане на него ропщутъ и не хотятъ на бору ведля млинка жити, але хотятъ расходитись въ прежніе свои жилища за границу; що онъ жъ панъ Потапъ Гуляницкій просилъ мене всиловне, же имъ позволити осисти на Чуровичахъ, а именно на логу прозиваемомъ Довгомъ, а же би не распускати ихъ изнову за границу. Теди уважившися, же вы въ тотъ кутъ дубровы не здолѣете пахать, а и у отчинѣ Куршеновцѣ васъ кривдятъ, то позволяя имъ на вышепомянутомъ логу сѣсти и дуброву раздѣрать и пахать по самые рубежи и границу куршановскую и по границу и рубежи чолховскіе, а отъ вашого боку и чуровского поля по Старинскій логъ; а далей отъ Старинского логу не маютъ и на пядь за логъ удиратися—декларую. А пожнѣ тіе жъ бабинскіе на Истровци имъ попускаю, а больше нигдѣ неповинни встручатися, развѣ гдѣ въ ограниченю на своей дубровѣ и низинѣ кто схочетъ собѣ росчистити и косити; а до Ваги и Цати (рѣчки) въ сѣнокосахъ жадного и найменшого не будутъ мѣти вступу. Тимъ васъ упевнюю, що абисте моей воли и сему указу не були спречними..., того жадаю и зичу всѣмъ вамъ отъ Господа добраго здоровя. Стародубъ, року, дня и мѣсяца вышеписанного. Іоаннъ Чарнолузскій сотникъ полковій Стародубовскій». Универсаломъ отъ 23-го іюня 1709 г. гетманъ Скоропадскій дозволилъ сотнику Чарнолузскому «слободку въ грунтахъ хвоевскихъ, на урочищи прозиваемомъ Щуровичи, по мѣри грунтовъ, биле би то то було безъ кривди сусѣдскихъ грунтовъ, осадити». Замѣтимъ кстати, что самъ Чарнолузскій только въ 1707 г. выпросилъ себѣ село Фоевичи у гетмана Мазепы, какъ свидѣтельствуетъ универсалъ послѣдняго отъ 9-го января того года [1]).

[1]) Обозр. Рум. оп. IV, 687, Ист.-ст. оп. черн. еп. VII, 237—238.

Слобода *Городище*, при р. Деменкѣ, поселена была на земляхъ стародубскаго полковника Лукьяна Жоравки; осадчимъ ея былъ Борисъ Поляковъ, вышедшій сначала въ Польшу изъ козельскаго уѣзда, крестьянинъ Іосифо-Волоколамскаго монастыря, какъ и позднѣйшіе поселенцы здѣсь Бѣлокопытовы. Въ 1767 г. эта слобода называлась уже хуторомъ и была причислена къ слободѣ Деменкѣ [1].

Въ началѣ втораго десятилѣтія XVIII в. на территоріи стародубскаго полка осажено еще три слободы. Это, во первыхъ, слобода *Ардонь Черноцкая*, иногда въ актахъ—*Ордонь*, *Ерденка*, по рѣчкѣ Ерденкѣ, поселенная въ 1711 г. на земляхъ Кіево-Печерской лавры, съ разрѣшенія архимандрита Аѳанасія Миславскаго. Осадчимъ ея былъ Никифоръ Пантелеймоновъ сынъ Шаровъ «съ товариствомъ раскольницкихъ слободъ жителми стародубского полку», пришедшій изъ княжества литовскаго. Поселенцамъ дано было льготы на 8 лѣтъ, съ условіемъ, «по докончанію тѣхъ восми лѣтъ, поклону дать до обители святопечерской, денегъ золотихъ сто доброй монеты, пудъ меду и лисицу» [2].

Въ 1712 г., въ свободномъ государевомъ лѣсу Ходятинѣ, какъ сказано въ румянцевской описи (т. LXXXII), осажена слобода *Млынка*, иногда называемая въ актахъ *Княжой*, при рѣченкѣ Млынкѣ, Лукою Ивановымъ Куколевымъ отъ имени значковаго товарища Андрея Яковлева, у котораго потомъ скоро была отобрана однимъ изъ прикащиковъ князя А. Д. Меньшикова. Наконецъ, въ 1714 году поселена послѣдняя раскольничья слобода въ Стародубьѣ—*Свяцкая*, на земляхъ Кіево-Печерской лавры, при рѣчкѣ Очесѣ, съ разрѣшенія упомянутаго архимандрита Миславскаго. Осадчимъ этой слободы былъ нѣкто «Іоакимъ Ивановичъ зъ товариствомъ своимъ..., бывшими жителми мѣстечка Халчи, державы великого князства литовскаго», вышедшими оттуда «ради великихъ своихъ кривдъ и бѣдъ незноснихъ», съ правомъ «слободы» на 6 лѣтъ и обычными поклонными деньгами, пудомъ меда и лисицей [3].

Кромѣ того, въ 1706 г. поселена была одна слобода въ черниговскомъ полку, на земляхъ черниговскаго Троицко-Ильинскаго монастыря, *Добрянка* при рр. Добрянкѣ и Немилнѣ. Въ осадномъ листѣ

---

[1] Въ Компутахъ 1723 г. Городище называется слободою, какъ и въ другихъ документахъ того времени. Полн. соб. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. рос. имп. т. IV, стр. 167.

[2] Лазаревскій: II, 457—461.

[3] Ibidem. II, 461—463. Ис.-ст. опис. черн. еп. кв. 1, 127.

на заселеніе этой слободы точно и опредѣленно изложены условія поселенія, почему мы и приведемъ его цѣликомъ. Здѣсь мы именно читаемъ: «Варлаамъ Васильевичъ, православный архимандритъ Святотроицкій Ильинскій черниговскій. Позволивше мы заведенной быти слободѣ на грунтѣ монастыря нашего..., за Горностаевкою, селомъ нашимъ монастырскимъ, пану Онисиму Өеодоровичу и зъ его товарищи, людемъ великороссійскимъ, которому изъ нихъ всякому застаючему осѣсти господареви пляцу ку мешканью на сорокъ сажень заняти позволяемъ, и на томъ занятомъ себѣ пляцу, чотори годи свободно, безо всякого датку жити и для своего пожитку, якъ поля розробляти ку паханью, такъ тежъ и сѣножати заимовати, не возбраняемъ. По чотырехъ зась годахъ, всякъ тамъ зостаючій господаръ отъ своего пляцу, на якомъ маетъ зоставати, долженъ будетъ на всякъ годъ податку къ святой обители по три копы давати; а за тымъ датакомъ свободны уже отъ всякой панщины маютъ быти. Року 1706, апрѣля 1» [1]).

Дальнѣйшій ростъ раскольничьихъ поселеній въ стародубскихъ и черниговскихъ предѣлахъ былъ остановленъ резолюціей Петра 1, на представленіи кіевскаго губернатора князя Дм. Мих. Голицына о томъ, что «въ стародубскомъ уѣздѣ поселены слободы великороссійскаго народа раскольники и комисаръ пишетъ, что въ оныя слободы ѣхать опасенъ, дабы не разбѣжались за границу». Дѣло было такъ. Преслѣдуя издавна въ государственныхъ интересахъ побѣги «всякаго чина людей великороссійскаго народа», правительство при Петрѣ Великомъ обратило серьезное вниманіе и на Малороссію, издавна также наполнявшуюся разными великороссійскими выходцами, и, между прочимъ, встрѣтилось здѣсь съ фактомъ значительнаго поселенія раскольниковъ на земляхъ разныхъ малороссійскихъ владѣльцевъ. По поводу указа Петра Великаго на имя князя Голицына отъ 12-го марта 1714 г., повелѣвавшаго ловить чрезъ нарочныхъ коммиссаровъ бѣглыхъ людей великороссійскаго народа, скрывавшихся по городамъ и селамъ гетманщины и слободской Украины, послѣдній, чрезъ полковника кіевскаго гарнизона Григорія Ергольскаго и другихъ назначенныхъ для того лицъ, собралъ подробныя свѣдѣнія о великороссійскихъ насельникахъ Малороссіи и о результатахъ разслѣдованія представилъ докладъ на усмотрѣніе государя. Оказалось, что въ предѣлахъ стародубскаго и черниговскаго полковъ на земляхъ гетмана

[1]) Обозр. рум. оп. Мал. I, 73—74.

Скоропадскаго и другихъ владѣльцевъ, а равно на магистратскихъ и монастырскихъ земляхъ разселилось значительное количество великороссійскихъ людей, и въ томъ числѣ 16 раскольничьихъ слободъ, всего 377 дворовъ. Относительно раскольниковъ государь повелѣлъ 28-го февраля 1715 года не настаивать на возвращеніи ихъ на прежнее жительство, а лишь положить ихъ въ окладъ. Въ слѣдующемъ 1716 г. князь Голицынъ сдѣлалъ распоряженіе, на основаніи именнаго царскаго указа, чтобы поселившимся въ Малой Россіи раскольникамъ никто обидъ не чинилъ и никакими дѣлами ихъ не вѣдалъ, и во владѣніи грунтовъ, которыми они владѣли, никто не интересовался, подъ опасеніемъ штрафа, а жить имъ раскольникамъ на тѣхъ грунтахъ, на которыхъ они жили, и землями, и всякими угодьями владѣть тѣми, которыми они владѣли, невозбранно. Такимъ образомъ стародубскіе и черниговскіе раскольники сдѣлались совершенно независимыми отъ власти малороссійскихъ владѣльцевъ, духовныхъ и свѣтскихъ и были причислены къ вѣдомству кіевской губернской канцеляріи [1]. Владѣльцы, само собою понятно, недовольные этой правительственной мѣрой по устройству раскольниковъ, стали всячески притѣснять и вытѣснять этихъ невыгодныхъ теперь для нихъ великороссійскихъ поселенцевъ, которыхъ сначала такъ охотно принимали и «закликали» на перебой другъ передъ другомъ, давая имъ всевозможныя льготы, нерѣдко въ ущербъ мѣстнымъ посполитымъ. И имъ удалось, вопреки распоряженію князя Голицына, или подчинить себѣ, или вытѣснить раскольниковъ изъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они жили смѣшанно съ малоруссами и бѣлоруссами, хотя и эти послѣдніе были въ большинствѣ включены въ опись полковника Ергольскаго [2]. Кіевская губернская канцелярія до конца своего существованія вѣдала только 16 раскольническихъ слободъ. Кіево-Печерской лаврѣ удалось даже въ 1741 г. отчасти возвратить и старыхъ «подданныхъ» и земли, занятыя раскольничьими слободами.

Несмотря однако на то, что съ 1715 года новыхъ раскольничьихъ слободъ въ стародубскомъ и черниговскомъ полкахъ не заводилось, притокъ сюда раскольниковъ не сокращался, а, напротивъ того, все болѣе и болѣе усиливался вплоть до конца XVIII в. и даже до отмѣны крѣпостнаго права. Во время описи полковника Ергольскаго во всѣхъ 16 слободахъ было только 377 дворовъ, и всѣхъ рас-

[1]) П. С. З. №№ 2889 и 8365.

[2]) Компуты по стародуб. полку 1723 г. лл. 431, 479, 681. Ср. Обозр. рум. оп. Мал. IV, 481—482, 516. Дневн. Н. Ханенка, стр. 119.

кольниковъ въ стародубскомъ и черниговскомъ полкахъ числилось всего 3112 человѣкъ [1]). По перепеси 1723 года въ одномъ стародубскомъ полку было уже 373 двора грунтовыхъ, 159 бобыльскихъ хатъ и 50 пустыхъ. По румянцевской описи 1767 года было 713 дворовъ, 767 бобыльскихъ хатъ и 565 пустыхъ дворовъ и хатъ; а въ 1781 г., когда передъ открытіемъ намѣстничествъ, по распоряженію графа П. А. Румянцева сдѣлано было статистическое описаніе Малороссіи, число раскольничьихъ дворовъ, бобыльскихъ и бездворныхъ хатъ въ 16 стародубскихъ слободахъ выразилось уже въ слѣдующихъ цифрахъ: 2101 дв., 3188 х. и 397 бездворныхъ хатъ или келей. Въ частности, въ отпискахъ волостной конторы въ кіевскую губернскую канцелярію за вторую половину 1759 г., «сколько въ которой слободѣ мужеска и женска пола душъ имѣется», приведены слѣдующія цифровыя данныя о количествѣ населенія въ слободахъ за первую половину XVIII в. «По переписи полковника Ергольскаго муж. пола 2110, женск. 2005 (въ 14 слободахъ, бывшихъ въ вѣдѣніи конторы). А обоихъ половъ капитана Брянчанинова: муж. 862, жен. 782; маіора Павлова: муж. 471, жен. 416. Итого прежнихъ переписей: муж. 3443, жен. 3203. Вышедшихъ изъ за границы: муж. 2455, жен. 1808. Перешедшихъ зъ слободъ кіевопечерской лавры: муж. 203, жен. 145. Вновь родившихся: муж. 112, жен. 79. Итого прибылыхъ: муж. 2770, жен. 2032; а обоихъ половъ 4802. Умершихъ: муж. 53, жен. 30; бѣжавшихъ: муж. 54, жен. 30; итого бѣжавшихъ и умершихъ 167. Всего прежде поселившихся обоихъ половъ 11,281» (Дѣла переселенческія въ связкахъ кіев. центр. архива).

Все нами вышесказанное, по вопросу о времени происхожденія стародубскихъ раскольничьихъ слободъ, можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Колонія московскихъ раскольниковъ, выведенная попомъ Кузьмою въ Сѣверщину, по сказанію Ив. Алексѣева, не была первою раскольничьею колоніею на земляхъ стародубскаго полка. Гораздо раньше этихъ московскихъ раскольниковъ были здѣсь великороссійскіе поселенцы раскольники, неизвѣстные по мѣсту своего первоначальнаго жительства. Поселеніе этихъ послѣднихъ нужно относить къ концу шестидесятыхъ или къ началу семидесятыхъ годовъ XVII в.,

---

[1]) П. С. З. Т. VII. № 4553. Всѣ эти 3112 человѣкъ, кромѣ 1519 р. общихъ государственныхъ повинностей, за принадлежность къ расколу особыхъ денегъ не платили. Срав. Оп. док. и дѣлъ, хран. въ арх. св. правит. син. т. IV, № 38/289, стр. 131.

а колонію московскихъ раскольниковъ съ попомъ Кузьмою во главѣ— къ концу семидесятыхъ годовъ.

2) На первыхъ же порахъ поселенія раскольниковъ въ стародубскихъ предѣлахъ, на нихъ было обращено вниманіе мѣстныхъ властей—свѣтской и духовной, и послѣдняя, въ лицѣ знаменитаго мѣстнаго іерарха Лазаря Барановича, принимала по отношенію къ нимъ соотвѣтственныя мѣры, практиковавшіяся и въ Москвѣ, главномъ очагѣ раскола въ ту пору, хотя и не такъ настойчиво, какъ въ послѣдней.

3) Поселившіеся съ попомъ Кузьмою въ Понуровкѣ московскіе раскольники, по всей вѣроятности, были направлены сюда стародубскимъ полковникомъ Григоріемъ Карповичемъ Коровкою Вольскимъ (1678—1680 г.) и поселены здѣсь при посредствѣ курковскаго куреннаго атамана или волостнаго сотника Ломаки. Весьма вѣроятно, что и Понуровка, какъ раскольничья слобода, первоначально входила въ составъ магистратскихъ селъ, какъ и Курковичи до 1730 г., пока не завладѣлъ ею полковникъ—гетманичъ С. И. Самойловичъ, при которомъ раскольники были удалены отсюда, какъ и изъ другихъ мѣстъ, населенныхъ ими, по сказанію Ив. Алексѣева.

4) Удаленіе раскольниковъ изъ Понуровки и другихъ заселенныхъ ими мѣстъ въ стародубскомъ полку находилось въ связи съ стрѣлецкими и раскольничьими движеніями въ Москвѣ при царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, такъ какъ эти движенія находили откликъ и въ колоніи московскихъ раскольниковъ въ Стародубьѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, наприм. на Дону, и среди стрѣльцовъ, находившихся въ малороссійскихъ городахъ, и грозили безпорядками въ самой Малороссіи, тогда еще далеко не успокоенной.

5) Удаленіе это не было однако общимъ, а частнымъ, такъ какъ оно, повидимому, коснулось только тѣхъ раскольниковъ, которые жили на полковыхъ и магистратскихъ земляхъ, находившихся въ полномъ и непосредственномъ распоряженіи высшей полковой власти вмѣстѣ съ жившими на нихъ поселенцами. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы раскольники были удалены съ земель частныхъ владѣльцевъ.

6) Поселеніе раскольниковъ въ Стародубьѣ на первыхъ порахъ было немногочисленно и стало усиливаться со времени стрѣлецкихъ и раскольничьихъ движеній, при царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, и послѣдующихъ конца XVII в., а особенно въ эпоху преобразовательной дѣятельности Петра Великаго.

7) Не прекратилось переселеніе раскольниковъ въ Стародубье и послѣ 1715 г., когда нельзя уже было больше заводить новыхъ

слободъ ни на полковыхъ и магистратскихъ земляхъ, ни на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, а, напротивъ того, все болѣе и болѣе усиливалось, какъ съ очевидностію доказываютъ статистическія данныя четырехъ переписей Малороссіи и другія данныя XVIII в.: 1718, 1723, 1767 и 1781 гг. Фактъ этотъ, въ свою очередь, можетъ до извѣстной степени объяснить намъ и развитіе торговой и промышленной дѣятельности у стародубскихъ и черниговскихъ раскольниковъ и образованіе ими новыхъ раскольничьихъ поселеній въ предѣлахъ южной и западной Россіи, Новороссіи и Бессарабіи, и даже за предѣлами Россіи—въ Австріи и Турціи.

М. Лилеевъ.

РЕКРУТЧИНА ВЪ МАЛОРУССКОЙ ПѢСНѢ.

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(*Окончаніе* [1]).

III.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ причинъ, которыя вызывали констатированное на основаніи пѣсенъ отношеніе къ рекрутчинѣ со стороны крестьянской молодежи.

Конечно, какъ и слѣдовало ожидать, ближайшей и непосредственной причиной является фактъ разлуки рекрута съ семьей—съ ненькой, съ сестрами, братьями и съ „мыленькою“.

Мы не будемъ касаться тѣхъ рекрутскихъ пѣсенъ, въ которыхъ выражена вся горечь разлуки для сблизившихся молодыхъ людей; эти пѣсни по своему характеру мало отличаются отъ пѣсенъ, носящихъ названіе пѣсенъ „про кохання“. Въ нихъ высказывается полная безнадежность на то, чтобы когда нибудь удалось дѣвушкѣ связать свою судьбу съ судьбой „козаченька“, взятаго въ рекруты—„зъ жовнирского закохання ничого не буде“ (*Чуб.* V. 986, 989. *Голов.* I. 146. № 20).

Дѣвушки жалуются на то, что цвѣтъ украинской молодежи ушелъ отъ нихъ, благодаря рекрутчинѣ:

Та що було любе, мыле,
Поплыло зъ водою;
А що було гыдке, брыдке,
Говорыть зо мною (*Кунч.* 564).

Сестро Присько, сестро Присько,
Пишлы наши женыхы въ військо;
Сестро Фекло, сестро Фекло,
Пишлы наши женыхы въ пекло:
Осталыся свынопасы,
Отто будуть женыхы наши.
(Зап. подъ Аккерманомъ).

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ № 8, августъ.

Много горя несетъ за собой разлука парубка съ семьей:

Плачуть мамы за сынамы
Молодыци за мужамы,
А молоди дивчатонька
За кавальерамы (*Купч.* 564, 575).

Но больше всѣхъ „завдае соби жалю", убивается мать; „не за единымъ некрутыкомъ матинка вмливае", не за однимъ „маты ридна плаче", „плаче рыдае", „съ плачу ажъ валяется"; она же „ненька-старенька" „журыться", она, эта любвеобильная „матусенька", „гука на сына": „верныся назадъ!"

Съ своей стороны, рекрутъ больше всего жалѣетъ о матери:

Не жаль мени дориженькы, що закурылася,
А жаль мени моей неньки, що зажурилася

(*Чуб.* V. 968. *Голов.* I. 137 № 10 № 3. У *Pauli* II. 50 № 8 мать замѣнена— „дивчыноНЬкой"; см. также *Pauli* II. 50, 51).

Рѣже „доповняють слизьмы моря" „отець—маты".

Сестеръ также печалитъ фактъ разлуки:

Дви ридны сестры учулы, заплакалы (*Купч.* 565. *Де-Вол.* 98)
Ино сестрыця одная
И та ходыть, журыться, (говорится въ другой пѣснѣ. *Чуб.* V. 977).

Вотъ картина общей печали:

Плаче батько, плаче маты, щей сестрыця ридненькая,
А братикы соколонькы кони запрягають,
Та въ далеку дориженьку выпровожають,
Дрибненькымы слизонькамы дорижку полывають (*Чуб.*. V. 992).

„Некрутъ" съ своей стороны „журыться":

Бидна-жъ моя головонька, щей чужая сторона,
Ни батька, ни матуси, ни ридненькои сеструси,
Нема кому встаты, на учення пробуждаты (*Чуб.* V. 983).

Бывали, повидимому, случаи, когда семьянинъ долженъ былъ бросать семью, дѣтей и идти „у неволю". Человѣкъ сознавалъ, что въ лицѣ его семья теряетъ единственнаго защитника, правда, безправнаго, крѣпостного, но готоваго, тѣмъ не менѣе, рѣшиться на все, если бы пришлось отстоять поруганную честь дочери; записанный въ солдаты, онъ сознавалъ, что дѣти его остаются въ полной зависимости отъ пана, что они остались пану на „поталу":

Ой взялы козака въ солдаты,
За нымъ плаче та старая маты;
Не плачь, маты, бо ты вже старая,
Нехай плаче жинка молодая.
Ой у жинкы та дрибныи дитки,
Остаюця на викы сыриткы;
Остаюця панамъ на поталу,
А я пиду служыты государю;
Остаються панамъ на поругу,
А я пиду у вичнюю службу.

Браты будуть на худоби жыты,
А я буду цареви служыты;
Браты будуть диткамы втишатысь,
А я буду слезамы вмыватысь
(*Чуб.* V, 990).

Изъ рекрутскихъ пѣсенъ явствуетъ, что украинецъ сознавалъ себя членомъ общества, громады, и какъ таковой, имѣлъ нѣкоторыя нравственныя обязанности въ отношеніи этой громады, чувствовалъ нравственную связь съ ней; эту связь рекрутъ долженъ былъ разорвать; онъ считалъ необходимымъ „зачекаты" и попросить прощенія за все, въ чемъ онъ провинился передъ обществомъ; не сдѣлай онъ этого, его мучила бы совѣсть:

Прыихавъ пидъ коршомку,
Нызенько склонывся:
„Прощай, прощай, вся громада,
Може съ кымъ сварывся!
Сварывся, не сварывся,
И сварытысь не буду,
А вже жъ бо я, вся громада,
Вже жъ я тутъ не буду.
(*Чуб.* V. 994. *Голов.* III. 99 № 17) или

Та помандрувавъ зъ села козакъ молоденькый,
Якъ мандрувавъ, шапочку знявъ, нызенько вклонывся:
Прощайте, сусидонькы, може зъ кымъ сварывся;
Та хочъ сварывся, не сварывся, абы попростывся,
Ой якъ выйшовъ на бытый шляхъ, тай слизонькамы вмывся.
Ой полывайте суху дориженьку, щобъ не курылася,
Ой розважайте мою неньку, щобъ не журылася.
Не спомынайте худымъ словомъ, щобъ не журывся,
А спомынайте добрымъ словомъ, щобъ я веселывся (*Чуб.* V. 968) [1]).

Уѣзжая, рекрутъ прощается и со всей обстановкой, къ которой онъ съ дѣтства привыкъ:

Бувайте здоровы,
Кедрови порогы,
Куда прохожалы
Мои билы ногы;
Кажуть все покыдаты,
Кажуть прысягаты,
За димъ, за родыну
Кажуть забуваты
(*Чуб.* V. 992. *Купч.* 561—62).

Съ солдатчиной связывалось рѣзкое измѣненіе всего строя жизни хлѣбороба; трудъ земледѣльца замѣнялся муштрой, жизнь среди природы—жизнью казарменной; этотъ фактъ игралъ важную роль въ дѣлѣ отношенія молодежи къ рекрутчинѣ; въ пѣсняхъ рекрутъ и молодыхъ солдатъ часто проглядываетъ тяготѣніе къ земледѣльческому труду вмѣстѣ съ другими видами труда, сопровождающими первый:

---

[1]) У *Голов* III. 98 № 1[illegible]. вм. „сусидонькы" и „громада"—„ридни братья".

Уже жъ некрутъ и проспався,
У барабаны винъ убрався.
А лучче жъ мени за товаромъ,
А нижъ тепера зъ барабаномъ;
А лучче жъ мени за вивцямы,
А нижъ тепера зъ мунъицямы;
А лучче жъ мениципомъ бухать,
А нижъ тепера муштру слухать
(Зап. въ чигирин. у. кіев. г.).

или: Лучче бъ мени воливъ пасты,
Нижъ тепера зъ коня впасты!
Лучче бъ мени погоныты,
Нижъ зъ панамы говорыты!
Лучче бъ мени зъ грабелькамы,
Нижъ тепера зъ шабелькамы.
(*Максим.* 160. № 22.)

Овцы мои биленькіи,
Шовковіи вовны,
Кто васъ буде, овци, пасты,
Коль я йду до войны? (*Де-Вол.* 107)
Ой загыну, моя маты, загыну,
Вже жъ свои сиры бычкы на викы покыну (*Чуб.* V. 974)

Горюетъ рекрутъ. Въ буковинской пѣснѣ съ горькой ироніей уподобляетъ молодой рекрутъ аттрибуты новаго своего положенія орудіямъ и обстановкѣ, сопровождающимъ земледѣльческій трудъ:

Журылася маты мною,
Шо не буду я кгаздою:
Ой маю я въ царя плужокъ—
Черезъ плечи карабынокъ;
Ой маю я въ царя нывку
Въ чыстимъ поли могылку
Карабынцямы выорана,
А кулькамы засіяна,
Билымъ тиломъ зволочена,
Кровцевъ сполывана (*Купч.* 579)

Разставаясь съ привычной одушевленной и неодушевленной обстановкой, рекрутъ видѣлъ передъ собой въ перспективѣ „чужыну", „чужу сторону"; въ украинскихъ рекрутскихъ пѣсняхъ „чужына" именуется „московщиной" (*Чуб.* V. 969, 982, 997. *Максим.* 143 № 12.); въ пѣсняхъ угорскихъ „чужиной" является иногда Италія, „таліанскій край" (*Де-Вол.* 106. *Купч.* 577).

Представленіе „чужыны" обще какъ рекрутскимъ, такъ и чумацкимъ и козацкимъ пѣснямъ. Тамъ на „чужыни" говоритъ парубокъ.—

Мени змые головоньку дрибненькый дощыкъ,
А росчеше терновый хощыкъ,
А прыгладыть зелена лещына (*Чуб.* V. 1001).
Ой есть у поли а чорная хмара.
Зъ тіеи хмары дрибный дощыкъ хвоще,
Ой винъ же мни головку сполоще
(*Чуб.* V. 1002. *Максим.* 138 № 1; у *Рудч.* Чумацк. пѣсни, 227).

Непривѣтливъ чужой край:

На чужій сторони называтымуть мене заволокою,
Скажуть мени ричку плысты шырожу, глыбоку;

А ни переплысты, а ни втонуты,
Прыйдеться молодому на чужыни згынуты.
(*Чуб.* V. 1000, 1006. *Рудч.* Чумацк. н., 213).

Буковинцу не нравится Италія, ему „тяжко жыты“ тамъ (*Купч.* 577); въ другой пѣснѣ, записанной въ чигиринск. уѣздѣ кіевск. губ. „чужа сторона“ и пребываніе въ ней рисуются такъ:

Ой з-за горы чорна хмара встала,
То жъ не хмара—молоди гусары,
Молодымы въ салдаты забралы,
А забравши за Дунай заслалы.

За Дунаемъ гирко въ свити жыты,
А щей гирше шабельками быты.
За Дунаемъ гирше, якъ дрова рубаты:—
Не знатыме ни отець, ни маты.

„Нема въ свити, якъ своя краина“, „свій край, якъ рай, а чужа краина, якъ домовына“ говоритъ украинская „прыказка“.

Особенно боится парубокъ умереть „на чужыни“; сама смерть въ далекомъ краю представляется ему иной—онъ не умретъ, но загинетъ:

Государске платтяя взявше, на викы загыну;
Ой загыну, моя маты, загыну,
Вже свою родыночку на викы покыну (*Чуб.* V. 974.).

Некому будетъ при этомъ и заплакать по загинувшей душѣ:

Въ чыстимъ поли, тамъ гайворонъ кряче,
Той за мною надъ гробомъ заплаче (*Голов.* I. 136 № 8, 138 № 12; III. 86 № 1, 87 № 2, 89 № 4).

Становится понятнымъ, почему—

Закурылася быта дориженька на вси трахты йдучы,
Ой заплакалы хлопци-новобранци у Московщыну йдучы (*Чуб.* V. 969).

Причина тому, что проводы рекрута носили въ прежнее время чисто погребальный характеръ, лежитъ въ сознаніи, что ушедшій въ солдаты почти навсегда погибалъ, какъ членъ семьи; рекрутчина вела за собой „на викы разлуку“; во многихъ пѣсняхъ высказывается отсутствіе всякой надежды на возвращеніе. (*Голов.* I 137, 138 № 9, 10, 11; *Макс.* 138 № 1, *Pauli* II. 53):

Возьмы вдово, писку жменю,
Розсыпъ писокъ по Дунаю;
Колы писокъ въ гору зійде,
Тоди сынъ твій зъ війска прійде.
(*Pauli* II, 54, 59).

Непомѣрно долгій срокъ службы, военныя дѣйствія, обусловливали такую безнадежность.

Но если иногда рекруту и удавалалось возвратиться—то онъ возвращался измѣненный до неузнаваемости какъ физически, такъ и нравственно.

Въ пѣсняхъ часто изображается встрѣча матери съ сыномъ-солдатомъ, при чемъ мать положительно не узнаетъ сына (*Чуб.* V. 970. *Купч.* 576); такъ сильно отразилась солдатчина на его физическомъ „я", но еще чаще и съ большею силою вліяла она, въ дурную сторону на его нравственное „я".

Человѣкъ попадалъ въ среду, которая имѣла тенденцію выработать изъ него совершенно другую личность; даже теперь, при сравнительно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, и то человѣкъ, побывавшій въ военной службѣ, сильно мѣняется: возвратившись въ деревню, „москаль" смотритъ на своихъ односельчанъ свысока, какъ человѣкъ бывалый вкусившій плодовъ городской цивилизаціи; міросозерцаніе его обогатилось достаточной дозой новыхъ элементовъ.

„Ухватившій московськои юшки" (*Номисъ.* Прыказкы. 59. 2927), какъ выражается народъ, стремится уже говорить по русски, а не „по хохлацки"; терминологія его мѣняется: прежде, бывало, онъ говорилъ — „люды засіялы", а теперь — „мужики засѣяли"; жену свою называлъ бы Ганною, Ганнусею, а теперь — Анютою; пѣсни поетъ солдатскія и городскія—первыя въ воинственномъ духѣ, вторыя въ духѣ литературныхъ романсовъ, отличающіяся циничною развязностью [1]). „Скоро взявъ сумку, тай за чортову думку" (*Номисъ.* 22. 974)—такъ констатируетъ на-

[1]) Вотъ два образца такихъ пѣсенъ:

Ты, матушка наша, царыця,
Ты пазволь намъ днпекъ погулять,
По трахтирамъ тольки, по бульварамъ,
Да шо по питейнымъ по домамъ;
Какъ мы служили, горюшка ни знаемъ,
Да день ученье провожаемъ;
День ученье, ночь маневры,
Ну нѣтъ когда отдохнуть.
Ужъ мы съ туркомъ лыходѣемъ все дружно живемъ,
Перейшлы мы черезъ Дунай, призопѣли питухы
Распроклятi басурманы намъ покою ны далы.
(Зап. въ м. Ровномъ. елисаветгр. у.).

или: По утру я рано встану,
По утру часовъ у семъ.
Вдругъ хазяйка ка мнѣ входыть,
Таки рѣчи гаварить:
„Пожалуйте, сударь деньги,
А зъ квартери прочь долой!"
—Будуть деньги разочтемся
Какъ ни будуть, такъ пайдемъ!
Закурю я папиросу
Какъ спишу въ питейный домъ.
Семъ катлетковъ, семъ (съѣмъ) канфектовъ.
Лучче кохвію напьюсь.
За послѣдню пайду въ погрибъ,
Тамъ я пьяной накатюсь.
Друзья мои ныцинеnни.
Ны могу я зъ вамы жыть!" и т. д.
(Зап. отъ „дивчатъ" (!!) въ м. Ровномъ елисаветгрд. у. херс. губ.)

родъ внутреннее измѣненіе, совершающееся въ парубкѣ, подъ вліяніемъ солдатчины. Какъ въ литературѣ художественной изображался неоднократно, по почину Основьяненка, типъ москаля въ его отношеніи къ деревнѣ, семьѣ, такъ и въ народной поэзіи мы можемъ найти обильный матеріалъ, характеризующій этотъ типъ. „Москаль“ въ преставленіи народа—типъ отрицательный: „видъ москаля полы врижъ, та тикай“. „Москаль“ вмѣстѣ съ чортомъ „на лыхо понадылысь“; вступать въ какія бы то ни было отношенія съ солдатомъ не стóитъ—онъ человѣкъ хитрый, коварный и неблагодарный; въ случаѣ чего онъ не помилуетъ; слезы его не трогаютъ—„москаль на слезы не вдаря“; москаль любитъ красть, лгать, сквернословить; это человѣкъ, у котораго „на грошъ аммуниціи, а на десять амбиціи“; онъ капризенъ; само ваніе москаля даетъ поводъ для скептическаго отношенія даже къ доброму человѣку—„хочъ добрый чоловикъ, та москаль“. „Драгунська совисть“ вошла въ поговорку (*Номисъ*. 18—19. 800—853, 63, 3170). Таковъ взглядъ народа на солдата, какимъ онъ составился въ прошлое время. Москаль являлся человѣкомъ чуждымъ деревнѣ, какъ и она чужда ему; въ этомъ то и лежитъ причина драматизма разлуки.

Изъ цитированныхъ до сихъ поръ рекрутскихъ пѣсенъ, видно, что солдатская служба и неволя были синонимами въ представленіи народа. Взятый въ рекруты уже не могъ располагать собой ни въ личной жизни, ни въ дѣлѣ военныхъ предпріятій, гдѣ онъ рисковалъ своею жизнью. Сѣтованіе на то, что свою волю приходится подчинить чужой, высказано, между прочимъ, въ весьма распространенной рекрутской пѣснѣ, которую нужно отнести, по времени ея сложенія, къ моменту замѣны старыхъ устоевъ жизни украинскаго селянина новыми:

Надлетилы галки чорноперки,
Намъ все поле укрылы;
Ой вы хлопци, хлопци новобранци
Намъ жалю наробылы.
Ой, вы, галкы чорноперкы,
Тай пудбийтеся у гору,

А вы, хлопци новобранци,
Вернитьcя до дому.
Рады жъ мы въ гору пудбытыся,
Но насъ туманъ не пускае.
Ради жъ мы ся вернуты
Насъ государь не пускае.

(*Чуб. V*. 969. *Pauli* II. 47. *Голов*. I. 133, 134 № 3, 4; III, 99 № 18, III № 34).

А по другимъ пѣснямъ не пускають новобранцевъ „охвыцеры“ (*Чуб*. V. 977), „царьская маты“ (*Чуб*. V. 995) или „едноральская дочь“ (*Чуб*. V. 999)

Щыбка—рыбка въ мори гуляе доволи,
Вдовынъ сынъ въ війську, та нема ему воли (*Чуб.* V. 1001, 1000 *Купч.* 567),

такъ говоритъ пѣсня.

Перспектива военной жизни печальная; въ буковинской пѣснѣ поется такъ:

Ой вы паны, паны,
Та вы капытаны!
Де жъ нашихъ сынивъ
Теперъ поведете?
Поведемо ихъ всихъ
Й а въ чыстее поле.
Загатымо нымы
Глыбокое море.
Та будемъ ихъ мясомъ
Звирье годуваты,
Та будемъ ихъ кровье
Птахы наповаты...
Поведемо вашихъ сынивъ
Въ чужый край стояты!
Въ чужый край стояты
Съ туркомъ воюваты,
А псы ти турецьки
Будутъ ихъ поидаты,
Нышьиты, выгубляты,
Въ море загоняты (*Купч.* 562—563).

Въ украинской пѣснѣ—на вопросъ матери: „сыны мои соколята, де васъ шукаты?" они отвѣчаютъ:

Въ степу пры долыни, наша ридна маты;
Ой тамъ будуть нашою кровью моря доповняты,
Ой тамъ будуть нашимъ билымъ тиломъ орлы годуваты,
Ой тамъ будуть нашыми костямы землю управляты (*Чуб.* V. 1004).
Тамъ я буду, моя маты,
Горемъ горюваты,
Своимъ тиломъ билесенькымъ орливъ годуваты,
Чубомъ кучерявымъ степы устеляты,
Своею кровью червоною ричокъ доповняты (*Чуб.* V. 991. *Де-Вол.* 107. *Макс.* 156 № 19. *Pauli* II, 48, № 5).

„Москаль—казенна вещь"—говорится въ приказкѣ;

Государю веселытыся,
Тоби, сынку, все журытыся
Государю на радочку
А тоби сыну на досадочку (*Голов.* 145 № 18)

Всѣ эти жалобы на неприглядность солдатской жизни, на ея невзгоды относятся къ солдатчинѣ вообще; но въ нашемъ рукописномъ матеріалѣ, есть пѣсня, въ которой высказано недовольство, вызванное совершенно частными историческими причинами: въ пѣснѣ этой упоминается о тяжкихъ работахъ, на которыя посылались новобранцы изъ Украйны; можно догадываться, что она сложилась въ XVIII столѣтіи, въ вѣкъ работъ по прорытію каналовъ, въ пору заложенія Петербурга и проч.:

Ой зъ-за горы, братци, зъ-за крутой
Чорна хмара выступае;
Тожъ не хмара, тожъ, братци, команда—
Сорокъ тысячъ, братци, якъ одная;
По переду идуть городяны,
А по бокахъ та идуть копытаны,
Середъ полку та бьють барабаны.
Вони бьють же, та бьють—выбывають.

Насъ недавно на службу забралы,
Въ чужу сторону заразъ погналы,
Заставылы насъ землю копаты,
Кругомъ царя городъ обсыпаты;
Оттутъ же намъ, братци, помыраты,
Не знатыме ни отець, ни маты.
Тилько знатыме ясна шебелька
Приниматыме сыра земелька.

(Зап. отъ парня изъ Александровки, бахмутскаго уѣзда, екатерин. губ.).

Въ виду сказаннаго понятны полныя отчаянія слова слѣдующей пѣсни:

Иды жъ, мій сыночку, поклоныся да найстаршимъ браттямъ,
Дадуть тоби, мій сыночку, государское шмаття.
Волывъ бы я билъ камин излупаты,
Нижъ маю государске шмаття вбраты.
Ой я билъ камень излупаю, стану—выдпочыну,
Государске шмаття вберу—навикы загыну (*Чуб.* V. 976, 992, 993).

Таково общее представленіе новобранцевъ о предстоящемъ.

Будучи уже солдатомъ, „парубокъ" сталкивался съ частными сторонами солдатской жизни, дѣлавшими её тяжелою и невыносимою. Большое вниманіе въ рекрутскихъ пѣсняхъ обращается на физическое наказаніе; собственно говоря, народъ, занесшій въ свои мемуары—пѣсни свою скорбь и горе, вызванныя отсутствіемъ гуманности, возмущается не самымъ физическимъ наказаніемъ, которое въ его глазахъ есть явленіе вполнѣ правомѣрное, согласное съ вѣковой юридической практикой народа, а злоупотребленіемъ въ примѣненіи его, возмущается отсутствіемъ нормъ, личнымъ произволомъ, несогласнымъ съ простымъ здравымъ смысломъ:

Вы, стари солдаты, що въ васъ билы рукы,
Не бийте насъ, не лайте насъ—навчить насъ наукы,
Бо мы въ свого пана того не робылы,
Но сіялы тай оралы, за плугомъ ходылы (*Чуб.* V. 996. *Купч.* 567).

Неприглядной рисуется солдатская жизнь въ другой пѣснѣ:

Зайды, сынку, хоць на годынку
Най тоби змыю головоньку!
—Будуть насъ промываты,
А що—рання по сто палокъ даваты!
Мои браття все въ кумахъ,
А я, молодый, все на часахъ.
Мои браття та все пье,
А зъ мене молодого кривава ричка иде.

(*Чуб.* V. 984).

Будуть быты, катуваты,
Никому ся жалуваты (*Чуб.* V 998)

предвидитъ рекрутъ. Въ пѣснѣ, записанной подъ Аккерманомъ, жалуется молодой солдатъ на то, что—

По три раза на ученіе ведуть,
Начальныкы по сто палочекъ дають.

Произволъ и страданія такъ невыносимы, что молодой солдатъ въ отчаяніи, обращаясь къ матери, говоритъ:

Волила бы сь мя, моя стара маты,
Малымъ поховаты,
Нижь я маю, такый молоденькый,
По сто палокъ на день браты.
(*Голов.* Ш. 102. № 22).

Непріятность положенія усиливается еще тѣмъ, что солдатъ не участвуетъ сознательно во всѣхъ этихъ „муштрахъ" и ученіяхъ; онъ все это считаетъ ничего не стоющимъ дѣломъ:

А въ салдатушкахъ худо жыты, тяжело,
А робыты ничого!
По три денежкы въ день жалованнля иде,
По сто палочокъ у спынушку кладе.
(*Чуб.* V. 1011) [1]).

Не только физическое наказаніе, а и брань оскорбляла чувство достоинства украинца; такъ, въ одной пѣснѣ высказана жалоба на то, что „командыры безъ прычыноньки бранять" (*Чуб.* V. 977). Вообще солдатская жизнь „проклятая", „распроклятая", „гирке злыднования" (*Чуб.* V. 1009, 1010) „Козаченько", сдѣлавшійся солдатомъ, не можетъ не заплакать подъ давленіемъ всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій новой жизни:

Ой пойду я та на муштеръ
Та помуштруюся.
Ой прыйду я на кватьерю
Слезамы вмыюся (*Де-Вол.* 109) [2])

Въ другой пѣснѣ, записанной на Украинѣ (въ чигирин. у. кіевск. губ.), горе „козаченька" выливается почти въ тѣхъ же словахъ: ему, козаченьку, прійдется „журытыся" и „слизонькамы вмыватыся". Въ галицкихъ и буковинскихъ пѣсняхъ находимъ указаніе еще, на одно неудобство солдатской жизни, а именно— на недостатокъ пищи. Въ весьма распространенной въ Австріи пѣснѣ рекруты спрашиваютъ „цысарыка":

Та на що насъ, цысарыку,
Вербуешъ, вербуешъ?
Въ магазинахъ хлиба нема,
Чымъ насъ нагодуешъ?

---

[1]) Еще о томъ же: Охъ у салдатахъ намъ прегорькое життье:
Ой ны сіють, ны орють,
Ой по тры хунты въ суткы хлиба намъ дають,
Ой по сто палокъ намъ на плечушка кладуть (bis)
Охвыцеры намъ шей плакать ны дають.
(Вар. запис. въ м. Ровномъ, елисаветград. у. херс. губ.).

[2]) Варіантъ: Що тры браты до церковци идуть,
А у мене дрибны слезы лльють;
Що тры браты лзъ церковци идуть,
А у мене дрибни слезы лльють.
(Зап. въ чигирин. у. кіевск. губ.).

—Буду я васъ годуваты,
Ячминковъ полововъ,
Та буду я васъ гоныты
Цысарсковъ дороговъ (*Купч.* 566).

—Я васъ буду выправляты
На царя, на нѣмца,
Уже бы вамъ побродыты
Въ кирвидоколѣнца(*Де-Вол.*108[1]).

въ другой пѣснѣ на вопросъ новобранцевъ отвѣчаютъ такъ:

Не бойтеся, хлопци,
Чысарского гладу,
Сѣють вамъ пшеницу
Коло Бѣлограду.

Бѣлоградъ, Бѣлоградъ,
Война на немъ стоитъ;
Не одного хлопця
Головка заболитъ.

(*Голов.* I. 151 № 28. III, 131 № 65. *Де-Вол.* 107, *Дешко* 674).

Въ пѣсняхъ австрійскихъ малоруссовъ мы встрѣчаемъ сѣтованія на то, что тотъ рискъ и трудъ, которыхъ исполнена солдатская жизнь, не достаточно вознаграждается:

Гей въ цысара тяжка служба,
А мала заплата,
Не одному жовнирови
Головочка стята.

Та не одынъ жовниръ плаче,
Та не одынъ туже,
Що винъ бидный цысареви
За дарма такъ служе (*Купч.* 567, 575).

Или: Буду въ цысаря служыты, въ цысаря дуфаты,
Таке ми дасть лудынячко, що ме ся лескаты;
На видслузи мя вырядыть, отъ якъ козу хрому,
Добре сдере, дрантаве дасть, тогды йды до дому. (*Голов.* III. 114 № 37).

Хлѣборобу и съ экономической точки зрѣнія солдатская жизнь кажется незавидной:

Що въ солдата за подоба—
За плечыма вся худоба:
И торбынка зъ сухарямы,

И муныця зъ патронамы,
И манерка зъ водою
Салдатъ служыть зъ бидою (*Чуб.* V. 970 [2]),

незавидна жизнь „жовнеря"—

Бо въ жовнеря нема хаты,
Нужда бида его маты (*Голов.* I. 149 № 24).

---

[1]) У *Головацкаго* на тотъ же вопросъ предложенный рекрутами, „цысарь" отвѣчаетъ:

Не бійтеся, парубочкы,
Вы богаги сыны,
Ой маю я за кордономъ
Чтыри магазины:
Едынъ сина, едынъ сина,
А другій половы,

Третій вивса, третій вивса,
Четвертый соломы.
Буду я васъ годуваты
Синомъ, та полововъ,
А буду васъ высылаты
Цысарсковъ дороговъ.

(*Голов.* III. 112 № 35).

[2]) Варіантъ:

Дурна дивка, дурна глуповата,
Що вповала на салдата;
А въ салдата все богатство

Що сумочка съ сухарямы,
Манирочка изъ водою,
Жывы дѣвка все зъ бидою.

(Тимковка. Александр. у. херс. губ. зап. А. А. Илличевской).

„Нимецьке платтяʺ, „государске шматтяʺ, „карабинокъʺ и прочіе воинскіе атрибуты не только, повидимому, не прельщали украинскую молодежь, но наоборотъ, возбуждали въ ней отвращеніе, какъ вещественные знаки новыхъ отношеній (*Чуб.* V. 976, 992, 993; *Голов.* I. 136—137 № 9, 10 и III, 116 № 40).

О вліяніи рекрутчины на народную жизнь вообще говоритъ пѣсня, приведенная у Головацкаго; пѣсня эта ставитъ въ причинную связь съ рекрутчиной обѣдненіе „Польшиʺ т. е. Галиціи:

Ой цысарю, цысароньку, въ тебе шапка срибна,
Кобысь зъихавъ, подывывся яка Польша бидна!
Ой чому же Польща бидна? Бо ляхы зидралы,
Що смо малы по корови, й то жыды забралы;
Жыды взялы по корови, цысарь бере диты,
Не маемо, пане брате, що въ Польщи сидиты (*Голов.* II. 332, № 469. „Кіевская Старинаʺ 1887 г. III, стр. 437, варіантъ).

Указаніе на значеніе рекрутчины въ экономической жизни находимъ въ слѣдующей пѣснѣ:

Выизжалы паны
За новыи млыны;
Дывувалысь воны,
Що чыи-жъ то ланы
Позаростувани,
Не поскошувани?
Це-жъ того вдозыченка,
Що въ походи журыться

У Купчанки приведена буковинская пѣсня, обрисовывающая общее значеніе рекрутчины для Буковины и „Лядчиныʺ т. е. Галиціи; пѣсня говоритъ, что въ Буковинѣ и Лядчинѣ стало „дуже тошноʺ и „дуже гиркоʺ, а все потому, что:

„Що було не чуваты,
Теперъ то выдаты:
Веде батько свого сына
До рекрутивъ виддатыʺ (*Купч.* 583).

Какъ велико было значеніе рекрутчины въ жизни украинскаго селянина, видно изъ исторической пѣсни о Мазепѣ и Паліѣ (*Основа* 1862 г. 8, 27). Въ этой пѣснѣ герой правобережной Украины, иниціаторъ въ дѣлѣ возстановленія козачества на польской сторонѣ Днѣпра, — козачества не шляхетскаго, которое стремился насадить Мазепа, а демократическаго, Семенъ Палій, вызванный царемъ Петромъ изъ Сибири въ виду открывшейся съ измѣной Мазепы невинности Палія, ставитъ царю въ условіе уничтожить рекрутчину, подушное и всякія другія подати; въ такомъ лишь случаѣ Палій соглашался „звоюваты плута Мазепуʺ; такимъ образомъ свое самое задушевное желаніе народъ вложилъ въ уста своего героя:

Ой не хочу я, велыкъ свитъ государь,
Велыкои платы браты,
Тилько не подозволяйте изъ Украины
До вику некрутивъ браты.

А ни некрутивъ, а ни подушного,
А ніякои платы,
То можу я плута Мазепу
Заразъ звоюваты.

Упомянемъ еще о бурлацкой пѣснѣ, приведенной въ „Основѣ" за 1862 г. Май, стр. 99; въ ней говорится о томъ, что—

Мынулася та бурлаченькамъ
(Та) по-за Дономъ воля.
Було шумно по чуланахъ [1],
Теперъ стало тыхо;
Було добре та по-за Дономъ,
А теперъ стало лыхо.
Парувалы та бурлаченькы
Все волы рябыи,
Малювалы бурлаченькы
Все возы новыи
Та наихалы реведоны [2])

Бурлакъ у службу браты;
А що будемъ, мылее браття,
Думаты-гадаты?
Та куды-жъ будемъ, та мылее браття,
Будемо пысаться?
Запышымось у паньское
Будемъ панивъ знаты.
Запышымось у казенное—
Будемъ подать даваты
Та й у службу будуть браты.

Какъ видимъ, бурлаки въ виду рекрутчины готовы приписаться къ помѣщику, т. е. закрѣпостить себя, чтобы избѣжать ненавистной „службы".

Изъ всей массы рекрутскихъ пѣсенъ, нѣкоторыя рѣзко выдѣляются своимъ противорѣчіемъ общему содержанію рекрутской поэзіи. Солдатская жизнь представляется въ нихъ болѣе выгодной и завидной, чѣмъ крестьянская. Въ одной—сынъ, на предложеніе матери спрятать его, говоритъ:

Не треба, моя мамцю, не треба ховаты,
Буду зъ Москивщины червонци слаты.
(*Чуб.* V. 982. *Голов.* I. 135 № 6 — „изъ Туреччыны").

Въ другой молодой солдатъ заявляетъ:

А въ нашого царя-государя да все добре служыты,
Есть що исты й пыты, хороше, хороше ходыты.
Та ничымъ ся журыты. (*Чуб.* V. 999. *Голов.* I. 148 № 23).

Вѣроятно, слова эти могли принадлежать какому нибудь гультяю-бурлакѣ, бездомному скитальцу, которому не о чемъ жалѣть и для котораго военная служба дѣйствительно могла казаться заманчивѣе бездомной, холодной и голодной жизни на волѣ; „за димъ, за родыну" ему не приходилось „забуваты"; это предположеніе подтверждается слѣдующей пѣсней:

---

[1]) Чуланы—„хливы такъ якъ домы по-за Дономъ".

[2]) Реведоны или ревизоны—ревизоры.

Ой знаты, знаты рыбку-щыбку меже судакамы,
Ой знаты, знаты хозяйского сына меже бурлакамы:
Хозяйскій сынъ плаче и рыдае
И за димъ думку мае,
А бурлаченько пъе, гуляе,
Въ сопилочку грае що за димъ не думае (*Чуб.* V. 998. варіан. А, Б, Г, Д)

въ варіантѣ (Б) говорится:

Ой сыдять бурлакы, та кинець стола, та въ сопилку грають,
А хозяйскій сынъ стоить коло порога, серце зъ жалю умирае.

Наконецъ, бывали случаи, что военная служба представлялась болѣе сносной, нежели „панщина":

Ой волю я, пане-брате, цысарю служыты,
Нижъ я маю вражимъ ляхамъ панщыну робыты (*Голов.* II. 296 № 274)

Просматривая рекрутскія пѣсни, приходится удивляться тому, что наряду съ указаніемъ на причины, возбуждающія антипатію къ военной службѣ, почти нѣтъ указаній на существованіе тѣхъ положительныхъ причинъ, которыя, наоборотъ, заставляли бы личность иначе относиться къ рекрутчинѣ; мы не не находимъ въ пѣсняхъ сознанія необходимости каждому члену общества быть готовымъ къ защитѣ своей родины и отечества; это тѣмъ болѣе удивительно, если принять во вниманіе ту борьбу, которую народъ велъ по собственному почину впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій со своими внѣшними и внутренними врагами. Это явленіе можно объяснить себѣ не иначе какъ тѣмъ положеніемъ, въ которое стало народное сознаніе и чувство, народные интересы по отношенію къ новымъ началамъ и порядкамъ, которые вносились на Украинѣ, вслѣдъ за „возсоединеніемъ", въ народную жизнь вообще и въ военную организацію въ частности, и непониманіемъ необходимости этихъ началъ и порядковъ. Изъ всей массы рекрутскихъ пѣсенъ лишь въ слѣдующихъ двухъ проскальзываетъ затерявшееся чувство долга. Обращаясь къ плачущей матери, рекрутъ говоритъ:

Ой стій, маты, тай не рыдай,
Слизьмы моря не доповняй,
Слизьмы моря не доповнышъ,
Сына зъ війська не выкупышъ.

Вы, молоди, родылыся,
Государю судылыся;
Въ государя війська много,
Хорошого, молодого (*Чуб.* V. 994).

Въ другой пѣснѣ „отець-маты" говоритъ „своему дытяти":

Сыну жъ мій, сыну, я жъ тебе родыла
Соби на славу, царю на пидставу. (*Чуб.* V. 1005).

И такъ на основаніи пѣсенъ малорусскаго народа, живущаго въ Австріи и Россіи, можетъ быть констатированъ фактъ отрицательнаго отношенія этого народа къ рекрутчинѣ конца прошлаго и первой половины настоящаго столѣтія, до времени проведенія въ жизнь великихъ внутреннихъ реформъ, основанныхъ на началахъ гуманности и справедливости. Это отрицательное отношеніе выражалось то въ формѣ пассивнаго протеста, бѣгствомъ отъ рекрутчины, то въ формѣ враждебныхъ пожеланій виновникамъ, въ глазахъ народа, его несчастья, то въ формѣ тихой печали и скорби въ виду непреодолимости обстоятельствъ.

Причины такого отношенія также усматриваются въ этомъ зеркалѣ души народной, въ народной поэзіи.

Приходилось разрывать органическую связь съ семьей, съ громадой; приходилось лишаться той привычной неодушевленной остановки, которая, подобно одушевленной средѣ, участвовала въ развитіи оригинальнаго внутренняго склада малоросса; приходилось переноситься въ новую сферу, находящуюся въ большомъ контрастѣ съ прежней; переходъ отъ прежней жизни къ новой былъ далеко не послѣдователенъ, и, стало быть, естественно предполагалъ страданіе субъекта; къ этому присоединились частныя условія набора и военной службы: произволъ, царившій при отдачѣ въ рекруты, полная невозможность располагать собой, физическія наказанія, оскорбленія, голодовки и проч.

Въ пѣсняхъ мы замѣчаемъ отсутствіе пониманія малорусскимъ селяниномъ цѣлей, во имя которыхъ существовала солдатская служба, отсутствіе пониманія связи между народными интересами и тѣми причинами, ради которыхъ производился наборъ, отсутствіе всякихъ нравственныхъ побужденій къ несенію повинности; наоборотъ, въ пѣсняхъ констатируется фактъ противорѣчія между интересами рекрутъ и тѣхъ, кто принуждаетъ ихъ рисковать и жертвовать собой; австрійскіе малоруссы не могли видѣть смысла, не могли имѣть нравственнаго или матеріальнаго интереса въ войнахъ, напр. съ Франціей или Италіей, на которыя влекла ихъ Австрія; принимая это во вниманіе намъ станетъ понятно, почему народъ—творецъ такой военной общины какъ запорожская Сѣчь, авторъ великой эпопеи козацкой,

какъ бы трусливо избѣгалъ войны, плакалъ, считая неволею „касарню“, гдѣ онъ принималъ, такъ сказать, посвященіе въ военное званіе; во время козацкихъ и другихъ народныхъ движеній ясно сознавалась ихъ цѣль, существовали слѣдовательно нравственные мотивы борьбы съ внѣшними или внутренними врагами.

Отсутствіе права оставлять военную службу по своей волѣ— одно изъ правъ, которымъ располагалъ каждый членъ запорожскаго товарищества,—и непомѣрно долгій срокъ службы еще увеличивали тяжесть солдатчины.

Въ настоящее время многія изъ помянутыхъ причинъ исчезли, благодаря культурному прогрессу европейскихъ государствъ, и въ частности Россіи. Несеніе воинской повинности правильно нормировано, упразднены физическія наказанія, смягчены формы стихійно давившей дисциплины, уничтожавшей даже тотъ минимумъ сознанія солдатомъ своего человѣческаго достоинства, какой былъ возможенъ при крѣпостномъ строѣ; сокращенъ срокъ службы, благодаря чему стало возможнымъ возвращеніе человѣка, не только физическое, но и нравственное, на родину, въ село, къ труду; наконецъ,—что главное,—на мѣсто прежняго принципа сословныхъ привилегій при отбываніи воинской повинности, былъ внесенъ принципъ демократическій—въ формѣ всеобщей воинской повинности.

Всеобщая воинская повинность, въ связи съ широкимъ народнымъ образованіемъ, возведетъ рекрутчину изъ повинности въ долгъ гражданина.

М. К. Васильевъ.

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

58.

„Водить тополю".

Въ „Замѣчаніяхъ" Сементовскаго о праздникахъ у малороссіянъ, напечатанныхъ въ XI т. „Маяка" 1843 г., говорится: „въ полтавской губерніи въ Духовъ день водятъ тополю. Дѣвушки, собравшись, выбираютъ изъ своей среды одну, которая должна представлять тополю. Она, поднявъ руки вверхъ, соединяетъ ихъ надъ головою; на руки ей навѣшиваютъ мониста, ленты, платки такъ, что голова вовсе невидна изъ подъ этихъ украшеній; грудь и станъ также завѣшиваются разноцвѣтными плахтами; чаще, чтобы избавить „тополю" отъ необходимости постоянно держать руки поднятыми, прикрѣпляютъ у ея плечъ двѣ палочки и надъ ея головой связываютъ ихъ подъ острымъ угломъ. Убравъ такимъ образомъ „тополю", дѣвушки водятъ ее по селу и по полю, причемъ домохозяева ихъ угощаютъ, а „тополя" при этомъ низко кланяется. При этомъ дѣвушки поютъ пѣсню „Стояла тополя та посередъ поля" и пр. Пѣсня эта напечатана въ числѣ купальскихъ въ IV т. Рус. простонар. празд. Снегирева (стр. 47) съ помѣткой, что доставлена изъ Харькова профессоромъ Артемовскимъ-Гулакомъ. въ 1 кн. „Очерковъ Россіи" Пасека, съ небольшими измѣненіями у Чубинскаго III, 194, 205, 207, 210, 214. Повидимому, купальскій обрядъ въ данномъ случаѣ перешелъ на Духовъ день; но самыя пѣсни, относящіяся къ нему, удержались на своемъ мѣстѣ.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1889 г., № 8, Августъ.

Въ такомъ случаѣ „тополя“ служитъ олицетвореніемъ Купалы, что въ большинствѣ случаевъ выражается лишь куклой. Какъ бы то ни было украинская „тополя“ имѣетъ близкихъ родственницъ въ сербскихъ, болгарскихъ и греческихъ додолѣ, дюдюлѣ, пеперугѣ. Въ старой Сербіи „додола“ — разукрашенная цвѣтами дѣвушка, православная сербка, иногда цыганка. Она въ сопровожденіи подругъ ходитъ изъ дома въ домъ, причемъ на додолу льютъ воду, а дѣвушки поютъ при этомъ пѣсни съ пожеланіемъ дождя и урожая (*Ястребовъ*, 167). Болгарская дюдюлъ или пеперуга, дѣвушка 15 лѣтъ, украшенная цвѣтами, ходитъ по домамъ во время засухи, и на нее льютъ воду. Сопровождающіе ее юноши и дѣвушки поютъ: „отлетала пpeпepугa отъ орача на орача, отъ копача, на копача, да заросить ситна роса берикетна (плодоносная) и по поле и по море, да сѣ родитъ вино-жито“ (*Аѳанасьевъ*, II, 176). Можно указать еще на новогреческій обычай водить во время засухи ребенка лѣтъ восьми или десяти, голаго, убраннаго цвѣтами, который называется пирпеpуна. Хозяйки выливаютъ на него воду и дарятъ деньги (ib. 177). Въ румынской пѣснѣ: „Папалуга! взойди на небо, отвори ворота и пошли дождь, чтобы хорошо росли хлѣба (ib., 177)“. „По нашему мнѣнію, говоритъ Аѳанасьевъ, додола... изображаетъ богиню весны или что тоже богиню громовницу, шествующихъ надъ полями и нивами со свитою полногрудыхъ нимфъ“... (ib., 174). Мнѣніе это раздѣляетъ и О. Миллеръ (Опытъ, I, 52). Принимая во вниманіе, что додола и пеперуга встрѣчаются преимущественно у балканскихъ славянъ, подвергавшихся въ древности сильному вліянію грековъ и римлянъ, предварительно желательно навести справки въ повѣрьяхъ и ритуалѣ древнихъ классическихъ народовъ, къ чему приводятъ кое-какіе намеки въ пѣсняхъ и обрядахъ румынъ и новогрековъ, и лишь въ случаѣ полной безуспѣшности поисковъ въ этомъ направленіи, можно удовлетвориться широкимъ объясненіемъ вожденія додолы, даннымъ учеными миѳологической школы. Объясненіе это можно принять въ томъ ограниченномъ смыслѣ, что „вожденіе тополи“ входило въ разрядъ весеннихъ праздниковъ, обычныхъ какъ въ славянскомъ мірѣ, такъ и среди романскихъ и германскихъ народовъ [1]).

[1]) Подробное изложеніе швейцарскихъ весеннихъ праздниковъ съ сожженіемъ соломеннаго чучела зимы, съ примѣрной борьбой парней и дѣвицъ (штур-

59.

Игра въ короля

записана въ разныхъ мѣстахъ южной Руси Ходаковскимъ, Чубинскимъ, П. В. Ивановымъ и другими этнографами. Наиболѣе архаичная форма этой игры отмѣчена въ 30-хъ годахъ Ходаковскимъ подъ названіемъ Царица. Въ рукописномъ сборникѣ П. В. Иванова игръ крестьянскихъ дѣтей купянскаго уѣзда на варіантъ Ходаковскаго указываетъ лишь пѣсенка „царютинъ королекъ"; во всѣхъ же другихъ случаяхъ, напр. вездѣ у Чубинскаго, является исключительно король. Игра въ царицы, по свидѣтельству Ходаковскаго, состояла въ слѣдующемъ: красивую замужнюю женщину усаживали лѣтомъ на холмѣ или камнѣ, зимою въ хатѣ. Ее окружалъ дворъ и дѣвицы невѣсты. Къ царицѣ подходили отъ парубковъ посольства просить невѣсты. Послы спрашивали при этомъ, умѣетъ ли дѣвушка хлѣбъ печь, прясть и т. п. Дѣвушка изъ скромности отвѣчала отрицательно; но царица приказывала ей исполнить работу; тогда она оказывалась хорошей работницей и выходила изъ ряда. Предварительно царица, однако, спрашивала парубка, умѣетъ ли онъ косить, орать, молотить, и женихъ долженъ былъ на дѣлѣ доказать свое умѣніе (*Срезневскій*, въ Маякѣ 1843, XI, 46). Въ другихъ варіантахъ игры дѣвушка-король выбираетъ себѣ невѣсту и уводитъ ее, причемъ вниманіе короля обращаютъ на „панчишки шовкови, черевички козлови"; „король иде—земля гуде" (*Чубинскій*, III, 42—46). Въ игрѣ отражаются воспоминанія народа о тѣхъ стародавнихъ временахъ, когда князья вмѣшивались въ семейную жизнь народа, устраивали бракосочетанія, брали себѣ жену изъ народной среды, высмотрѣвъ ее предварительно на весеннихъ хороводахъ, въ которыхъ молодежь участвовала безъ различія званія или сословія. Воспоминанія такого рода могли перейти въ дѣтскую игру, какъ многовѣковое преданіе, переходившее отъ старшаго поколѣнія къ младшему въ формѣ историческихъ сказаній, пѣсенъ, анекдотовъ. Съ теченіемъ времени исчезли даже и сказанія этого рода, но удержалось, такъ сказать, механическое воспроизведеніе ихъ въ игрѣ.

комъ крѣпости любви) и т. п. играми и обрядами см. въ соч. *Rochholz*, Tell und Gessler in Sage u. Geschichte, 1877, 3—20. Прим. авт.

60.

Игра въ кугиклы.

Въ селѣ Кошовѣ черниговской губерніи сохранилась любопытная игра дѣвушекъ въ кугиклы. Она начинается съ перваго сѣва гречихи, съ Кулинокъ, т. е. дня св. муч. Акилины, 13 іюня. Въ игрѣ этой участвуютъ только дѣвушки и жены молодухи, неимѣющія еще дѣтей. Общество ихъ дѣлится на три или четыре партіи. Въ первой партіи у каждой дѣвушки четыре дудочки изъ тростника, во второй—по три, въ третьей по двѣ и въ четвертой по одной. Партіи одна за другою идутъ тихимъ шагомъ по селу и играютъ на дудочкахъ, выводя не больше четырехъ отъ верха внизъ или три ноты къ низу и четвертую къ верху (*Архіеп. Филаретъ*, Ист.-ст. опис. черниг. еп., VII, 152).

Врядъ ли можно сомнѣваться, что здѣсь въ формѣ игры повторяется то, что нѣкогда имѣло серьезное значеніе Повидимому, мы имѣемъ въ кугиклахъ воспоминаніе о древней козацкой походной музыкѣ, а можетъ быть, даже о военной музыкѣ болѣе ранняго времени, до монгольскаго нашествія. Въ древней Руси передъ выступленіемъ въ походъ трубили (*Соловьевъ*, Ист. Рос., I, 221). Въ Словѣ о полку Игоревѣ „трубы трубятъ въ Новѣгородѣ; стоять стязи въ Путивлѣ". Въ XVI ст. въ Московскомъ государствѣ за передовымъ полкомъ шелъ большой полкъ съ множествомъ трубачей и литаврщиковъ, которые били въ литавры и трубили въ трубы. По словамъ Корба, эта музыка скорѣе могла навести уныніе, чѣмъ возбудить воинственное одушевленіе (*Ключевскій*,. Моск. госуд. 89). Подобнаго рода музыка была и у малороссійскихъ козаковъ; но такъ какъ въ нее входили свирѣли, то общій тонъ ея, вѣроятно, былъ еще болѣе заунывный. Въ думѣ про Ѳедора Безроднаго конца XVI или XVII ст. козаки, похоронивъ Ѳедора, „у суремки жалибно выхвалялы" (*Антоновичъ и Драгомановъ*, Ист. пѣс. I, 249).

Подобный архаичный характеръ, вродѣ кугиклы, имѣетъ музыка галицкихъ горскихъ пастуховъ, во время выгона стадъ на полонины. Впереди идетъ пастухъ-напередовецъ, въ черной мазанкѣ (въ маслѣ и сажѣ вываренной рубашкѣ), по бокамъ и сзади ледѣни, или парубки работники, въ сопровожденіи овчарскихъ собакъ, под-

гоняютъ скотъ. Ватагъ и старшій пастухъ заключаютъ шествіе съ навьюченными мѣдными котлами и деревянной посудой лошадьми. Сурмы засурмятъ, трубы затрубятъ, и весь таборъ пастуховъ, сопровождаемый игрой на сопѣлкахъ и веселыми пѣснями, идетъ тихимъ шагомъ по извилистымъ дорогамъ и горнымъ тропинкамъ на карпатскія возвышенности или полонины (*Головацкій*, Нар. пѣс., I, 698).

61.

Игра въ воротаря.

встрѣчается въ юго-западной Россіи (*Чубинскій*, III. 39, *Антоновичъ и Драгомановъ*, I. 39) и въ Галиціи (ib. 40; *Kolberg*, Pokucie I. 173). Играющіе дѣлятся на два хора, изъ которыхъ одинъ, представляется, сидитъ въ городѣ, а другой проситъ привратника воротаря пустить въ городъ. Этотъ второй хоръ несетъ дань, серебро и золото, или медъ, или дитя. Въ подляcскихъ варіантахъ пѣсни упоминается князь Романъ; гг. издатели „Историч. пѣс. малор. народа“ высказали мнѣніе, что пѣсни и игра въ Воротаря или Володаря относятся къ Роману Мстиславичу галицкому. Данники пѣсенъ—древніе обитатели Подлясіи ятвяги, въ землѣ которыхъ Романъ владѣлъ городами, входы въ которые должны были крѣпко оберегаться воротарями; часть ятвяговъ была у Романа въ подданствѣ и платила ему дань (*Антоновичъ и Драгомановъ*, I. 42). Н. И. Костомаровъ не видитъ основаній для такого пріуроченія. „Пѣсня о воротарѣ, говоритъ онъ, безспорно глубокой древности, и крошечный ребенокъ... въ ней, вѣроятно, обозначалъ символическое изображеніе наступающаго земледѣльческаго года“. А. А. Потебня думаетъ, что въ малорусской пѣснѣ могло сохраниться имя русскаго князя XII вѣка; но что для объясненія самой игры эта черта несущественна. Въ сходной сербской игрѣ говорится не о людяхъ князя Романа, а о войскѣ Стефана бана изъ Цареграда. Болѣе важными А. А. Потебня считаетъ тѣ черты малорусской игры, которыя допускаютъ миѳологическое объясненіе. Заключая отъ другихъ весеннихъ игръ, можно ожидать, что и здѣсь миѳологическія черты, буде онѣ есть, пріурочены къ сватанью и браку, причемъ слово

„мидиное дитя“ могло обозначать не „крошечнаго ребенка“, а младшую дочь или просто дѣвушку, какъ малорусское слово дивча. Такъ какъ золотое яблочко, золотое яичко, золотой перстень есть образы солнца, то и дитя (дѣвица), которое ими играетъ, есть солнце. Справки, вызываемыя другими чертами разсматриваемой игры, каковы вѣнокъ, ворота, медъ, дѣлаютъ возможнымъ предположеніе, что первоначальная сцена этой игры есть небо, что дѣйствіе, происходящее на ней, имѣетъ отношеніе къ восходу или закату солнца и вмѣстѣ съ тѣмъ къ браку (*Потебня,* Объяс. малор. пѣс. I, 55—127).

62.

Кострубонько.

Игра Кострубонько извѣстна въ Галиціи (*Kolb.* I. 158), юго-западной Россіи (*Чубинскій* III, 77), въ б. слободской Украинѣ, именно, въ купянск. у. подъ названіемъ Кострома (*Ивановъ,* рукоп. сб.) и подъ тѣмъ же названіемъ въ разныхъ мѣстахъ Великороссіи (*Сахар., Терещенко,* и др. сб.). Одна изъ играющихъ дѣвушекъ, стоящая въ кругѣ, спрашиваетъ, „чи не бачили вы мого Кострубонька“, и въ отвѣтъ ей говорятъ: „пишовъ у поле ораты“. Она показываетъ видъ, что плачетъ, а хороводъ поддерживаетъ ее пѣсней: „бидна моя головонько, нещасливая годыночко; щожъ бо я наробыла, що Коструба не злюбила; прійды, прійды Кострубочку, стану съ тобой до шлюбочку“. Притворный плачъ повторяется затѣмъ при словахъ, что Кострубъ пошелъ сѣять, лежитъ нездоровъ, а послѣ словъ, что его похоронили, дѣвушки принимаютъ веселый видъ, хлопаютъ въ ладоши, топаютъ ногами (*Чубинскій,* III. 77). Въ старобѣльскомъ уѣздѣ въ Кострому играютъ дѣти (*Ивановъ*). Въ Муромѣ Кострому торжественно хоронятъ въ первое воскресенье послѣ Троицына дня; въ пензенской и симбирской губерніяхъ въ Духовъ день дѣвки, выбравъ изъ своей среды одну, называютъ Костромой, наряжаютъ, несутъ къ рѣкѣ и здѣсь обливаютъ другъ друга водой (*Сахаровъ,* Рус. простон. празд. I, 183). Уже Аѳанасьевъ высказалъ мнѣніе о миѳологическомъ значеніи Коструба и въ объясненіе игры Кострубонько, между прочимъ, указалъ на сходный древне-

греческій весенній праздникъ Адониса, во время котораго носили изображеніе умершаго Адониса, пѣли печальныя пѣсни и совершали погребальную жертву или топили изображеніе Адониса въ водѣ (Поэт. воззр. III, 762), и на старинный праздникъ Ярилы въ Малороссіи, когда бабы оплакивали соломенную куклу Ярилы, сдѣланную со всѣми принадлежностями мужескаго пола (ib. 727). Все это различныя формы олицетворенія весенняго или лѣтняго солнца въ однихъ случаяхъ, или похороны ненавистной зимы въ другихъ варіантахъ игры.

63.

Кулачки

существуютъ изстари, и О. Ѳ. Миллеръ усматриваетъ въ нихъ остатокъ религіозно-обрядовой борьбы, символически означавшей борьбу зимы съ лѣтомъ (Опытъ I, 44), что, однако, весьма сомнительно. Повидимому, это остатокъ того первобытнаго соціальнаго порядка, когда близкимъ человѣкомъ считался только тотъ, кто жилъ подъ одной кровлей и ѣлъ изъ одной посуды, или ближайшій сосѣдъ, уличанинъ, односелецъ, и всѣ посторонніе считались чужими людьми, относительно которыхъ позволительно воровство и убійство. Изъ того же узкаго понятія объ обществѣ идутъ презрительныя краевыя клички по пустячнымъ признакамъ или ничтожнымъ случаямъ, въ родѣ Кромы—воры, орловцы—головоломы, харьковцы—чемоданники (по кражѣ чемодана у какого то высокопоставленнаго лица) и пр. т. п.

Въ отдаленную старину въ Россіи, кулачные и палочные бои происходили чаще всего зимою на льду. Охотники собирались партіями и такимъ образомъ составлялись двѣ враждебныя стороны. По данному знаку свисткомъ они бросались одна на другую съ криками; бойцы поражали другъ друга въ грудь, въ лицо, въ животъ—бились неистово и жестоко, и очень часто многіе выходили оттуда калѣками, а другихъ выносили мертвыми. Церковь карала отлученіемъ предающихся такимъ забавамъ; въ правилѣ митрополита Кирилла (XIII в.), вошедшемъ въ Кормчую, какъ постоянный церковный законъ: участники кулачныхъ боевъ изгонялись изъ церквей, а убитые

въ кулачныхъ бояхъ считались проклятыми „и въ сей вѣкъ, и въ будущій". „Аще ли нашему законоположенію кто противится, ни приношенія отъ нихъ не принимати, рекше просфуры и кутіи, свѣчи; аще же умретъ таковъ, къ симъ іерей не ходитъ и службы за нихъ не творитъ" (*Костомаровъ*, Очеркъ жизни великор. нар. 91). Иногда и гражданская власть высказывалась противъ кулачныхъ боевъ. Такъ, гетманъ Скоропадскій въ 1719 г. издалъ универсалъ противъ кулачныхъ боевъ и вечерницъ... „звыкли и на кулачные бои, говоритъ Скоропадскій о народѣ, черезъ которые многіе здоровя, а иншіе лишаются и жизни, що все зъ образою (оскорбленіемъ) Божою дѣется" (*Филаретъ*, Ист.-ст. опис. черн. еп. V. 205).

Въ Малороссіи кулачки происходили преимущественно на Рождество Христово между жителями разныхъ улицъ или городскихъ предмѣстій. Въ Переяславѣ кулачки происходили на рѣкѣ Альтѣ между Заильтицею и Спасчиной, лежащими на противоположныхъ берегахъ рѣки. Къ спасчанамъ присоединялись „козы" (семинаристы), а заальтяне сплошь состояли изъ „чимбарей" или кожевниковъ („*Кіев. Стар.*" 1887, VI, 485). Въ Харьковѣ дрались хилодногорцы съ основянцами или москалевцами.

Героическія времена кулачекъ миновали. Теперь кулачные бои встрѣчаются изрѣдка въ селахъ или на окраинахъ города. Во многихъ селахъ кобеляцкаго уѣзда съ перваго дня Рождества парубки и женатые мужчины раздѣляются на два лагеря; большею частію силы распредѣляются поровну или центръ села ведетъ бой съ хуторянами. Сельскіе старосты по возможности умѣряютъ страсти; но кулачники все же успѣваютъ завязать бой и къ вечеру „Крещенья" доводятъ его до самыхъ бурныхъ сценъ, и многіе изъ участниковъ возвращаются домой съ подбитыми глазами, съ помятыми боками и разбитымъ носомъ. Есть въ нѣкоторыхъ деревняхъ особенные любители кулачнаго боя; они обыкновенно покупаютъ два—три ведра водки одной изъ сторонъ, и тогда бой идетъ съ особымъ азартомъ (Харьк. Губ. Вѣд. 1888, № 337).

Отъ взрослыхъ кулачки перешли къ дѣтямъ. Лѣтъ двадцать назадъ кулачки были въ Харьковѣ среди гимназистовъ весной или осенью въ Карповскомъ саду въ яру. Три харьковскія гимназіи различались тогда по форменнымъ картузамъ гимназистовъ, именно

по кантику, при общемъ красномъ околышкѣ. У гимназистовъ 1-ой гимназіи былъ красный кантикъ, и они назывались красильщиками; у гимназистовъ второй гимназіи, „щекатуровъ“, бѣлый кантикъ, а у гимназистовъ третьей гимназіи, „синяго мяса“, синій кантикъ. Послѣднихъ было мало, и они рѣдко являлись на кулачки; но „красильщики“ и „щекатуры“ усердно ратоборствовали въ теплые весенніе вечера, вдали отъ бдительнаго ока начальства. Въ настоящее время кулачки встрѣчаются лишь среди уличныхъ мальчишекъ.

Игра въ кулачки бытовала въ старину и у другихъ европейскихъ народовъ. Въ Англіи въ XV и XVI ст. любимымъ увеселеніемъ на праздникахъ была драка на палкахъ. Въ XVIII ст. въ Англіи еще обычны были кулачные бои (*Спенсеръ*, Описат. соціол. 166, 179).

64.

Паци.

Паци — малорусское названіе великорусской игры въ бабки; иначе она называется ладышки, сашки. Игра эта весьма распространена въ Великороссіи и довольно обычна среди дѣтей въ Малороссіи. Бабки бываютъ чаще всего костяныя, изъ копытныхъ костей рогатаго скота или поросятъ, иногда изъ свинца или изъ дерева. Играютъ двое и больше. Видовъ игры довольно много. Играютъ „по колу“, т. е. ставятъ по одной бабкѣ, „на конъ“ по ровному числу паръ, „съ приставкою“ и пр. т. п. Игра въ кости встрѣчается у многихъ народовъ сѣверной и восточной Россіи (самоѣдовъ, мордвы и др.), грузинъ, армянъ, киргизъ. Игры въ бабки подробно описаны въ соч. *Покровскаго* „Дѣтскія игры“ с. 318—341. Здѣсь указано распространеніе игръ этого рода у разныхъ народовъ и преимущественно у народа русскаго, различныя формы и названія бабокъ и самой игры. О малороссійскихъ играхъ этого рода находится здѣсь сравнительно мало сообщеній; именно игра въ кости называется бабками (кубан. обл.); юръ—бабка спинкой вверхъ. Въ черниговской губ. играютъ въ бабки и зимою, на льду рѣки. Изъ малорусскихъ формъ игры здѣсь приведены „рачки“ (кубан. обл.), „плоцки“ (тамъ же),

ходокъ или задочка (т. же). Древность игры въ бабки открывается изъ археологическихъ могильныхъ раскопокъ. Въ двухъ черниговскихъ курганахъ, раскопанныхъ проф. Самоквасовымъ въ 1872 и 1873 г. и считаемыхъ могилами славяно-русскихъ князей последняго столѣтія язычества въ Россіи, найдены, между прочимъ, игральныя косточки, представляющія собою бабки, или естественныя бараньи косточки. Подобныя же косточки найдены были затѣмъ проф. Самоквасовымъ въ каневск. у. кіевск. губ. въ одномъ курганѣ, относимомъ къ скиѳской эпохѣ, ко времени Рождества Христова (*Покровскій*, 71). У римлянъ игра въ бабки tali (отъ talus— игральная бабка или игральная кость) была азартной игрой. Сначала tali были естественныя кости отъ суставовъ ногъ животныхъ; но потомъ ихъ изготовляли изъ разнаго матеріала, причемъ каждая кость имѣла четыре стороны, отмѣченныя цифрами: 1, 3, 4, 6. Въ игрѣ употребляли 4 tali. Играли въ tali взрослые (*Уэлькенсъ*, Др.-рим. жизнь, 93).

65.

Глиняныя свистульки

можно видѣть на сельскихъ ярмаркахъ, вмѣстѣ съ горшками, глечиками и другими гончарными издѣліями. Онѣ извѣстны какъ въ южной, такъ и въ сѣверной Россіи. Приготовляютъ ихъ въ видѣ животныхъ, барановъ, лошадей, кошекъ, собакъ, или въ видѣ солдатиковъ. Простѣйшій родъ свистулекъ такого рода есть подобіе птицы безъ ногъ, полой внутри. Въ хвостѣ этой птицы дѣлаютъ два отверстія, изъ коихъ одно, щелевидное, находится въ самой серединѣ хвоста, а другое недалеко отъ него снизу. Для извлеченія звука изъ свистульки, хвостъ ея берутъ въ ротъ и дуютъ. Чтобы разнообразить звукъ, продѣлываютъ еще два отверстія въ спинкѣ игрушки, которыя во время свиста закрываютъ и открываютъ пальцами, по мѣрѣ надобности. Продаются эти свистульки дешево, въ вятской губ. три на копѣйку, въ тверской двѣ на три копѣйки, въ харьк. по копѣйкѣ за штуку и т. д. (*Покровскій*, Дѣт. игры, 76). Уже простота свистулекъ говоритъ объ ихъ древности. При раскопкѣ

могилъ въ предѣлахъ б. сарайской орды вблизи г. Царева, могилъ XIV вѣка, найдены глиняныя свистульки въ видѣ птичекъ, какія въ ходу и у насъ теперь, сдѣланныя изъ хорошей глины очень чисто (ib. 70). Въ могилѣ Самтаврскаго кладбища подъ г. Мцхетомъ (на Кавказѣ), насыпанной не позже IV вѣка христіанской эпохи, найдена, между прочимъ, терракотовая игрушка въ видѣ маленькаго голубя, въ пустой внутренности котораго помѣщенъ какой то предметъ, производящій звукъ при сотрясеніи игрушки (ib. 71).

66.

Сопилка

дѣлается изъ дерева, имѣющаго мягкую сердцевину, бузины, ивы, черемухи. Сердцевина эта вывертывается вонъ тоненькой палочкой или выжигается раскаленной проволокой. Одинъ конецъ дудки срѣзывается наискось, и близь отверстія отщепляется тоненькій язычекъ и затѣмъ по длинѣ дудки прорѣзывается отъ 4 до 8 отверстій. Иногда такія дудки дѣлаютъ изъ камыша, ягеля, коровки. Подобнаго рода сопилки встрѣчаются у осетинскихъ пастуховъ (*Кокіевъ*, въ Сборн. матер. Дашк. музея I, 87), грузинъ (*Покровскій*, Дѣт. игры, 81) и др. народовъ. Грузинскія тростниковыя дудки „ствири“ дѣлаются такъ же, какъ и въ Россіи. Грузинскія сопилки изъ бузины, подобныя украинскимъ, такъ называемыя саламури, пользуются большой любовью населенія. Ихъ украшаютъ рѣзьбою, бережно хранятъ въ футлярѣ и часто по завѣщанію оставляютъ кому нибудь въ наслѣдство. Приставивъ къ губамъ саламури, дуютъ въ него умѣючи, не переводя дыханія, причемъ этотъ простой инструментъ, по словамъ народной пѣсни, издаетъ „голосъ сладкій, ублажающій, всѣ горести уничтожающій“ (*Покровскій*, 80). И среди малороссовъ встрѣчаются отличные музыканты на сопилкѣ, преимущественно изъ пастуховъ. Они умѣютъ извлекать изъ сопилки мягкіе и ласкающіе звуки. Въ древности сопилка имѣла болѣе обширное примѣненіе, чѣмъ теперь, и различалось нѣсколько ихъ видовъ. Въ „Лексиконѣ“ Памвы Берынды 1627 г. слово свирѣль пояснено: „пищалка, музыка невеличкая, московская и тыжъ греческая, свѣтѣлка пастырская“.

Форма московской свирѣли неизвѣстна въ точности. „Греческая" свирѣль состояла изъ семи сложенныхъ врядъ дудокъ, срѣзанныхъ наискось такъ, что послѣдній стволъ былъ вдвое менѣе перваго; на ней играли, пробѣгая губами отверстія дудокъ, издававшихъ различные тоны (*Михневичъ*, Очеркъ ист. музыки, 88). Сопилка, повидимому, входила въ древнее время въ число военныхъ музыкальныхъ инструментовъ на югѣ Россіи. Димитрій Самозванецъ ввелъ сиповку, небольшую флейточку въ родѣ сопилки, въ московское войско (ib. 87). Сопѣль встрѣчается въ древнихъ церковно-славянскихъ памятникахъ письменности въ значеніи греч. авлосъ, лат. tibia, сопьць—авлетéсъ tibicen, сопѣти въ значеніи дудѣть, въ спискѣ Амартола XVI в. „долгими сопѣльми пѣти и сопѣти" (*Востоковъ*, Словарь, 182) Дудки въ видѣ лошадокъ были находимы въ европейскихъ гробницахъ языческой эпохи (*Покровскій*, 79). На глубокую древность сопилки указываетъ еще встрѣчающееся у многихъ европейскихъ народовъ сказаніе о томъ, что на могилѣ убитаго или убитой выросло дерево или камышъ, изъ котораго дѣлаютъ сопилку, и эта сопилка, помимо воли играющаго, вѣщаетъ міру о преступленіи (см. *Кулиша*, Зап. о юж. Россіи II, 20—23; *Аѳанасьева*, Народ. рус. сказки VI, 25; VIII, 314, Grahmann, Abergl aus Böhmen, 87).

По малорусскимъ народнымъ повѣрьямъ звукъ сопилки любятъ русалки. Галицкіе горцы говорятъ, что майки (русалки) иногда берутъ на свои игрища овчарей, чтобы имъ играли на сопилкѣ; такъ, одного овчаря нашли сидѣвшимъ на камнѣ, причемъ подъ ногами его камень былъ пробитъ по косточку отъ битья мѣры (*Срезневскій*, въ Маякѣ 1843, XI, Мат. 52).

Свирѣль—любимый инструментъ хорватскихъ и сербскихъ пастуховъ. Хорватскій чабанъ поетъ imam od srebra sviralu, pa ja svirim za bielim ovcam, to se znade da sam ćobanine" (*Kuhać*, въ Rad jugosl, akad., кн. XLI, 21). Въ хорватскихъ пѣсняхъ обычно выраженіе, что у пастуха за поясомъ золотая или серебряная свирѣль. Въ Болгаріи на свадьбахъ „свирби свирѣтъ" (ib. 24). Большое сходство съ галицко-русскимъ разсказомъ о наклонности русалокъ слушать игру на сопилкѣ овчарей представляетъ хорватская сказка о томъ, какъ пристали волы къ одному пастуху, который „svirao u sviralu, prebirao je, prevracao i priželjkonao na svirali kao lastavica

na proljetnom suncu“ (игралъ такъ разнообразно и жалостно, какъ ласточка на весеннемъ солнцѣ), много лѣтъ пытались подчинить себѣ бѣднаго Станка и, какъ вѣдьмы, довели его до преждевременной кончины (*Kuhać*, 29).

67—69.

Бандура. Къ исторіи южнорусскихъ бандуристовъ. Къ вопросу о происхожденіи думы о смерти козака бандуриста.

Слово бандура встрѣчается, кромѣ малороссовъ, еще у болгаръ, чеховъ, поляковъ; извѣстно было грекамъ и римлянамъ (*Будил.* § 262, 20; *Miklos.*, Fremdw. 4). Слово кобза встрѣчается у разныхъ тюрко-татарскихъ народовъ, турокъ, венгровъ и др. (*Miklos.* 26). Повидимому, въ Украину первоначально зашла западная бандура, и затѣмъ она могла получить добавочное названіе кобзы, по сходству съ татарскимъ музыкальнымъ инструментомъ. Въ старинныхъ украинскихъ думахъ кобза играетъ большую роль, доказательство, что южнорусскіе пѣвцы издавна на ней уже „играли выгравали“ мелодіи родныхъ пѣсенъ. Устройство кобзы и ея музыкальное значеніе подробно объяснены въ статьѣ Н. В. Лисенка „Характеристика музык. особенностей малор. думъ и пѣсенъ, исполняемыхъ кобзаремъ Вересаемъ“, напеч. въ I т. Зап. Ю. З. Отд. Геогр. Общ.

Слово бандура, кромѣ значенія струннаго инструмента, имѣло иногда и другое, напр., у хорватовъ пандурица=signalpfeife, свирѣль. Въ слав. переводѣ Малалы пандура переведено словомъ: свирьць (*Весел.*, въ 32 т. Зап. А. Н. 161). Древніе греки знали бандуру, какъ восточный (ассирійскій) музыкальный струнный инструментъ; западные народы, начиная отъ испанцевъ (bandurria), италіанцевъ (mandola), французовъ (mandaire) и до славянъ включительно, пользовались бандурой, какъ народнымъ, жонглерскимъ инструментомъ. Вѣроятно, еще греческіе мимы играли на бандурѣ; по крайней мѣрѣ, въ синаксарѣ на 3 февраля мимъ называется пандуромъ; у Малалы пандуры являются въ качествѣ музыкантовъ (ib. 161).

Въ любопытномъ изслѣдованіи Кугача о южнославянской музыкѣ, напечатанномъ въ Rad jugosl. akad. znanosti i imjetnosti 1877 г.,

приведено нѣсколько фактовъ изъ исторіи южныхъ славянъ, фактовъ, бросающихъ нѣкоторый свѣтъ на древнѣйшую исторію южнорусской бандуры, о чемъ въ южнорусской письменности и поэзіи нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ. Уже Миладиновъ въ сборникѣ болгарскихъ народныхъ пѣсенъ указалъ, что болгарскіе цари имѣли цѣлое войско пандуровъ или, точнѣе, такъ называлась передняя колонна войска, вѣроятно, состоявшая изъ музыкантовъ. Какъ шведскіе скальды пользовались большимъ уваженіемъ при королевскомъ дворѣ, такъ, повидимому, и пандуры играли видную роль при княжескомъ дворѣ; но такъ какъ пандуры участвовали во внутреннихъ волненіяхъ и заговорахъ, то князья потеряли къ нимъ довѣріе и стали считать ихъ крамольниками. Общественное положеніе пандуровъ понизилось, и многіе изъ нихъ обратились въ бездомныхъ скитальцевъ музыкантовъ и даже въ разбойниковъ. Въ половинѣ XVIII ст. баронъ Тренкъ собралъ въ Славоніи пандуровъ, они считались лучшими музыкантами въ войскѣ, причемъ музыка ихъ называлась turska, а потомъ evropska glasba. Точно неизвѣстно, какіе инструменты давали эту музыку; но почти навѣрно можно сказать, что въ ихъ числѣ была и бандура. Любопытно, что Тренкъ, человѣкъ высокообразованный по своему времени (зналъ 7 языковъ), въ своей автобіографіи вездѣ пишетъ banduri вмѣсто panduri. Заслуживаетъ вниманія еще то обстоятельство, что бандуры Тренка отличались особымъ костюмомъ, длиннымъ краснымъ плащомъ, или кобенякомъ (duga crvena cabanica). И въ старославянскомъ языкѣ словомъ *панъдаоуръ* обозначалась vestis quaedam, напр., въ фразѣ: „по велицѣхъ мьстехъ у коихъ се приносе многоцѣне велике чисте свите разлике, пардаури, хамуже хаздеи“ (*Kuhač*, въ Rad. T. 39, с. 96—98).

Древніе украинскіе кобзари очень напоминаютъ южнославянскихъ пандуровъ. Это свободолюбивые воинственные музыканты, большею частью изъ безсемейныхъ удальцовъ запорожцевъ. На встрѣчающихся изображеніяхъ запорожца, играющаго на бандурѣ, находится пояснительный стихъ: „струны мои золотыи! заграйте мени стыха, ачей козакъ—нетяжище позабуде лыха“ (*Кулишъ*, Зап. о Ю. Р. I, 192). И тутъ запорожецъ отвѣчаетъ южнославянскому пандуру, также горемычному нетяжищѣ. Если сходныя историческія событія порождаютъ сходныя слѣдствія, то не менѣе вѣрно и дру-

гое положеніе, что возможность вліянія обусловливается сходствомъ культурныхъ условій, и пандуры могли въ силу этого положенія оказать вліяніе на южнорусское казачество, преимущественно запорожцевъ.

Заговоривъ о сходствѣ южнославянскихъ пандуровъ съ южнорусскими бандуристами, мы кстати укажемъ здѣсь еще на сходство превосходной думы о смэрти козака—бандуриста съ одной герцеговинской пѣснью про больного Іову и тамбуру. Дума гласитъ:

1. Ой на татарскихъ поляхъ
2. На козацькихъ шляхахъ
3. Не вовки сироманци квилять—проквиляють,
4. Не орли чернокрыльцы клекочутъ и пидъ небесами литають:
5. То сидитъ на могилѣ козакъ старесенькій,
6. Якъ голубонько сивесенькій,
7. У кобзу грае—выгравае, голосно спивае...
8. Кинь биля его постриляный, порубаный,
9. Ратище поламане, пихвы безъ шабли булатнои,
10. У ладивници ни однисенького побою,
11. Тильки и засталась ему бандура подорожная
12. Та у глубокій кишени люлька—бурунька,
13. Та тютюну пивъ папушки....

Козакъ бѣдняга трубочку покуриваетъ, играетъ на кобзѣ и жалобно поетъ: „Гей вы, братцы, паны молодцы, козаки запорожцы! гдѣ вы обрѣтаетесь? какъ поживаете? Возвращаетесь ли вы къ матери Сѣчѣ, побиваете ли ляховъ, загоняете ли татаръ въ полонь? Когда бы помогъ мнѣ Богъ расправить старыя ноги и поспѣть за вами, то можетъ быть я былъ бы въ силахъ заиграть и громко запѣть вамъ при концѣ жизни. Пускай бы моя кобза знала, что меня похоронила рука христіанская.

31. Ато пропаде моя кобза ни за собаку
32. Лежатыме сама соби у степу, вывернувши угору с...у!
33. А вже мени старенькому безъ кобзы пропадаты,
34. Не зможу и по степахъ чвалаты,
35. Будуть мене вовки сироманци зустриваты,
36. Будуть дидомъ за обидомъ коня мого заидаты.
37. Кобзо жъ моя, дружино вирная,
38. Бандуро моя малеваная!
39. Дежъ мени тебе диты?
40. А чи у чистому степу спалыты?
41. И попилець по витру пустыты?

42. А чи на могыли положиты?
43. Нехай буйный витеръ по степахъ пролитае,
44. Струни твои зачипае,
45. Смутнесенько, жалибнесенько грае—выгравае.
46. То може подорожни козаки бигтымуть близенько,
47. Почують, що ты граешь жалибненько,
48. Привернуть до могылы... (*Кулишъ*, Зап. о Ю. Р. I, 185).

Въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ и словахъ замѣтна искуственная редакціонная отдѣлка; такъ, стихи 8—13 возбуждаютъ нѣкоторое подозрѣніе въ поддѣлкѣ или расширеніи простаго основнаго мотива. Въ нѣсколькихъ строкахъ обрисовано все запорожское вооруженіе, что необычно коротко для народной пѣсни, притомъ въ другихъ думахъ не упоминаются ни ратище, ни пыхва, ни ладивница, а почти исключительно конь и сабля. Обращеніе козака—бандуриста къ запорожцамъ мѣстами также возбуждаетъ недовѣріе... Народнымъ духомъ и складомъ отличаются тѣ мѣста думы, гдѣ говорится о кобзѣ и старикѣ кобзарѣ.

Стихи 1—7, 46—48 встрѣчаются и въ другихъ думахъ (про бѣгство трехъ братьевъ, про Θедора Безроднаго), какъ общее высокохудожественное мѣсто, украшающій locus communis. Выдѣливъ съ нѣкоторой вѣроятностью собственно народную или наиболѣе типичную часть думы о козакѣ бандуристѣ, приведемъ теперь герцеговинскую пѣсню про „Bolan Iovo i tambura“, какъ нѣкоторый комментарій къ украинской думѣ и, можетъ быть, ея источникъ, или одинъ изъ варіантовъ ея сербскаго оригинала.

Na polju se al—čador vijaše,
Pod njim Iovo bolan bolovaše;
Više njega tambura stajaše.
Bolan Iovo iz trave govori:
Tamburico, moja dangubico!
Komeću te ostaviti pustu?
Da bih tebe ostavio majci,
U mene je ostarala majka;
Da bih tebe ostavio seki,
Seka će se udat za dragoga,
Pa će drugi s tobom tamburati,
Mojoj majci rane vrijedjati;
Da bih tebe ljubi ostavio,
Moja ljuba mlada i zelena,

Ona će se udat za drugoga,
Pa će drugi s tobom tamburati,
Mojoj majci jade zadavati.
Nego ću je sa mnom ukopati;
Kad ja trunem, nek i ona trune.
(*Kuhač,* въ Rad. т. 39 с. 85).

(т. е. На полѣ развѣвается—стоитъ алый шатеръ; въ немъ лежитъ больной Іово; его бандура виситъ надъ нимъ, и больной Іово говоритъ: Бандура, мое время препровожденіе danguba—буквально: пагуба дня, т. е. трата времени въ хорошемъ или дурномъ смыслѣ), кому тебя оставить? Оставилъ бы я тебя матери—она стара, сестрѣ—сестра выйдетъ замужъ, и мужъ ея игрой на тебѣ будетъ растравлять у моей матери рану сердца, возлюбленной—она молода, выйдетъ замужъ, и мужъ ея игрой на бандурѣ будетъ „завдавать жалю" моей матери. Пусть же тебя закопаютъ со мною, и когда я буду гнить въ землѣ, то и бандура моя также).

Въ малорусской думѣ нѣтъ семейнаго начала сербской пѣсни. Козаку-нетягѣ, вѣроятно изъ бездомныхъ запорожцевъ, не къ лицу было вспоминать о сестрѣ или милой, но отношеніе къ бандурѣ козака и къ тамбурѣ Іова почти тожественно; для обоихъ бандура дружина вѣрная, и въ думѣ она исключаетъ даже мысль о возможности другой „дружины"; оба озабочены, кому оставить бандуру послѣ смерти, „де жъ мини тебе диты?" „kome cu te ostaviti pustu?" Козакъ рѣшаетъ оставить бандуру на своей могилѣ, Іово хочетъ взять ее съ собой въ самую могилу.

Таковъ основной сюжетъ украинской думы и сербской пѣсни объ умирающемъ бандуристѣ; но обработка ихъ весьма различна, и если даже допустить, что украинцы заимствовали основной мотивъ думы отъ южныхъ славянъ, то при всемъ томъ дума отличается оригинальнымъ характеромъ, глубокой гуманностью и художественной прелестью. Уже одна та подробность, что Іово эгоистично беретъ тамбуру въ могилу, а козакъ оставляетъ ее на могилѣ, гдѣ степной вѣтеръ безконечно долго будетъ разыгрывать на ней чудныя мелодіи, придаетъ украинской думѣ необыкновенную поэтическую силу.

Та черта, что козакъ и Іово задумываются надъ вопросомъ, кому достанется послѣ ихъ смерти бандура, не можетъ быть приз-

нана исключительно поэтическимъ мотивомъ. Уже самое существованіе такого мотива въ пѣсняхъ служитъ косвеннымъ доказательствомъ существованія его въ бытовой жизни, какъ обыденнаго факта. У всѣхъ народовъ дорожатъ хорошимъ музыкальнымъ инструментомъ, особенно если хранится память о талантливомъ музыкантѣ, игравшемъ на немъ. Говоря о сопилкѣ, мы замѣтили уже, что грузины дорожатъ своимъ духовымъ инструментомъ саламури, украшаютъ его, хранятъ въ футлярѣ и передаютъ въ наслѣдство по завѣщанію. Повидимому, такъ же любовно относился въ старину малороссъ къ бандурѣ, сербъ къ тамбуру или гуслямъ,—что видно уже изъ пѣсенныхъ выраженій: „кобза моя, дружина вѣрная, бандуро моя малеваная“, „пишанъ кафанъ“ (болг.), „srebna svirala, na njoj ima šesdeset limova polak zlatnich, polak srebrnijeh“ (серб.), „sedefli tambura“ (хорват., перламутровая тамбура). Въ сербской пѣснѣ вила держитъ въ правой рукѣ тамбуру съ золотыми струнами, въ лѣвой гусли изъ шамшитоваго дерева, украшенныя дорогими камнями, и смычокъ съ серебряной пуговкой и позолоченнымъ волоскомъ“ (gudalo s pucnjom posrebrenim pritegnuto s vlasim pozlacenim, *Kuhač*, 85). Въ этихъ выраженіяхъ скрывается указаніе на обычай украшать музыкальные инструменты золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями, по крайней мѣрѣ, рѣзьбой или раскраской.

70.

Цимбалы.

Цимбалами называется простонародный фортепіано. Натягиваютъ на рамку металлическіе струны, по которымъ ударяютъ стальной палочкой или надѣтымъ на палецъ стальнымъ наперсткомъ. Игра на цимбалахъ сопровождается или пѣніемъ или какимъ либо духовымъ инструментомъ. Въ Малороссіи изстари большой извѣстностью пользуется „троиста музыка“, состоящая изъ скрипки, баса [1]) и цимбалъ (*Закревскій*, Стар. банд. 575) или изъ скрипки, бубна и цимбалъ (*Чубинскій*, VII, 450). Въ харьковской губ. записано

---

[1]) *Басъ* вродѣ большой скрипки, отъ италіан. слова basso; басо́къ—струна.

выраженіе: „Ой заграйте цимбалы, щобъ ніжечки дрижалы“ (*Номисъ*, § 12518). Звукъ цимбалъ сильный и пріятный.

Уже греки и римляне употребляли цимбалы (у грековъ кинвалъ, у римлянъ cynbalium); но у нихъ инструментъ этотъ былъ не струнный, какъ у славянъ, а состоялъ изъ двухъ мѣдныхъ полукружій, которыми били одно о другое. На цимбалы у нихъ по устройству былъ похожъ псалтеріумъ; у ассирійцевъ и евреевъ подобный инструментъ назывался набель, у китайцевъ кинъ. Въ старославянскихъ памятникахъ часто упоминается кимвалъ. Затѣмъ слово цимбалы встрѣчается у чеховъ, поляковъ, словенцевъ, литовцевъ. (*Kuhač*, въ Rad т. 39, с. 106). Мало по малу цимбалы выходятъ изъ употребленія какъ въ Малороссіи, такъ и въ другихъ славянскихъ странахъ. Въ старину, еще недавнюю, всѣ южные славяне пользовались цимбалами; но теперь цимбалы работаютъ только въ Хорватіи и Босніи. Въ Болгаріи, Сербіи, Далмаціи, Славоніи народъ уже забылъ про нихъ. Кугачъ думаетъ, что народъ въ этихъ мѣстахъ бросилъ цимбалы потому, что ими овладѣли цыгане, и славяне не захотѣли равняться съ этими номадами; но цимбалы заброшены и въ Малороссіи, гдѣ объясненіе это неприложимо, такъ какъ южнорусскіе цыгане не усвоили этого инструмента. Притомъ, какъ малороссіяне, такъ и другіе славяне относятся къ цыганамъ весьма благодушно.

71.

Гусли.

Слово гусли встрѣчается всѣхъ славянъ (*Будиловичъ*, Первоб. слав. § 202). Въ виду того, что слова этого нѣтъ ни въ санскритѣ, ни въ литовскомъ, что оно имѣетъ вполнѣ славянскій характеръ, Кугачъ полагаетъ, что гусли изобрѣтены славянами, по отдѣленіи ихъ отъ другихъ индоевропейскихъ народовъ, но до раздѣленія на вѣтви, приблизительно въ IV вѣкѣ (*Rad*, т. 38, с. 44). Греческій писатель Ѳеофилактъ говоритъ, что въ 592 году были взяты греческими воинами три славянина съ гуслями (*κίθαρα*, откуда гитара, цитра). Пресвитеръ болгарскій Козьма въ концѣ IX вѣка въ сочиненіи о богомильской ереси жаловался: „каки су то христіани, кои зъ гусьми,

и плесканіемъ, и пѣсньми бѣсовскими вино пиють и срештамь и сномь и всакому ученіу сотонину вѣрують". По словами арабскаго писателя начала X вѣка Ибнъ-Фоцлана у руссовъ были разнаго рода лютни, гусли и свирѣли. Въ памятникахъ древней славянской письменности часто упоминаются гусли и производныя отъ нихъ слова, гѫсль, гѫсльнъ (въ житіи Θеодосія Печерскаго, Нестора) „гѫсли Божія" (XII в.), „состроивъ и златы гоусли" (ib. 59). Въ домонгольской Руси, повидимому, гусли были въ большомъ употребленіи; объ нихъ упоминается, между прочимъ, и въ былинахъ древняго склада напр. въ былинахъ про Добрыню, Ставра, Садка. Во фрески на лѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора гусли попали, можетъ быть, потому, что художникъ, воспроизводя музыкальныя инструменты въ византійскомъ циркѣ. находился отчасти подъ вліяніемъ мѣстной бытовой дѣйствительности. Гусли имѣютъ видъ легкой ручной арфы съ мѣдными струнами; ихъ можно настраивать высоко и низко. Въ Малороссіи долгое время играли на гусляхъ, преимущественно духовныя лица, по преданію о царѣ Давидѣ, любившемъ играть на гусляхъ. Въ пятидесятыхъ годахъ гусли можно было еще найти въ домахъ священниковъ; въ 1853 г. П. А. Кулишъ встрѣтилъ однажды этотъ инструментъ въ рукахъ слѣпаго пѣвца-нищаго въ золотоношскомъ уѣздѣ полтавской губерніи (*Зап.* о юж. Руси I, 189). Въ послѣднее время въ Малороссіи трудно уже найти гусли, и мнѣ лично приходилось только слышать похвальные отзывы о нихъ старыхъ людей.

Встрѣчающіяся въ великорусскихъ былинахъ „гусли яворчаты" (въ былинахъ о Садкѣ, о Добрынѣ), вѣроятно, южнорусскаго происхожденія. Яворъ (platanus orientalis) не растетъ на сѣверѣ. Любопытно, что въ старинныхъ сербскихъ пѣсняхъ встрѣчается то же выраженіе: „gusle javorove". Эпитетъ „яворчатый, яворовый" показываетъ, что гусли дѣлались преимущественно изъ явора.

Гусли сохранились у южныхъ славянъ. Въ Сербіи, Срѣмѣ, Босніи и Герцеговинѣ почти во всякой хатѣ можно найти гусли; на нихъ играютъ молодые и старые, мужчины и женщины, духовные и свѣтскіе, люди богатые, нищіе, гайдуки. У серба гусли „дружина вирная", которой онъ впервые передаетъ свое горе или радость. Безъ гуслей не обходится ни одинъ праздникъ, ни одна игра; при

содѣйствіи ихъ народъ сохраняетъ свои историческія преданія и пѣсни. Чтобы дѣти съ малыхъ лѣтъ привыкли къ гуслямъ, имъ даютъ въ руки игрушечныя гусли (ћuslice). О гусляхъ часто говорятъ сербскія народныя пѣсни и лучшіе сербскіе поэты, напр., Мажураничъ, Гундуличъ, Петровичъ Нѣгошъ. Подобно тому, какъ малорусскіе кобзари распѣвали думы речитативомъ, и сербскіе гусляры сопровождаютъ игру на гусляхъ такимъ же размѣреннымъ, спокойнымъ и величественнымъ припѣвомъ. Веселыхъ, тѣмъ болѣе плясовыхъ пѣсенъ почти никогда не играютъ на гусляхъ. Въ Славоніи гусляры, подобно нашимъ лирникамъ, называются слѣпцами (sliepci), потому что большею частью дѣйствительно бываютъ изъ числа слѣпыхъ, и самыя гусли называются здѣсь уже sljepačke gusle. Гусляровъ народъ охотно слушаетъ и даетъ имъ болѣе вознагражденія, чѣмъ другимъ музыкантамъ. Почти во всякомъ сербскомъ селѣ есть мастера, изготовляющіе гусли, и инструментъ этотъ всегда можно дешево купить на базарѣ. Иногда украшаютъ ихъ рѣзьбой, бисеромъ, дорогими камнями; смычекъ украшаютъ перламутромъ, зеркальными стеклышками и т. п. Дорогія старинныя гусли высоко цѣнятся, особенно если онѣ имѣютъ символическія древнія нарѣзки. Одинъ гусляръ завѣщалъ такія гусли своему сыну со словами, что пока онъ будетъ имѣть ихъ, до тѣхъ поръ ему никто не можетъ нанести какого либо вреда, и послѣдній, хотя не понималъ значенія таинственныхъ нарѣзокъ на гусляхъ, берегъ ихъ до глубокой старости, какъ талисманъ (*Kuhač*, въ Rad, т. 38, с. 6).

Малороссіяне могутъ въ этомъ отношеніи позавидовать сербамъ, которые имѣютъ въ гусляхъ твердую опору для художественно-поэтическаго консерватизма и потому до сихъ поръ „кохаются въ ридныхъ писняхъ“. Потеря бандуры и гуслей—важная потеря, и обусловлена она несомнѣнно тѣми глубокими измѣненіями всего общественнаго строя, какія имѣли мѣсто въ южной Россіи въ XVII и XVIII вѣкахъ. Въ старину бандура была инструментомъ не только удалыхъ молодцовъ запорожцевъ, но и знатныхъ людей въ козацкомъ товариществѣ. Она уступала первое мѣсто только гуслямъ, которыя были присвоены особамъ духовнаго сана и тѣмъ лицамъ, которыя чувствовали себя слишкомъ степенными для свѣтской поэзіи. Но затѣмъ мало по малу произошелъ разрывъ между народомъ и ин-

теллигенціей, сначала свѣтской, потомъ духовной, а вмѣстѣ съ тѣмъ сначала была заброшена бандура, а потомъ и гусли. Свѣтская интеллигенція и духовенство немного потеряли, если судить по музыкальному достоинству этихъ инструментовъ, и въ то же время много, если принять во вниманіе ихъ общедоступность и дешевизну.. Но какъ бы то ни было тутъ явилась сначала гитара, теперь также почти заброшенная, затѣмъ скрипка, флютъ-гармонія, фортепіано, рояль. По господствовавшей модѣ обученіе дѣвушекъ игрѣ на фортепіано сдѣлалось какъ бы обязательнымъ во всѣхъ мало мальски достаточныхъ семействахъ. Масса простаго народа, вполнѣ лишенная культурнаго воздѣйствія лучшихъ людей страны, передовыхъ классовъ общества, при неблагопріятныхъ бытовыхъ условіяхъ, не пошла впередъ по части поэтическаго музыкальнаго развитія, а отсутствіе прогресса здѣсь немедленно переходитъ въ регрессъ, и потому простой народъ остался лишь при самомъ простомъ музыкальномъ инструментѣ сопилкѣ и сохранилъ еще лиру въ ограниченномъ видѣ слѣпецкаго инструмента. Въ послѣднее время вмѣсто древнихъ бандуры и гуслей, дававшихъ музыкальное удовлетвореніе лучшимъ сторонамъ души, въ деревенскій обиходъ стала входить дешевая гармоника, визгливая, безтолково-шумная, въ звукахъ которой слышно что то пошлое, пьяное и развратное.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЛИРНИКИ.

Давно уже обратилъ на себя вниманіе этнографовъ по своему немалому значенію въ исторической и современной жизни Малороссіи классъ сельскаго общества—кобзари и лирники.

До недавняго времени, сколько мнѣ извѣстно, вниманіе было обращено больше всего на репертуаръ кобзарей (лирниковъ въ позднѣйшее время). Знаніе же бытовой стороны тѣхъ и другихъ подвигается впередъ весьма медленно. Такая медленность, кромѣ другихъ причинъ, мнѣ кажется, происходитъ еще отъ того, что классъ этотъ живетъ своею особою корпоративною жизнію, проникнуть въ которую постороннему человѣку въ высшей степени трудно; и сколько не трудилось этнографовъ, однако еще нельзя сказать, чтобы у насъ подъ руками были всѣ данныя, на основаніи которыхъ можно было бы вполнѣ освѣтить жизнь и роль кобзарей и лирниковъ въ современной и исторической жизни.

Для того, чтобы показать, какъ трудно въ данномъ случаѣ изученіе, укажу на такой крупный фактъ, какъ существованіе лирницкаго языка, о которомъ появились свѣдѣнія только полтора года тому назадъ въ галицкомъ журналѣ «Зоря».

Въ виду такой трудности необходимо пользоваться малѣйшими фактами, которые по мѣрѣ накопленія могутъ способствовать къ освѣщенію этого класса людей.

Предлагаемые мною этнографическіе матеріалы — результатъ моихъ наблюденій надъ лирниками въ разныхъ мѣстахъ Подоліи.

Встрѣчаться съ лирниками скорѣе всего можно на ярмаркахъ и на «отпустахъ». Особенно выдающіеся «отпусты» бываютъ: въ Браиловѣ на Троицу и на Петра и Павла, въ Летичевѣ на Ягодну (20 іюня), Карлашевкѣ (за Днѣстромъ, противъ Могилева), Лядавѣ, Мурафѣ, Голодькахъ, Улановѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Дома лирниковъ можно застать начиная съ Пасхи и до осени, въ другое время года они по большей части странствуютъ по чужимъ селамъ.

О мѣстѣ жительства ихъ можно узнать отъ самихъ же лирниковъ, такъ какъ они знаютъ другъ-друга на большомъ разстояніи. Привожу здѣсь списокъ лирниковъ, продиктованный мнѣ лирникомъ изъ м. Мизякова Александромъ. Винницкій уѣздъ: Браиловъ—Назаръ Юзвинъ—Юхремъ; Глинскъ—Адамъ; Кустовцы—Петро; Ксаверовка—Васыль; Винница—Дорохтей Карнаухій (безъ уха)[1]); Малые хутора—Мыхалко Порхонюкъ; Калиновка—Романъ; Ольхова—Франко (лядськый, молыться по польски и по русски); Межировъ—Антонъ, Меліонъ; Демидовка—Демьянъ; Кудовцы—Онохрей; Пиковъ—Ныконъ; Яновъ — Андрей Зоря; Томашполь—Дмытро; Журавно — Павло и Антонъ; Гулевцы—Иванъ; Потокъ—Левко; Щитка—Олекса Гайдай; Шершни—Михалко; Быскибка—Олекса. Литинскій уѣздъ: Литинъ—Павло; Вонячинъ — Михалко; Микулинцы—Артемонъ Коцюба; Балинъ—Давыдъ; Дашковцы—Мусій Шуга; Почапинцы—Семенъ; Багриновцы—Юхтымъ; Мальчевцы—Шымко; Широкая гребля—Михалко.

Нѣкоторые изъ этихъ лирниковъ мнѣ лично извѣстны, но о нихъ скажу нѣсколько словъ ниже.

Лирниковъ нужно строго отличать отъ другихъ нищихъ. У нихъ больше солидности, степенности, чѣмъ у остальныхъ нищихъ, но главнымъ образомъ они отличаются отъ нихъ какъ инструментомъ—лирой и репертуаромъ своихъ пѣсенъ, такъ и тѣмъ, что представляютъ собою отдѣльный классъ въ народѣ, для вступленія въ который требуются особыя условія. Недостаточно нищему слѣпцу купить лиру, чтобы быть лирникомъ, но онъ долженъ прежде пріобрѣсти право носить ее, долженъ вступить въ «лирництво». За самовольное ношеніе лиры дѣды—лирники строго наказываютъ—бьютъ виновныхъ и уничтожаютъ лиру.

Желающій быть лирникомъ обязанъ идти въ науку къ старому лирнику, у котораго въ продолженіи 3 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ изучаетъ лирницкій языкъ, молитвы, игру на лирѣ и пѣніе религіозно-нравственныхъ, сатирическихъ и другихъ пѣсенъ. Нужно замѣтить, что учить лирницкимъ пѣснямъ имѣетъ право только лирникъ. Учитель по отношенію къ ученикамъ является «хазяиномъ», и они называютъ

---

[1]) Мыколаевськый москаль, дуже любыть выпыты—навить лиру пропывае. Багато знае лирныцькыхъ писень.

его «дядькомъ» и «господинъ хазяинъ». За обученіе онъ получаетъ отъ учениковъ въ качествѣ вознагражденія только то, что они успѣютъ выпросить; а для этой цѣли посылаетъ ихъ по селамъ, причемъ каждому изъ нихъ нанимаетъ на свой счетъ поводыря.

Въ началѣ обученія ученикъ, кромѣ пѣсенъ, необходимыхъ для него, какъ для будущаго лирника, выучиваетъ еще слѣдующую, которую спеціально употребляетъ для выпрашиванія милостыни. Онъ входитъ въ хату какого-нибудь хозяина, становится на колѣни, или, какъ говорятъ, «кленчытъ» и, пригинаясь къ землѣ, поетъ:

Же Сынъ то Божый, мамцю,
Же Духъ то Святый, квитю,
Въ вашому дому пробувае,
Вамъ у помичъ стае.

Же мылая моя, мамко,
Же мылый то, отче,
Возлюбленныце Божа,
Наслидныце Хрыстова!

Такъ маюче, моя мамко,
Такъ маюче, моя квитю,
Пры серци сокрушеннимъ,
Пры дому благословеннимъ

Сорочечку, моя мамцю,
Сорочечку, моя квитю,
Альбо штанци на мое то гришне тило
На прыкрываніе.

Прыкрыйте, моя мамцю,
Прыочыстьте, моя квитю,
И отъ калу, и отъ бруду,
Якъ самъ Господь прыкрывае:

Древо лыстомъ—корою,
А землю травою,
А сонце луною,
А воду тмлою,

А рыбу лускою,
Небо оболокамы,
А птыцю пырамы,
А горы скаламы.

А птыцю пырамы,
А горы скаламы,
А брегы пискамы,
Небо оболокамы.

На цимъ-то, мамцю, свити жывше-нежывшы
На цимъ-то, мамцю, свити жывше-нежывшы,
Хрысту руци склавшы,
Богу й духъ отдавшы!

Спамятайтежъ, моя мамцю,
Спамятайтежъ вы цего,
Що свитъ, небо й земля его!
Штыры дошкы дубовыны,
Сажень земли-сыровыны!

Не просюжъ васъ, моя мамцю,
Не просюжъ васъ, моя квитю,
Ани сребла, ани злата, ани шаты дорогіи
Ни маеткы таковіи.

Тилько просю-возрыдаю
Нызенькымъ уклономъ,
Ангельскымъ Божымъ словомъ
Эменія Сусъ-Хрестова.

Такъ маюче, моя мамцю,

Такъ маюче, моя квитю,
Полотенця й злотыкъ
На божую хвалу—
На сорочечку собырану.

То я буду, моя мамцю,
По билымъ свити прохожаты,
Злотыкъ до злотыка собыраты,
А за васъ Господа благаты.

Такъ маюче, моя мамцю,
Такъ маюче, моя квитю,
Прадивця съ куколокъ пару
На Божую хвалу—
На сорочечку собырану.

То я буду, моя мамцю,
То я буду, моя квитю,
По билому свити прохожаты,
Куколка до куколкы собыраты,
А за васъ Господа благаты.

А цей то, мамцю, свитъ
Такъ, якъ маквиъ цвитъ
Тожъ винъ процвитае,
Нихто его не збырае:
Сыра-земля пожырае.

Такъ маюче, моя мамцю,
Такъ маюче, моя квитю,
Рушнычокъ, альбо хустыночку
На протыраніе Хрыстове.

То я буду, моя мамцю,
То я буду, моя квитю,
Болезни оченькы протыраты,
А за васъ Господа благаты:
За здоровья мамцю мыле,
За жытя дочасне.

Такъ маюче, моя мамцю,
Такъ маюче, моя квитю,
Грошыкивъ и съ пару
На Божую хвалу—
На свытку собырану.

А зимыжъ то холодни!
То я буду, моя мамцю,
Душу свою прыгриваты
А за васъ, якъ день, такъ ничъ,
Господа благаты[1])

Невыдастеся, моя мамко,
Невыдастеся, моя любко,
Не субожаете, моя квитю,
И не субожаете, моя квитю!

И не укалъ той укынете,
И не подъ нози востопчете—
Своій души царствіе,
Своій души царствіе возслидуете.

Возлюбылысь-те, мамцю, Господа
на неби,
Возлюбить же, мамцю, ныщого
на земли,
Не велыка жъ то буде трата,
Тилько буде отъ Господа Бога
заплата.

[1]) Передъ Пасхой вставляются еще слѣдующіе куплеты:

Такъ маюче, моя мамцю,
Яечокъ исъ пару,
На Божую хвалу,
Ради святъ Божественныхъ,
На свячиня Хрестове.

То я буду, моя мамцю,
То я буду, моя квитю,
Яичка спожываты,
А за васъ Господа благаты.

Такъ маюче, моя мамцю,
Такъ маюче, моя квитю,
Мукыци зъ мысочку
На пасочку собырану.

То я буду, моя мамцю,
Мукыцю собыраты
Рады святыхъ Божественныхъ
спожываты,
А за васъ Господа благаты.

Заплатыть вамъ Господь зъ найвысшого неба,
Де души и тилу найлучше потреба.

Не будьтежъ, мамцю, таковіи,
Не будьтежъ хрестіяне таковіи.
Якъ той богатый Иліонъ бувавъ,
Що срибла й злата до постаткахъ мавъ,
Винъ на церкви й костелы не дававъ

Але будьте, мамцю, таковіи,
Якъ Марія Дѣва бувала:
Идну рызу мала
На тры части паювала.

А першую, мамцю, рызу,
А першую, мамцю рызу
Святому Василію на заслону дала,
А другою рызу ныщыхъ прыкрывала.

Же третюю, мамцю, рызу
Же третюю, мамцю, рызу,
На церквы й костелы отдала,
А соби царствіе вослидувала.

Славымо тебѣ Господа Бога молымо за упокой всѣхъ сродниковъ умершыхъ, уписаныхъ, не уписаныхъ, у гробахъ сопочывшыхся; помяны Господы у царствія небесного, у покою вѣчного, у раю свѣтлого. Помяны Господы пры вечирняхъ, пры правечирняхъ, пры всиношняхъ, пры ютреняхъ и пры службахъ Божыхъ помяны ихъ Господы до Царствія небеснаго, до покою вѣчного, до раю свѣтлого, де вси святи упочываютъ де ангельску пѣснь спиваютъ. Спасетъ васъ Господь и помылуетъ, даруетъ счастія, здравія, спасенія и многа лѣта отъ нынѣ и до вѣка. Аминь.

Нужно замѣтить, что, становиться на колѣни можетъ только ученикъ,—настоящій же лирникъ этого не сдѣлаетъ, считая это униженіемъ для себя.

Когда весь курсъ ученія пройденъ [1]), учитель собираетъ дѣдовъ, и ученикъ подвергается экзамену. Выдержавъ это испытаніе, онъ получаетъ «везвилку» и становится настоящимъ лирникомъ [2]).

Экзаменъ и полученіе «везвилки» происходитъ слѣдующимъ образомъ. Когда приглашенные дѣды соберутся, тогда ученикъ входитъ въ хату, падаетъ въ ноги учителю и цѣлуетъ ихъ два раза, а третій разъ руку, остальныхъ дѣдовъ цѣлуетъ только въ руку, и выражаетъ просьбу, чтобы они позволили ему быть лирникомъ, чтобы дали «везвилку». Потомъ угощаетъ ихъ водкой, которой беретъ около $^1/_2$ ведра,

[1]) Нужно замѣтить, что учитель не выучиваетъ ученика всѣмъ пѣснямъ, которыя самъ знаетъ и ученикъ, по выходѣ изъ науки, самъ заботится о пополненіи своего репертуара, или какъ говорятъ, „доходыть разуму“.

[2]) Простой дѣдъ изъ Мизяковской слободки Андрей Полищукъ для того, чтобы быть принятымъ въ компанію дѣдовъ—лирниковъ, долженъ былъ брать „везвилку“, которая въ данномъ случаѣ состояла въ томъ, что онъ купилъ имъ водки.

вообще смотря по своему состоянію. Сначала самъ выпьетъ, потомъ дастъ три рюмки учителю, а затѣмъ угощеніе остальныхъ дѣдо́въ идетъ по очереди. Послѣ этой выпивки начинается экзаменъ: ученикъ поетъ выученныя пѣсни, играетъ на лирѣ и читаетъ молитвы. По окончаніи экзамена, одинъ изъ старыхъ дѣдовъ, по большей части самъ учитель, даетъ ученику хлѣбъ. Тотъ отрѣзываетъ съ трехъ сторонъ «цилушки», посыпаетъ одну солью и прячетъ ее за пазуху. Взятіе этой «цилушки» называется «взяты везвилку» и считается самымъ важнымъ, такъ какъ послѣ этого ученикъ становится уже настоящимъ лирникомъ и никто не имѣетъ права отнять или разбить ему лиру.

Давъ ученику хлѣбъ, дѣды высказываютъ ему всякія пожеланія: «дай тоби Боже, щобъ ты бувъ здоровый, якъ вода, а богатый, якъ земля; щобъ тоби зъ воды й зъ росы йшло»... и отпускаютъ его: «гряды во имя Господне».

Лиру онъ получаетъ или сейчасъ, или потомъ. При этомъ происходитъ слѣдующая церемонія. Учитель вѣшаетъ ее сначала на себя, потомъ поднимаетъ полу своей свитки—ученикъ накрываетъ лиру своей полой; учитель снимаетъ ремень съ своей шеи и накладываетъ его на шею ученику. Такимъ образомъ лира передана. Наконецъ учитель благословляетъ молодаго лирника, бросаетъ ему въ лиру на счастье нѣсколько монетъ и отпускаетъ его на самостоятельную жизнь.

Между этими новыми лирниками и ихъ бывшими учителями связь не прекращается. По заведенному издавна обычаю, они, изъ уваженія къ своимъ учителямъ, должны ежегодно носить имъ наканунѣ Рождества «вечеру», а на Пасху—«калачъ».

Молодые лирники относятся къ старымъ съ уваженіемъ и должны ихъ во всемъ слушаться. Если молодой лирникъ въ чемъ нибудь провинится, то старые, когда соберутся на «отпустѣ» или на ярмаркѣ, разспросивъ свидѣтелей, какъ было дѣло, по своему суду расправляются съ виновнымъ. Въ виду такихъ преслѣдованій «молодой лирникъ, какъ говоритъ отецъ лирника А. Зори, бильшъ боицця старого лирника, нижъ старшины або врадника».

Между старыми лирниками есть пользующіеся особеннымъ почетомъ. Къ таковымъ принадлежитъ Никонъ въ Пиковѣ и Павло въ Литинѣ. Но происходитъ ли это старшинство отъ ихъ выбора въ старшіе или же отъ того, что они сами собою выдѣляются въ своей средѣ, несмотря на всѣ мои старанія, узнать мнѣ не удалось.

Интересенъ обычай дѣдовъ отдавать другъ-другу «день-добри».

При обыкновенной встрѣчѣ они привѣтствуютъ одинъ другаго: «кудень клевый, лебію!» — «аби тоби кудень клевищый!» — что равносильно: «день добрый!—дай Боже здоровья!» Но встрѣчаясь на «отпустахъ» или на ярмаркахъ, они отдаютъ «день—добри». Пришедшій говоритъ: «позволь, Отче небесный, поклонытыся усимъ святымъ (возможно полный перечень святыхъ) и праздникамъ не мынающымъ (тоже полный перечень праздниковъ). Що, брацци, жывъ? здоровъ у руци, у нози? крипкій? моцній?»... и разспрашиваетъ про жизнь, хозяйство и проч., наконецъ высказываетъ пожеланіе: «щасты Боже на «соборъ» (отпустъ) или на ярмарокъ». Другой на это отвѣчаетъ: «спасибо, спасибо» и въ свою очередь отдаетъ ему «день добри». «День добри, брацци, мое: позволь, Отче небесный, поклонытыся усимъ святымъ» и прочее въ томъ порядкѣ, какъ сказалъ и первый. Отдаваніе «день—добри» тянется очень долго и тяготитъ дѣдовъ; поэтому они стараются сократить его. (При экзаменѣ же они требуютъ отъ учениковъ точнаго знанія его). Послѣ этого привѣтствія иной разъ кто нибудь изъ нихъ спрашиваетъ: «а хто, брацци, борщу запарыть?» или «козу звелычае?» То и другое означаетъ выпивку. Если у вопрошаемаго нѣтъ денегъ, то говоритъ: «не можу запарыты, бо тиста нема» (денегъ нѣтъ).

Къ числу великихъ лирницкихъ секретовъ относится ихъ языкъ. О существованіи его даже изъ крестьянъ рѣдкій знаетъ. Четыре года тому назадъ мнѣ удалось напасть на слѣдъ его. Открылъ мнѣ этотъ языкъ мизяковскій лирникъ Александръ. Большею частію отъ него, а немного отъ «жебрущаго» дѣда изъ Мизяковской слободы Андрея Полищука, мнѣ удалось составить словарь (не обладающій, кажется, возможной полнотой). Сообщили мнѣ слова подъ величайшимъ секретомъ, съ просьбою не говорить объ открывателѣ дѣдамъ, такъ какъ ему за это здорово придется поплатиться. Составлять словарь пришлось въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Для того же, чтобы не впасть въ ошибку, я весь словарь провѣрилъ нѣсколько разъ.

Относительно лирницкаго языка (называютъ его «лебійскимъ» [1]), лобурськой мовою») нужно сказать, что онъ ревниво охраняется дѣдами только по традиціи. Они говорятъ на немъ, когда никого нѣтъ, или такъ тихо, что никто не услышитъ ихъ; слѣдовательно, употребляютъ его при такихъ обстоятельствахъ, когда могутъ говорить обыкновеннымъ нарѣчіемъ.

---

[1]) „Лебійской"—отъ слова „лебій" дѣдъ.

О причинѣ и времени возникновенія его отъ дѣдовъ я ничего не зналъ. Между старыми лирниками, можетъ быть и есть преданіе объ этомъ. Въ галицкомъ журналѣ «Зоря», въ статьѣ «Дѣдôвска (жебрацка) мова» г. Викторинъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «походить она, якъ каже Павло (бывшій поводырь, отъ котораго г. Викторинъ записалъ ее), зъ часовъ панщины. Дѣдами, каже, бували тодѣ не сами старцѣ, калѣки, немочни; дѣдами перебирались и здорови селяне, що втѣкали одъ пановъ, щобъ бути вольными». Эти мнимые дѣды мстили своимъ панамъ. «Отъ же ти дѣды змовляються на що недобре, то звычайно ради бы упевнитися, щобы ихъ хто не подслухавъ, або подслухавши, бодай не заразъ порозумѣвъ усе. Одъ того певно пошло, що попридумували багато словъ, зрозумѣлыхъ хиба имъ самымъ, а переплетаючи ними звычайну бесѣду, чинили еи неразумѣлою сумѣшкою» [1]).

Справедливы ли эти слова о причинѣ и времени возникновенія дѣдовскаго языка, не знаю.

Употребляются слова этого языка по правиламъ малорусской рѣчи.

Тяжела вообще жизнь слѣпца. Кромѣ того, что онъ лишенъ счастія видѣть окружающій его міръ, пользоваться тѣми дарами природы, какіе находятся въ распоряженіи человѣка со зрѣніемъ, онъ по необходимости долженъ еще просить на свое пропитаніе и нерѣдко переносить голодъ, холодъ и униженіе. Горькое сожалѣніе слѣпца о своей участи и тяжкая жизнь его хорошо обрисованы въ записанной мною «жебранкѣ»:

Добродители мылостывіи,
Доброточкы праведніи,
Отцеви Богу спасытельніи!
А простритъ же вы руку даящую,
Подайтежъ, мамцю, що мылость ваша
Подайтежъ на Отче нашъ святый, на обмоленіе,
Свои души на спасеніе.
Ахъ майтежъ, моя мамцю, жалисть надо мною,
Надъ моею ныщотою,
Надъ моимъ то калицтвомъ довичнимъ.
Не бачу жъ я, мамцю, якъ праведне сонечко сяе.
Не бачу жъ, моя квитю, якъ день божій мынае;
Не бачу, мамцю, якъ вечерокъ, моя квитю, прымеркае.

---

[1]) „Дѣдôвска (жебрацка) мова“. „Зоря“ Липня 1886, число 13 и 14, стр. 237.

А заслоныло жъ мени оченькы заслоныло,
Якъ клыновымъ лыстомъ застелыло...
Якъ быжъ то я, мамцю, свитъ Божій выдавъ,
Тобъ я дорижокъ и стежечокъ той не засидавъ.
Воливъ бы я, мамцю, въ сыри то земли гныты
Нижъ бы, моя квитю, по билимъ свити ходыты.
Воливъ бы я, мамцю, въ матерыни утроби зогныты,
Нижъ мавъ бы на свитъ народытысь.
Воливъ бы бъ я, мамцю, заробыты,
Воливъ бы бъ я, квитю, заслужыты
Гирка моя, мамцю, зароба
Нудна моя, квитю, заслуга.

«Жебранку» эту часто приходится слышать, но не всегда въ одинаковой формѣ: иногда обращеніе бываетъ до «дядечка», часто слышатся новые куплеты, а нѣкоторые совсѣмъ отсутствуютъ. Однажды въ Браиловѣ мнѣ пришлось слышать отъ слѣпой нищей длинный и прекрасный варіантъ этой «жебранки», въ сравненіи съ которымъ приводимый здѣсь кажется небольшимъ обрывкомъ.

Всѣ нищіе поддерживались и поддерживаются крестьянствомъ. Крестьяне жертвуютъ имъ не съ брезгливымъ и гордымъ презрѣніемъ, а со смиреніемъ и дѣлаютъ это какъ что то обыкновенное и должное. Кромѣ заведеннаго издавна обычая, тутъ дѣйствуетъ еще нравственное побужденіе, которое прекрасно охарактеризовалъ дѣдъ Янко [1]) изъ Юзефовки, приселка м. Шаргорода. «Насъ есть багато бидныхъ; хто жъ дужчый, той пидтрымуе биднищого: самъ купуе муку, а тоби дасть крумку хлиба. Оттакъ жыемо: Богъ дасть тому, а торкне того— дай тому, а той дасть тому... та такъ и пидтрымуемось».

Не касаясь той высокой дѣятельности лирницкихъ предшественниковъ—кобзарей, этихъ малорусскихъ бардовъ, укажу на дѣятельность лирниковъ, которая поддается непосредственному наблюденію.

Пѣсни сатирическія и юмористическія лирники поютъ гдѣ нибудь на веселой оказіи, но на «отпустѣ», на ярмаркѣ или же переходя изъ хаты въ хату, поютъ они пѣсни духовныя и нравоучительныя; и не одному, конечно, приходилось наблюдать то сильное впечатлѣніе, какое производятъ эти послѣднія на крестьянъ. Описывается

[1]) Дѣдъ этотъ представляетъ собою большой интересъ для этнографа, такъ какъ обладаетъ замѣчательною фантазіею. Отъ него и про „велетни“ и про что угодно можно узнать.

ли, напр., что ожидаетъ грѣшниковъ и что праведниковъ, каковы мученія первыхъ и блаженная жизнь послѣднихъ; описывается ли ненормальная общественная и семейная жизнь, напр. дурныя отношенія мужа и жены, родителей съ дѣтьми, дѣтей между собою, горькая жизнь сироты у мачихи, вражда сосѣдей и т. п.—все это оказываетъ глубокое вліяніе на слушателей, и не одинъ, конечно, примѣняетъ подходящее къ себѣ. При этомъ заунывное пѣніе и игра на лирѣ еще болѣе приводятъ слушателя въ грустное расположеніе духа; глаза его устремлены или на пѣвца, или въ пространство и нерѣдко появляются на нихъ слезы.

Въ м. Шаргородѣ разъ, послѣ такого пѣнія, стоявшій возлѣ меня пожилой крестьянинъ, съ которымъ я завязалъ разговоръ по поводу слышаннаго, сказалъ: «оттакъ треба добре поступаты, щобъ питы направо, а не наливо. Може воно й справди такъ буде, якъ оци старци спиваютъ?... Може ци старци вчени, то це й знаютъ?»..

Наблюдать вліяніе лирниковъ на крестьянъ и вообще ихъ взаимныя отношенія [1]) лучше всего можно на «отпустахъ». На ярмаркѣ крестьяне—народъ занятой: всякъ спѣшитъ продать—купить и уѣхать домой; поэтому и не всякому возможно удѣлить время на слушаніе лирника. На «отпустѣ» же наоборотъ: сходятся сюда или съ цѣлію религіозною (исповѣдаются, пріобщаются), или ради развлеченія (особенно изъ молодежи), или же для покупки мониста, платковъ и т. п. и имѣютъ полную возможность послушать «божественныхъ пѣсенъ».

Въ настоящемъ году мнѣ пришлось быть на «отпустѣ» въ Браиловѣ. «Отпустъ» бываетъ въ женскомъ монастырѣ и въ костелѣ. Стеченіе сюда народу и лирниковъ бываетъ большое. Послѣднихъ здѣсь было 15 душъ. Часть ихъ была въ мѣстечкѣ (около костела не было ни одного лирника), а часть на полѣ, на дорогахъ предъ Браиловымъ. Со стороны полустанка ихъ было 3. Первымъ, кого я здѣсь встрѣтилъ, былъ лирникъ изъ м. Зинькова Бернацкій. Прошу его спѣть «панщины». «А на шожъ вона вамъ? ни, я іи не вмію». Я этому не повѣрилъ (потомъ я узналъ, что онъ дѣйствительно поетъ ее) и просилъ спѣть Николая. Возлѣ насъ остановились послушать пѣсню и богомольцы изъ ямпольскаго уѣзда. Изъ нихъ кто далъ лирнику ломоть хлѣба, кто пирогъ, а кто копѣйку. Крестьяне съ большимъ вниманіемъ прислушивались къ пѣнію. Въ это время

---

[1]) Къ уясненію взгляда крестьянъ на лирниковъ нужно замѣтить, что крестьяне называютъ ихъ „людьми Божымы“.

проѣзжали мимо насъ какія то дамы и съ насмѣшкой посмотрѣли въ нашу сторону.

— Сміецця, а не знае того, говоритъ мнѣ въ полголоса старичекъ крестьянинъ, що цей слипець може въ сто разъ достойнищый въ Бога видъ неи и видъ насъ!..

Пѣсна кончена. Идемъ дальше.

— Ото якый красный чоловикъ, говоритъ сочувственно «молодыця», щобъ то самому заробыты та щей другому даты, мусыть у другихъ просыты.

Завожу разговоръ о дидахъ со старичкомъ; о нихъ онъ высокаго мнѣнія.

— А хто по вашому мылосерднищый до лирника? спрашиваю его.

— Та вже жъ мужыкъ. А хиба дидъ навчыть чому небудь злому? Заробляючы хлибъ, спивае божественни писни, люде его слухають и може яке серце здригнецця и схаменецця...

Въ самомъ Браиловѣ какъ въ мѣстечкѣ, такъ и около монастыря богомольцевъ была масса, думаю тысячъ 10. Движеніе толпы безпрерывное. Въ оградѣ монастырской вокругъ стѣнъ группами (по селамъ) отдыхалъ народъ. Отъ воротъ до монастыря въ два ряда «сыдухи» продаютъ рыбу, хлѣбъ, бублики, конфекты и т. п.

Лирники разбросаны по всему подворью. Возлѣ каждаго густая толпа слушателей, всѣхъ возрастовъ и половъ крестьянъ; нѣкоторые изъ нихъ для большаго удобства садятся тутъ же на землѣ около лирника. Въ кружкѣ царитъ тишина, кой когда нарушаемая тѣмъ или инымъ замѣчаніемъ слушателя. Если кто закажетъ пѣсню, то плотитъ 3 коп. Но по окончаніи пѣнія и очень часто во время его жертвуютъ и другіе: кто дастъ копѣйку, кто калачикъ. Послушавъ одного лирника, направляются къ другому; ихъ мѣсто занимаютъ новые пришельцы. (Если лирникъ просидитъ нѣкоторое время безъ слушателей, то переходитъ на другое мѣсто). Я замѣтилъ одного «парубка», который переходилъ отъ одного лирника къ другому.

— А сподобалысь вамъ оци писни? спрашиваю его.

— А якъ же, сподобалысь. Цилыхъ 12 часовъ стоявъ бы та слухавъ ихъ. Якъ то жаль, що въ насъ, коло Шайгорода, нема лирныкивъ.

> Братъ на брата ворогуе,
> Сестра на сестру чары готуе...

поетъ лирникъ.

— А хиба жъ то нема такъ на свити, якъ оце дидъ спивае?... слышится въ толпѣ.

Подхожу къ слѣдующей группѣ и слышу рыданіе, которое по временамъ то усиливается, то переходитъ въ всхлипываніе. Тутъ были большею частію слушательницы—взрослыя и юныя дивчата. Кто знаетъ—можетъ быть здѣсь были и сироты, про горькую долю которыхъ пѣлъ лирникъ:

Хоць сырота робыть, робота ій ни защо—
Все говорыть мачуха: сырота лядащо.

Здѣсь же остановились послушать пѣсню и двѣ панны, но незамѣтно было, чтобы «сыритка» произвела на нихъ впечатлѣніе, и улыбающіяся ихъ физіономіи представляли собою рѣзкій контрастъ остальной картинѣ...

Въ другой группѣ крестьянинъ проситъ лирника спѣть преподобнаго Ивы, но дѣдъ его не знаетъ.

— Отъ уже пятёхъ пытавсь, и нихто не вміе, а давно вже я его чувъ. То заспивайте жъ, диду, Почаевськой Божои Матери, но тилько такъ, якъ у кнызи напысано.

— Оттожъ то й бида для насъ, що де хто понаучувався зъ кныжокъ, тай хлибъ одъ насъ одбыва...

Въ оградѣ монастырской, кромѣ лирниковъ, было много и другихъ нищихъ. Тамъ, около воротъ сидитъ калѣка, положивъ предъ собою на тряпочкѣ почернѣвшія кости ногъ своихъ и проситъ Христа—ради; тутъ же благообразной наружности слѣпой старецъ «вычытуе» акаѳисты; просятъ милостыню—«добродители мылостывіи»... слышится съ разныхъ сторонъ. Слѣпыя нищенки держались группами и пѣли то «жебранку», то 12 пятницъ.

Были здѣсь и такіе, что читали акаѳисты по книгѣ. Имъ точно такъ же какъ и другимъ нищимъ жертвовали богомольцы. Меня особенно заинтересовалъ одинъ такой старикъ. Съ очками на носу, онъ цѣлый день на одномъ мѣстѣ читалъ псалтырь. Около него, какъ и возлѣ всякаго нищаго, была «торба» съ милостыней. Но, видно, нѣкоторое время онъ не получалъ подаяній; поэтому съ горя обратился къ прохожимъ:

Дайте, мылостывіи хрестіяне
Дайте, що мылость ваша,
Дайте, хоць по шыи дайте
И за те спасыби скажу—
То буду знаты, що не даромъ стоявъ...

Подхожу къ лирнику. Вокругъ него слушатели. Пѣлъ онъ «Олексея». По окончаніи пѣсни, прислушиваюсь къ разговору.

— Добре зробылы, що не просылы спиваты, бо я не спивавъ бы, говоритъ лирникъ.

Разспрашиваю. Бабы объясняютъ мнѣ, что онѣ совѣтовали «хлопцямъ» сложиться на 5 коп. и послушать Коновченка, но лирникъ отказался пѣть его.

— Хочъ ця писня дуже гарна, але диды спиваютъ іи по празднывахъ, то що... объясняетъ мнѣ сосѣдъ.

Потомъ я разспрашивалъ лирника Зорю о причинѣ этого отказа. Онъ объяснилъ мнѣ его тѣмъ, что, вѣрно, самъ лирникъ не умѣлъ пѣть его, такъ какъ пѣсню про «панщину» и Коновченка лирники, въ виду запрещеній со стороны монахинь, не поютъ только въ оградѣ монастырской. По словамъ Зори, Коновченка во время праздниковъ заставляютъ пѣть почти во всякой хатѣ.

Думу эту впервые пришлось услыхать отъ крестьянъ. Поютъ ее въ Дашковцахъ, Мизяковскихъ хуторахъ и въ Гущинцахъ. Въ Дашковцахъ я записалъ незначительный варіантъ ея отъ старика крестьянина Романа Гедзя, большаго любителя пѣсенъ. Поютъ эту думу даже «дивчата». Присутствовавшая при записываніи одна женщина сказала: «моя дивка тилько штыры разы прослухала цю писню тай уже всю спивае».

Полный и интересный варіантъ Коновченка я записалъ отъ крестьянина с. Гущинецъ, калѣки Александра Димнычa, по прозванію «Плазуна». Отъ него же я пріобрѣлъ и нѣкоторыя другія лирницкія пѣсни. Знаніе ихъ Димнычемъ объясняется тѣмъ, что онъ, какъ мастеръ дѣлать скрипки, лиры [1]), бываетъ въ частыхъ сношеніяхъ съ лирниками и отъ нихъ выучился этимъ пѣснямъ.

Изъ извѣстныхъ мнѣ лирниковъ я имѣлъ больше возможности наблюдать мизяковскаго лирника Александра. Онъ особливо интересенъ тѣмъ, что не слѣпъ и обладаетъ хорошимъ зрѣніемъ. Нужно замѣтить, что существуютъ, хотя какъ рѣдкое исключеніе, и «выдючи» лирники,—какъ Семенъ въ Почапинцахъ и Мина изъ кіевской губ. (говорятъ, что они немного видятъ). Но были у Александра особыя обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ онъ пошелъ въ диды. Въ малолѣтствѣ остался онъ сиротой и попалъ въ опеку къ дядькѣ. Тотъ отдалъ его въ поводари, и съ этого времени начинается жизнь его среди лирниковъ, жизнь скитаній по бѣлому свѣту. Страсть къ

[1]) За лиры онъ получаетъ отъ 2-хъ до 3 рублей.

странствованію, къ перемѣнѣ впечатлѣній настолько въ немъ укоренилась, что приводы въ свое село по этапу, стараніе полиціи водворить его на мѣстѣ жительства, подѣйствовать на него не могли: сегодня приведутъ, а чрезъ день—два онъ опять уже странствуетъ. Бывалъ онъ когда то и на работахъ, но придетъ пора, онъ затоскуетъ и опять пойдетъ въ «сьвиты». Въ настоящее время ходить за милостыней ему никто не препятствуетъ, только въ своемъ селѣ десятскіе съ сотскимъ иной разъ высказываютъ по этому поводу желаніе полакомиться водкой на его счетъ. «Хиба я кони краду, чы коморы розбываю, що воны до мене чипляюцця? До жыдивъ бильшъ у ныхъ мылосердія, чымъ до хрыстіянына»... жалуется онъ на нихъ.

Поводаремъ Александръ былъ у слѣдующихъ лирниковъ: у Мусія Шугы изъ Дашковецъ, у Юхрема изъ Юзвина, у Юхтыма изъ Багриновецъ, у Габра изъ Грузького Майдана, у Демьяна изъ Демидовки, у Зозули изъ Браилова, у Назара изъ Могилевки и у Оныська изъ Ражепъ.

Ходить же самостоятельно за милостыней сталъ только нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Сначала ходилъ со слѣпымъ мальчикомъ, а послѣ женитьбы со слѣпой женой. Самъ онъ по чужимъ селамъ играетъ роль еле видящаго, а иногда и совсѣмъ слѣпого. Представляется же такимъ въ совершенствѣ: съ глазами, пущенными подъ лобъ (видны только бѣлки) онъ можетъ простоять цѣлый день; длинные волосы, всклокоченная борода и ухватки дѣлаютъ изъ него неузнаваемаго дѣда. Сознаніе того, что обманывая такимъ образомъ, онъ поступаетъ дурно, въ немъ мало развито. Онъ до того не стѣсняется, что даже разсказываетъ, какъ представляется слѣпымъ, какъ проситъ и т. п.

Крестьяне, конечно, не одобряютъ того, что онъ при полной возможности быть хорошимъ работникомъ пошелъ въ дiды, но зная, что у него, какъ говорится, нѣтъ ни кола, ни двора, зная, что онъ такъ втянулся въ эту жизнь, что оставить ее не можетъ, они мирятся съ этимъ и говорятъ: «такъ ему Богъ давъ», «то вже такый таланъ его». Вслѣдствіе такого отношенія къ нему, они очень много способствовали его женитьбѣ (случившейся 6 лѣтъ тому назадъ) на старой, слѣпой дѣвѣ. Дѣвушка эта до выхода замужъ сильно бѣдствовала. Для облегченія ея участи крестьяне и подговорили Александра жениться на ней. Вообще они относятся къ нему не съ враждой или злобой, но добродушно, а подчасъ и съ ироніей. По своимъ личнымъ качествамъ онъ слыветъ за добраго малаго. Зовутъ его или сами заходятъ къ нему послушать «божественныхъ писень» (голосъ у него

недурной). На крестьбинахъ или при другой веселой оказіи онъ съиграетъ имъ «доскочыстой» или споетъ что нибудь забавное. Соберутся ли «дивчата» и «парубки» на «улыцю» и здѣсь его лира иной разъ станетъ «въ прыгоди». Но бываетъ, что молодежь и подтрунитъ надъ нимъ. По разсказу его, въ Гущинцахъ, сосѣднемъ селѣ, надъ нимъ такъ пошутили. «Въ одній хати заставъ я парубкивъ и дивчатъ, заспивавъ имъ божественной и йшовъ уже изъ хаты, такъ дивчата й пытаюцця: «чы не даты вамъ, диду, мукыци?» — «Спасыби. Дайте, якъ мылость ваша». Воны скорійшъ до коморы, вынесли мыску мукы, дай всыпалы мени въ торбу—а шельмы й не засміюцця! Потимъ, колы я до теи мукы, а то попилъ!»

Сами же лирники не одобряютъ того, что онъ пошелъ въ диды, но если и разрѣшаютъ ему быть лирникомъ, то только потому, что онъ съ малолѣтства служилъ поводаремъ у разныхъ лирниковъ почти даромъ.

Съ женою своею Александръ живетъ въ согласіи, слушается ея, покупаетъ ей все необходимое и даже даетъ ей прятать деньги—что дѣлаетъ въ виду своей склонности выпить. Если онъ трезвъ, то жена въ это время имѣетъ полное вліяніе на него и онъ даже побаивается ея; если же пьянъ, то уже жена его боится, такъ какъ онъ можетъ и поколотить ее.

Живутъ они у одного крестьянина, за квартиру ничего не платятъ, только зимой кой-когда купятъ дровъ да за мойку бѣлья даютъ 2 руб. въ годъ. Кромѣ того жена Александра оказываетъ хозяевамъ ту услугу, что иной разъ понянчитъ ихъ дѣтей.

Александръ ходитъ съ ней только по ближайшимъ селамъ, въ дальнія ее не беретъ. Ходитъ онъ въ Мизяковскихъ хуторахъ, Майданѣ Супруновскомъ, Супруновѣ, Пеньковкѣ, Дашковцахъ, Лукашевкѣ, Ксаверовкѣ, Якушинцахъ, Стрижовкѣ, Лавровкѣ, Медвѣдкѣ, Павловкѣ, Калиновкѣ, Яновѣ, Гущинцахъ, Байковкѣ, Багриновцахъ, Вонячинѣ, Кривошіяхъ, Хуторахъ, Воронинцахъ, Улановѣ и друг.; бывалъ онъ и въ дальнихъ селахъ, какъ Ярошенка, Бырлинцы, Копайгородъ, Лядова; былъ два раза и въ Кіевѣ.

Выпрошенныхъ припасовъ всегда хватаетъ ему на прожитье,—иной разъ и продастъ еще что нибудь изъ нихъ. Водится у него и копѣйка. Самый лучшій сборъ бываетъ на «отпустѣ» въ день отъ 20 коп. до 1 руб. Въ послѣднее время онъ началъ зарабатывать молотьбой хлѣба у крестьянъ.

Полнымъ лирникомъ Александръ считаться не можетъ, такъ какъ не получилъ еще «везвилки». Въ виду этого онъ ходитъ съ лирою

только въ ближайшихъ селахъ, за что сосѣдніе лирники его не преслѣдуютъ. До полученія «везвилки» ему еще осталось два—три мѣсяца. Будучи новодаремъ онъ учился пѣснямъ у разныхъ лирниковъ, но въ послѣднее время учителемъ его состоялъ Андрей Зоря.

Учить же другихъ онъ не имѣетъ права, но недавно онъ рискнулъ выучить «жебранкѣ» одного слѣпаго мальчика изъ Мизяковскихъ хуторовъ и вывести его въ Браиловъ. Лирники предъявили къ нему претензію и ему пришлось бы круто, если бы онъ во время не удралъ отъ нихъ. Потомъ, когда онъ былъ въ ихъ компаніи, они экзаменовали его: спрашивали молитвы, «день добри» и заставляли пѣть и играть на лирѣ. Затѣмъ посовѣтовали ему еще доучиться («розуму дойты»), «покорытысь» кому нибудь хоть на два мѣсяца и преждевременно не брать учениковъ.

Александръ довольно общителенъ. Благодаря ему мнѣ пришлось добыть нѣкоторыя свѣдѣнія о лирникахъ. Такъ, между прочимъ, говорилъ онъ о томъ, какъ лирники, поклонники Бахуса, заботятся о хорошемъ мнѣніи о нихъ крестьянъ: «якъ тилько лирныкы заходятъ въ коршму пыты, то вышлють на сторожу одного поводаря, щобъ знаты, якъ хто буде иты: щобъ не сказалы люде, що старци Божи пьянствують». Отъ него я узналъ обрядъ посвященія, который въ общемъ провѣрилъ у Зори, «день добри» (тоже провѣренное), пѣсню «якъ кленчать», «жебранку», и нѣкоторыя другія.

Лирникъ Андрей Зоря. Не разъ мнѣ приходилось слышать хорошіе отзывы о лирникѣ Зорѣ, хвалили его какъ хорошаго пѣвца и музыканта. Зоря средняго роста и съ виду еще совсѣмъ молодой безъ усовъ и бороды. Настоящая его фамилія Довгалюкъ. Зоря—прозвище.

Первыя мои посѣщенія къ нему были не совсѣмъ удачны—все не приходилось застать его дома. Живетъ онъ въ м. Яновѣ на «Царській гори», у своего отца. Отецъ его (по прозванію—Редько) удѣлилъ ему половину дома и третью часть огорода—поля еще не даетъ. Хозяйство у нихъ, какъ и у всякаго крестьянина—хозяина средней руки. Предъ Пасхой на ихъ куткѣ былъ пожаръ, сильно повредившій ихъ домъ и уничтожившій всѣ постройки. Исправленіе дома обошлось Зорѣ и старику по 40 рублей.

У Зори, кромѣ отца, есть еще мать, сестра, братъ, жена и сынъ. Отецъ его словоохотливъ и откровененъ. Пошли у насъ съ нимъ разговоры о житьѣ-бытьѣ и о его сынѣ. О немъ онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее.

«Андрей саме тоди родывся, якъ ходылы на варту зъ спысамы—цебъ то въ мятежъ. Бувъ и я якось на тій варти. Прыбигае( ) ене су-

сида дай каже, щобъ я ишовъ до дому, бо гости маю—давъ мени Богъ сынка Андрея. Я щей тоди увыдивъ, що винъ слипый буде. Якось потымъ, черезъ килька рокивъ, якъ стоялы у насъ москали, одынъ пидхвебель й каже мени, щобъ я визъ сына до одного дохтора назвавъ и мисце. И що той дохторъ такъ зробыть, що ему очи одкрыюцця. Збыраюсь ото ихаты, збываю копийку, захожу въ волость, щобъ то бумагу взяты, а нашъ цырулныкъ жыдъ клянецця передъ мною и передъ волоснымъ, що нихто вже Андрееви не поможе, бо то такъ ему зъ рода. «Потратытесь, каже, и ничо съ того не буде—готовъ голову свою даты въ закладъ.» Думавъ я, думавъ тай заставсь дома. Чы зле зробывъ, чы добре Богъ его зна»...

«Якъ Андрей пидрисъ, почалы мы зъ жинкою водыты его по церквахъ, монастырахъ та костелахъ—де тилько чулы якый чудотворный образъ. Но трохы помогло ему въ нашому, Янивському костели. Зачавъ ксендзъ даваты свяченои воды, щобъ іи на платынкахъ прыкладаты до очей; зачалы мы тее робыты та молытысь до Матери Божои, вона й видкрыла трохы ему вика и появылась слеза. Писля цего ему стало лучче. Вывожу его якось на двиръ—блясвъ сонця такъ и вдарывъ ему въ очи. «Що це, тату, таке ясне»?—Це, сыну, праведне сонечко сяе. А якъ ничъ, то винъ каже, що темно. Якъ-же побачывъ блясвъ мисяця, то й пытаеця: «а це що блыщыть?»—Це, сыну, мисяць свитыть. Теперъ вже добре знае, колы, день, колы ничъ».

«Йдуть лита, отъ и прышла пора подуматы що робыты зъ Андреемъ. Дочку вже, слава Богу, выдавъ замужъ и отдилывъ іи зъ зятемъ, а все що остаецця, все це достанецця по мои смерти Андрееви и менчому мому сынкови. Щожъ думаю соби, буде винъ дурно сыдиты, якъ неможе хазяйнуваты, нехай ынчымъ способомъ працюе. Виддавъ его въ науку до пыкивського лирныка Ныкона. Той мени каже, що визьме мого Андрея на 3 годы й 3 мисяци. Що я не допросывсь, щобъ скорійшъ выпускавъ его, ничого не помогло. «Не можу, каже: якъ здавна заведено, нехай такъ и остаецця». Вывчывсь винъ скоро, розумомъ Богъ его не обдилывъ. Не маю що жалкуваты: поведенія винъ добраго,. не пьяныця, людей шануе и его люде шанують. Отъ, якъ здыбаюсь зъ якымъ чоловикомъ зъ другого села, та якъ начне мени его хвалыты, то мени такъ мыло це слухать (а перше не прызнавалысь такъ до мене!)».

«Потимъ пидойшла пора и женыты его. Теперъ въ него вже й дытынка е и стараецця винъ для своеи симьи. А старатыся мусыть, бо й для симьи й для поводара треба. Поводаръ бере дохидъ (бѣлье,

одежду и обувь) и 6—10 карбованцивъ въ рикъ. Та ще, якъ лучыцця добрый, а то часомъ прыдасця таке ледащо, що вкраде и обмане».

— А такъ не буває, щобъ дидъ-лирныкъ вкравъ?

«Межы дидамы за це трудно, а бувае воно межъ поводарамы—вся бида на ныхъ! Въ Браилови на отпусти одынъ поводаръ-сынъ тогожъ лирныка, що водывъ—вкравъ кашкета, то лирныкъ, батько его, попросывъ, щобъ протяглы сынка дай всыпавъ ему гарачыхъ для наукы... А безъ поводара слипцеви трудно обійтысь, хоць мій Андрей може и самъ зайты куда завгодно. Разъ прыходять до мене лирныкы—йшлы воны въ Калынивку на ярмарокъ—тай просять, щобъ и Андрей йшовъ зъ нымы. Пишовъ винъ. Пидъ вечеръ поросходылысь диды зъ торговыци, а Андрея й забулы взяты съ собою. Бачыть винъ, що самъ зоставсь и никому его весты, вставъ дай пишовъ до дому. Черезъ села зъ Калынивкы йде дорога до Пыкова, а есть поворотка и въ Янивъ. Поворотку ту винъ якось и промынувъ. Не хтилось ему назадъ вертатысь, отъ винъ и пишовъ въ Пыкивъ, а зъ видтиль и прыихавъ до дому».

Я высказалъ удивленіе, что его сынъ изучилъ такую длинную дорогу.

«Що-то це. А отъ рокивъ 30 тому назадъ бувъ у насъ въ Янови старый лирныкъ Юхремъ, дакъ винъ човномъ издывъ по рици, ятири наставлявъ и рыбу ловывъ. Наставыть ятира, а потимъ прыиде до него. А війде въ лисъ, то всяку птыцю знае. Винъ бачте, ослипъ на 18 року, то ему зъ малку все це було звисно.

Хорошее мнѣніе старика-отца о своемъ сынѣ потомъ вполнѣ подтвердилось, когда я узналъ его. Хотя онъ еще молодъ, но уже установился и развитъ не по лѣтамъ.

Въ настоящее время между дѣдами ходитъ молва, что имъ воспретятъ ходить по міру и засадятъ въ богадѣльни. Это ихъ страшитъ и очень волнуетъ. Привожу здѣсь мнѣніе Зори, высказанное по этому поводу.

— Богъ его зна на що то запрещають намъ за мылостынею ходыты. Перше хоць за пашпорты пыталысь, а теперъ прямо кажуть: не ходы. Того ярмарку въ Калынивци врадникъ цилый день гонывъ насъ: «выберайтесь, каже, звитце», тай годи (Богъ его зна чого ему хочецця!) «У васъ е общество, нехай воно васъ отрымуе». А хиба насъ воно не отрымуе? Тилько не одно село, а багацько силъ. Score можужъ я но въ свому сели за мылостынею ходыты, тоди зовсимъ пропавъ бы, бо мылостыня якъ стрила—кого схоче, того вдарытъ. Якъ намъ буде воспрещено ходыты, то не буде съ чого й жыты. Ску-

дова будемо пытаты тѣлеса своя? Гонывъ бы насъ, якъ бы мы былысь або що... Бувае часомъ такый дидъ, що впьецця, а звисно: пьяный чоловикъ свичкы не поставыть, тильки звалыть; тай выходыть, якъ то кажуть: паршыва вивця все стадо портыть. Но не всижъ таки!

— Ходыть чутка, що ныщоту будуть браты въ богадѣльни. А хиба видъ тыхъ богадѣльнъ намъ лучше буде въ свити жыты? Тымъ тильки добре буде, хто буде завидуваты тымы богадѣльнямы (добре кишени понабывають), а намъ ще гиршъ буде, якъ було. Запруть тебе туды, якъ горобця въ клитку, сыды тай цвириринькай... Якъ же мы ходымо по свити, то спиваемъ про Божество та молымось за мыръ Богу—за те насъ и годують!

Репертуаръ Зори состоитъ изъ 42 пѣсенъ и одного акаѳиста. По словамъ Зори, его учитель, лирникъ Никонъ, знаетъ 47 пѣсенъ и 3 акаѳиста, а одинъ изъ лирниковъ с. Журавнаго знаетъ 120 пѣсенъ. Самъ Зоря предпочитаетъ пѣсни религіозно-нравственныя, такихъ же, какъ «теща» и т. п. недолюбливаетъ.

Отъ него я записалъ интересный варіантъ «панщины». Прочитавъ ее, далеко не получишь того впечатлѣнія, какое бываетъ при пѣніи ея лирникомъ. Глубокій юморъ, безпощадная и сильная иронія мстятъ бывшимъ панамъ за рабство, за попираніе человѣческихъ правъ и достоинства. При пѣніи ея присутствовали крестьяне. У стариковъ она будила воспоминанія о пережитомъ горѣ, о подневольной работѣ, о розгахъ, о всевозможныхъ несправедливостяхъ и т. п. прелестяхъ крѣпостной зависимости. Со слезами они слушали ее и во многихъ мѣстахъ комментировали. Даже дѣти 9—10 лѣтъ и тѣ по адресу панщины посылали проклятія.

— Ходыть чутка, що паны назадъ хотять панщыну вернуты.—Ну, ну, було та мынуло!... слышится разговоръ.

«Панщыну» поютъ не одни только лирники, поютъ ее и остальные крестьяне. Кромѣ «панщыны» я записалъ у Зори еще другія пѣсни, приводимыя ниже.

Лирникъ Никонъ. Большой интересъ представлялъ собою для меня пиковской лирникъ Никонъ. Часто мнѣ приходилось слышать хорошіе отзывы о немъ крестьянъ, но для меня особенно интересно было то, что о немъ высокаго мнѣнія сами лирники, какъ Зоря и Александръ. По словамъ послѣдняго, Никонъ у лирниковъ вродѣ начальника, имѣетъ большое вліяніе на нихъ и «винъ ходыть не такъ, якъ мы, а такъ, якъ дякъ».

Домъ Никона—обыкновенная просторная крестьянская хата. Жилое помѣщеніе раздѣляется на двѣ части: первая большая комната, а другая поменьше—кухня. Вокругъ стѣнъ лавки, а вмѣсто «полу» кровать. На стѣнахъ, какъ водится, много иконъ и на крючкѣ, многозначущая для Александра мизяковскаго, «чемерка».

Семья у Никона небольшая: жена лѣтъ 45 и четверо дѣтей—двѣ дочки и два сына. Старшую дочь онъ уже выдалъ замужъ за хозяина, меньшая еще невѣста; старшій сынъ учится у кузнеца, а меньшій еще дома.

Самъ лирникъ человѣкъ еще не старый, лѣтъ подъ пятьдесятъ, средняго роста, русый съ небольшой жидкой бородкой и низко опущенными на лобъ длинными волосами, производитъ довольно пріятное впечатлѣніе. Лицо у него выразительное: видна твердость, энергія и умъ. Поговоривъ съ нимъ, я увидѣлъ, что онъ очень развитъ и что кругъ его понятій, въ сравненіи съ другими лирниками, гораздо шире. Онъ имѣетъ понятіе о книгопечатаніи, о типографіи; по его словамъ, типографія прежде находилась въ Почаевѣ, а потомъ была перенесена въ Кіевъ. На жизнь и людей смотритъ съ точки зрѣнія религіи и справедливости [1]). Въ разговорѣ употребляетъ массу текстовъ и поговорокъ. Съ большою любовью относится къ своимъ пѣснямъ. Творцами пѣсенъ религіозно-нравственныхъ онъ считаетъ святыхъ и апостоловъ.

Меня интересовало, какъ онъ смотритъ на дѣятельность лирниковъ; поэтому, заговоривъ съ нимъ о томъ или иномъ трудѣ людей, я спросилъ какъ онъ смотритъ на трудъ лирниковъ. На это онъ сказалъ, что Іисусъ Христосъ для проповѣдыванія своего ученія избралъ учениковъ и 12 апостоловъ, а по вознесеніи своемъ оставилъ для этого хромыхъ и слѣпыхъ [2]).

Относительно лирниковъ Никонъ замѣтилъ, что между ними есть всякій народъ и что «есть и такый, що перелепече писню скорійшъ, абы мылостыню взяты, а есть и такый, що цего не зробыть, бо це гришно. Вже мени най Богъ простыть, а якъ часомъ писня довга, а я зморанный, то въ идни хати почну, а въ другій скинчу».

---

[1]) Я того мнѣнія, что, производя вліяніе на общество пѣснями духовными и моральными, лирники (лучшіе, конечно, представители этого класса, такъ какъ и здѣсь есть люди и людишки) и сами находятся подъ вліяніемъ этихъ пѣсенъ.

[2]) Взглядъ этотъ отчасти аналогиченъ со взглядомъ кобзаря Андрея Шута. „По его понятіямъ нищій существуетъ на то, чтобы напоминать людямъ о Богѣ и о добродѣтели". Зап. о южн. Рос. Кулиша, стр. 45.

Затѣмъ онъ снялъ «струментъ» и предложилъ послушать что-нибудь. «Оцеи вы десь певне не чулы?» и заигралъ Николая кіевскаго.

Заговорили про думу «Коновченко». Онъ съ удовольствіемъ говорилъ о ней, всю історію назвалъ правдивой. Когда же жена сказала, что это выдумки дѣдовъ, онъ съ серцемъ отвѣтилъ: «эхъ, бабы, вы то й есть татары, туркы—босурмане, колы цему не ймете виры!» Коновченка по его словамъ заставляють пѣть родители непокорныхъ дѣтей («выплачуцця добре»), а особенно предпочитають его «парубки», которымъ очередь идти въ солдаты.

— А вы, диду, знаете що то таке бандура, чулы якъ вона грае?[1]).

— Колысь въ Кыеви чувъ. Бувъ въ нашій компаніи кобзаръ. Отъ винъ начавъ до себе запрохаты, щобъ послухалы думу, но надійшовъ якысь панъ, дай каже людямъ: «ходить та послухайте лучше божественну писню--то буде, якъ бы вы молытву слухалы, а якъ за це дасте що старцеви то буде якъ бы на молытвы дано»... То народъ такъ и одхлынувъ одъ кобзаря.

Затѣмъ я просилъ Никона спѣть Коновченка. Оказалось, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій, это тотъ же самый варіантъ, что и у Димныча. Здѣсь, впрочемъ, были мѣста, которыхъ не было въ варіантѣ Димныча. Я хотѣлъ записать всю думу, но Никонъ отказался отъ этого и продиктовалъ только нехватающія мѣста. Потомъ я записанное у него прочелъ Димнычу и оказалось, что Димнычъ когда то самъ это пѣлъ, но забылъ. Никонъ отнесся къ записыванію очень подозрительно, все спрашивалъ нѣтъ ли «якого указа» и не выйдетъ ли «що недобре съ цего?»...

Такое недовѣріе съ его стороны, какъ лирника и какъ человѣка вліятельнаго въ своей средѣ, было вполнѣ понятно. Кромѣ того, много способствовало его недовѣрію и то, что кромѣ грамотныхъ крестьянъ у него еще никто не записывалъ. Долго мнѣ приходилось убѣждать его, что здѣсь не кроется никакого подвоха. Затѣмъ я записалъ у него еще псальму свят. Василію.

Самъ Никонъ учился въ Хмельникѣ и у него уже было 6 учениковъ, въ томъ числѣ и Зоря. О послѣднемъ онъ отзывался очень

---

[1]) Сколько мнѣ не приходилось въ подольской губ. разспрашивать стариковъ-крестьянъ о томъ нѣтъ ли преданій, когда появилась здѣсь лира—я ничего не могъ узнать. Про бандуристовъ же они (тѣ, которыхъ я разспрашивалъ) и понятія не имѣютъ. Впрочемъ въ Гущинцахъ, винницкаго уѣзда, одинъ крестьянинъ такъ сказалъ: „кобзари—то лирныкы. Тилько воно по руськы выходыть—кобзарь, а по простому—лирныкъ“.

хорошо и хвалилъ его игру. Объ Александрѣ мизяковскомъ замѣтилъ что ему бы онъ не совѣтовалъ идти въ диды, но ужъ если непремѣнно желаетъ того, то ему во всякомъ случаѣ нужно «покорытысь» кому нибудь хоть на два, на три мѣсяца.

Нѣтъ уже теперь такихъ лирницкихъ школъ, какъ бывали прежде. Еще лѣтъ 30 тому назадъ, по словамъ крестьянъ, была такая школа въ Махновкѣ, кіевской губ., учителемъ состоялъ въ ней старый лирникъ. Учениковъ было до двухъ десятковъ и изъ выпущенныхъ изъ этой школы молодыхъ лирниковъ нѣсколько (по обязательству) помощниковъ.

Никонъ, имѣя учениковъ, рѣдко самъ ходитъ за милостыней въ дальнія села, а по большей части ограничивается ближайшими, за то ужъ часто предпринимаетъ путешествія на «отпуста», какъ въ Браиловъ, Летичевъ, Лядову, Карлашовку, а также и въ Кіевъ.

Лирникъ Мусій Шуга. Напослѣдокъ скажу нѣсколько словъ о дашковскомъ лирникѣ Шугѣ. Встрѣчаться съ нимъ мнѣ приходилось часто, но застать дома ни разу. Поэтому ограничусь только тѣми свѣдѣніями, какія почерпнуты мною изъ разговора съ его односельчаниномъ-крестьяниномъ. Шуга ослѣпъ, будучи уже «парубкомъ»; въ настоящее время ему лѣтъ подъ 40, онъ женатъ, но дѣтей не имѣетъ. Живетъ онъ въ маленькой хаткѣ, около которой есть и огородъ, данный ему обществомъ. На мой вопросъ, есть ли у Шуги поле, крестьянинъ отвѣтилъ: «а нашожъ воно ему? хиба винъ буде працюваты коло него? Е въ него торба, зъ неи винъ и жые». Затѣмъ по разсказу выходитъ, что онъ «не пьяныця, чоловьяга добрый, позычае безъ процентивъ людямъ гроши—рубливъ 100 вже вынни ему». Всякую монету и ассигнацію узнаетъ отлично. Когда то, во время перехода чрезъ Дашковцы войскъ, удостоился онъ играть въ веселой офицерской компаніи. Подъ скрипъ его лиры офицеры протанцовали всю ночь, а за труды уплатили ему 3 руб.

Поводаря беретъ онъ только въ дальнюю дорогу, какъ на «отпуста» куда нибудь, но въ Винницу (16 верстъ) и въ Винницѣ ходитъ самъ.

Шуга учился въ Быскибкѣ у лирника Олексы. Лирникъ этотъ уже старъ и, какъ говорится, стоитъ одною ногою въ могилѣ, столь много поглотившей уже такихъ хранителей и носителей народной поэзіи. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ въ Глинскѣ 110 лѣтній лирникъ. Умираютъ сѣдыя головы, и весьма жаль, что умираютъ вмѣстѣ съ ними и тѣ преданія, какія ими хранятся, а мо-

жетъ быть и произведенія поэзіи, какъ много уже пропало такимъ образомъ историческихъ думъ, пѣсенъ и т. п.; жаль также и выработаннаго долгимъ опытомъ ихъ міросозерцанія. Изучивъ духовную ихъ жизнь, ихъ взгляды на явленія жизни, на общество, на самихъ себя, на свою дѣятельность и т. п., а также отношенія ихъ къ обществу и общества къ нимъ—этимъ самымъ можно было бы способствовать освѣщенію значенія ихъ (лирниковъ), а также и кобзарей въ жизни малорусскаго народа.

Относительно приводимаго ниже лирницкаго репертуара считаю нужнымъ замѣтить, что мною помѣщены или пѣсни, неизвѣстныя въ печати, какъ пѣсня «якъ кленчатъ», жебранка», «прыказаня», «жытіе», «Іосифъ», «суха бабка», или же представляющія собою интересные варіанты, какъ «Коновченко», «панщина», пс. св. Василію, «бида» и другія.

1.

КОНОВЧЕНКО [1].

А въ городи, городи, въ городи Черкеси
Тамъ була ненька-старенька на прозваніе Грыцыха,
А по своему мужови той Коновчыха.
Мала вона сына Ивася идынчыка,
На прозваніе мужа своего той Коновченка.
Тожъ вона его годувала и доглядала,
До старости своеи на чужи старатки не давала,
Тожъ то вона славы й потишенькы надіяла.
Ставъ сынъ, Ивась Коновченко, пидростаты
И ставъ лыцырську, козацьку науку пониматы
И згорда та спышна до ненькы одповидаты:
*) «Ненько моя, ненько старенькая!
Ой часъ-пора мени охвицырськой, лыцырськой, козацькой славы и памяты тай доказаты».

---

[1]) Здѣсь же привожу мѣста Коновченка, записанныя мною у лирника Никона
*) „Годи та годи, ненько старенькая, пры тобы пробуваты,
Шля мени подоба съ козацькымъ військомъ погуляты,
Счастія та доли строхуваты
И охвицырськой, лыцырськой славы та памяты доказаты".

*) «Сынужъ мій, Ивасю Коновченку, дытя мое молодое,
Не треба тоби охвицырьской, лыцырськой, козацькой славы и памяты
пониматы,
Но вчыся ты въ чыстимъ поли на хлибъ та на силь роботаты.
Есть у тебе, сыну мій, штыры волы половыхъ й пара коней вороныхъ,
Плужокъ зъ срибла та злота солятый».
Ставъ Ивась Коновченко згорда та спышна до ненькы промовляты:
«Якъ же я буду въ чыстимъ поли на хлибъ та на силь роботаты,
Дороги сахвяны на чепіяхъ продыраты
И сахьянови чобиткы за плугомъ доптаты,
То будуть иты козакы молодіи, выслуженькы військовіи,
То будуть на мене нарикаты,
Бабіемъ, чыпіемъ, козіемъ незвычайно называты.
А якъ же я буду охвицырськой, лыцырськой, козацькой славы—памяты, понима̂ты
То буду я одъ государя честы й славы надіяты».
**) Ивась Коновченко штыры волы половыхъ й пару коней вороныхъ
Все жъ тее въ поли покыдавъ,
Самъ до дому прыманджавъ,
На тры замкы комору розбывае,

---

*) „Сынужъ мій, Ивасю Коновченку, дытя мое молодое
Не вчыся ты пизно лягаты, а рано вставаты,
Но вчыся ты въ чыстимъ поли на хлибъ да на силь роботаты
Будутъ иты козаченькы молодіи, выслуженькы войсковіи,
удешъ до себе да на хлибъ, да на силь запрохаты
Будуть тебе Ивасемъ Коновченкомъ, хозяиномъ, называты".
**) А въ недилю барзо рано вси дзвоны дзвонять;
Ненька старенька до церковци выхождае,
На тры замкы комору замыкае,
Бо вона дуже добре знае,
Що сына свого, Ивася Коновченка, дома не застае.
Скоро ставъ Филевныкъ полковныкъ въ Черкесъ городъ уизжаты,
Корогвыцю розвываты и въ барабанъ выбываты
И до себе охотныкивъ на охоту вызываты:
„Цукерныкы, гуралныкы, пывовари,
Вынокурныкы й майданныкы!
Хто не хоче пры отцеви пры неньци прыбуваты,
Прошу до себе доли та счастія строхуваты
Лыцарськой, охвицырськой, козацькой славы да памяты доказаты",
Скоро Ивась Коновченко тое услыхавъ,
Заразъ въ поли пару коней вороныхъ й штыры волы половыхъ покыдавъ.

Семелитню одежу доставае,
А отця своего печатью прыклавше,
Сахвянови чобиткы въ рукы взявше
Той пихотою за військомъ поманджавше.
*) Ненька старенька съ церковци йдучи якъ увыдала,
Що на тры замкы комора розбыта,
Тожъ то плаче-умливае
Горко свого сына, Ивася Коновченка, проклынае:
«Щобъ тебе, сыну мій, кули не стрилялы, шабли не рубалы,
Но щобъ тебе, сыну, середъ турецькои долыны матерыни слезы каралы.
Бо ненька старенькая годувала й кровъ пролывала
Щей въ недилю до схидъ сонця плакала
Тожъ то вона плакала-рыдала,
**) Про те вона въ свому серцю сокрушеніе мала.
Черезъ городъ, черезъ Черкешчыну идуть козакы молодіи, выслуженькы військовіи
«Чы не моглыбъ вы хвильку заждаты,
Щобъ до мого сына писемце напысаты?
Нехай мій сынъ, Ивась Коновченко, по билимъ сьвити, по жовтимъ камини
Нижокъ не збывае, здоровля не терае,
Нехай винъ съ туркомъ, съ черкесомъ хоць разъ погуляе».
Взяла вона штыры волы половыхъ й пару коней вороныхъ,
Плужокъ зъ срибла та злота солятый,
То всежъ тое вона спродала
И 100 золотыхъ монетъ доклала,
А свому сынови, Ивасеви Коновченкови, конычепька вторгувала
Козакы молодіи заждалы
И писемце спысалы,

---

*) Скоро ненька старенька съ церковци прыйшла до дому тое вздрила
Упала на землю тай умлила.
**) Хоцяй же вона лае-проклинае,
Такы вона въ свому серцю мылосердіе мае.
Взяла тіи пару коней вороныхъ й штыры волы половыхъ
И плужокъ зъ срибла та злота солятый
Повела до Янкеля комаривського,
До орендаря билоцеркивського,
То всежъ тее спродала
И 100 золотыхъ монетъ доклала,
А свому сынови, Ивасеви Коновченкови, коныченька вторгувала
Черезъ городъ, черезъ Черкешчыну...

И вороного коня въ рукы взялы,
И Ивасеви Коновченкови до рукъ далы.
Ставъ Ивась Коновченко на коныка сядаты
Та писемце чытаты и горко плакаты:
«Не суды жъ мени, Боже, тутъ помыраты,
Суды жъ мени, Боже, до дому достаты,
То жъ то я буду знаты, якъ риднюю мамку шануваты»
Ивась Коновченко ставъ на коныка сядаты,
Полковныкивъ вызываты
Тай съ черкесомъ, съ татаромъ, съ туркомъ на медъ-вино выизжаты
700 звоювавъ, а 800 на арканъ звязавъ,
А до своего війська жывцемъ прымчавъ.
Ставъ Ивась Коновченко другый разъ на коныка сядаты,
На házметъ выизжаты,
Полковныкивъ вызываты.
Полковныкы ему отвичають:
«Ивасю Коновченку, барыню молодый, охотныку прыкоханый!
Мы не можемо тебе понызкаты,
Но велымо тебе за старшыну обибраты,
Но не доказуемо тоби побольше горкого трунку вжываты,
Бо козакъ пьяный славы не докаже,
Но всю зброю козацькую потерае».
«Якъ же не буду побольше горкого трунку вжываты,
То я не буду съ татаромъ, туркомъ, черкесомъ-босурманомъ той ницъ воюваты;
А якъ же я буду побольше горкого трунку вжываты,
То я буду съ татаромъ, туркомъ, съ черкесомъ-босурманомъ на прахъ-прахомъ воюваты
Ивась Коновченко 800 звоювавъ, а 900 на арканъ забравъ
И до своего війська тай жывцемъ прымчавъ.
Ставъ Ивась Коновченко, барынь молодый, охотныкъ прыкоханый
Третій разъ на коныка сядаты
И на медъ-выно выизжаты,
Не по козацьки, не по лыцырськи зброю трыматы.
Кинь головку клоныть, до него говорыть:
«Ивасю Коновченку, барыню молодый, прыкоханый!
Якъ же ты будешъ побольше горкого трунку вжываты,
То вже ты не будешь исъ татаромъ, туркомъ, черкесомъ-босурманомъ той ницъ воюваты,

Бо вже моя не може умагаты».
Ивась Коновченко коня не послухавъ,
Якъ ударывъ по пидъ сперса шпорамы,
То передъ війська всего впередъ поихавъ.
Туркы, татары-босурманы тее постереглы
Тай сталы его кулями стриляты, шаблямы рубаты.
Але кули его не стриляють, шабли не рубають,
Но матчыны слезы середъ війська карають.
Ивась Коновченко полковныкивъ просыть:
«Прошу васъ здіймить мене съ коныченька
Стыха помаленька;
Прошу, васъ, здіймить и турецькыхъ жартивъ не вразить,
Моій мамци правды не кажить,
Якою я смертію помырать буду».
Полковныкы знялы съ коныченька
Стыха помаленька
Ивася Коновченка.
*) Козакы молодіи зійшлыся на турецку долыну,
Выкопалы на Ивася Коновченка шаблямы могылу.
Черезъ городъ, черезъ Черкешчыну идуть козакы молодіи, выслуженькы войсковія.
Ненька старенька склонылась, стала просыты:
«Козакы молодіи, выслуженькы войсковіи
Скажить мени неодминную правду,
Чы е мій сынъ, Ивась Коновченко, у виську жывый та здоровый?»
«Тоби маты не журыться,
Тоби маты веселыться,
Вжемъ твій сынъ въ Туреччыни оженывся
Взявъ соби туркыню,
Горду та пышну монархыню,
Ни съ кымъ не стоить, не говорить,
Хоць передъ якымъ монахомъ **) головкы не склоныть»
«Хвалю Бога, невисткы дождала,
Тожъ буду маты пры старости литъ де головку прыклоныты».

---

*) Полковныкы дуже добре за него дбалы,
Шаблямы доль копалы и прыдолкамы выкыдалы
И зъ музыкою—капелею у черкеськи долыни поховалы.
**) Монархомъ.

(Записано отъ лирн. Никона изъ Пикова).

Черезъ городъ, черезъ Черкешчыну иде другый полкъ війська
Невька-старенька склонылась, горко плаче-умливае
И за свого сына, Ивася Коновченка, козакивъ пытае:
«Козаченькы молодіи, выслуженькы військовіи,
Скажыть мени неодминную правду,
Чы е мій сынъ, Ивась Коновченко, жывый та здоровый?»
«Тоби, маты, не журыться,
Тоби, маты, веселыться,
Вжежъ твій сынъ, Ивась Коновченко, въ Туреччыни оженывся,
Взявъ соби туркыню,
Горду та пышну монархыню,
Ни съ кимъ не стоить, не говорыть,
Хоць передъ якимъ монахомъ головкы не склоныть».
Черезъ городъ, черезъ Черкешчыну третій полкъ иде,
А впередъ козакъ иде,
Вороного коня веде.
Кинь чорнымъ сукномъ обшытый плаче, врунае,
Що за слизьмы свита не выдае,
Що одъ Ивася Коновченка здоровья не мае.
Ненька старенька склонылась, стала просыты:
«Козаченькы молодіи, выслуженькы військовіи!
Скажить мени ыменную правду
Чы е мій сынъ жывый та здоровый?»
«Тобы, маты, не журыться,
Тоби, маты, Богу помолыться:
Вжежъ твій сынъ въ Туреччыни положывся,
Взявъ соби мугылку,
Що сонце не гріе, що витеръ не віе,
А переказувавъ до мамкы
Нехай тоби серце не мліе».
Ненька старенька трыдневый обидъ справляла,
Козакамъ молодымъ бочкы зъ медомъ и вproductsномъ за браму выкатала,
Козакивъ молодыхъ напувала.
Козакы молодіи пылы та гулялы,
А Ивася Коновченка во викы виковъ прославлялы;
Зъ пушокъ, зъ гармативъ стрилялы,
Ажъ по ярахъ по долынахъ дымы стоялы,
Якъ Ивася Коновченка на викы прославлялы.

(Зап. отъ А. Димнычa изъ с. Гущинецъ)

2.

ПАНЩЫНА.

А летила зозуленька та стала куваты:
Зберицця вы, вся громада, шось маю казаты.

Позъиздылысь комисары, сталы голосыты:
Вернысь, вернысь, панщынонько, нема съ кымъ робыты.

Позъиздылысь мырови та сталы судыты:
Не будете люде добри панщыны робыты.

Мы не вмiемо косыты, наши жинкы жаты,
Хиба пидемъ въ холодокъ тай будемъ лежаты.

Мы не вмiемо косыты, наши, жинкы прасты,
Хиба пидемъ въ коноводы, навчымося красты.

А суббота назадъ себе панщыноньку гнала,
Якъ загнала въ темный лисъ, тамъ вона пропала.

Якъ загнала за граныцю, тилько шапкы выдко,
Осталыся голодрыгы, дывытыся гыдко.

Вы, хлопци, вы молодци сидайте на чотыры верхы,
Зажените панщыноньку у пущи та въ нетры.

Выйшла пани, выйшла пани на затильни двери,
Вернысь, вернысь, панщынонько, хоць намъ до вечери.

Не вернуся, не вернуся, бо ничка невыдна,
Вы жъ мене, вражи ляхы, прогналы, я съ того не вынна.

Чомъ ты, зоро, не свитыла, якъ панщына була?
А теперъ ты засвитыла, панщына мынула.

Наши соцьки и старосты люблять водку пыты,
Ходятъ рано по пидъ викна: «идить молотыты».

Сыдыть дидычъ пидъ хатою, ногы за плечыма,
Сыдять воши коныцямы съ чорнымы очыма.

Летивъ орелъ съ чужыхъ сторинъ тай истурбувався,
Якъ улетивъ въ польськый край тай издывувався.

А дежъ тiи дворы та палацы, що тута стоялы?
(Колысь булы дворы та палацы, що тута стоялы)
Теперъ тiи дворы жыды позаймалы.

Колысь було у тыхъ дворахъ висимнадцять комисаривъ,
Висимнадцять комисаривъ, а штыры пидданыхъ.

Летыть пава, летыть пава, середъ мора впала,
А щобъ тая пащынонька на викы пропала.

Колысь же то тіи паны малы ласку,
Що здіймалы съ чоловикивъ штаны, а зъ жинокъ запаску.

Колысь було панамъ добре—отъ якъ карбувалы:
Молодіи молодыци панивъ обіймалы.

Молыцця вы Богу, люде добри, до святой хвигуры,
Подурувавъ панъ яйця, подаруе куры.

Дай Боже здоровья нашій царыци,
Выкупыла съ панщынонькы наши молодыци.

Дай Боже здоровья нашому царови,
Що выкупывъ съ панщынонькы наши хозяеве.

Зъ нашымъ царомъ Александромъ не такъ воюваты,
Якъ выгнавъ у чысте поле, то въ лисъ не втикаты.

Пошлы вражы ляшкы та рубаты стосы,
Погубылы черевычкы, самы прыйшлы боси.

Дай же Боже здровья щей царивнымъ дитямъ,
Що воны намъ позволялы въ коршми посыдиты:

Въ коршми посыдиты тай щей погуляты.
Вже не прыйде осаула на панщыну гнаты.

Ахъ летила зозулечка та по надъ нови села,
А прынесла всій громаци радость и веселье.

Ахъ летила зозуленька, сила на ломаци,
Выбачайте, люде добри, вже панщына въ....

(Зап. отъ лирн. изъ м. Янова А. Зори).

3.

ПРАВДА и НЕПРАВДА.

Когда горе, горе на цимъ свити жыты,
А бронь Боже смерти—буде Богъ судыты.

Якъ чоловикъ здоровъ, всякый его любыть;
Якъ лыха годына, родына одступыть.

Якъ чоловикъ здоровъ, то любыть чужына;
Якъ лыха годына, одреклась родына.

Ой якъ тяжко, важко каминня лупаты,
Ой такъ тяжко, важко дитей годуваты.

Бо старая ненька диткы годувала,
Диткы годувала, ночи не доспала.

Ночи недоспала, то кровъ пролывала,
То кровъ пролывала, диткы й годувала.

А тепера диткы на те не вважають,
Берутъ отца-неньку пидъ ногы внымають.

Бо теперъ на сьвити така выйшла кара,
Що по всему сьвити то вже есть неправда.

Бо тепера правда стоить край порога,
А тая неправда сыдыть кинець стола.

Бо тепера правду бьють та ругають,
А тую неправду трункомъ напувають.

Бо тепера правда сыдыть у темныци,
А тая неправда у панивъ въ свитлыци.

Бо тепера правда скрызь закрыта,
Тилько есть прымита на хрести прыбыта.

Ой, Сусе жъ нашъ, Сусе, Сусе назараньськый,
Помылуй, пожалуй весь мыръ хрестіяньськый.

Ой, Сусе жъ нашъ, Сусе, Сусе провозванный,
Помылуй, пожалуй весь мыръ православный!

(Зап. отъ А. Дымнына изъ Гущинецъ).

4.

ЖЫТІЕ [1]).

Жытіе мое
Въ сьвити горкое.

Прожывъ я свій викъ,
Якъ не чоловикъ.

Въ сьвити жыючы
Биду терплючы,

Молоде лыце
Слезамы льюче.

---

[1]) Якъ лежыть у лирныкивъ яка туга на серци, то воны посядають въ кружокъ тай спивають оцю писню.

Куды я иду,
То все на биду.

Де войны бьюцця,
Тамъ слезы льюцця.

Корабель въ води,
А всей у биди.

Якъ сосна въ писку,
Такъ серце въ тоску.

Оставляюжъ я мыръ,
А самъ пиду въ монастыръ.

Тамъ я буду жыть
Щей Бога молыть.

Костей обсушу
И въ гробъ уложу.

Братіе мое
Прыйдуть до мене.

Охъ, тутъ, брате, мый
Суда Божого жды.

(Зап. отъ лирн. изъ м. Мизякова Александра).

5.

ПРЫКАЗАНЯ.

Православни хрестіяне,
Послухайте прыказаня,
Що намъ панъ Богъ прыказуе,
Дила наши заказуе.

А первое, аби вмилы,
Въ ынныхъ Боговъ не вирылы.
Чародѣйныцямъ не дай виры,
Не вчыны бисамъ офиры.

Клятьба Божа, то другое—
Заказуе Богъ намъ тое.
Вичной кары не мынае,
Хто напрасно прысягае.

А третее: не свичь хвальшыво,
Жый изъ людьмы справедлыво;
Не налягай ни на кого,
Кыдай злости, бійся Бога.

Четвертое, абы знали,
День-недилю святкувалы.
Въ церкву ходы и молыся,
Богу молысь, не линыся.

А пятое: шты отца,
Шануй матиръ.
Хто отца й матиръ пошануе,
Богъ ему вика вдаруе.

А шестое: не забывай
Люцькой кревли не розлывай;
Кровъ помстыцця—йде до Бога,
Лише не каличъ никого.

А седмое: бережыся,
Съ чужымъ мужомъ не любыся,
Введешъ въ пекло чоловика—
Звидты не выйдешъ до вика.

А восьмое: не вкрадь ничого
И не пидмовляй никого
И безъ убожои надежды,
И не вчыны жоднои крадежды.

Девятое: абы въ дому
Не вчынывъ крывды никому,
Любы его, якъ самъ себе,
Дилай добро, дасть Богъ тебѣ.

Десятое: не пожадай,
Съ чужой женой не засидай;
Не прыводь іи у грихы,
Кыдай бисовськіи втихы.

Послѣдній намъ той часъ буде,
Восплачутся всіи люде.
Будемъ слезы пролываты,
Сами себе проклынаты.

(Зап. отъ лирн. Зори).

6.

СЫРИТКА.

Дывная годына на сьвити настала:
Не идна сыритка безъ мамкы й зосталась.

Зосталыся диткы безъ риднои мамкы,
Будуть бидуваты, горко горуваты.

Отець пару знайде, буде въ пари жыты,
Несчасни сыроты пидуть пречъ служыты.

Ой пишла сыритка по сьвити блукаты,
Стритывъ іи Господь, ставъ іи пытаты:
«Куда йдешъ, сыритко?» — «Мамунци шукаты».

Верныся, сыритко, бо далеко зайдешъ,
Тыжъ своеи мамкы повикы не найдешъ,

Бо твоя мамунця на высокій гори,
А въ Господа Бога, тило спочывае въ гроби.

А пишла сыритка на той гробъ плакаты,
Обизвалась зъ гроба іи ридняя маты:

«А хтожъ то тамъ плаче на моему гроби?»
—«Тожъ то я, мамунцю, прыймить мене къ соби».

«Колы туть, сыритко, ни исты, ни пыты,
Такъ прызволывъ Господь въ сыри земли гныты.

Насыпалы земли, шо вже я не встану,
Оченькы затьмыло, що й на сьвитъ не гляну.

Насыпалы земли ажъ на мои груды,
Увыдымся, сыритко, на страшному суди.

Ахъ, якъ горко, тяжко неба сонцю достаты,
А ще горше, тяжше тебе къ соби взяты.

Пишла бъ ты, сыритко, мачухы зпросыла,
Щобъ измылувалась, сорочечку сшыла».

—«Волыла бъ я, мамко, врозь зъ тобою гныты
Нижъ чужая маты сорочечку шыты».

А чужа маты сорочкы не сшыла,
Несчасну сыритку на смерть нарадыла,
Пишла по сусидахъ іи обсудыла:

«Сырота лядащо, нехоче робыты,
Тилько опомынаецця сорочечку шыты».

Хоць сырота робыть, робота ій ни защо.
Все говорять люде: сырота лядащо.

Хоць сырота робыть, робота ій не мыла,
Все говорать люде: сырота линыва.

Хоць сырота робыть, до земли надае—
Все говорять люде: сырота не дбае.

«Пишлабъ ты, сыритко, мачухы спросыла.
Щобъ измылувалась, головоньку змыла».

А злая мачуха головкы не змыла—
Горкымы словамы здоровья вмалыла.

Не могла сыритка на серци зносыты,
Ажъ стала Господеви щыренько молытысь:

«Ахъ, Господы Боже, Спасъ, мылость твоя,
Прыймы душу-тило, де мамунця моя».

Ахъ изиславъ Господь а анголы зъ неба,
Же взялы сыритку до ясного неба.

Посадылы іи а въ чести та въ хвали,
А въ Господа Бога на правін трони.

Радуйся, сыритко, ты въ чести та въ хвали,
Остаецця злая мачуха въ пекельному огни.

Ахъ изиславъ Господь двохъ проклятыхъ съ пекла
По злую мачуху щей по тило іи.

А взялы мачуху та строго-высоко,
А вкынулы въ пекло такъ борзо глибоко.

А плавай, мачухо, одъ додна до додна
Чогожъ ты була на сыритъ не добра?

А плавай, мачухо, щей маешъ кипиты,
Отожъ тоби кара за сыроты диты.

«А я ихъ не была, а ни катувала—
Черезъ чужи диты въ пекло вслидувала.

Хочъ бы я ихъ была, то на зле не вчыла—
Черезъ чужи диты щей въ пекли смажылась.

А я ихъ не была, ани катувала
Горкымы словамы здоровья вмалыла».

Царствуй же, сыритко, въ неби со святымы,
А злая мачуха въ пекли съ проклятымы.

Будешъ ты, сыритко, Бога выхваляты
Буде жъ тебе Господь завжды ратуваты.

Котріи бильшеньки, то пишлы служыты,
Котріи маленьки пропащы на вики;

Плачуть безпрестання, не можуть пробуты
Безъ отца, безъ неньки, не можуть забуты.

Ба вже рикъ мынае, мамкы не выдаты—
Ахъ, якъ горко-тяжко въ сьвити прожываты!

Честь Богу на хвалу,
А хрестіянамъ на здоровья!

(Зап. отъ лирн. Александра).

7.

ОЛЕКСѢЙ.

Въ славному городи, а у Юрусалыми
Тамъ царъ ходыть, Господа просыть.

Задзвоны лы дзвоны а въ недилю рано,
Дай мни, Боже, хоць едыно чадо.

Давъ ему Богъ сына Олексѣя,
Назвавъ его Божымъ чоловѣкомъ.

Звеливъ отець симъ литъ годуваты,
А на восьмый у школы отдаты,

А на восьмый у школы отдаты,
А въ двадцять годъ бракъ получаты.

Ой якъ у Бога велыкая сыла
Дружыть отець по неволи сына.

Одружывше сказавъ ему жыты,
А винъ пишовъ у пущи блудыты.

Блуждавъ же винъ симъ литъ не ивше, не пывше,
Прыйшовъ въ свій домъ, якъ земля счорнивше.

Его отець знае не пизнае,
Въ своимъ доми за старця прыймае,

Въ свому дому за старця прыймае,
Сребла й злата ему въ руци дае.

Сребла й злата ему въ руци дае,
Олексѣя, свого сына и прыпомынае,

Якъ ты, старче, можешь мого сына знаты,
Велю тоби целію избудуваты.

Велывъ отець целію збудуваты,
Исты й пыты ему доношаты.

А винъ того не въидавъ и не впывавъ,
Всежъ то тое на ныщыхъ роздававъ.

Прышовъ той часъ, що Олексѣю треба вмыраты,
Ставъ Олексѣй жытія пысаты.

Дайте, слугы, ажъ до отца знаты,
Нехай градыть жытія чытаты.

Отець градытъ жытія чытае,
Зъ велыкого жалю умливае.

«Ахъ, горкый мій, горкый сьвите,
Олексѣю, ты рожовый квите!

Чомъ ты мени прежде не прызнався;
Тобѣ ты бувъ у свому дому не поневирався.

Лучшебъ було тоби царствуваты,
А ты пишовъ у пущи блукаты.

Дайте, слугы, ажъ до маткы знаты
Нехай градытъ жытія чытаты.

Матка градыть, жытія чытае,
Зь велыкого жалю умливае.

Ахъ, горкый мій, горкый мій сьвите,
Олексію, ты рожовый квите!

Чомъ ты мени прежде не прызнався
Тобъ ты бувъ у свому доми не поневирався.

Лучше було тоби царствуваты,
А ты пишовъ у пущи блукаты».

Дайте, слугы, ажъ до жоны знаты
Нехай градытъ жытія чытаты.

Жона градытъ, жытія читае,
Зъ велыкого жалю умливае.

«Ахъ муже мій, Олексѣю муже,
Якъ мы въ сьвити жылы,
Що мы жадного плода не створылы?

Мени твого плода треба й не треба,
А но треба штыры дошкы, сажень земли, спасенія зъ неба».

Олексѣя у дылу пускають,
Вирную дружыну на смерть наражають.

«Кожна птыця соби пару мае,
Кожна матка дитьмы утишае,
А я бидна зъ жалю умливаю.

Кожна птыця соби пару мае,
Кожне древо паросты пускае:

Плодне древо у раю прыймають,
А безплодне мечемъ высикають».

Дай намъ, Боже, въ сему мыру жыты,
Олексѣя въ Тройци прославыты.

(Зап. отъ лирн. А. Зори).

8.

ГРЫГОРІЙ.

Святый Грыгорій, котрый нарожденный
Зъ брата изъ сестры спложеной.
Царевичъ зъ царевною Грыгорія сплодылы
И два фунта сребла и злата уложылы,
И въ карабель забылы, и на море пустылы.

Поплывъ корабель на острови ставше.
Выйшовъ священникъ надъ море молящє,

Ввыдивъ лодку на мори стояще
И, споймавше лодку, дытя охрестылы.

И въ манастыри дытя охрестылы,
И въ манастыри Грыгорія выкормыли,
И до розуму довелы.

Довивше до розума, въ карабель забылы
И на море пустылы.

Поплывъ карабель ажъ до маткы,
А тамъ непріятель на матку напавсл.

И святый Грыгорій непріятеля побидывъ.
Матка за мужа сына повелила
И зъ нимъ бракъ получыла,
Большая въ сьвити грѣшница зостала.

Получывше законъ, всегда винъ бувъ смутный.
Матка объ этомъ не знала
Отъ, якъ узнала, то горко плакала:
Яка я въ сьвити грѣшница.

Я тебе, сыну, зъ риднимъ братомъ сплодыла,
Я съ тобою, сыну, законъ получыла
Большая въ сьвити грѣшница.

Стій, матко, не плачъ—я пойду пськаты,
Дебъ тя ти души испасаты.

Выйшовъ надъ море, рыбака спросывше
Нѣтъ ли яскыни на мори?
Взявъ его рыбакъ завизъ у яскыню.

Пошлюбывъ Грыгорій жыты у пустыни,
Ключъ у море бросяще.

Крыкнулы ангелы а съ правого краю,
Крыкнувъ священникъ на вратахъ стояще:
Де святый Грыгорій въ яскыни молящій
Грихы свои создае?

А ти рыбакы щуку-рыбу испіймалы
И въ той щуци-рыби и той ключъ нашедше,
Де святый Грыгорій въ яскыни молящій
Грихи свои создае.

Вы мени рыбакы молытву перебылы
Сто трыдцять литъ, якъ въ тіи яскыни молящій,
А ты глаголешъ, що ще й нескончавшый
Молитвы Господнеи!

(Зап. отъ лирн. А. Зори).

9.

ІОСИФЪ.

Ахъ ты, Господи мой, ахъ ты, Боже мой!
Развѣ я тебѣ (?) ты владѣтелю мой.

Ахъ ты, Господи мой и Создателю мой
Всѣхъ благихъ щедротъ и подателю мой

Ахъ, когда бъ я мавъ, якъ восточникъ слезъ,
Тобъ же я плакавъ, якъ у день, такъ у ночь.

Якъ у день, такъ у ночь, а въ своему во грѣси,
А въ своиму во грѣси и во бѣдности.

Було въ отца Якова а дванадцять сыновъ,
Не було молодца—прекрасного Іосипа.

Сонце и мисяць все продминылося,
Іосифови братя не поклоныылся.

А пойдемо, братя, а въ чыстое поле
Нажнемо, браття, а дванадцять сноповъ.

Которому снопу колосъ похылыться,
То мы тому брату вси поклонымося.

Іосиповому снопу колосъ похылывся,
Іосипови браття вси поклоныылся.

Старшый братъ продававъ, то зубамы скреготивъ,
То зубамы скреготавъ горше лютого звѣра.

Братія его запродали его,
А въ ину сторону—въ Егыпетську землю;

Въ Егыпетську землю, а въ Катару прокляту
Да невѣрному царю Фараонскому.

Отче, отче, отче Якове, чы не звисно тебѣ,
Чы не звисно тебѣ про твое сыновья?

Чы не звисно тебѣ про твое сыновья,
Про твое сыновья—про прекрасного Іосипа?

Пысавъ быбъ псалтыръ а къ своему отцу
А къ своему отцу, отцу Якову:

Изъ мя рызы зняли, то у кровъ вмарали,
Тай отцу повѣли, що звѣри роздрали.

А хтобъ мени давъ яко голубыцу,
Яко голубыцу возлитающую.

Яко голубыцу возлитающую,
А своему отцу возвищающую:

А трава мурава, то одежа моя;
А писокъ сочыця—то постеля моя;

Стины земяни—то сусиды мои;
Билый камень на мени—то то братія мои;

Билый камень на мени—то то братія мои,
Идятъ тило робакы—то то друзія мои;

А сырая земля—то то маты моя
Ахъ прыймыжъ ты мене на вичнее жытіе!
Царствуй Іосифе, царствуй во викы
Царствуй во викы, со святымы на викы.

(Зап. отъ лирн. А. Зоры).

10.

ПСАЛЬМА СВ. ВАСИЛІЮ.

Вослывайся благодать изъ устъ твоихъ, отче,
Якъ былъ еси пастыромъ добрымъ, Василію святый!
Ты вчылъ еси словесныя овцы вѣрувати въ Бога-Тройцу,
Въ Тройцу едину.

Когда демонъ за жену Евладія записавъ,
Той часъ святый Василій опрочъ бѣсовъ одогнавъ.
Плаче-болыть Кесарія, вельмы молыть Василія,
Дабы бѣсовъ одогнавъ.

Молю тебе, Василію, отче щедротлывый,
Возмилуйся надо мною, будь мя мылостывый!
Запысався мій мужъ Люцыперу пекельному
А своею кривлею.

Возглаголыть Василій: «о человѣче муже,
Бійся Бога, Евладію, согришывись дуже:
Бога-Отца упустывись, Духа Святого прогнивывысь,
Сына Божого».

Замкнувъ святый Василій Евладія дома,
А самъ пишовъ молытыся икъ Господу Богу:
«Помылуй мя, Боже-Отче,
Съ цего свита, Ты мій творче,
Пощады души»!

Рече демонъ: «Василію, не вчыны намъ пакосты,
Бо винъ же намъ запысався съ цего свита-сладосты
А ты одъ насъ одбыраешъ,
Души его намъ не даешъ,
Яко мужа нашого.

Славословять, писню спивають,
Опрочъ бѣсы втикають,
Назадъ запысы вертають,
Окномъ въ церкву вкыдають,
На Евладія нарикають,
Вельмы его проклынають,
Яко слугу своего.

«Кайся, чоловиче, гриховъ, покуты держыся
Же своему Сотворителю слезамы молыся,
Дабы тебе врази не вхопылы
И въ огнь вѣчный не вкынулы,
Бо тамъ будешъ горпты».

Возмылуйся, Боже надо мною
Чымъ согришывъ предъ тобою?
Возмылуйся, Боже, надо мною,
Чымъ не достоинъ предъ тобою,
Сотворытелю и Спасытелю мой!

(Зап. отъ лирн. Никона)

11.

ПСАЛЬМЫ СТРАСТИ.

Гробъ жыдовской затворенный,
Жывотъ Хрыста отпущенный.

Збыралыся Хрыста вбыты,
Мусіаша й прославыты.

Былы Хреста й роспыналы,
Терпивъ Хрестосъ за насъ раны;
Терпивъ раны, терпивъ мукы
Черезъ еврейскія рукы.

Ведутъ Хреста ажъ на гору
До Пылатового двору.
Пылатъ руцы умывае,
Атонъ Хреста й роспынае,
Руцы й нозы прыбывае,
Сына Божого не знае.

Бильша матка въ храсолива
Стоить въ край хреста смутлива
И на хреста поглядае,
Слизьмы умывае.

— «Охъ, Сынужъ мій возлюбленный
Про що же Ты умыраешъ,
Тило свое пресвятое
На мукы отдаешъ?

А мы Хреста восхваляймо
Алилуйя заспиваймо.
Алилуйя, алилуйя,
Слава, Хрысте, твоій страсти.

Слава, Хрысте, твоій страсти,
Сохраняй насъ одъ напасти.
Сохраняй насъ одъ болѣсти,
Не дай мыромъ всимъ пропасти.

(Зап. отъ лирн. Александра).

12.

СТРАШНЫЙ СУДЪ.

Когда часъ прыходыть, страшный судъ наступыть,
А вже прыблыжыся: хочъ ридного брата теперъ стережыся.

Хочъ винъ братъ ридній, то винъ тебе зрадыть,
Ани въ славу, ани въ счастя винъ тебе спровадыть.

Когда часъ прыходыть, страшный судъ наступыть—
А хто добре вчыныть, до царства доступыть.

А кайся гришныку, дайся до покуты,
Перестань гришыты,—можешъ въ неби буты.

Якъ же ты не зможешъ покуты прыняты,
Изгынешъ на викы щей будешъ проклятый.

Прыверныцця душа до своего тила,
Же той часъ правыцця гришныкъ свого дила.

Якъ затрубыть ангелъ а въ ангельску трубу:
Уставайте, мертви, до страшного суду.

Бо предъ страшнымъ судомъ буде земля горыты,
А жыви то й мертви будемъ вси выдиты.

Якъ зирвуцця витра такъ барзо буйніи,
А высохнутъ рики, хочъ яки быстріи.

А сойдеть Анцыхрестъ на цей сьвитъ съ смолою,
Же той часъ не буде жодного напою.

Винъ назвецця Богомъ, винъ назвецця Богомъ,
Не пыйте смолы, не ѣдите до него.

А же стане ангелъ а съ правого краю,
Не пытайте смолы—пидете до раю.

Якъ зирвуцця витра а барзо буйніи,
Ахъ изнысуть горы; горы зъ долынамы станутъ вси уривни.

Же погныють кости, же погныють кости
Передъ страшнымъ судомъ станутъ вси въ цилости.

Якъ зирвуцця витра такъ сыльно буйніи.
Якъ же спаруть дощи такъ барзо тушніи,

Такъ барзо тушніи, такъ барзо вогнени.
А погорать въ поли все травы зелени;

А погорать скоты, а погорать скоты,
Страхъ вылыкый буде щей не бувъ николы.

Ахъ же й сребло й злато той буде блыщаты,
А скалы каминня той будутъ лупаты.

Же церквы й костелы то й будуть двыжаты—
Хочъ якіи мура не будуть стояты.

Ще й тамъ на долыни Сахватія люде,
А все прыятельство вытатыся буде.

А отець изъ сыномъ розлученный буде,
А де сынъ заслужыть тамъ отець не буде.

А матка зъ дочкою разлучена буде
Ахъ, идна до пекла, друга въ раю буде.

А братъ изъ сестрою, що злее вчынылы,
А вичнее пекло соби услидылы.

А мужъ изъ жоною несовѣтно жые,
Идно на другого непрыязнь готуе.

Сусидъ на сусиду барзо ворогуе,
Идно на другого непрыязнь готуе.

Ахъ, на викы виковъ, ахъ на викы виковъ,
Теперъ той проклятый, що бувъ чоловикомъ!

(Зап. отъ лирн. Александра).

13.

12 ПЯТНЫЦЪ.

Востаньтежъ вы, хрестіяне, тай послухайте
Есть у нашего племенника папа рыньськего
Есть у кныгахъ напысано на дванадцять пятныць.
Есть первая, велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ первой нециля велыкого посту тай на хведорову.
Хтожъ тую пятныцю испостуе исъ постамы тай зъ молытвамы,
Той чоловикъ сохранный буде отъ нарожденія отъ пологу.
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Есть другая велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Благовищенія Хрыстового Хрыста Бога нашего.
Хтожъ тую пятныцю испостуе исъ постамы тай зъ молытвамы
Той чоловикъ сохраненный буде и одъ вогню, одъ пожару
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Есть третяя велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Воскресенія Хрыстового Хреста Бога нашего.
Хтожъ тую пятныцю поступать буде исъ постамы тай зъ молытвамы
Той чоловикъ сохраненный буде и одъ грыховъ Богуявленія
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Четвертая велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Рыгорія Хрестового Хрыста Бога нашего.
Хтожъ тую пятныцю поступать буде исъ постамы тай зъ молытвамы,
Той чоловикъ сохраненный буде и одъ звира зъидельного
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Есть пятая велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Вознесенія Хрыстового, Хрыста Бога нашего
Хтожъ тую пятныцю поступать буде исъ постамы тай зъ молытвамы,
Той чоловикъ сохраненный буде одъ болѣзни, одъ смутости
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Есть шестая велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Тройцы нероздѣльнои.
Хтожъ тую пятныцю поступать буде исъ постамы тай зъ молытвамы,
Той чоловикъ сохраненный буде а одъ мича гостренного, одъ напою смертельного, одъ наглои смерти,
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Седмая велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Пречыстои Божой Матери Успѣнія.

Хтожъ тую пятныцю поступать буде исъ постами тай зъ молытвамы,
Той чоловикъ сохраненный буде и одъ воды, топлянныка
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Есть восьмая велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Честнои главы сикловенія,
Хтожъ тую пятныцю постувать буде исъ постамы тай зъ молытвамы,
Той чоловикъ сохраненный буде и одъ хрыбры струсенноп
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Девятая велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Честнаго Креста Оздвиженія,
Хтожъ тую пятныцю постувать буде исъ постамы тай зъ молытвамы,
Той чоловикъ сохраненный буде и одъ гаду лютого осисающого,
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Десятая велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Мыхаила Архистрата судоправедного.
Хтожъ тую пятныцю постувать буде,
Исъ постамы тай зъ молытвамы
Той чоловикъ сохраненный буде,
А на суди винъ праведный буде,
И одъ граду, и одъ тучи, одъ залыву
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Одынадцятая велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Рождества Хрестового Хреста Бога нашего,
Хтожъ тую пятныцю постувать буде
Исъ постамы тай зъ молытвамы,
Той чоловикъ сохраненный буде,
А въ дорози, на худоби, одъ прыпадку, одъ морозу лютенного
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Дванадцятая велыкая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Ивана Хрестителя, Хреста Бога нашого,
Хтожъ тую пятныцю постувать буде
Исъ постамы тай зъ молытвамы,
Той чоловикъ сохраненный буде
Отъ наругы, отъ напасты
Богъ ему не дасть пропасты
Богъ его спасетъ тай помылуваетъ.
Ахъ вы люде, вы хрестіяне,
Мы цыхъ дванадцать пятныць тай не спостуемо,
Али мужъ изъ жоною несовѣтно жыють,

Народыцця межы нымы чадо—не простой винъ буде,
Альбо воръ, альбо катъ надъ нашымы хрестіянамы винъ разбойныкъ буде.
Тіи души сповидуе ащо пятинкы,
Прычащае що недилонькы
Али самъ Господь Богъ,
Али самъ Сусъ-Хрестосъ.

(Зап. отъ лирн. Александра).

14.

СУХА БАБКА.

Захотила стара бабка
Сыльне богатиты,
Посадыла куропяту,
Щобъ вывела диты.

Ще жъ бо не сьвитъ, ще жъ бо не сьвитъ,
Ще жъ бо не сьвитае,
А вже баба куропята
На двиръ выганяе.

А выгнала стара баба
Куропята пасты,
Сама сила пидъ прызьбою
Кужелыну прасты.

Хмарка йде, хмарка йде,
Дощыкъ накрапае,
А вже бабка куропята
До хаты зганяе.

А ще жъ не догнала—
Трое надтоптала,
На четверте спиткнулася,
А на пяте впала:
Вся праця пропала.

Сила бабка на пичи
Тай борщыкъ хлепче,
А курыця пидъ поломъ
Тай до бабкы шепче:

—Ой, бабусю, бабусю,
Що будешъ робыты?
Якъ прыйде дидъ изъ лиса,
Буде бабу быты.

А прыихавъ дидъ изъ лиса
До своёго дому,
Пытаецця своеи бабкы
Про свою худобу.

—Ой, дидусю, дидусю,
Не вынна я буду:
Я выгнала на двиръ пасты,
Наврочылы люде.

А выскочывъ дидъ на двиръ
Та вхопывъ прытыку,
Побывъ бабу, поломывъ,
До самого пыпу.

—Бодай тоби, дидусю,
Права ручка всохла:
Побывъ мене, поломывъ
Мало я не здохла.

—Бодай тоби, дидусю,
Головка облизла:
Побывъ мене, поломывъ,
Що й съ печи не злизла.

Сила бабка пидъ прыпичкомъ,
А дъ у затдиинку,

Якъ погляне дидъ на бабку—
Щей краща за дивку.

—А вберыся, бабусю,
Въ зеленее зиля,
Нехай же я поведу
Хоць разъ на весилля.

Захотила вража баба
Сыльне молодиты,
Натыкала за холявы
Зеленои руты.

Взявъ дидъ бабку за ручку
Попидъ чесну вроду,
Вывивъ іи на мистокъ—
Шелепъ къ чорту въ воду.

—Оттутъ, бабко, кайся,
Оттутъ не лякайся,
Оттутъ бигуча водыця,
Оттутъ вымывайся.

А що баба блысне,
То дидъ дручкомъ свысне.
Булькотала, булькотала,
Бо вже ракомъ стала.

А ставъ дидъ на мости
Та въ долони плеще:
Хвалю Бога, втопывъ бабу,
Оженюся я ще.

А йде дидъ до дому
Та тропачка риже,
А якъ гляне назадъ себе—
Баба зъ воды лизе.

Взявъ дидъ бабку за ручку,
Завивъ іи у свитлыцю,
Поважавъ, якъ самъ знавъ,
Перву молодыцю—
Якъ ся дидъ оглядивъ,
Къ чорту не годыцця.

Взявъ дидъ бабку за ручку
Та повивъ іи въ садъ—колючій
выноградъ.
—Оттутъ, бабко, кайся,
По цимъ выноградi
Хоць разъ покачайся.

Ой мисяця осабра
Прыпала пороша,
Тымъ дидъ бабку полюбывъ,
Що бабка хороша:

И слипа, и крыва,
Щей безъ рукы правой.
Ой, ще жъ бо я не выдавъ
Такой бабкы бравой.

А дидъ бабку спорадывъ,
На прыпичку посадывъ,
Справывъ іи кожушокъ,
То съ кыцекъ, то съ поцекъ,
Абы баби кожушокъ.

—Ой дывыся, бабусю,
Якъ то красно въ кожуси.

(Зап. отъ А. Димныча).

15.

ТЕЩА.

—Добрый вечеръ, пане дяче,
Давно въ тебе була.

Дячекъ молоденькый
На пидпрозьбу здався:
И скорчывся, и зморщывся
На Пазыну вбрався.—

Чоловикъ розигнався,
Въ одвирокъ затявся,
Якъ упавъ, зубы сгявъ
Тай но спамятався.

Ой ты, чоловиче,
Чы ты де й упывся?
Самъ же ты не тямыщъ,
За кымъ ты гонывся.

Війшовъ чоловикъ у хату
Тай у тарилку хлепче,
Якысь дидько тутъ сыдивъ,
Тилько мисце тепле.

Війшовъ чоловикъ у хату
Та въ жинкы пытае:
Моя люба, моя Пазю,
Що за гости маешъ?

Мени не казаты,
Тоби не пытаты,
Щобъ я мала лижко
На соби прыняты.

Пишовъ чоловикъ до жинчыной маты
Жинку прыскаржаты.
Не мала що теща яку справу выдаты,
Зачала его по я . . . . . ., по шулечкахъ тай вытынаты,

Надъ ричкою, надъ вербою
Тамъ его прывязала:
—Оттутъ, зятю, кайся
Трава зелененька—трохы попасесся
Быстренькая водыченька—
Трошечкы напьесся.

—Ой, мамонько, тещенько, голубонько,
Я жъ тоби не забуду,
Не на будень день, на святу недилю
Запросю жъ я тебе тай на халазію.

—Спасыби, батеньку,
Ай простыби, зятеньку,
А не маю въ чимъ,
Не маю пры чимъ,

Ой дуга у лиси,
А хамутъ у стриси,
А чопокъ у крану,
А хто купыть, то й ему.

А кобыла въ стани,
А кобыла въ стани,
А вижкы на лыпи
Ще й тіи не звыти.

Ой, мамонько, тещенько, голубонько!
Якъ зачавъ зять тещи прыбыратысь,
То забывъ іи таргана замись кабана,
А забывъ іи вошъ тай на славный тлустый борщъ.

Торишнёго року
Тай у косовыцю
Заризавъ зять тещи
Тай чорну ягныцю.

Зарызавъ зять квочку,
Зарызавъ зять квочку
Тай насолывъ мяса
Повнисиньку бочку.
Забывъ зять блоху
Тай на славную юху.

—Такы, мамонько,
Такы тещенько,
Такы не одкажыся
Такы до мене въ гости прыбырыся.

Пишла теща въ село
Позычаты всёго.
Идну хату мынула,
И другу мынула,

А въ трети псы зачула
Тай тую мынула,
А четверту покимъ найшла,
Тай въ головку зайшла.

Пишла на долыну,
Пишла на долыну
Тай вырвала ажъ тры лыпушыни,
Пошыла ажъ тры хвартушыни.

Обсмыкалася, обтыкалася
То спереду расно,
То спереду расно,
А зъ заду, якъ чортъ, страшно.

Обсмыкалася, обтыкадася,
Якъ чортъ, у гости вбралась
И спереду любо,
А зъ заду, якъ чортъ, грубо.

А такъ зять тещею зрадувався,
Якъ чортъ душею.
Зачавъ зять тещу вгощаты,
Обернувъ зять тещу до стины
очыма,
Щобъ же моя теща,
Щей мухы личыла.

Наличыла тысячу,
Наличыла и двисти,
А вже мои тещи
Пора даты исты.

А першый росилъ—
Тай носомъ объ стилъ,
А другу обтравку
Тай носомъ объ лавку.

А якъ зачавъ зять тещу угощаты
Тай мусила ему
Викномъ двери одказаты
Тай мусила . . . .
тай застрагаты.

Ой, Грыцю, Грыцю,
Позычъ тупыцю,
Будемо тесаты
Самотражныцю й гузыцю.

Зачала утикаты,
Де гусы не залитають,
Де трискы не заскакають.
Пытаеццяя іи дидокъ: де ты бувала?
Що ты тамъ чувала?
—Ой ты, старый псе, псе
Болай ты сказывся,
Чого жъ ты до мене,
До мене вчыпывся?

А що курка кыркне,
А що курка кыркне,
То вже теща на пичи
Тай получе крыкне.

Ой, що витеръ загуде—
Думае теща, зять иде
Похмилля несе, гей!
Ой щобъ я мала симъ дочокъ
За такого скурвого зятя не дала бъ
ой, ей, ей!

Ой, мамонько, голубонько,
Зять иде, похмилля несе.
Ой, выйшла теща
Дала ему симъ рубливъ срибныхъ,
Послала его на торгъ торгуваты,
Хмелю купуваты,
Щобъ винъ купывъ хмелю
Тай наробывъ пыва,

Щобъ же моя теща
Рукы—ногы мыла

А пишовъ винъ на торгъ торгуваты
Хмелю купуваты,
А не купывъ хмелю,
Накупывъ ячменю
За симъ рубливъ срибныхъ
Повнисеньку жменю

. . .

Та не наробывъ пыва,
А наробывъ дыва,
Шобъ моя теща
Рукы—ногы мыла

А пишовъ на торгъ торгуваты,
Козы продаваты.

(Зап. отъ лирн. Александра).

16.

БИДА.

Ой надъ моремъ глибокымъ
Стоить теренъ высокый,
А съ пидъ того терена
Выйшла бида молода.

Мала бида невелычка
Вчепылася чоловичка.
—Де ты, бидо, вродылась,
Що до мене вчепылась?

—А въ Кремянци родылась,
А въ Хмелныку хрестылась,
А въ Тыврови изросла,
А въ шумъ замужъ пишла.

У Винныци шлюбъ брала,
А въ Кракови прысягала.
Въ Бардычови по торзи
Издыть бида на кози.

Тамъ цыгане кони миняли,
Свою биду пизналы.

Былы биду хвайдамы
—Не йды, бидо, за намы.

Нема биди якъ симъ литъ,
Славна бида на весь сьвитъ.
Одъ Кракова до Кракова
Всюды бида иднакова,
Отъ Кремянця до Кремянця
Нема биди нигде кинця.

Пишла бида до мелныка,
Далы биди вареныка.
А якъ пишла до Кырыла,
То вже своихъ наварыла.
А якъ пишла до Матвія,
То вже зовсимъ збагатила.
А якъ пишла до Петра,
Чуть жывенька утикла

Пишла бида до Демяна,
Звиты выйшла трошкы пьяна.

А якъ пишла до Мыкыты,
Заставылы ложкы мыты,
А якъ пишла до Параскы,
Заставылы кужель прасты.

Пишла бида до шевця,
Вкрала соби реминця,
Сила бида на стильци,
Поморщыла постильци,
Сама соби дывуецця,
Що нихто такъ не взуецця.
Сила бида пидъ плотомъ
Зашывае рану дротомъ.
Пишла бида до школы,
Былы биду доволи.
А якъ пишла до попа,
Былы биду, якъ снопа,
Былы, былы, волочылы
Щей въ помыяхъ намочылы.

Пишла бида до Деныса,
Звидты вона выйшла лыса.
А якъ пишла до Кырыла,
Звидты вона носомъ рыла.
Пишла бида до млына,
Далы биди кишъ мукы.
А якъ пишла у Сумянець,
Заслужыла симъ кипъ яець,
Пидъ церквою въ Кремянцю
Дала старцямъ по яйцю.
Пишла бида въ Мугыливъ
Та купыла симъ воливъ.
Ходыть бида за Днистромъ
За воламы зъ весломъ.

А якъ пишла у Одессъ,
Ажъ тамъ бида спродалась,
Ажъ тамъ бида спродалась,
На атласы спромоглась.

А якъ пишла у Бендеръ,
Якыйсь биду бисъ обдеръ,
Бо Бендеры зъ бидою знакоми,
На атласы лакоми,
И атласы одняли,
И биди прочуханкы дали.

Пишла бида у Сумивци
Пасла вона симъ литъ вивци,
А якъ пишла по плату,
Ажъ у крайню хату,
Тамъ биди заплатылы:
Коцюбою обстрочылы,
Лопатою облаталы,
На будущый рикъ запрохалы.

Бигла бида на мистокъ,
Спотнулася на лыстокъ,
Впала къ чорту пидъ мистокъ.
Тягнуть биду съ пидъ моста,
А вже бида безъ хвоста.

Идуть люде зъ брусамы,
Взялы биду на сани,
Та повезлы до волохъ,
Проминялы на горохъ,
А Волохы каялысь,
Що гороху збавылысь:
—Вы соби биду возьмить,
А намъ горохъ вернить.

Пишла бида въ Сокилець,
Ажъ тамъ биди ставъ кинець,
Ажъ тамъ бида вмерла,
Щей ногы задерла.

Десь узявся Даныло,
Забывъ биду у барыло,
Та хтивъ іи намочыть,
Та въ Бардычивъ одтащыть.
Тамъ бувъ зъ биды добрый квасъ,
Та не було тилько насъ.

Десь узявся Прокопъ
И той биду въ морду хлепъ.
Десь узявся Танасъ

И той биду за лобъ трасъ.
Десь узявся Мартынъ —
И той бидою объ тынъ.
Десь узялася Хрыстына,
За бидою голосыла.

А прынеслы чорты Марту,
Поставыла водкы кварту.
Катерына мымо йшла
И та сорочку прынесла.
Десь узялася Марына
За биду оченашъ изговорыла.

Биди на безголовья,
А намъ на здоровья.

(Зап. отъ А. Димнычa).

Словарь.

Альмо—молоко.
Арбутка—гусь.
Алюшныкъ—сельдь.
Авры́дыты—врать.
Авлы́дныкъ—пастухъ.
Авлы́ца—корова.
Явлы́дъ—волъ.
Явлыдыня́—теленокъ.
Барай—иконы.
Батій—ба
Бахтій—тесть.
Барва́тъ—волоса.
Бату́зныкъ—веревка.
Забату́зытысь—повѣситься.
Забату́заный—завязанный.
Ба́рмусъ—шуба.
Ба́ныты—курить.
Баклу́нъ—табакъ.
Бала́йка—гу́ба.
Бетля́ты—быть.
Забетля́тысь—забыть
Беца́къ—солдатъ.
Бо́тень—борщъ.
Ботня́къ—буракъ.
Боси́вный—босой.
Бу́кша—«каша».
Бурби́ль—ячмень.
Би́ вже—уже.
Би́ винъ—онъ.
Би́ ему—ему.
Би́ мы—мы.
Би́ ты—ты.
Би́ твій—твой.
Би́ цей—этотъ.
Би шо́ би тамъ?—что тамъ?
Варна́га—курица.
Вандзо́рыты—водить.
Вывандзо́рыты—вывести.
Повандзо́рныкъ—поводырь.
Веслю́я—солома.
Ве́слюко—яблоко.
Веслю́шныця—яблоня.
Во́лыты—хотѣть.
Муньково́лю—я хочу.
Во́лотъ—конь.
Волоты́ця—кобылица.
Вовча́къ—пиво.
Восто́рка—дорога.
Вихро́—сѣно.
Влипа́ты—смотрѣть.
Влипу́шній—зрячій.
Все́ськи—все.
Вы́зитаты—выпросить.
Вы́ляксаты—вылѣзть.
Вcты́чуваты—вставать.
Гавры́шъ—горохъ.
Гавры́шныкъ—бобъ.
Гавры́шныця—фасоль.
Гальо́мый—большой.
Гардува́ты—ѣхать.
Га́лустъ—соль.
Герты́ха—водка.
Герты́шныкъ—шинкаръ.
Гу́дзь—жидъ.
Гудзи́вка—жидовка.
Гудзеня́—жиде́нокъ.
Де́лька—вода.
Вде́льчытысь—утонуть.
Де́люшныкъ—паромъ.
Дермо́ныты—рвать.
Дермо́нка, дермо́мка—дыра.
Дергу́нныця—мельница.
Докургоныты—догнать.
Досадо́мка—досада.

Ди́кончыкъ—десятскій.
Дуля́сыты—палить, горѣть.
Дуля́сныкъ—огонь.
Дуля́сный—теплый.
Ду́хомка—душа.
Дя́хныты—дать.
Отдя́хныты—отдать.
Еныть—есть.
Жоклія́—рюмка.
Закапло́ныты—запереть.
Закапло́нныкъ—замокъ.
Закапло́нныця—сундукъ.
Захарбе́ля—сума̂, «торба».
Захарба́ныкъ—мѣшокъ.
Звертій—поясъ, ужъ, гадюка.
Зивро́—ведро.
Зикро́—окно.
Зикра́—глаза.
Зитко́—рожь.
Зита́ты—просить.
Зита́ты ша́теръ—молиться Богу.
Зито́мыты—жить.
Злобуська́ты—словить.
Зру́тыты—сбросить.
Іо́нусъ—сынъ.
Іо́нуска—дочь.
Іо́рый—старый.
Іо́руста—староста.
Каврі́й—панъ.
Каврі́йка—пани.
Кадро́—пенька.
Ка́ня, капи́лія— шинокъ.
Каму́ха—шапка.
Караво́на—дѣвушка.
Карабе́льна—ложка.
Катра́ты—хоронить.
Покатра́ты—похоронить.
Скатра́тысь—спрятаться.
Ке́мить—ночь.
Кемита́ты—почевать
Ка́чыты—сидѣть.
Накачы́тель—начальникъ.
Гальо́мый накачы́тель — становой приставъ.
Ка́липный—слѣпой.
Кито́—яйцо.
Ре́псане кито́—писанка
Кле́вый—добрый.
Кле́во—хорошо.
Некле́вый—недобрый, злой.
Некле́во—не хорошо.
Клево́тыты—работать
Кли́маты—воровать.
Климу́та—воровство.
Климу́тныкъ—воръ.
Клю́са—церковь.
Клю́снықъ—крестъ.
Клю́жыты—ложить.
Поклю́жытысь—лежать
Поклю́жныця — постель, «лавка».
Кови́сто—тѣсто.
Кови́знықъ—кузнецъ.
Кови́зныця—кузница.
Ко́втуръ—горшокъ.
Ковту́рныця—кувшинъ.
Комрі́й—брюхо.
Ко́нто?—что это.
Ако́нтоль?—а чтожъ?
Ко́рхъ—попъ.
Корхы́ня—попадья.
Корхы́ныкъ—поповичъ.
Ко́тинь—возъ.
Кра́синка—кровь.
Кры́ксаты—кричать.
Кри́мъ—грѣхъ.
Крими́шный—грѣшный.
Кри́со—мясо.
Си́водне кри́со—«гыжкы».
Крутыло́—колесо.
Ку́вечеръ—вечеръ.
Кувестія́не—христіане.
Ку́день—день.
Кудо́вныкъ—колоколъ.
Кудо́ныты—звонить.
Ку́завтра—завтра.
Ку́латы, ко́псаты—бить.
Кула́шныця—ружье.
Кула́шныкъ—стрѣлокъ.
Заку́латы—убить.
Поку́латы—побить.
Ко́псаня—драка.
Кульба́ты—любить.
Ко́льба—женщина легкаго поведенія.
Ку́нсо—хлѣбъ.
Кухті́й—бѣдный.
Курды́миль—дяда.
Курды́милька—тетка.
Курля́ты—варить.

Ку́рга—лира.
Ку́ргаты—играть.
Ку́гратысь—играться.
Кура́шныкъ—музыкантъ.
Ку́матокъ—кусокъ.
Кума́точокъ—кусочекъ.
Куты́га—комора.
Кусмо́рыты—кусать.
Кусмо́рныкы—зубы.
Куче́рба—вчера.
Кы́ндыкъ—годъ.
Кы́рыты—пить.
Кыра́ка—пьяница.
Укы́раный—пьяный.
Кы́рха—свинья.
Кырхуня́—поросенокъ.
Кырху́шныкъ—хлѣвъ.
Лавда́—голова.
Ла́нюсъ—ляхъ.
Лебі́й—дѣдъ.
Ле́кша—каша.
Лекшу́нныця—ступа.
Лепу́ха—капуста.
Лико́рыты—лѣчить.
Ли́корныкъ—докторъ.
Ли́трыты—считать.
Липно́—ясно.
Лопо́тыты—молотить.
Лопо́тня—рига.
Лопо́тныкъ—молотникъ.
Лоскотыро́—полотно, холстъ.
Loха́тысь—смѣяться.
Лы́га—волкъ.
Макохті́й—мѣсяцъ.
Мана́тка—рубаха.
Мана́тя—бѣлье.
Манько́—я.
Мане́йськый—нашъ.
Маны́ця—мать.
Матлі́йка—трубка, папироска.
Махлы́чыты—рѣзать.
Махлы́чъ—ножъ.
Вы́мыхлычыты—вырѣзать.
Махлы́чныкъ—косарь.
Махлува́ты теры́гу—копать землю.
Ме́крій—малый.
Мекре́нькый—маленькій.
Ме́хли—овцы.
Мо́тень—котъ.
Мо́здиръ—человѣкъ.
Моргу́ля—недѣля.
Морзни́къ—чеснокъ.
Морзу́ля—лукъ.
Ми́лясъ—медъ.
Миля́сныця—пасѣка.
Миля́сныкъ—улей.
Омеля́снык—сахаръ
Ми́ньчыты—имѣть.
Мутла́ха—нюхат. табакъ.
Мурго́мъ—бѣгомъ.
Накато́рськый—сотскій.
Направо́шыты—исправить.
Право́шыты—править.
На́сикы—панталоны.
На́хтыты—найти.
Обна́хтыты—обыскать.
Науко́рытысь—научиться.
Науко́рныкъ—учитель.
Не́мить—нѣтъ.
Нови́вный—новый.
О́бокы—сапоги.
О́брутки—дрова.
О́брутень—голубь.
Одчыпо́рыты—отцѣпить.
Опу́лыты—купить.
Пропулыты—продать.
О́ксымъ—лѣсъ.
Осня́къ—гной.
Оша́рныкъ—ярмарка.
Пандика́ты—падать, «кленчыты».
Пасо̀рыты—пасти.
Пастикля́ты—подождать.
По́со—много.
Поми́нчыты—минуть.
Покрыво́шныця—«покрытка».
Пору́тыты—бросить.
Плаву́тень—индюкъ.
Пли́ный—бѣлый.
Пли́нчыты—мыть.
Плихти́—плечи.
Плы́ксыты—плакать.
Пна́ты—идти.
Пса́лыты—пѣть.
Пса̀льня—пѣсня.
Пса́лныкъ—дьякъ.
Пса́лка—рыба.
Псулъ—мужск. пол. орг.
Пунді́й—пирогъ.
Пухта́вка—«пампушка».
Прыю́хныты—принять.

Пы́хтыты—нюхать.
Пико́та—рогъ.
Безпико́тный—безрогій.
Ра́ха—женщина, «молодыця».
Рахті́й—дождь.
Ре́псаты—читать.
Ре́псаня—книга.
Ре́псныкъ—акаѳистъ.
Рыза́вка—кукуруза
Рута́вка—рука.
Рута́вныця—перчатка.
Сабасні́й—самъ.
Се́вяска—гречиха.
Сви́томка—свѣтъ.
Свяхта́—праздники.
Си́веръ—снѣгъ.
Сивы́риты мерзнуть.
Си́верныця—зима.
Си́водный—холодный.
Си́водно—холодно.
Си́вгородъ—городъ.
Си́враты—знать.
Си́враныця—колодезь.
Скако́мыты—прыгать.
Скаканты́ты—сказать.
Сканты́тысь—взбѣситься,
Скере́тникъ—урядникъ.
Скелы́ха—сука.
Ски́цъ, скиця́ка—собака.
Ски́тыты—уходить.
Скительня́—миска.
Скитéлныкъ—рубль.
Скрыпота́—дверь.
Одскрыпота́ты—отворить.
Скуми́ты—умѣть.
Слуго́ныты—служить.
Слуго́мка—служба.
Слугòнныця—служанка.
Слухо́мка—ухо.
Слы́хтыты—слышать.
Со́ботка—суббота.
Ставре́ныкы—вареники.
Ставро́хы—крестьбины.
Савро́шыны—молитвины.
Ставыньчыкъ—«половынчыкъ».
Сте́блюкъ—ягода.
Стеблю́шныця—вишня.
Сте́пуръ—печь.
Стекля́ты—ждать.
Сто́тень—богачъ.
Строни́ля—поле.
Сты́лъ, сты́зъ—задъ.
Сты́чыты—стоять.
Сура́ськый—красивый.
Сухмо́рыты—сушить.
Сухмай—сухари.
Ся́нко—солнце.
Сыпя́га—свитка.
Тага́ныты—нести.
Тартаса́—колбаса.
Теры́га—земля.
Теры́жныкъ—картофель.
Терна́вка—слива.
Терпелю́къ—«парубокъ».
Трасо́мыты—трясти.
Трасо́мныця—лихорадка.
Трусны́къ—сито.
Трепе́лый—добрый.
Тро́иты—кушать.
Трі́йка—обѣдъ.
Труны́ты—болѣть.
Тро́няшный—больной.
Нетро́няшный—здоровый.
Ту́ха—женск. пол. орг.
Тыры́нъ—сыръ.
Утухмо́рыты—задавить.
Хаза́—хата.
Поха́зныкъ—хозяинъ.
Поха́зныця—хозяйка.
Ха́ля—мертвецъ, погребеніе.
Ха́лыты—умирать.
Ханджува́ты—ходить.
Хало́—калъ.
Халиста́ты—цѣловать.
Хве́сь—Богъ.
Хве́сь мане́йськый—ей богу.
Хведня́—дитя.
Хвелю́стка—платокъ.
Хве́рть, те́мыхъ—чертъ.
Хви́ртъ—дворъ.
Хера́не—люди.
Хобни́—деньги.
Ходу́ха—нога.
Хо́ры—село.
Хруста́вка—грушка.
Хы́зыты—испражняться.
Цесо́—просо, пшено.
Цили́тный—цѣлый.
Цу́ба—баба.
Цы́за—вошь.

Ча́нты—лить.
Нача́ныты—налить.
Сча́нюваты—сливать.
Чужи́вный—чужой.
Шандра́къ—цыганъ.
Шале́ко—далеко.
Шате́рныця—молитва.
Шате́рныкъ— «отпустъ».
Шку́тытысь—бояться.
Шляга́ты—случать.
Шлягу́нъ—ловеласъ.
Шмурны́й—глупый.
Зшмури́ты—сойти съ ума.
Шало́то—грязь.
Шоловы́на—половина.
Шпарута—обходъ, «варта».
Штаве́ра—бракъ.
Шулинци́— «кацапы».
Шули́ція—полиція.
Шулице́йськый—полицейскій.
Шу́сто—мѣстечко.
Яндрусъ—братъ.
Яндруска—сестра.
Яныга—свадьба.
Яны́чныя—сватанье.
Яны́чытысь—сва́таться.
Япе́рыты—брать.
Зяпе́рыты—взять.
Наяпе́рыты—набрать.
Яршына́—старшина.
Яшку́рныця—пшеница.
Яшпурка—булка.

Мѣстныя назв. селъ и мѣстечекъ.

Кресны́къ—Сальникъ.
Моргу́нивъ—Сопруновъ.
Мургали́вка—Павловка.
Мургани́вци—Дашковцы.
Шайливъ—Браиловъ.

Числительныя.

1—іо́нъ.
2—двеня́.
3—скера́.
4—си́сара.
5—пе́нтза.
6—ша́ндра.
7—ти́мара.
8—витѝмара, висимты́ня.
9—ди́вора.
10—ди́кона.
11—ди́кона й іо́нъ.
12—ди́кона и двеня́.
13—ди́кона й скера́.
14—ди́кона й си́сара.
15—ди́кона й пе́нтза.
16—ди́кона й ша́ндра.
17—ди́кона й ти́мара.
18—ди́кона й вити́мара.
19—ди́кона й ди́вора.
20—двеня́ ди́конъ.
21—двеня́ ди́кона й іонъ.
30—скера́ ди́конъ.
40—си́сара ди́конъ.

1-й—іо́ный, ю́тный.
2-й—двене́шный.
3-й—скере́тній.

1 рубль—(іо́нъ) скителны́нъ.
2 рубли—двеня́ скители́въ.
3 рубля—скера́ скители́въ.
½—шоловы́на.
1 коп.—двеня́ хобни́ (два гроша).
2 коп.—си́сара хобни́.
15 коп.—руса́нъ пли́ный.
20 коп.—сиса́рка, си́сира ди́конъ хобни́въ.

Валеріанъ Боржковскій.

ВОСПОМИНАНІЯ
М. К. Чалаго [1]).

5. *Университетъ.*

(1840—1844).

Von der Wiege bis zur Bahre
Sind die schönsten die Studentejahre!
(*Изъ студенч. пѣсни*).

Путевыя впечатлѣнія и вступительный экзаменъ.

Возница нашъ Терентій оказался большимъ весельчакомъ и юмористомъ; но какъ ни усердствовалъ онъ, чтобы развеселить меня въ первый день нашего путешествія, его забавныя шутки и остроумные анекдоты не въ состояніи были разбить мою тугу. Болтовня его была мнѣ противна.

Перешагнувъ предѣлъ, отдѣлявшій меня втеченіе двадцати лѣтъ отъ всего, что находилось за чертою Новгородъ-Сѣверска, я впервые почувствовалъ себя одинокимъ, впервые сознательно отнесся къ своему прошлому. Безконечными вереницами толпились въ душѣ тѣни минувшаго: понесенныя мною утраты, угнетавшая меня нужда, семейныя драмы и огорченія... Вспомнились мнѣ и мои крохотныя удовольствія и впервые испытанное мною сердечное влеченіе къ той,

[1]) См. „Кіевск. Старина" 1889 г., № 8, августъ.

которую я такъ скоро увижу опять, ровно черезъ два года; но увижу не дѣвочкой-подросткомъ, но женщиной развитой, способной оцѣнить высокое чувство первой юношеской любви. По мѣрѣ удаленія отъ родины и приближенія къ Сваромью, незамѣтно стали исчезать одинъ за другимъ носившіеся передо мной образы надолго покинутыхъ мною лицъ, уступая мѣсто одному, завладѣвшему всѣмъ существомъ моимъ ненаглядному образу.

Мѣста, черезъ которыя мы проѣзжали, не представляли ничего привлекательнаго. Все тѣ же бѣдные города, похожіе на села, за исключеніемъ развѣ одной особенности—желтыхъ тюремныхъ замковъ, построенныхъ по одному плану во всѣхъ уѣздныхъ городахъ черниговской губерніи, однимъ и тѣмъ же жидомъ—подрядчикомъ Быховскимъ.

— Видишь, Терентій, какія палаты для вашего брата—мужика выстроены, обратился къ возницѣ, самъ едва избѣжавшій тюрьмы, мой спутникъ.

— Де вже нашему брату—мужику у такихъ хоромахъ житы—воны мабуть для панивъ збудованы, отвѣтилъ ему Терентій.

Попадались по пути бѣдныя деревушки и мѣстечки, огороды съ табакомъ, поля, уже на половину обнаженныя отъ высокой колосистой ржи. За Черниговомъ начался лѣсъ, мы въѣхали въ остерскій уѣздъ. Въ лѣсу попадались на встрѣчу мизерныя деревушки, прежде населенныя монастырскими, а нынѣ казенными крестьянами [1]). Послѣ секуляризаціи лаврскихъ имѣній, во владѣніи монаховъ остались одни озера да пруды. Положеніе крестьянъ при новыхъ порядкахъ значительно измѣнилось, но не къ лучшему. Въ прежніе годы они невозбранно занимались лѣсными промыслами, уничтожая цѣлыя десятины лѣсу и расчищая обнаженныя мѣста подъ запашку; теперь казенные лѣсничіе, соблюдая государственный интересъ, (и своего притомъ не забывая), разными карательными мѣрами прекратили, повидимому, безобразное истребленіе лѣсовъ, поставивъ крестьянъ въ безвыходное положеніе: лѣсничій налагаетъ штрафы и предаетъ порубщиковъ суду, а окружной съ помощниками правятъ подати, которыхъ заработать негдѣ. Пока еще

---

[1]) Еще въ XVI столѣтіи большая часть остерскаго повѣта принадлежала Кіево-Печерской лаврѣ.

на привольныхъ лугахъ днѣпровскихъ красовались исполинскіе дубы и осокоры, бѣдняги кое какъ перебивались: повалитъ столѣтнее дерево, наколетъ дровъ да и свезетъ Днѣпромъ въ Кіевъ. Выручивъ такимъ способомъ десять-пятнадцать рублей, крестьянинъ удовлетворялъ первѣйшимъ своимъ нуждамъ до слѣдующей осени. Но когда луга обнажились отъ деревьевъ, когда рѣки и озера стали мельчать отъ засухи, положеніе ихъ стало по истинѣ критическимъ. Сравнительно съ прежними годами, народонаселеніе увеличилось почти въ два раза, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрасла и нужда до ужасающихъ размѣровъ. Еще ближайшія къ Кіеву села кое какъ перебиваются: то копицу сѣна, то рыбы пудъ продастъ, то наплететъ изъ лозы корзинъ, то наймется дрова возить съ пристани: все таки человѣку есть возможность зашибить копійчину; живущіе же въ лѣсной глуши, въ разныхъ наименованій Гутахъ — бѣдствуютъ страшно.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

По дорогѣ мы завернули къ одной „малодушной“ барынѣ, знакомой лѣсничаго, въ особѣ которой, къ моему удивленію, я нашелъ поразительное сходство съ гоголевской тетушкой Василисой Кашперовной, въ повѣсти „Иванъ Өедоровичъ Шпонька“. Нѣтъ сомнѣнія, что нашъ безсмертный юмористъ многія черты изъ соз-

данныхъ имъ типовъ заимствовалъ въ такой именно глуши, въ какой мы теперь очутились. Женщина исполинскаго роста и соразмѣрной оному толщины, съ ухарскими манерами и зычнымъ голосомъ, Ульяна Максимовна годилась бы въ гвардію Фридриха Прусскаго. Она казалась еще массивнѣе въ своихъ крохотныхъ комнатахъ. Домъ, вѣроятно, построенъ очень давно, когда она была еще такой крошкой, которую теперешняя Ульяна Максимовна могла бы спрятать въ свой неизмѣримый карманъ стараго капота, вмѣстѣ съ гремучею связкой ключей. Поздоровавшись съ нами и приготовивши наскоро яичницу, чтобы заморить червяка, она отправилась на кухню готовить обѣдъ, а мы, позавтракавши, пошли, для возбужденія аппетита, прогуляться.

Село, куда мы пріѣхали, называется Ма́ксымъ, рѣчка, на которой оно находится—Ма́ксымъ, сельскій батюшка, от. Максимъ, родителя хозяйки звали также Максимомъ; половина почти населенія носила это излюбленное имя. Тутъ же не вдалекѣ протекаетъ и моя родимая Десна, на свиданіе съ которой я и поспѣшилъ. Купаясь въ ея прозрачныхъ струяхъ, я вообразилъ себя дома, подъ Замкомъ, на оболоньи. Потомъ мы сѣли въ лодку и переправились на другой берегъ рѣки. Мнѣ живо представилось приволье и широкій просторъ новгородсѣверскихъ луговъ, гдѣ протекли лучшіе годы моей жизни. Тамъ, свободный, какъ вѣтеръ, вырвавшись изъ душной темницы „чистилища“, я разгуливалъ на волѣ, забывая все на свѣтѣ—и свои домашнія злыдни и грозную линейку Якова Яковлевича и его противную „ариѳметичку“. Только тогда я былъ счастливъ, когда засаленныя тетради и безтолковые учебники смѣнялись ружьемъ и удочкой. Наука была для меня тогда мукой. Недаромъ у насъ сложилась школьная поговорка, характеризующая нашихъ непризванныхъ педагоговъ: попечитель — пече, смотритель — смотритъ, учитель—мучитъ, а не учитъ. Значитъ, куда ни повернись—всюду бѣда.

Пробѣгавшись на лугу и вторично освѣжившись купаньемъ, мы къ великому утѣшенію хлѣбосолки-хозяйки, обѣдали съ волчьимъ аппетитомъ. За то обѣдъ, обѣдъ!—объяденіе! За неимѣніемъ въ селѣ говядины, пострадала домашняя птица и дичь, которой въ Максимѣ было такое обиліе, что крестьяне, не зная цѣны убитой

и пойманной силками дичи, часто варили борщъ съ бекасами и дупелями, отчего истый охотникъ-гастрономъ непремѣнно упалъ бы въ обморокъ, пораженный такою профанаціей кулинарнаго искусства. Послѣ обѣда мы вышли изъ душной комнаты на дворъ, подъ навѣсъ. Неугомонная Ульяна Максимовна pour la bonne bouche, угостила насъ преоригинальнымъ концертомъ: покликавъ съ улицы замарашку мальчика, лѣтъ 14, она заставила его пѣть пѣсни самаго непристойнаго содержанія; между тѣмъ какъ тутъ же находились и ея собственныя дѣти: два мальчика и дѣвочка, которой было не менѣе 15 лѣтъ. Какъ видно, мамаша готовила будущему своему зятю второе изданіе собственной персоны—женщину гренадера, заглушая въ ней съ дѣтскихъ лѣтъ врожденное каждой женщинѣ чувство стыдливости.

Когда спала жара, Терентій напомнилъ намъ, что пора ѣхать, и мы распрощались съ Максимомъ и съ самой Ульяной Максимовной.—На другой день передъ закатомъ солнца, я въ первый разъ увидалъ Днѣпръ. Хотя и зналъ я изъ географіи о существованіи на земномъ шарѣ несравненно большихъ рѣкъ, но такъ какъ я ихъ не видалъ, то нашъ староденный Днипро сильно поразилъ меня своимъ величественнымъ видомъ. Для меня, по крайней мѣрѣ въ то время, гипербола Гоголя казалась вполнѣ естественной: взглянувши на него впервые, невольно воскликнешь: „пышный! тебѣ нѣтъ равной рѣки въ мірѣ!" И какою мизерною рѣченкой показалась въ моихъ глазахъ родимая Десна, въ сравненіи съ старымъ Днѣпромъ. „У, какая страшная пучина, глотающая людей какъ мухъ!". У, какъ быстро текутъ синія воды его страшно и подойти, не только выкупаться въ нихъ.

Налюбовавшись съ высокаго берега величественною картиной Днѣпра, при солнечномъ закатѣ, ярко освѣтившемъ зеркальную его поверхность багровыми лучами, мы поплелись дальше—и къ вечеру въѣхали въ сельцо Сваромье, резиденцію лѣсничаго. Къ великому моему удовольствію, село раскинулось на самомъ берегу Днѣпра, значитъ, будетъ довольно времени наглядѣться на него, а теперь займемся кузиной.

Какъ пышно развернулся и разцвѣлъ этотъ полевой цвѣтокъ, подъ вліяніемъ освѣжительнаго воздуха днѣпровскихъ луговъ и лѣсовъ!

Совершенно деревенская простота домашней обстановки жилища лѣсничаго еще болѣе оттѣняли прелесть этого созданія. Съ перваго взгляда на нее я былъ пораженъ и очарованъ. Пылкое чувство первой юношеской любви, казалось, заглохшее въ самомъ зародышѣ, втеченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ моей трудовой жизни, охватило все существо мое. Страшный вулканъ, клокотавшій въ груди Амалатъ-Бека, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что творилось въ душѣ моей въ минуту роковой встрѣчи съ нею.

Тогдашнее молодое поколѣніе воспитывало свое чувство преимущественно на повѣстяхъ Марлинскаго: для насъ онѣ составляли кодексъ любви—ars amandi нашего времени. Мы—юноши старались подражать пламеннымъ героямъ романиста, если не въ жизни, то въ любовныхъ посланіяхъ къ своимъ богинямъ, за то съ глазу на глазъ съ ними, въ интимныхъ бесѣдахъ, мы были до глупости застѣнчивы и стыдливы. Даже, если случалось читать въ слухъ, въ присутствіи возлюбленной, страстное признаніе какого нибудь героя, „съ цѣлой Африкой любви“, то и тутъ бывало спасуешь и краснѣя пропустишь самое пикантное мѣсто любовной чепухи. О, мы были не то, что нынѣшніе безстыжіе Базаровы и Волоховы: о такихъ хищникахъ и губителяхъ невинности „благородныхъ барышень“ у насъ не было и слышно. Воспитанные на балладахъ Жуковскаго, мы до мозга костей проникались романтизмомъ. смотрѣли на „дѣву“, какъ на божество, любя ее чисто платонически; мечтали при лунѣ и писали стихи при сальной свѣчкѣ.

Но такъ какъ о всякомъ смертномъ можно сказать то же, что сказалъ влюбленный Фаустъ о Мефистофелѣ: Du spottgeburt von Dreck und Feuer, то идеальная любовь нашихъ романтиковъ не исключала собой и чисто плотскихъ поползновеній: стыдливый романтизмъ часто шелъ рука объ руку съ самымъ необузданнымъ развратомъ: „иной, высшій даже сердцемъ человѣкъ, съ умомъ высокимъ, началъ съ идеала Мадонны, а кончалъ идеаломъ садомскимъ [1])“.

Такое явленіе не ново. То же самое было и въ средніе вѣка не только съ нашими недодѣланными рыцарями, но и съ настоящими. Каждый изъ нихъ, какъ извѣстно, имѣлъ свою даму, любя ее чи-

---

[1]) Писатель 40-хъ годовъ—Достоевскій.

сто платонически, но эта „царица его сердца“ нисколько не мѣшала ему имѣть въ одно и тоже время цѣлый гаремъ женщинъ, надъ которыми онъ, въ свою очередь, царилъ безгранично. Въ то самое время, когда Петрарка въ своихъ сонетахъ повѣдалъ всему міру о глубокомъ отчаяніи, испытываемомъ имъ оттого, что Лаура не удостоиваетъ его взглядомъ, онъ находился въ интимныхъ отношеніяхъ съ другою женщиной, которая сонетовъ его не читала, но была матерью нѣсколькихъ его дѣтей. При такомъ видимомъ сходствѣ нашихъ селадоновъ съ рыцарями, между тѣми и другими огромная разница. У рыцарей существовало, по крайней мѣрѣ, фиктивное уваженіе къ женщинѣ въ образѣ „дѣвы“ или „дамы“, за которую они ломали копья на турнирахъ, у насъ и того не было:

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви...

Въ отношеніяхъ своихъ къ прекрасному полу мы приближаемся больше къ востоку, чѣмъ къ западу. И въ самомъ дѣлѣ, похожи ли мы, хоть въ какомъ нибудь отношеніи, на рыцарей? Развѣ на донъ-Кихота. Донъ-Кихотовъ у насъ дѣйствительно было довольно, но они съ настоящимъ донъ-Кихотомъ все таки мало имѣютъ общаго.

Благороднѣйшій Ламанчскій чудакъ-энтузіастъ, натура страстная и геніальная. Проникнутый до мозга костей идеею правды, общественнаго блага и любви, онъ ясно сознавалъ великость своихъ благородныхъ стремленій и, если потерпѣлъ неудачу въ погонѣ за идеалами, то это случилось только потому, что онъ немножко запоздалъ съ своими услугами человѣчеству, за что и былъ осмѣянъ безпощаднымъ Сервантесомъ, хотя въ своихъ восторженныхъ рѣчахъ и безкорыстныхъ стремленіяхъ донъ-Кихотъ столько же достоинъ смѣха, сколько и самый геніальный умъ при столкновеніи съ пошлымъ житейскимъ такъ называемымъ „здравымъ смысломъ“, которому выспренніе полеты генія всегда казались и будутъ казаться безуміемъ. Непонятый современниками геній, въ глазахъ близорукой толпы, тотъ же донкихотствующій чудакъ, съ тою лишь разницей, что донъ-Кихотъ задумалъ воскресить отжившую идею рыцарства, и, стараясь настоящему навязать прошедшее, настолько же опоздалъ явиться въ свѣтъ, насколько непризнанный геній поспѣшилъ своимъ рожденіемъ. Возвышаясь цѣлою головой надъ толпой, и слѣд., видя

дальше ея, геній стремится къ тому, чтобы приблизить настоящее къ отдаленному будущему, до котораго толпѣ пришлось бы ползти черепашьимъ шагомъ еще цѣлое столѣтіе.

И Сократъ, и Галилей, и Гусъ заплатили жизнію за то, что слишкомъ забѣжали впередъ большинства своихъ современниковъ. Какъ много людей сгорѣло на кострахъ за то, что позднѣе было признано истиной!... Справедливо замѣтилъ кто то, что „исторія есть скорбный листъ многихъ задавленныхъ идей, многихъ умершихъ ученій, когда они возникали въ средѣ, неподготовленной къ принятію ихъ“.

Но... виноватъ, кажется, я ужъ черезчуръ зарапортовался...

Какъ ни очаровательна была мѣстность Сваромья, съ его поэтическимъ кладбищемъ, на высокомъ берегу Днѣпра, осѣненномъ соснами; какъ ни сладко было мечтать тамъ, декламируя куплеты изъ „Сельскаго кладбища“ Жуковскаго; какъ, наконецъ, ни крѣпки были цѣпи, приковывавшія меня къ очаровательной кузинѣ,—но я, новый Одиссей, долженъ былъ, съ болью сердца, порвать эти цѣпи и оставивъ чертоги волшебницы Цирцеи, продолжать неоконченное странствіе.

Такъ какъ ближайшій и удобнѣйшій путь до Кіева лежалъ по Днѣпру, то мнѣ предложили лодку, съ 14 лѣтнимъ гребцомъ, разсчитывая на мое собственное искусство править судномъ, въ чемъ я, прирѣчный житель, хорошо напрактиковался въ дѣтствѣ. Въ день моего выѣзда утро было великолѣпное. Я былъ готовъ въ минуту. Сборы недолгіе: поставивъ сундучекъ свой въ лодку, я могъ воскликнуть вмѣстѣ съ философомъ: omnia mea mecum porto! Все семейство лѣсничаго вышло на берегъ проводить меня. Отчаливъ лодку, я какъ то машинально и не хотя дѣйствовалъ весломъ, безпрерывно оглядываясь на покинутый берегъ. Но вотъ, обогнувши Лысую гору, Днѣпръ круто повернулъ влѣво—и Сваромье скрылось за горою. Пославъ своей Полинѣ послѣдній вздохъ, я со всѣхъ силъ налегъ на весло и утлый мой челнокъ помчался какъ птица.

Въ Межигорьѣ нужно было сдѣлать привалъ. Лѣсничій поручилъ завезть туда письмо къ любезному своему куму Ивану Марковичу Нечипоренку, который принялъ меня чрезвычайно радушно и угостилъ завтракомъ. Это былъ одинъ изъ числа чиновниковъ, завѣдывавшихъ императорскою фаянсовой фабрикой. Всѣ они полу-

чали приличное содержаніе и жили припѣваючи, ровно ничего не дѣлая. Получала ли казна какой нибудь доходъ отъ фабричныхъ издѣлій—не знаю; что же касается фабричной администраціи, то она не могла пожаловаться на недостатки.

Подъ Вышгородомъ насъ застигла гроза. Подулъ сѣверный вѣтеръ и Днѣпръ изъ синяго сдѣлался сизымъ—„Страшенъ тогда Днѣпръ! и нѣтъ ему равной рѣки въ мірѣ. Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали“ (Гоголь).

Мы съ Грицкомъ поспѣшили пристать къ берегу, вытащили на берегъ лодку и опрокинувъ ее такъ, что бы вѣтеръ дулъ намъ сзади, расположились въ своей импровизированной юртѣ съ большимъ комфортомъ. Я даже былъ отчасти радъ случившейся остановкѣ: до вечера было еще далеко, а тутъ представлялся прекрасный случай поглядѣть вблизи на разсердившагося старика, потрясавшаго въ безсильной злобѣ на укрывшихся отъ его гнѣва пловцовъ своими сѣдыми кудрями—волнами, которыя съ ужаснымъ ревомъ, какъ бѣшенныя, вспрыгивали на крутой берегъ, орошая насъ своими брызгами.

Струсившій было не на шутку Грицъ, очутившись въ совершенной безопасности, да еще съ добрымъ кольцомъ колбасы да двумя пирогами, мало по малу пришелъ въ себя и до того расхрабрился, что даже сталъ напѣвать себѣ подъ носъ веселую пѣсеньку. Лѣтняя гроза проходитъ скоро. Вѣтеръ быстро разогналъ нависшія тучи и солнце засіяло съ новымъ блескомъ. Волны скоро улеглись и успокоились; поверхность Днѣпра еще незадолго до того словно изрытая исполинскимъ плугомъ, опять стала гладкою и прозрачною. Мы вылѣзли изъ своей засады, спустили на рѣку лодку и дружно принялись за весла. При яркомъ свѣтѣ полуденнаго солнца, предо мной открылась великолѣпная картина Златоглаваго „пращура русскихъ городовъ“. Кто желаетъ видѣть Кіевъ во всей его красѣ, тотъ пусть смотритъ на него со стороны Днѣпра. Не одинъ я, невидавшій до того ничего лучшаго, но и люди, объѣхавшіе Россію и половину Европы, утверждаютъ, что они не встрѣчали ничего живописнѣе Кіева: не сомнѣваюсь, что они смотрѣли на него именно съ сѣверо-восточной стороны изъ-за Днѣпра.

Къ городу мы пристали на Оболоньи, противъ бурсы, гдѣ обыкновенно останавливались тогда заднѣпряне съ своими дубами, нагруженными дровами или сѣномъ. Такъ какъ день клонился къ вечеру, то такихъ дубовъ мы встрѣтили довольно подъ Вышгородомъ, уже возвращавшимися порожнякомъ домой противъ теченія. Тянулись они весьма медленно, такъ что напр. сваромцы и тарасовцы или ночевали на половинѣ дороги, или, работая всю ночь, только на другой день къ обѣду поспѣвали вернуться. Оставивъ Гриця на лодкѣ стеречь сундукъ, я вышелъ на берегъ и не зналъ, куда мнѣ направить стопы своя. „Э, подумалъ я, коли, по пословицѣ, языкъ доводитъ до Кіева, то въ Кіевѣ доведетъ и до университета". Прошедши двѣ-три улицы, и поровнявшись съ Братскимъ монастыремъ, я увидалъ много народу, мужчинъ и женщинъ, одѣтыхъ по праздничному, какъ будто куда то спѣшившихъ все по одному направленію—по Александровской улицѣ. По справкамъ оказалось, что они спѣшили въ Царскій садъ на гулянье. По случаю воскресенья въ этотъ день тамъ играла музыка, пошелъ и я туда. Гуляла тогда публика главнымъ образомъ въ верхнемъ саду, по большой аллеѣ, заканчивавшейся бесѣдкой, изъ которой открывался восхитительный видъ на Заднѣпровье. Эта часть сада въ настоящее время отошла къ Царскому дворцу, а для публичныхъ ея гуляній предназначена нижняя часть его, въ котловинѣ, заключенной между горъ, гдѣ, по иниціативѣ генералъ-губернатора Анненкова, въ 60-хъ годахъ, устроено Шато-де-Флеръ, съ лѣтнимъ театромъ и вокзаломъ. Сюда собирается теперь кіевская публика, невысокой впрочемъ пробы, не съ цѣлію насладиться красотами природы, а подышать воздухомъ, пропитаннымъ запахомъ керосина и фейерверочнымъ смраднымъ чадомъ, да позабавиться зрѣлищами, извращающими природу. Для первоначальнаго устройства Шато жадный къ наживѣ антрепренеръ, съ согласія городской думы, вырубилъ почти всю нижнюю часть сада. Подъ сѣкирой этого вандала—нѣмца пали и стройные вѣковые тополи, краса нашей украинской природы, и сотни фруктовыхъ деревьевъ. Исчезли и великолѣпныя клумбы цвѣтовъ; погибла безслѣдно и памятная всѣмъ намъ „аллея влюбленныхъ", укрывавшая во время óно не одну стыдливую парочку отъ нескромныхъ взглядовъ гуляющихъ. Правда, нынѣшнія посѣтительницы шумнаго Шатó вовсе не

нуждаются въ такомъ таинственномъ убѣжищѣ для своихъ rendez vous: онѣ открыто, при газовомъ освѣщеніи пьютъ коньякъ и шампанское и отплясываютъ канканъ, къ великому соблазну учащейся молодежи, преждевременно вкушающей отъ запретнаго плода Вакха и Венеры.

Въ саду между гуляющими я увидѣлъ много студентовъ; они прохаживались группами и громко разговаривали, но знакомаго между ними никого не замѣтилъ. Поворотивъ въ одну изъ боковыхъ аллей, я наконецъ встрѣтилъ тамъ студента Долинскаго. Хотя мы и мало были знакомы, но довольно было уже и того, что учились въ одномъ и томъ же заведеніи, чтобы, встрѣтясь въ чужомъ городѣ, не разговориться по дружески. Корпоративный духъ товарищества сближаетъ молодежь, располагая и обязывая ихъ ко взаимнымъ услугамъ. Отъ Долинскаго я узналъ квартиру нашихъ сѣверянъ Кулиша и Чуйкевича. Неразлучные друзья, уроженцы м. Воронежа, глуховскаго уѣзда, жили на Графскомъ переулкѣ, позади извѣстнаго въ то время магазина Финке. Замѣтивъ съ первыхъ моихъ словъ, что я совершеннѣйшій провинціалъ—простота, котораго на каждомъ шагу въ незнакомомъ городѣ могли обмануть, добрый мой землякъ Пантелеймонъ Александровичъ, отложивъ въ сторону своего „Огненнаго Змѣя", повѣсть, которую онъ писалъ тогда для „Кіевлянина", (альманахъ, издаваемый Максимовичемъ), поспѣшилъ одѣться и отправился со мной нанять извощика для перевозки за свѣтло моего скарба съ Подола. Пріѣхавъ на пристань и распростившись съ Грицемъ, я вернулся на квартиру студентовъ и остался у нихъ ночевать. На другой день по утру мы съ Кулишемъ отправились искать квартиру. Небогатое студенчество ютилось тогда большею частію на Провальѣ, небольшомъ фольваркѣ, находившемся противъ университета, при спускѣ къ Днѣпру и состоявшемъ изъ нѣсколькихъ десятковъ домиковъ съ огородами и садами, тянувшимися къ самому обрыву. Между домами шла неровная, изрытая ручьями улица. Тутъ то мы и нашли квартиру за 25 рубл. асс. въ мѣсяцъ, съ обѣдомъ, чаемъ и мытьемъ бѣлья. Хозяйка моя была бѣдная чиновница, промышлявшая студентами, а мужъ ея въ то же время проливалъ въ нѣкоторомъ родѣ кровь на Кавказѣ.

Пант. Ал. Кулишъ, будучи еще гимназистомъ, пріобрѣлъ между товарищами репутацію „сочинителя" и искуснаго рисовальщика ак-

варелью. Его разсказы изъ быта воронежскихъ обывателей, читанные имъ въ кругу товарищей до прихода учителя, предвѣщали въ немъ будущаго украинскаго бытописателя. Но искусство не уживалось съ наукой: Пант. Ал—чъ оставилъ гимназію въ 1837 году, окончивъ только 5 классовъ. Слѣдующіе затѣмъ два года проведены имъ въ должности домашняго учителя и потомъ въ канцеляріи нѣжинскаго лицея въ качествѣ писца. 15 іюля 1839 года былъ вновь открытъ университетъ, послѣ временнаго его закрытія, и Кулишъ, хотя и выдержалъ вступительный экзаменъ, но какъ не окончившій полнаго гимназическаго курса былъ зачисленъ лишь вольнослушателемъ. Находясь въ такомъ неопредѣленномъ состояніи и не будучи обезпеченъ матеріально, онъ вовсе не посѣщалъ лекцій и скоро оставилъ университетъ.

Дня черезъ три послѣ моего прибытія въ Кіевъ привалила шумная толпа черниговцевъ, изъ коихъ трое оказались моими товарищами по новгородъ-сѣверскому уѣздному училищу, гдѣ они начали свое ученіе, но по обстоятельствамъ перешли въ Черниговъ, то были Т. И. Пристюкъ, Сережа Левицкій и Н. И. Сбитневъ. Всѣ они поселились у той же чиновницы на Провальѣ. Всѣ мы, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали педеля съ повѣсткой о явкѣ къ экзамену, а между тѣмъ не зѣвали и просматривали учебники. Наконецъ насъ потребовали въ первый комитетъ.

Экзаменовъ, правду сказать, я не боялся; математика только немножко смущала; но такъ какъ у меня было рекомендательное письмо къ профессору Дьяченку отъ его университетскаго товарища, нашего словесника Коконко, то и математика была обезпечена. При всемъ томъ, мнѣ становилось иногда жутко, при могущей послѣдовать неудачѣ. Вопросъ состоялъ не въ томъ, выдержу ли я экзаменъ или нѣтъ, а въ томъ, поступлю ли на казенное содержаніе или останусь на улицѣ. Отъ разрѣшенія этого вопроса зависѣла вся моя будущность. Отдавши половину изъ привезенныхъ денегъ хозяйкѣ впередъ за мѣсяцъ, я остался при 25 рубляхъ асс. въ годъ, безъ малѣйшей надежды на манну небесную, которая падаетъ другимъ въ видѣ серебряныхъ рублей.

Первые два комитета прошли благополучно. Остался еще одинъ съ ужасной для меня математикой. Наканунѣ экзамена я понесъ

письмо къ профессору, который, пробѣжавъ его наскоро, сказалъ, что онъ будетъ экзаменовать меня строже другихъ, потому что меня рекомендуютъ, какъ отличнаго ученика. Такимъ образомъ, почтенный пріятель мой, вѣрный своему пакостному характеру, и тутъ подгадилъ, оказавъ мнѣ медвѣжью услугу. Н. А. Дьяченко сдержалъ свое благородное слово: пробралъ меня на обѣ корки по всѣмъ отдѣламъ математики и поставилъ превеликую единицу, которая хотя и не попрепятствовала поступить мнѣ на словесный факультетъ, но лишала права быть принятымъ въ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ. Вмѣсто меня былъ принятъ сынъ черниговскаго инспектора Сбитневъ, хотя онъ и не лучше меня сдалъ экзаменъ и могъ бы прожить на свои средства, не прибѣгая къ казенной благотворительности.

Идучи, повѣся носъ, изъ университета, я неожиданно встрѣтилъ на улицѣ Матвѣя Альбертовича, пріѣхавшаго въ Кіевъ хлопотать о перемѣщеніи.

— А какъ ты держалъ физыку? спросилъ онъ.

— Физику то вашу я выдержалъ отлично, да съ математикой случилась бѣда—провалился!

— Очевидно! воскликнулъ физикъ, бо Осыпъ Григорóвичъ дурны—самъ ничого не умѣетъ.

Оно то, пожалуй, и правда, да мнѣ то отъ того было не легче, что убѣдился горькимъ опытомъ въ справедливости такого мнѣнія о моемъ наставникѣ Бонче, который ровно никого ничему не научалъ во всю свою 35 лѣтнюю службу.

Потерпѣвъ жестокое пораженіе, я не пошелъ даже обѣдать на квартиру, а купивши пятикопѣечную булку, и подкрѣпивши свои силы, поплелся черезъ Царскій садъ на Подолъ—искать сваромцевъ, чтобы узнать, нѣтъ ли вѣсточки изъ за Днѣпра. Въ своемъ безвыходномъ положеніи я не искалъ утѣшенія въ сочувствіи новыхъ товарищей. Веселые и счастливые, выскочили они изъ университета и пустились бѣжáть на Провалье, выдѣлывая по улицѣ, на удивленіе извощикамъ, преуморительные козлиные прыжки. Зналъ я, что, по случаю окончанія экзаменовъ, въ квартирѣ у насъ затѣвается кутежъ, но я не могъ въ немъ участвовать: мнѣ хотѣлось плакать, а не веселиться.

Мѣсяцъ въ деревнѣ.

Юность, юность! ты, какъ восходящее солнце, весь міръ обливаешь розовымъ свѣтомъ!... *Пассекъ.*

Спустившись къ Днѣпру, я поспѣшилъ на Оболонье и къ великой радости нашелъ тамъ самого хозяина того дома, гдѣ жилъ лѣсничій, да еще съ письмомъ отъ кузины. Ей было извѣстно, когда у меня оканчивались экзамены и вотъ она къ этому именно дню и прислала свои драгоцѣнныя строки, на синей бумажкѣ:

„Папенька и маменька уѣхали въ Новгородокъ, а я одна съ братьями осталась дома и страшно скучаю. Ежели вы окончили свои экзамены, то пріѣзжайте въ Сваромье студентомъ“ и проч.

Не чуя подъ собою ногъ, прибѣжалъ я на квартиру, захватить кое что изъ бѣлья и въ тотъ же день отправился въ путь, не столько впрочемъ для того, чтобы разсѣять скуку кузины, сколько для того, чтобы раздѣлить съ ней свое собственное горе. Кромѣ того, выѣздъ изъ Кіева до начала лекцій былъ необходимъ и въ финансовомъ отношеніи: съ 25 рублевой бумажкой въ карманѣ проживешь не долго. Этою, такъ сказать, карманною причиной я мотивировалъ внезапный свой отъѣздъ предъ товарищами. Никому не сказалъ я настоящей причины моего бѣгства за Днѣпръ никому не довѣрилъ тайны своего сердца: procul teneatis, profani!

Черезъ часъ я уже былъ на дубѣ и преусердно работалъ весломъ и шестомъ, какъ осужденный на галеры —Я сгоралъ нетерпѣніемъ какъ можно скорѣй увидѣться съ кузиной и торопилъ гребцовъ, которыхъ всего то и было двое: хозяинъ Тимишъ да его 13 лѣтняя дочурка Прися. Надъ моею поспѣшностью хромоногій мой Харонъ исподтишка подтрунивалъ, съ свойственнымъ малороссу юморомъ. Всѣ мои усилія ускорить медленный ходъ тяжелаго судна остались безполезными. Выбившись наконецъ изъ силъ, я бросилъ весло и завалился спать Втеченіе двухъ послѣднихъ недѣль, во время экзаменовъ, я спалъ очень мало и потому чувствовалъ сильное изнеможеніе. Крѣпкій и здоровый сонъ на свѣжемъ воздухѣ, на солнечномъ припекѣ, подкрѣпилъ мои силы. Не доѣзжая Межигорья, Тимишъ сдѣлалъ привалъ. Бѣдняжка дѣвочка, работая безпрерывно

шестомъ, до того изнемогла, что какъ только выпустила изъ рукъ свое орудіе, тотчасъ же и уснула. Собираясь разложить огонь, суровый хохолъ не переставалъ ворчать на спящую Присю, на которой лежала обязанность „пошукать дровецъ", т. е. насобирать валявшейся на берегу сухой лозы и щепокъ. Пожалѣвъ бѣдняжку, которая такъ сладко спала, раскинувшись на песчаномъ берегу, я предложилъ хозяину свои услуги и натаскалъ ему цѣлую кучу хворосту. Костеръ нашъ запылалъ великолѣпно, отражаясь на темномъ фонѣ рѣки, какъ въ зеркалѣ. Мы возлежали и курили молча, пока поспѣетъ „кантопля", зарытая въ золу. Десятка два картофелинъ да небольшая тарань, поджаренная на угольяхъ, составили для троихъ насъ весь ужинъ. Тутъ же, у потухающаго костра, мы и заснули. Чуть лишь стало „благословляться на свитъ", мы уже были за работой. Чѣмъ ближе подъѣзжали къ Сваромью, тѣмъ дружнѣе налегалъ я на весло, несмотря на мучившую меня боль отъ мозолей на обѣихъ рукахъ, отвыкшихъ за два послѣдніе года возни съ перомъ отъ такой мускульной работы.

Кузина вышла на встрѣчу съ двумя мальчиками далеко за село. Мальчуганы попросились къ Тимошу на дуба, а мы съ ней пошли по берегу. Какъ ни медленно подвигался дубъ противъ теченія, но мы шли еще медленнѣе, дорожа каждой минутой свиданія, несмотря на то, что свиданіе это должно было продлиться цѣлый мѣсяцъ.

Описывать подробно, день за днемъ, пребываніе мое въ Сваромьѣ впродолженіе сего блаженнаго мѣсяца, было бы съ моей стороны крайне рискованно, во первыхъ потому, что трудно и почти невозможно чрезъ 50 почти лѣтъ воспроизвесть тѣ впечатлѣнія, которыя испытывалъ я на двадцатомъ году своей жизни; во вторыхъ, если бы мнѣ и удалась такая смѣлая попытка, то едва ли моя сердечная хроника заинтересовала бы кого нибудь хоть настолько, чтобы дочитать ее до конца. Любовь всегда смѣшна, если о ней разсказываютъ, замѣтилъ кто то. Если сердечная исповѣдь страдальца Данта—la vita nuova—чаруетъ наше воображеніе и трогаетъ чувство поэтически-художественнымъ изображеніемъ первой любви поэта, то это не потому, чтобы творецъ „Божественной комедіи" чувствовалъ какимъ нибудь особеннымъ образомъ, или любилъ такъ,

какъ никто любить не въ состояніи: любовь есть чувство общечеловѣческое; она въ сущности была всегда одна и та же у всѣхъ людей:

> Das ist eine alte Geschichte,
> Aber sie ist immer neu,
> Und vem sie just passiret,
> Dem bricht sie Herz entzwei (Heine).

Сила любви не зависитъ ни отъ взаимности, ни отъ достоинства любимаго предмета, все дѣло въ воспріимчивости нашей собственной души и въ ея способности сильно чувствовать. Въ „Новой жизни“ Данта мы восхищаемся, — помимо содержанія, помимо, такъ сказать, фактической стороны его поэтической исповѣди, —художественной формой, въ которую воплотилъ онъ свою сердечную исповѣдь. Но кто же отважится идти по стопамъ великаго поэта?

У всякаго смертнаго, одареннаго отъ природы сильнымъ и глубокимъ чувствомъ, есть безъ сомнѣнія, своя сердечная тайна, но не у всякого достанетъ духу исповѣдать ее предъ человѣки. Есть люди, которые желали бы забыть свое прошлое,

> И съ отвращеніемъ читая жизнь свою,

подобно мрачному пѣвцу Британіи, враждебно относятся ко всему, что напоминаетъ имъ о прежнихъ страданіяхъ: это разочарованные жизнію люди. Другіе, напротивъ, при воспоминаніи о своихъ молодыхъ годахъ, таютъ отъ блаженства и до сѣдыхъ волосъ остаются вѣрными своимъ юношескимъ утопіямъ это—неисправимые романтики:

> Они переживаютъ вновь
> Былыя радости, протекшія страданья,
> Давно погасшую любовь.

Средину между этими двумя крайностями занимаютъ люди, которые относятся къ своему прошлому совершенно объективно: не придавая особенной важности впервые пробудившемуся чувству къ первой, случайно встрѣтившейся въ жизни молодой и красивой женщинѣ, они смотрятъ на любовь, какъ на непреложный законъ природы, какъ на магнитную силу, влекущую одинъ полъ къ другому. Въ ихъ глазахъ предметъ ихъ страсти не божество, но и не демонъ: l'homme n'est ni bête, ni ange, говоритъ Паскаль. Заплативъ дань юности немалымъ количествомъ de jolies folies и пришедши въ зрѣ-

лый возрастъ, они отрезвляются и совершенно спокойно могутъ вспоминать свое прошлое, не питая къ нему „ни злобы, ни любви“, какъ будто все случившееся съ ними было не съ ними, а съ кѣмъ нибудь другимъ. Это, по моему мнѣнію самыя счастливыя натуры. Но... къ сожалѣнію, я „не изъ ихъ числа“.

Потерпѣвъ неудачу, относительно поступленія на казенное содержаніе, я сознавалъ, что душевное мое настроеніе требуетъ нравственной поддержки, для того, чтобы совершенно не пасть духомъ и не побѣжать съ поля жизненной битвы при первой такъ сказать, авангардной стычкѣ съ непріятелемъ. Поддержку эту я и нашелъ въ кузинѣ. Горячее участіе, принятое ею въ моей судьбѣ, сочувствіе моему горю и заботливость о моемъ душевномъ спокойствіи облегчали мои страданія, угомонивъ на время тревожныя опасенія за будущее. Не желая отравлять кратковременнаго счастія въ настоящемъ, я вовсе пересталъ думать о будущемъ. Изъ многаго множества стиховъ, посвященныхъ воспоминанію объ этихъ блаженныхъ минутахъ, почти ничего не сохранилось.

Въ послѣднихъ числахъ августа возвратились изъ путешествія лѣсничій съ лѣсничихой и узнавши, что я живу въ Сваромьи около мѣсяца, какъ то изумленно посмотрѣли на меня и испуганно на дочь, чѣмъ привели насъ въ большое замѣшательство: мы обое, какъ говорится, спекли рака. Но, произведши секретно слѣдствіе, т. е. допросивши мальчиковъ, съ которыми я иногда, для вида, яко бы занимался, служанку, остававшуюся дома и хозяевъ, жившихъ тутъ же въ одномъ дворѣ—совершенно успокоились. Повидимому, все обстояло благополучно. Ночевалъ я постоянно то въ клунѣ на снопахъ, то въ шалашѣ на баштанѣ; приходилъ утромъ часовъ въ 6 къ чаю и заставалъ кузину за самоваромъ совершенно одѣтой. Послѣ чаю мы обыкновенно читали романы и поэмы, преимущественно Марлинскаго и Пушкина; обѣдали рано, по деревенски, послѣ обѣда шли на баштанъ, выбирали тамъ для прохлады лучшій арбузъ и лакомились имъ въ шалашѣ. Этою послѣднею статьей лѣсничій остался недоволенъ: много ужъ черезчуръ мы истребили арбузовъ, почти половина которыхъ передъ отъѣздомъ была имъ помѣчена, кому какой предназначался: куму Нечипоренку, от. Иліодору, губернскому лѣсничему Вальтеру, ревизору Шульгину и т. д. Недосчитавшись нѣко-

торыхъ изъ помѣченныхъ, лѣсничій очень сердился. Въ свое оправданіе, мы ссылались на воровство, отъ котораго трудно было уберечь такой лакомый фруктъ—все равно что „горохъ при дорози, хто йде той скубне“ (стихотвор. Гулака Артемовскаго) А въ то лѣто, какъ будто намъ на искушеніе, арбузы уродились превосходные, какъ же было не соблазниться ими въ жаркіе дни, когда сверхъ того, неутолимый внутренній жаръ располагалъ насъ къ такому прохладительному дессерту?

Просидѣвши жару въ шалашѣ или же подъ соснами на кладбищѣ, мы, при закатѣ солнца, совершали прогулку по высокому берегу Днѣпра, катались на лодкѣ или удили рыбу. Поздно возвратившись съ прогулки, пили чай и расходились. Что жъ тутъ предосудительнаго могъ замѣтить самый строгій соглядатай въ нашихъ отношеніяхъ.

Но какъ бы тамъ ни было, а мнѣ пришло время оставить эти прогулки и плыть въ Кіевъ. Стряхнувши съ себя лѣнь и нѣгу, я рѣшился вступить въ борьбу съ враждебными обстоятельствами и биться до послѣдняго издыханія: или на щитѣ, или со щитомъ!

Пріѣхавши въ городъ, я уже не засталъ на своей квартирѣ ни одного черниговца и ни одной изъ своихъ книгъ и другихъ вещей. Чиновница моя не только не считала себя отвѣтственной за пропавшее имущество, но даже требовала съ меня 12 рубл. за квартиру, которая въ мое отсутствіе числилась за мною. Дѣло въ томъ, что незадолго до моего возвращенія, съ Кавказа прибылъ ея благовѣрный, горьчайшій пьяница, который поразогналъ всѣхъ квартирантовъ и успѣлъ въ нѣсколько дней позакладывать въ кабакъ все, что ни попалось ему на глаза. Пострадали и мои вещи. Вслѣдствіе такого подлаго нахальства со стороны моей хозяйки и денного грабежа кавказскаго разбойника, я остался съ 12 рублями асс. въ карманѣ, безъ книгъ, даже безъ бѣлья, которымъ, съ такою заботливостью, снабжала меня на дорогу моя матушка. Осталось у меня почти только то, что я успѣлъ захватить съ собой, уѣзжая въ Сваромье. Сундукъ, правда, уцѣлѣлъ, но нечего было туда прятать. Всѣ мои сокквартиранты—черниговцы устроились отлично: одни поступили на казенное содержаніе, другіе нашли выгодныя кондиціи; одинъ я, какъ оглашенный, бродилъ по стогнамъ богоспасаемаго града, ища себѣ пріюта.

М. К. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Ѳома Падурра.

(КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Очень немногіе изъ польскихъ писателей пріобрѣли такую извѣстность среди читающей публики, какою пользовался Ѳома или, какъ онъ самъ называлъ себя, Тымко Падурра, человѣкъ, неотличившійся на литературномъ поприщѣ ничѣмъ особеннымъ: произведеніями его увлекались читатели Украины, Подоліи и Волыни, и не объ одномъ изъ авторовъ не написано столько общихъ мѣстъ, къ счастію краткихъ по изложенію, сколько ихъ было написано о Падуррѣ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ поэтовъ, которымъ суждено было прославиться еще при жизни и при жизни же быть забытыми: нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Падурры, слава его имени и произведеній исчезла безслѣдно.

Однако популярность, которую пріобрѣлъ Падурра, не могла не имѣть своихъ причинъ, своихъ основаній; нѣтъ сомнѣнія, что поэтъ съумѣлъ затронуть чувствительную струну, если не всего современнаго ему общества, то, по крайней мѣрѣ, части его и части выдающейся, достаточно сильной, способной своею отзывчивостью на призывъ пѣвца дикой необузданной свободы упрочить за нимъ хотя бы мимолетную славу. Дѣйствительно, это было такъ. Славу очень часто пріобрѣтаютъ люди, которые, не возвышаясь надъ уровнемъ посредственности, умѣютъ приноровиться къ господствующимъ понятіямъ того общества, среди котораго живутъ, или произвесть сильное впечатлѣніе на современниковъ. Послѣдующія поколѣнія, передавъ суду суровой критики мысли и поступки такихъ людей, забываютъ о нихъ. Къ числу людей, пользовавшихся такою мимолетною славою, принадлежалъ и Падурра. Именемъ его, нынѣ уже забытымъ, мы

озаглавливаемъ настоящій очеркъ въ томъ убѣжденіи, что, знакомя читателя съ личностью этого поэта, пользовавшагося, въ свое время славою, намъ легче будетъ характеризовать извѣстный историческій моментъ, удастся, по крайней мѣрѣ бѣгло, изобразить мысли, чувства и дѣла современнаго поэту общества.

Кто же такой былъ Падурра? Отвѣчаемъ на этотъ вопросъ вкратцѣ, насколько это необходимо для того, чтобы исправить ложное ходячее мнѣніе о поэтѣ, составленное по ошибочнымъ свѣдѣніямъ объ его жизни. Самымъ богатымъ запасомъ данныхъ для біографіи Падурры мы обязаны В. Пржиборовскому, который, послѣ смерти поэта, 20 октября 1871 года въ Казатинѣ, бердичевскаго уѣзда, расположенномъ недалеко отъ Махновки и Бердичева, обратился къ другу его, Маріану Васютинскому, (въ домѣ котораго поэтъ въ послѣднее время проживалъ и скончался), съ просьбою сообщить свѣдѣнія о Падуррѣ, необходимыя ему, для критической оцѣнки литературной дѣятельности умершаго поэта. Васютинскій исполнилъ эту просьбу; Пржиборовскій же далеко не выполнилъ задачи, взятую имъ на себя, написавъ не разборъ произведеній Падурры, но похвальное слово ему, которое, свидѣтельствуя о добрыхъ намѣреніяхъ автора, въ то же самое время обнаруживаетъ въ немъ совершеннѣйшее незнаніе того духа, которымъ была проникнута дѣятельность Падурры, какъ народнаго пѣвца (какимъ, по мнѣнію автора, былъ поэтъ), равно и того слоя общества, среди котораго поэтъ жилъ и прославился.

Несмотря на это, заслуга Пржиборовскаго заключается уже въ томъ, что, собравъ извѣстное количество достовѣрныхъ біографическихъ фактовъ, онъ далъ возможность имѣть изображеніе Падурры не фантастическое, основанное на тѣхъ сказкахъ, которыя о немъ разсказываютъ, но согласное съ дѣйствительностью. Изъ рукописи Васютинскаго, послужившей матеріаломъ для Пржиборовскаго и помѣщенной въ журналѣ «Biblioteka Warszawska» (1872 г., т. IV, книжка 12, подъ заглавіемъ *Ѳома Падурра*), прежде всего можно извлечь достовѣрныя хронологическія данныя, переданныя читающей публикѣ въ искаженномъ видѣ К. Вл. Войцицкимъ въ его исторіи польской литературы.

Родиною Падурры была Польша. Отмѣчаемъ фактъ единственно въ виду того, что Падурра, писавшій на малорусскомъ языкѣ, не принадлежалъ вовсе ни по происхожденію своему, ни по духу къ малороссійскому племени. Родоначальникомъ Падурръ, по словамъ

Васютинскаго, былъ нѣкто Янъ, «закарпатскій славянинъ», прибывшій въ Польшу въ концѣ царствованія короля Владислава IV и поступившій въ военную службу, въ отрядъ чужестранныхъ солдатъ. Женившись на Маріи Падурра-Слупецкой, онъ поселился въ Польшѣ навсегда и имѣлъ въ числѣ потомковъ: *Іоакима*, намѣстника гусаръ кн. Димитрія Вишневецкаго, павшаго въ сраженіи подъ Подгайцами; *Ѳому*, приверженца Эмерика Текели, умершаго въ турецкомъ плѣну, въ Константинополѣ; *Петра*, поручика кавалерійскаго отряда Іосифа Потоцкаго, убитаго козаками при осадѣ Бѣлой-Церкви; *Павла*, участвовавшаго въ Барской конфедераціи и сложившаго свою голову въ 1768 году въ сраженіи подъ Салихою.

Шляхетское достоинство первый изъ Падурръ пріобрѣлъ Іоакимъ Ерчакъ Падурра (по гербу Сасъ), поручикъ короля Яна III Собѣскаго; въ 1680 году онъ купилъ деревню *Майданъ*, въ русскомъ воеводствѣ, которую сынъ его, Ѳеодоръ, въ 1712 году продалъ трембовельскому чашнику Шептицкому за 15 тыс. червоныхъ золотыхъ, о чемъ имѣется актъ въ актахъ луцкихъ. Оттуда же, безъ сомнѣнія, можно бы было извлечь болѣе подробныя свѣдѣнія объ упомянутомъ выше Майданѣ; по извѣстію же о томъ, что онъ находился въ русскомъ воеводствѣ, невозможно сказать ничего опредѣленнаго: Майдановъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ прежняго русскаго воеводства, и въ настоящее время имѣется очень много.

Около половины XVIII столѣтія Падурры поселились въ Украинѣ, избравъ для жительства нынѣшній липовецкій уѣздъ. Продавъ часть деревни въ Березовкѣ (авторъ замѣтки не опредѣляетъ точнѣе мѣстоположенія, Березовокъ же существуетъ не менѣе Майдановъ), Іоакимъ Падурра поселился въ деревнѣ *Сошанскъ*, принадлежавшей нѣкогда кн. Любомирскимъ, находившейся, по всей вѣроятности, вблизи нынѣшняго *Самгородка* и *Синарной* (нынѣ Свинарна), составляющей часть ильинецкаго имѣнія кн. Сангушковъ. Какъ вся мелкопомѣстная шляхта, Падурры занимались здѣсь земледѣліемъ, безъ сомнѣнія, отстаивая по временамъ на сеймикахъ права Любомирскихъ и Сангушковъ. Отъ этихъ то Падурръ произошелъ и *Янъ* Падурра, отецъ *Ѳомы*, получившій въ 1790 году, по окончаніи образованія въ одномъ изъ іезуитскихъ училищъ, отъ короля Станислава Августа дипломъ на званіе *коморника* или присяжнаго землемѣра. Въ какомъ именно іезуитскомъ училищѣ обучался Янъ неизвѣстно; изъ замѣтки Васютинскаго знаемъ только, что онъ въ томъ же 1790 году уже проживалъ въ *Ильинцахъ*, занимался измѣре-

ніемъ полей и за заслуги свои въ этомъ дѣлѣ получилъ отъ князя воеводы Іеронима Сангушка въ пожизненное владѣніе небольшой домъ съ пахатною землею, расположенный въ предмѣстьи м. Ильинецъ, у *Литвиновой* мельницы, на берегу рѣки, протекающей отъ этой мельницы и впадающей въ такъ называвшійся *Каменный* прудъ. Измѣривъ Тетіевщизну (м. Тетевъ, нынѣ таращанскаго уѣзда, смежнаго съ липовецкимъ, а не Темещизна, какъ ошибочно передаетъ Пржиборовскій), Янъ Падурра былъ назначенъ брацлавскимъ коморникомъ и получилъ поздрввительное письмо отъ Өомы Островскаго.

Въ этомъ то домикѣ, въ которомъ впослѣдствіи родился Өома, князь воевода Сангушко принималъ въ 1786 году короля Станислава Августа, возвращавшагося изъ поѣздки въ Каневъ, на которую онъ возлагалъ столько надеждъ. Въ 1801 году, 21 декабря, отъ *Анели*, урожденной *Панковской* (по гербу Задора) изъ Плоцка, родился Өома. Спустя 80 лѣтъ послѣ упомянутаго посѣщенія домика послѣднимъ польскимъ королемъ, возвращавшимся изъ Канева разочарованнымъ въ своихъ ожиданіяхъ, и чрезъ 65 лѣтъ со дня своего рожденія (21 декабря 1801 г.), Өома случайно посѣтилъ Ильинцы. Моментъ этотъ, полный какого то торжественно-печальнаго настроенія, Васютинскій такъ изображаетъ въ своей замѣткѣ: «въ 1866 г., проѣзжая вмѣстѣ съ Падуррою, посѣтили мы эту мѣстность, расположенную въ настоящее время за Коловротомъ, по лѣвую сторону отъ дороги изъ Ильинецъ въ Дашевъ. Мы нашли домикъ совершенно разрушеннымъ, березовый лѣсокъ истребленнымъ; какой то дряхлый старикъ бродилъ по немъ, собирая сухія вѣтви. Здѣсь то по странному стеченію обстоятельствъ произошла встрѣча *пана со слугою.* Оказалось, что старикъ, еще мальчикомъ, былъ въ услуженіи у отца Өомы. Усѣвшись на памятникѣ-камнѣ, нѣмомъ свидѣтелѣ бесѣдъ послѣдняго польскаго короля съ послѣднимъ воеводою, Өома вступилъ въ разговоръ со старикомъ. Послѣдній вскорѣ удалился со связкою сухихъ вѣтокъ; поэтъ заплакалъ. Наступилъ вечеръ. Изъ находящагося вблизи костела раздался звонъ, призывавшій къ молитвѣ: *«Ave Maria»*, въ звукахъ его слышалось: *«requiescat»* столькимъ людямъ, дѣяніямъ, ожиданіямъ... Странная судьба постигаетъ часто и мѣстности, и предметы, и людей...».

Въ 1822 году, послѣ смерти отца, семейство Падурръ поселилось въ *Мшанцѣ*, вблизи Махариня, Махновки и Бѣлиловки (бердичевскаго уѣзда), взявъ эту деревню въ арендное содержаніе отъ Пшилускаго. По окончаніи контрактнаго срока, приблизительно въ

1830 году, Падурры пріобрѣли въ Махновкѣ небольшой домъ, въ которомъ стали жить, имѣя во главѣ семьи старшаго изъ братьевъ *Іосифа*, человѣка образованнаго, окончившаго въ 1817 году виленскій университетъ. Капиталъ, бывшій у нихъ въ рукахъ, за оставленіемъ аренды, былъ помѣщенъ въ банкирской конторѣ Гальперина въ Бердичевѣ и впослѣдствіи, когда этотъ извѣстный въ свое время на Украинѣ банкиръ обанкротился, весь пропалъ. Изъ членовъ семьи Ѳома умеръ послѣднимъ.

Первоначальное научное и нравственное образованіе Падурра получилъ частью въ родительскомъ домѣ, частью въ приходскомъ ильинецкомъ училищѣ, въ которомъ одновременно съ нимъ обучался и Северинъ Гощинскій. Выучившись здѣсь прислуживать во время обѣдни, мальчики часто исполняли обязанности прислужниковъ въ мѣстномъ костелѣ; посѣтивъ въ 1866 году этотъ храмъ, Падурра съ радостнымъ волненіемъ осматривалъ ту же самую кадильницу, которую ребенкомъ употреблялъ во время костельной службы. Когда мальчики стали подростать, родители помѣстили и того и другаго въ винницкое училище, гдѣ въ теченіи двухъ лѣтъ они воспитывались вмѣстѣ. Затѣмъ отецъ Гощинскаго, переѣхавъ на жительство въ Лещиновку, вблизи Умани, отдалъ сына въ ученіе базиліанамъ, въ то время какъ Ѳома продолжалъ оставаться въ училищѣ въ Винницѣ, гдѣ въ 1820 г. окончилъ полный курсъ ученія. Свѣдѣніе это о времени пребыванія Падурры въ училищѣ важно тѣмъ, что даетъ возможность провѣрить и исправить ни на чемъ не основанные разсказы о предпринятомъ будто бы Падуррою одновременно съ эмиромъ Ржевусскимъ путешествіи на востокъ, гдѣ, говорятъ, онъ находился съ 1817 по 1820 годъ, т. е. какъ разъ въ то время, когда въ дѣйствительности онъ оставался еще въ училищѣ. Когда Падурра окончилъ курсъ наукъ въ винницкомъ училищѣ, визитаторъ школъ Вележинскій, замѣтивъ въ немъ способности и прилежаніе къ наукамъ, отправляясь въ обычную свою поѣздку для посѣщенія и осмотра учебныхъ заведеній, взялъ его съ собою въ качествѣ секретаря. Пространствовавъ вмѣстѣ съ визитаторомъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, Падурра прибылъ наконецъ въ *Кременецъ*, въ извѣстный въ свое время лицей, основанный стараніями Чацкаго, записался въ число его воспитанниковъ и въ 1825 году окончилъ полный курсъ ученія. Въ лицеѣ, по словамъ Люціана Семенскаго, онъ изучалъ исторію и писалъ стихотворенія и *думы*. Въ польской литературѣ въ то время зарождался романтизмъ: въ средѣ писателей, равно какъ и среди образованной

части общества, господствовали два направленія мысли: и то, и другое полное мечтательности, хотя уже отрѣшившееся отъ формъ сентиментальной идилліи съ переодѣваніями въ костюмы XVIII в. и напыщеннаго французскаго классицизма. Представителемъ перваго направленія былъ Байронъ, втораго—Оссіанъ, о которомъ высокопарно писалъ Л. Семенскій, что онъ своими *«полусонными* и фантастическими повѣстями *пробуждалъ дремлющія событія* туманнаго прошедшаго». Люди, одаренные болѣе живымъ, болѣе сильнымъ чувствомъ, или считавшіе себя одаренными такимъ чувствомъ слѣдовали Байрону, люди съ темпераментомъ болѣе созерцательнымъ, съ оттѣнкомъ меланхолической мечтательности являлись приверженцамм Оссіана».

«Если Мицкевичъ и Словацкій, Гощинскій и Мальчевскій, говоритъ Л. Семенскій, не могли избѣгнуть подводныхъ скалъ байроновскаго направленія, то какимъ образомъ могъ Падурра, хотя и одаренный талантомъ, талантомъ самостоятельнымъ и *отечественнымъ* (какой же это талантъ?), но все таки стоящій ниже ихъ, устоять, не дать захватить себя этому все увлекающему за собою теченію? Байронъ и Оссіанъ дали ему литературное образованіе; до конца своей жизни онъ читалъ ихъ съ большою охотою». Къ этому слѣдовало бы прибавить, что упомянутые выше поэты, хотя и натолкнулись на подводные камни байронизма, все таки съумѣли проникнуть въ океанъ истинной поэзіи, потому что они были люди выдающіеся, одаренные истиннымъ талантомъ; Падурра же, какъ ни стремительно порывался всю жизнь подняться высоко, не имѣлъ въ этомъ никакого успѣха. Напротивъ того, онъ занялъ среди писателей гораздо низшее мѣсто, нежели то, на которое могъ бы стать по своемъ способностямъ. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Въ то же самое почти время, когда юный Падурра поступилъ въ число воспитанниковъ кременецкаго лицея, возвратился изъ путешествія по пустынямъ востока *Нежда* Вацлавъ Ржевускій, прославившійся впослѣдствіи подъ именемъ *Эмира Тагъ-Эль-Факеръ-Абъ-Эль-Нишана*. Какимъ образомъ и гдѣ именно познакомился Падурра съ эмиромъ, не знаемъ, во всякомъ случаѣ знакомство это ведетъ свое начало задолго до 1830 г., относится, по всей вѣроятности, ко времени окончанія Падуррою ученія, такъ какъ въ это время онъ уже часто встрѣчается въ обществѣ Ржевускаго, даже вблизи Дашева, гдѣ, по словамъ мѣстныхъ преданій, какъ подъ историческимъ Гузовомъ, «кровь смѣшалась со словомъ».

Во время пребыванія въ кременецкомъ лицеѣ Падурра не усвоилъ себѣ основательныхъ знаній, которыхъ, даже при всемъ своемъ стараніи, никогда не проявилъ впослѣдствіи, тѣмъ не менѣе успѣлъ въ теченіи этого времени заручиться тѣми внѣшними признаками, тѣмъ лоскомъ благовоспитаннаго человѣка, которые въ то время считались еще плодами строго научнаго образованія и благодаря которымъ онъ усвоилъ себѣ тотъ сентиментально свободный образъ мыслей относительно славянофильскихъ идей, съ которымъ не разставался даже послѣ уроковъ братства подъ Дашевомъ, какъ это видно изъ примѣчанія къ «Украинкамъ», изданнымъ въ Варшавѣ въ 1844 году. Время существованія кременецкаго лицея и виленскаго университета составляетъ для польскаго общества, жившаго въ Украинѣ, можно сказать, свѣтлую эпоху: всѣ умственныя силы его, какъ бы пробужденныя отъ продолжительнаго отдыха, стали дѣйствовать: одновременно появилось нѣсколько личностей, прославившихся впослѣдствіи, которые сообща съ другими содѣйствовали къ образованію эпохи самой славной, самой богатой въ исторіи польской литературы, славной и богатой не количествомъ печатныхъ произведеній, но силою проявившагося въ нихъ творчества. Богданъ Залѣскій, Гощинскій, М. Грабовскій, нѣсколько позже Гроза, Т. Олизаровскій, до того Мальчевскій—всѣ эти писатели появились въ свѣтъ почти въ одно время, какъ бы подъ вліяніемъ какой то невидимой силы. Эпоха борьбы, ожиданій, неудачъ, самообольщенія, которою польское общество закончило XVIII столѣтіе, общая кипучая дѣятельность, лихорадочное настроеніе умовъ, какъ бы по наслѣдству, перешли къ послѣдующимъ поколѣніямъ, сосредоточившись въ извѣстныхъ личностяхъ. Духъ свободы, плодъ французской революціи, сталъ воодушевителемъ, двигателемъ и польскаго общества. Среди неопредѣленныхъ стремленій нарождающихся поколѣній, время отъ времени проявлялась болѣе осмысленная, болѣе осязательная мысль отдѣльныхъ личностей о необходимости направить свою дѣятельность къ изученію своей родины и народа.

Первымъ проповѣдникомъ этой идеи былъ Зоріанъ Доленга Ходаковскій, дѣятельность котораго, нужно сознаться, не была понята въ Польшѣ. Онъ принужденъ былъ обратиться за помощью къ русскому правительству, которое, давъ ему пособіе, пріобрѣло послѣ его смерти всѣ его литературныя произведенія [1]). Ими впослѣдствіи пользовались

---

[1]) Сборникъ пѣсенъ пріобрѣтенъ отъ вдовы Ходаковской покойнымъ М. А. Максимовичемъ.

русскіе писатели, какъ матеріаломъ для своихъ изслѣдованій. Впрочемъ и польскіе писатели въ поэзіи и жизни народа, его преданіяхъ, нравахъ и обычаяхъ, въ его взглядахъ на природу и ея явленія стали усматривать неисчерпаемыя сокровища поэтическаго матеріала и исключительно поэтическаго.

Отсюда понятно, почему польскіе писатели, даже эстетики, какъ Грабовскій, изъ народной среды для своихъ произведеній брали матеріалъ исключительно поэтическій; богатствомъ и яркостью красокъ, суровостью, составляющею какъ бы основу и фонъ для картинъ народнаго быта, и въ то же время задушевностью, которою при всей своей суровости отличалась жизнь козаковъ, эти писатели оживляли изнѣженную, надушенную, напудренную, напыщенную поэзію и вообще литературу Польши. Исторія, этнографія, естествознаніе, народная словесность были оставлены ими въ сторонѣ: мы говоримъ о представителяхъ возникавшей тогда такъ называемой украинской школы поэзіи. Удивляться этому нечего, если принять во вниманіе, что народная жизнь ни съ одной изъ упомянутыхъ нами сторонъ въ то время не была еще обработана. Общее вниманіе прежде всего было привлечено тѣмъ, что рѣзче бросалось въ глаза всякому, а именно особаго рода *красками*. Поэтому то и названіе *украинская школа*, даваемое Грабовскимъ цѣлой извѣстной группѣ польскихъ поэтовъ, должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что писатели эти внесли въ область польской литературы особыя, отличныя отъ имѣвшихся въ ней *краски*, новый *колоритъ*, своеобразныя небеса, солнце, всю природу, цвѣта, другія лица и характеры, другую обстановку. Грабовскій, болѣе другихъ одаренный эстетическимъ чувствомъ, первый замѣтилъ это. Особаго рода краски, подобно тому, какъ въ Италіи въ XV в. создали отдѣльную въ живописи *венеціанскую* школу, въ Польшѣ образовали въ поэзіи новую *украинскую школу*.

Романтизмъ, переходя въ область народной жизни, направлялъ въ ея сторону и умственныя силы польскаго общества, и такъ какъ Украину населялъ народъ другаго племени, то по естественному ходу вещей на него преимущественно стали обращать вниманіе. Пусть мы, поляки, ослѣпленные враждою, вели съ этимъ народомъ кровавую борьбу, все таки мы и работали сообща съ нимъ въ его же пользу, населяя безлюдныя украинскія степи, а общность труда во всякомъ случаѣ порождаетъ извѣстную связь между трудящимися. Сталкиваясь на томъ и другомъ поприщѣ взаимной борьбы и общаго труда, мы должны были познакомиться и съ внутреннею, духовною жизнью ма-

лороссійскаго народа, по крайней мѣрѣ настолько, насколько та была доступна нашему взору, насколько позволяли намъ покровы недовѣрія и непріязни со стороны малороссовъ, скрывавшіе ее отъ насъ. Знакомство наше съ этою жизнью, насколько оно зависѣло отъ насъ самихъ, было, если такъ можно выразиться, *панское*, касалось тѣхъ ея сторонъ, которыя не оскорбляли нашего эстетическаго чувства и, не находя удовлетворенія послѣднему въ дѣйствительности, въ современности, ограничивалось прошлымъ; такое знакомство съ жизнью народа не требовало сближенія съ самимъ народомъ и въ то же время давало возможность брать изъ его прошедшаго богатый матеріалъ для поэтическихъ произведеній. Поэты въ этомъ случаѣ слѣдовали изреченію Гете, которое послужило Мицкевичу девизомъ: «was in Unsterblichkeit soll bleiben, mus in Leben untergehen». Минувшее воспѣвали, не говоря уже о менѣе извѣстныхъ писателяхъ, поэты: Мальчевскій, Гощинскій, Богданъ Залѣскій, даже Гроза и Олизаровскій, прозаики: М. Грабовскій и др. Романтизмъ, родоначальникомъ котораго считается Мицкевичъ (въ балладахъ), смѣнило подъ вліяніемъ его же развившееся направленіе въ поэзіи, поддерживаемое страстностью Зоріана Ходаковскаго, направленіе, вполнѣ согласное съ романтизмомъ, касавшееся прошедшаго и въ то же время указывавшее на новый источникъ поэзіи—жизнь народную. Повторяемъ: всѣ увлекались прошлымъ. Одинъ только Ал. Гроза не убоялся брать для своихъ произведеній сюжеты изъ дѣйствительной, современной ему жизни (*О душахъ покойниковъ*, *Мартынъ* и др.).

Общаго увлеченія не избѣжалъ и Падурра, какъ поэтъ, онъ пошелъ за другими торною дорогою, съ тѣмъ однако громаднымъ различіемъ, что обстоятельства, поставившія его въ особенныя условія, безусловно подчинили его себѣ, деспотически завладѣли его поэтическимъ воображеніемъ, направили его въ одну сторону, обезсилили, сдѣлали рабомъ прихотей чудака магната, удостоивавшаго поэта своею дружбою. Падурра сталъ не народнымъ пѣвцомъ (нѣтъ сомнѣнія, что поневолѣ), не носителемъ преданій, не проповѣдникомъ высшихъ идей, но поэтомъ, воспѣвающимъ ту полную странностей и разгула жизнь, которою жили въ домѣ друга его эмира. А жизнь эта, какъ ни блистала своею внѣшностью, въ сущности была пустою, безсодержательною, безцѣльною, не могла удовлетворить потребностей высшихъ умовъ, не была въ состояніи образовать около себя партіи, собирала вокругъ себя лишь отдѣльныя личности, жаждущія отличиться, возвыситься, прославиться, личности, которыя не могли занять мѣста

среди мыслящаго общества. Падурра не обладалъ эстетическимъ чувствомъ, не былъ мыслителемъ настолько, чтобы возвыситься надъ уровнемъ *красивой по внѣшности*, но въ то же время, *безсодержательной* среды, которая его окружала, остался навсегда, правда своеобразною, но тѣмъ не менѣе посредственностью въ то время когда другіе опередили его на поприщѣ возвышенной мысли. Своеобразіе и извѣстность Падурры легко объясняются тѣмъ, что онъ писалъ на малорусскомъ языкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы языкъ его произведеній былъ польскій, критики не обратили бы на него никакого вниманія или, по высшей мѣрѣ, причислили бы его къ разряду второстепенныхъ подражателей Б. Залѣскаго. Не новость темы, новость языка, выражавшаго польскія идеи, дѣлала для многихъ увлекательными стихотворенія Падурры, извѣстность, которою онъ пользовался, не выходила изъ предѣловъ шляхетской, часто магнатской среды, къ которой принадлежалъ эмиръ Ржевускій. Не критика, не заслуги, не искусство, не вдохновеніе, не геніальность, не талантъ доставили Падуррѣ популярность: пріобрѣлъ онъ ее благодаря своему меценату эмиру, у котораго жилъ, который возилъ его съ собою по Украйнѣ, Волыни и Подоліи, гдѣ панскіе лизоблюды и окрестная шляхта, съѣзжавшаяся на обѣды и балы къ Ржевускимъ, Сапѣгамъ (въ Константиновѣ и Славутѣ), Любомирскимъ, восхищались поэтомъ не потому, что онъ имъ казался дѣйствительно достойнымъ удивленія, но потому, что имъ восхищался эмиръ, авторитетность котораго въ данномъ случаѣ заступала эстетическое чувство; впрочемъ, о послѣднемъ не можетъ быть здѣсь и рѣчи, на него никто изъ описываемаго общества не считалъ нужнымъ обращать вниманія, извѣстное выраженіе Мицкевича: «гопъ, гопъ! цупъ, цупъ!», которымъ поэтъ характеризовалъ крикливость украинскихъ стихоплетовъ, вполнѣ примѣнимо къ упомянутымъ цѣнителямъ таланта Падурры. Не удивительно, что пылкій, полный поэтическаго настроенія юноша, сблизившись съ такимъ чудакомъ—мечтателемъ, какимъ былъ эмиръ, привязался къ нему всецѣло. Въ какую обстановку онъ попалъ, поселившись у своего новаго друга, видимъ изъ описанія Л. Семенскаго въ его сочиненіи «Вацлавъ Ржевускій и его приключенія въ Аравіи»: «фантастическая восточная одежда, говоритъ онъ, образъ жизни, рѣзко отличающійся отъ обыденной жизни, какою жили шляхта и паны, выдающаяся красота и сила лошадей—все это привлекало вниманіе всей провинціи. Со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ эмиру гости: увидѣть его, осмотрѣть его домъ, полюбоваться его кобылицами и жереб-

ками; съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ недовѣріемъ, присущимъ нашимъ деревенскимъ обывателямъ, они слушали разсказы объ арабскихъ приключеніяхъ, которые эмиръ умѣло дополнялъ бедуинскими пѣснями, ловкимъ метаніемъ копія, трудными упражненіями съ джигитомъ, верховою ѣздою по образцу сыновъ пустыни. Способъ, какимъ онъ обращался съ лошадьми, одежда его и вооруженіе были новинкою для его сосѣдей, онъ же объяснялъ все съ подробностями, указывалъ на практическое примѣненіе каждой частности, о малѣйшей вещи умѣлъ разсказать что либо любопытное и этимъ приводилъ слушателей въ восторгъ и удивленіе. Все въ эмировомъ домѣ интересовало и забавляло, подобно каждой новинкѣ; болѣе всего занимательною являлась личность самаго эмира, въ особенности для женщинъ, терявшихъ головы при видѣ чудака, въ сравненіи къ которымъ казались ничтожными герои романовъ и который стоялъ выше самыхъ образцовыхъ провинціальныхъ рыцарей. Эмиръ былъ увлекательнымъ собесѣдникомъ; развлекалъ гостей анекдотами, пѣлъ, тѣшилъ своеобразною верховою ѣздою, *удивлялъ знаніями* (какими же?), впрочемъ нерѣдко давая разговору сентиментальное и *гуманное* (?) направленіе, наводилъ на слушателей невыносимую скуку».

Жизнь, какъ видимъ, велась разгульная, веселая, ничѣмъ нестѣсняемая, поражающая зрителей необычайностью происшествій, приключившихся съ героемъ, который былъ ея центромъ. Эмиръ являлся въ сіяніи славы героя авантюриста, въ роли, болѣе доступной чувствамъ, и поэтому легче воспринимаемой людьми, одаренными пылкимъ воображеніемъ. Онъ былъ какъ бы продолженіемъ ряда польскихъ авантюристовъ XVIII в. и если не пріобрѣлъ такой извѣстности, какою пользовался Беніовскій, то единственно потому, что исчезновеніе его произошло также быстро, какъ появленіе. Въ домѣ эмира всѣ забавлялись и... только, искали сильныхъ впечатлѣній, измышляли странности, способныя удовлетворить разыгравшееся воображеніе. Попавъ въ этотъ водоворотъ жизни, Падурра сжился съ нимъ не столько душою, сколько юношескимъ пыломъ, соединеннымъ съ врожденною ему склонностью къ мечтательности. Не общность характеровъ сблизила Падурру съ Ржевускимъ, но общая обоимъ мечтательность. Восхищенный эмиромъ, «онъ написалъ, говоритъ Пржиборовскій, въ подражаніе «Фарису» Мицкевича *думу* въ формѣ оды или кассыды послѣдняго». Жаль, очень жаль, что эта *ода* или *кассыда* и вмѣстѣ съ тѣмъ *дума*, написанная въ подражаніе «Фарису», не сохранилась. Вотъ — такъ была бы головоломная работа, разобрать

эту думу (съ эпическо-лирическимъ содержаніемъ), написанную въ формѣ оды!...

Подъ живымъ еще впечатлѣніемъ жизни, проведенной въ Аравіи, жизни, полной дикой свободы, эмиръ не могъ продолжительное время довольствоваться поклоненіемъ прекраснаго пола и игрою въ лошадки, его безпокойный духъ требовалъ большаго, полюбивъ славу, онъ не могъ жить одними воспоминаніями о прожитыхъ имъ впечатлѣніяхъ и сталъ стремиться въ Украинѣ найти Аравію; поиски эти были непродолжительны, они вскорѣ увѣнчались успѣхомъ: искомое онъ нашелъ въ преданіяхъ козачества.

Жизнь козаковъ отличалась такимъ удальствомъ, молодечествомъ, имѣла въ себѣ столько поэзіи и въ то же время реальности, соединяла въ себѣ столько противорѣчій, что способна была удовлетворить самый требовательный, самый избалованный эстетическій вкусъ. Изъ нея Б. Залѣскій заимствовалъ свою *думу о гетманѣ Косинскомъ*, Гощинскій—*Швачку и Орлика изъ Каневскаго замка*.

Въ непродолжительное время домъ эмира преобразился: наполнился козаками (конечно, не настоящими, а приспособленными къ этой цѣли); арабскія лошади, сбруя, вооруженіе стали служить декораціями для новой картины. Эмиръ сталъ исполнять роль малороссійскаго гетмана: быть можетъ, воображенію его представлялись Зборовскій, Косинскій, Кишка... Какъ бы тамъ ни было, въ самомъ центрѣ Украины потекла новая жизнь, жизнь полная необузданнаго разгула, представлявшая собою смѣсь шляхетскаго задора съ козацкимъ молодечествомъ и преобразовавшаяся впослѣдствіи въ самое обыкновенное безчинство, память о которомъ живетъ въ Украинѣ и въ настоящее время.

Такимъ образомъ произошло непонятное съ перваго взгляда явленіе: польское общество на Украинѣ, всѣми силами старавшееся подавить историческое козачество и въ концѣ концовъ успѣвшее въ этомъ, когда отъ истощенія силъ и само пало, 70 лѣтъ спустя, одѣвъ трупъ побѣжденнаго врага въ козацкую одежду, забавлялось имъ, забавлялось мечтами, что трупъ этотъ въ широкихъ шароварахъ, синихъ полужупанахъ, съ *«оселедцемъ»*, вернется къ жизни на нашу славу. Въ домѣ эмира пошла новая жизнь: «лошади, *козацкая* дружина, готовая броситься въ огонь и воду по одному слову пана, говоритъ, увлекаясь, Пржибидоровскій, поѣздки верхами по степямъ въ тихую ясную ночь, съ бедуинскимъ копьемъ, султаномъ изъ страусовыхъ перьевъ, въ бѣломъ эмировомъ плащѣ, быть можетъ, дѣломъ рукъ какого нибудь

Берки или Струля изъ Ольгополя или Балты,—вотъ обстановка, среди которой жилъ эмиръ и его пріятель Падурра». Подобныя прогулки, совершаемыя при обыкновенныхъ условіяхъ, въ обыкновенной одеждѣ, безъ сомнѣнія, могли быть очень пріятными, совершаемыя же съ переодѣваніемъ въ фантастическіе костюмы, являлись ничѣмъ инымъ, какъ маскараднымъ шествіемъ масляницы, направлявшимся не на Corso, quai des Anges или Piazza di San-Marco, но въ украинскія степи. *Козацкая* дружина, представлявшаяся издали эффектною, подобно тому какъ и въ настоящее время панскій кучеръ, одѣтый козакомъ, приводитъ въ удивленіе варшавскаго простака-обывателя, стремящагося подъ видомъ посѣщенія богатыхъ магнатскихъ библіотекъ, вкусить отъ блюдъ изысканной панской кухни,—при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывалась состоявшею изъ самыхъ обыкновенныхъ *жокеевъ*, лакеевъ, одѣтыхъ по козацки, которые, если и имѣли готовность по приказанію пана идти въ огонь и въ воду, то единственно потому, что, будучи крѣпостными, не были отвѣтственными за послѣдствія даваемыхъ имъ распоряженій, твердо были убѣждены въ томъ, что въ случаѣ возникновенія уголовныхъ дѣлъ, найдутъ у своего пана покровительство и защиту. Они были люди, совершенно равнодушно относящіеся къ магнатскимъ выходкамъ, руководившіеся въ своихъ дѣйствіяхъ пословицею: «скачы, враже, якъ панъ каже». Понятно, что о внутренней связи въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи. Эти самые козаки, существовавшіе еще лѣтъ 30—40 тому назадъ, съ тѣхъ поръ какъ жизнь польскаго общества постепенно вошла въ болѣе узкія рамки, стушевались совершенно: стали отчасти работниками въ полѣ и въ огородахъ, отчасти въ качествѣ *наемныхъ козачковъ* служителями при панскихъ дѣтяхъ или у перезрѣлыхъ дѣвъ, желающихъ тѣмъ указать на свое происхожденіе изъ Украины. «Среди вышеупомянутой *козацкой дружины*, пишетъ Семенскій, былъ другъ эмира поэтъ Ѳома Падурра, слагавшій очень удачныя думки на малорусскомъ языкѣ, былъ также Витортъ, торбанистъ, который сочинялъ къ нимъ ноты и пѣлъ.. за нимъ пѣли хоромъ козаки (конечно, вѣрные девизу: «скачы, враже, якъ панъ каже»), вѣрные товарищи пана». Разсказчикъ, желая придать этимъ словамъ характеръ чего то необычайнаго, допустилъ ошибку, прямо вытекающую изъ незнанія народной поэзіи: *думы*—пѣсни эпическія—не *хоровыя*, поются народомъ не *хоромъ*, а *речетативомъ*.

Итакъ, Падурра жилъ въ домѣ эмира въ качествѣ придворнаго поэта. Вотъ, что говоритъ о немъ въ стихахъ менѣе его извѣстный,

но болѣе талантливый Олизаровскій: «онъ (Падурра) не могъ похвастаться крѣпкимъ здоровьемъ, но былъ ловокъ, какъ угорь, съ быстротою его трудно сравняться облакамъ, лошадей любилъ, какъ дитя; когда онъ сядетъ на *коверъ* по серединѣ комнаты съ козаками, станетъ перебирать умѣлою рукою струны торбана, ястребинымъ взглядомъ пробѣжитъ по лицамъ козаковъ, сердце твое пусть не старается охладиться, не охладится: удары по струнамъ рукъ двѣнадцати человѣкъ упадутъ на тебя, подобно падающей на траву росѣ; дума заговоритъ посредствомъ твоего собственнаго сердца». Ясно, что эмиръ забавлялся составленіемъ *украинскаго хора*, совершенно несогласнаго съ духомъ малороссійскаго народа, который, какъ мы замѣтили выше, не поетъ хоромъ думъ и думокъ, примѣняя хоровой способъ пѣнія только къ пѣснямъ обряднымъ, относящимся къ извѣстнымъ случаямъ жизни, рѣдко къ пѣснямъ любовнаго содержанія, подобно тому, какъ не поютъ хоромъ пѣсенъ и *кобзари*, аккомпанируя сами себѣ. Такимъ образомъ, всякій долженъ согласиться съ тѣмъ, что эмиръ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ, руководясь исключительно панскою прихотью. Пусть восторженность, мечтательность, въ соединеніи съ поступками, выходящими изъ ряда обыкновеннаго, увлекательны, сильно вліяютъ на окружающихъ, воспламеняютъ умы, приводятъ въ восхищеніе слушателей и зрителей, людей даже болѣе спокойнаго темперамента, тѣмъ не менѣе не теряютъ своего настоящаго значенія; то, что забавляло пановъ, не оказывало никакого вліянія на народъ, игравшій въ панскихъ забавахъ, подобно мнимымъ козакамъ, пассивную роль декорацій. Въ то время, когда въ залахъ магнатскаго дома торбанисты, разсѣвшись на коврахъ, наигрывали псевдонародные напѣвы, которымъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ вторили мнимые козаки, пѣснею, въ которой хромали и размѣръ, и риѳмы, внѣ дома крѣпостные люди по прежнему въ потѣ лица трудились «для пана», по прежнему розги и нагайки чинили судъ и расправу или, говоря по тогдашнему, «учили уму-разуму» братьевъ и сестеръ тѣхъ же самыхъ случайныхъ пѣвцовъ-козаковъ. Такъ въ обществѣ, сосредоточивавшемся около эмира, съ непонятнымъ легкомысліемъ строились воздушные замки. Разгулявшимся и облѣнившимся своимъ собесѣдникамъ Падурра поетъ:

Ne bijtesia, ladzki dity
Pyite vyno u stoła—
Teper można wam sedity
Jak pid kryłom anheła!

Эта *козацкая пѣснь*, названная такъ развѣ въ насмѣшку, пронеслась вдаль, вдоль береговъ Дуная, всюду, гдѣ другой мечтатель Садыкъ-паша, слѣдуя эмиру, старался осуществить мечту объ установленіи шляхетскаго козачества; ею же, лѣтъ 25 тому назадъ, поборники этой самой идеи убаюкивали «ляцкихъ дѣтей».

Вотъ бѣглая характеристика тѣхъ внѣшнихъ и отчасти внутреннихъ психическихъ условій, искуственно созданныхъ извѣстною частью украинскаго общества, которыя увлекли многихъ въ водоворотъ свойственныхъ имъ и легко объясняемыхъ ими мечтаній, среди которыхъ жилъ и которымъ подчинялся Падурра. Каждый поэтъ, какъ дитя современнаго ему общества, или живетъ его жизнью, или опережаетъ его. Падурра, какъ человѣкъ посредственнаго таланта и небольшаго умственнаго развитія, не въ состояніи былъ стать выше окружающей его обстановки, удовлетворяя же потребностямъ мысли, стремящейся къ дѣлу, не довольствовался трудомъ тихимъ, спокойнымъ, искалъ необыкновеннаго, что и нашелъ въ козачествѣ, и то въ части его далеко не лучшей.

Переходимъ къ повѣствованію о дальнѣйшей судьбѣ поэта съ тѣмъ, чтобы закончить настоящій очеркъ бѣглымъ критическимъ обзоромъ его литературныхъ произведеній. Въ жизни Падурры замѣчается одна особенная черта, еще до послѣдняго времени общая многимъ полякамъ, именно стремленіе жить на счетъ другихъ, чтобы не сказать, быть лизоблюдомъ. Поэтическія его произведенія, какъ ни хвалятъ ихъ за легкость, свободу, независимость мысли, на самомъ дѣлѣ лишены той истинной свободы духа, которая стремится быть въ тиши, спокойствіи, въ собственномъ укромномъ уголкѣ, однимъ словомъ быть выраженіемъ никому не подчиненной, ни отъ чего независимой мысли. Падурра—не Янъ изъ Чарнолѣсья (Кохановскій), для котораго поэзія выше богатствъ и почестей; не Мицкевичъ, сочиняющій «Пана Тадеуша» на чердакѣ, не имѣя чѣмъ заплатить за обѣдъ; не Словацкій, одиноко живущій въ маленькой комнаткѣ, часто нетопленной, дѣлящій свои грустныя мысли съ одной только матерью, не одинъ изъ тѣхъ истинныхъ поэтовъ, изъ которыхъ каждаго съ радостью и съ честью готовъ былъ бы принять въ своемъ домѣ первый встрѣчный польскій магнатъ. Падурра имѣетъ другой взглядъ на вещи: онъ проживаетъ въ Константиновѣ у Ржевуской, въ Умани у Потоцкихъ, въ Ружинѣ у Любомирскихъ, въ Саврани у эмира, наконецъ, въ Казатинѣ у Васютинскаго. Живетъ нѣсколько мѣсяцевъ, годъ, годы, десятки лѣтъ! Онъ не свободный

пѣвецъ, онъ играетъ только роль поэта, принуждаетъ себя быть уживчивымъ, соглашается съ мнѣніемъ всякаго, своимъ образомъ жизни даетъ намъ право предполагать (не мы сами дѣлаемъ это предположеніе), что его поэтическое вдохновеніе чаще всего беретъ начало отъ изысканныхъ блюдъ и дорогихъ винъ панскаго стола. Эмиръ возитъ его съ собою, какъ бы на показъ, къ сосѣдямъ, представляетъ его имъ, какъ своего друга и поэта; этого ему достаточно, извѣстность среди помѣщиковъ уѣзда его вполнѣ удовлетворяетъ.

Вообще жизнь Падурры чрезвычайно подвижна, не усидчива; онъ не отличается большими природными способностями, но любознателенъ, жаждетъ впечатлѣній, знаній, науки. Совершаетъ поѣздку въ Сѣчь, знакомится съ митрополитомъ Евгеніемъ Болховитиновымъ, интересовавшимся Украиною, ея археологіею и исторіею. Съ исчезновеніемъ безъ вѣсти эмира, Паддура поселяется въ Махновкѣ, но не надолго: въ 1840 г. онъ проживаетъ уже въ Пиковѣ у Борейки.

Первый сборникъ его произведеній изданъ въ 1842 г. во Львовѣ Каетаномъ Яблонскимъ подъ заглавіемъ «Pienia Tomasza Padurry». (in 12—стр. 98), безъ предварительнаго разрѣшеніе со стороны автора и въ числѣ стихотвореній другихъ поэтовъ. Изданіемъ этимъ Падурра остался крайне недоволенъ и это, по всей вѣроятности, побудило его приступить къ собственному изданію, которое вышло въ свѣтъ въ Варшавѣ въ 1844 году. Въ немъ, а именно въ примѣчаніи *къ Козацкой пѣснѣ*, обращаясь къ львовскому издателю, онъ заявляетъ, что никому не поручалъ и никого не уполномочивалъ издавать свои стихотворенія, тѣмъ менѣе съ добавленіемъ къ нимъ произведеній другихъ авторовъ. Варшавское изданіе вышло у Густава Глюксберга (улица Міодова, 1844 г. in 8, стр. 195) подъ заглавіемъ «Ukrainky, z nutoju Tymka Padurry» и съ посвященіемъ «Na czest' Romanowi ž Koszyry ì pamiatka naszych lit mołodych».

Сборникъ этотъ заключаетъ въ себѣ: *пѣсни*, (для которыхъ Карлъ Липинскій, популярный въ свое время на Украинѣ музыкантъ, написалъ ноты), небольшую поэму «Hostyna i Iwoni» и эпическій отрывокъ «Roman z Koszyry». Васютинскій, въ упоминаемой нами выше замѣткѣ, а за нимъ и Пржиборовскій, утверждаютъ, что Падурра, поселившись въ Махновкѣ, пересталъ писать *думки* (т. е. по настоящему пѣсни) и принялся за сочиненія бóльшихъ размѣровъ, будто бы написалъ поэму «Kudak» и перевелъ на малорусскій языкъ «Конрада Валенрода» и Байрона. Однако эти произведенія не появились въ свѣтъ, такъ какъ были похищены въ 1848 году за границею, «о чемъ, говоритъ

Васютинскій, поэтъ скорбѣлъ въ теченіи всей жизни и не могъ вспоминать безъ сердечной боли». Очень можетъ быть, что эти утерянныя сочиненія, въ особенности поэма «Кудакъ», содержаніемъ которой, какъ говорятъ, послужила трагическая борьба Хмельницкаго за крѣпостцу, бывшую больнымъ мѣстомъ для гетмана и татаръ, какъ болѣе обширное по объему произведеніе, представила бы болѣе матеріала для критической оцѣнки литературной дѣятельности Падурры и его поэтическаго дарованія.

Въ настоящее же время намъ дана возможность судить объ этомъ лишь по его «Украинкамъ». Польскіе критики, мало знакомые или, вѣрнѣе сказать, незнакомые вовсе съ этнографіею и словесностью малороссійскаго народа, ошибочно причисляли Ѳому Падурру къ числу народныхъ украинскихъ поэтовъ. Удивляться этому нечего.

Въ то время, когда писали Семенскій, Поль, даже Пржиборовскій, изученіе народной жизни, знаніе народа переживало еще младенческій возрастъ. Изъ этой области въ польской литературѣ имѣлись только сборники *Жеготы Паули* и *Вацлава* изъ *Олеска*, въ русской—страдающіе отсутствіемъ критики труды *кн. Цертелева*, сборники *Срезневскаго* и *Максимовича*. Гораздо позже появившіеся «Труды югозападнаго отдѣла русскаго географическаго общества», «Записки о южной Руси» Кулиша дали возможность ближе познакомиться съ народною поэзіею Малороссіи, а сочиненія по этому предмету *Антоновича* и *Драгоманова*, въ Польшѣ *Неймана и Кольберга* позволили вполнѣ оцѣнить силу народнаго творчества.

Пусть Пржиборовскій пишетъ, что «Падурра сочинялъ много думъ и пѣсенъ, настолько родныхъ, настолько близкихъ народу, что ихъ читали на расхватъ переписывали, пѣли», пусть Васютинскій заявляетъ, что «Витортъ или, какъ произносятъ другіе, Видортъ распространялъ ихъ по Украинѣ, среди народа, подобно бросаемымъ въ землю золотымъ зернамъ»,— пѣсни Падурры не были народными пѣснями. Пѣла ихъ, восхищаясь, шляхта, игравшая въ козаковъ, изучали дворовые люди, экономы и писаря, народъ не пѣлъ ихъ никогда, всегда оставался къ нимъ равнодушнымъ, онѣ были для него чуждыми и размѣромъ, и формою, и рѣчью, и, прежде всего, содержаніемъ, духомъ. Говорить такъ намъ даетъ право то обстоятельство, что ни въ одномъ изъ сборниковъ, изданныхъ собирателями народныхъ пѣсенъ за послѣдніе 10 лѣтъ, не находимъ не только ни одной пѣсни, но даже ни одной строфы, сочиненной Падуррою, а также и то, что пѣсни его не вошли въ число тѣхъ, которыя поютъ *бандуристы* (кобзари). Усматривать въ сказанномъ натяжку, тенденціозность не

возможно: если и допустить, что польскіе ученые упустили изъ виду включить ихъ въ число народныхъ пѣсенъ, то сдѣлать это, безъ сомнѣнія, не преминули бы русскіе собиратели народной поэзіи; между тѣмъ ни въ *Историческихъ пѣсняхъ малорусскаго народа,* ни въ сборникахъ *Чубинскаго* пѣсни Падурры не встрѣчаются вовсе.

Критикъ «Tygodnika Petersburgskiego» (кажется, Тышинскій) въ свое время отозвался о Падуррѣ весьма сдержанно, оцѣнивъ его по заслугамъ; онъ даже усомнился въ его знаніи малороссійскаго языка и отказалъ ему въ правѣ называться поэтомъ. Оцѣнка эта вскорѣ была забыта, какъ скоро забытъ былъ самъ поэтъ Сангушками, Любомирскими, Потоцкими, увѣровавшими въ талантъ его со словъ эмира; людьми, смѣнившими эмира въ разгулѣ, принявшемъ у нихъ болѣе грубую форму, Падурра провозглашенъ былъ геніемъ. Однимъ только абсолютнымъ незнаніемъ словесности малороссійскаго народа и прирожденною склонностью къ мечтательности возможно объяснить, почему В. Поль, человѣкъ образа жизни одинаковаго съ Падуррою, въ «*Запискахъ о польской литературѣ XIX в.*» написалъ столько странныхъ общихъ мѣстъ объ этомъ поэтѣ. Приводимъ его подлинныя слова:

«Всякому извѣстенъ, говоритъ онъ, камертонъ, по которому настраивается фортепіано. Даетъ онъ одинъ только тонъ, одну ноту, однако согласно съ нимъ регулируется всякій, какого бы ни былъ размѣра, оркестръ: ни одна торжественная месса, ни одна возвышенная молитва въ костелѣ не совершаются безъ этой ноты, безъ этого тона; *такимъ камертономъ для нашей новой литературы являются поэтическія произведенія, думы* Падурры. Онъ вывелъ насъ на новую стезю въ литературѣ. Геніальность его состоитъ въ томъ, что, исходя изъ чисто лирическаго чувства, онъ умѣетъ переходить къ *исторической думѣ—задатку* (развѣ только задатку?) эпической поэзіи. Музыкальная гамма очень мала, коротка, мала и гамма его слова, однако всякій слушаетъ ее съ охотою. Только послѣ Падурры могли явиться Залѣскій и другіе. Когда историческая дума займетъ въ литературѣ первенствующее мѣсто, когда будетъ нераздѣльно связана съ музыкою и составитъ одно цѣлое съ жизнью, мы сознаемъ заслуги Падурры въ этомъ дѣлѣ, сознаемъ не только одни мы, но и всѣ славяне: его простыя пѣсни и думы имѣютъ въ польской литературѣ значеніе поэтическихъ произведеній Гезіода». Вотъ такъ сумбуръ въ полномъ смыслѣ слова! Сумбуръ, по истинѣ, геніальный, поэтическіе взгляды, несогласные съ истиною, дѣйствительностью! Поневолѣ спро-

сишь: откуда въ сужденіяхъ такого выдающагося писателя, какимъ во всякомъ случаѣ былъ В. Поль, подобная поверхностность? Отвѣтить не трудно: В. Поль и Падурра родственны другъ другу по духу, схожи по характеру: и тотъ и другой прежде всего шляхтичи-мечтатели. Говоримъ это не изъ приверженности къ крайнему демократизму, въ чемъ не одинъ захочетъ, пожалуй, обвинить насъ, о писателяхъ судимъ мы по ихъ произведеніямъ. Поль—поэтъ-археологъ, лично знакомый съ нѣкоторыми изъ шляхты бывшей польской Рѣчи Посполитой,—по ихъ образцу изображалъ историческую шляхту; Падурра представлялъ историческое козачество по образцу украинской шляхты. И тотъ и другой слагали пѣсни, разныя по формѣ, но одинаковыя по духу. Повторяемъ, причина, почему В. Поль такъ странно судилъ о Падуррѣ, заключается въ томъ, что знакомство его съ жизнью малороссійскаго народа было поверхностно, было же такимъ, какъ мы уже указали, по неимѣнію источниковъ, по которымъ онъ могъ бы изучить эту жизнь вполнѣ. Къ тому же онъ былъ человѣкомъ, фантастически засматривающимся на все родное, гордящимся историческою славою отчизны, которая закрывала собою все остальное, представлявшееся ему поэтому какъ бы въ туманѣ. Онъ былъ, наконецъ, однимъ изъ тысячи тѣхъ людей, которые, будучи хорошо знакомы съ иностранною литературою, не знаютъ основательно словесности родственныхъ народовъ. Отсюда произошло, что Поль, схвативъ тонкимъ чутьемъ артиста все являвшееся въ произведеніяхъ Падурры новымъ, отличнымъ отъ плодовъ пера прочихъ стихоплетовъ, ошибочно приписалъ таланту поэта то, что вытекало лишь изъ духа и формы украинской поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, болѣе всего восхищался Поль умѣніемъ Падурры переходить изъ лирическаго тона въ повѣствовательный, тѣмъ, что собственно не было вовсе умѣніемъ поэта, а свойствомъ малороссійскихъ пѣсенъ. Такое соединеніе лирическаго элемента съ эпическимъ встрѣчается у Падурры всего на всего три раза: въ поэмахъ Hostyna u Iwoni и Roman z Koszyry и въ пѣснѣ Kosak (два первыя произведенія озаглавлены авторомъ словомъ *дума*, которое однако не можетъ быть примѣнено къ нимъ въ настоящемъ значеніи: думъ въ такой формѣ народъ не пѣлъ никогда. Здѣсь кстати упомянемъ, что хотя въ настоящее время есть за Днѣпромъ нѣсколько кобзарей, но изъ нихъ одинъ только Остапъ Вересай можетъ считаться истиннымъ бандуристомъ). *Дума объ Остафіи Дашкевичѣ* ни по формѣ своей, ни по содержанію не можетъ быть отнесена къ произведеніямъ козацкаго эпоса. Во избѣженіе обвиненія

въ голословности высказаннаго нами мнѣнія о томъ, что достоинства, приписываемыя Полемъ Падуррѣ, должны быть отнесены къ свойству украинской поэзіи, проводимъ слѣдующія стихи Падурры:

Tychsze Dunaju koty szumni chwyli;
Zdrimalyś witry po morie hłubym
Z pid chmary misiać, jak ptach na mohyli
Tużit bezsonnyj w nebesnyj pustyni.
(Hostyna u Iwoni).

Nicz buła temna, witer z nyw szyrokich
Z łystiam w dołyny, kotyw czorni chmary.
(Roman z Koszyry).

Начало народныхъ историческихъ пѣсенъ:

Oj z nyzu, z nyzu, z morśkoho limanu
Bujnyj witer powiwaje,
Proklatyj Mazepa Palija Semena
Na benket zazywaje
(Semen Palij i Mazepa, 30).

Oj wesna krasna, oj wesna krasna,
Iz strich woda kapłe,
Oj łyboń tobi Tarasеńku
Ta mandriwońka pachne.
(Pisnia pro karu Tarasеńka, 84).

Итакъ, Падурра не «вывелъ насъ на новую стезю въ поэзіи», но указалъ намъ ее издали съ одной только стороны, со стороны впрочемъ, если не лучшей, то во всякомъ случаѣ очень привлекательной. Но вѣдь дорогу эту показалъ намъ также и Б. Залѣскій, показалъ въ болѣе звучной, болѣе эстетической формѣ и къ тому же на родномъ языкѣ. Не Падурра вручилъ намъ тотъ «камертонъ», который былъ способенъ дать должное направленіе поэзіи, поставляя ее въ непосредственную связь съ дѣйствительностью, съ историческими фактами общечеловѣческой жизни; не къ Падуррѣ мы обратимъ благодарные взоры тогда, когда поэзія станетъ по прежнему составлять одно цѣлое съ музыкою. Пусть въ его приведеніяхъ слышится мѣстами ровный, спокойный, возвышенный тонъ Гезіода, поэзія не въ нихъ найдетъ возрожденіе, найдетъ его въ истинно-народныхъ украинскихъ думахъ, ими она возродится, ими пріобрѣтетъ величіе Гомера, музыкальность, спокойствіе, простоту стиха его безсмертныхъ произведеній.

Пржиборовскій въ своемъ сочиненіи говоритъ, что кромѣ *думъ* (всегда то же самое неправильное названіе!), напечатанныхъ въ *«Укра-*

инкахъ», въ Малороссіи пользуются извѣстностью (среди кого? въ какомъ сборникѣ пѣсенъ? чѣмъ доказано, что это произведенія Падурры, а не другаго какого нибудь поэта?) слѣдующія сочиненія Падурры: на малороссійскомъ языкѣ: *Лирникъ*, *Запорожецъ*, *Реестровый*, *Чарноморецъ*, *Рухавка*, *Пѣвецъ*, *Рожинскій*, *Барабашъ*, *Сѣрко*, *Тетеря*, *Мурашко*, *Мазепа*, *Гордіенко*, *къ Гетману*, *къ Днѣпру*, *Украина*; на польскомъ языкѣ: *Фантазія*, *Преображеніе*, *Воспоминаніе*, *къ Эмиру*, *Фатима*, *къ М . . . .* , *къ Веснѣ*, *Гробъ Д. К. С.*, *Городъ*, *Чапля*, *къ долинѣ Схнаръ*, *Послѣдняя мысль Т. З.* Очень жаль, что Пржиборовскій, которому, безъ сомнѣнія, было извѣстно по крайней мѣрѣ около половины названныхъ сочиненій, не познакомилъ насъ съ ними. По нимъ можно бы было лучше оцѣнить поэта. Теперь же мы принуждены съ Полемъ сказать о Падуррѣ, что «гамма его слова очень мала, коротка», прибавивъ, что дѣятельность его, какъ поэта, сводится къ восхваленію пановъ (эмиръ, Романъ зъ Коширы) и къ восторженному изображенію самой непривлекательной стороны въ жизни козаковъ, къ изображенію ихъ въ видѣ воплощеннаго мальчишества и самохвальства, отъ которыхъ они были такъ далеки, какъ люди, отличавшіеся истиннымъ мужествомъ (Козакъ, Лисовщикъ и др.).

Если критикъ Tygodnik'a Pétersburgsk'аго не вполнѣ основательно лишаетъ Падурру названія поэта, то нисколько не ошибается, называя его человѣкомъ посредственнаго таланта и весьма малаго эстетическаго чувства. Природа скупо одарила его въ этомъ отношеніи: онъ былъ человѣкомъ крайне чувствительнымъ, мечтателемъ, отчасти фантастикомъ; быстротою ума не отличался, мыслилъ, чувствовалъ, восторгался не самостоятельно, стать выше окружающей среды онъ не съумѣлъ никогда. Одно только козачество, и то имъ самимъ выдуманное, имѣло для него смыслъ и значеніе, мысль и пѣснь его (если исключимъ славянофильство) не касалась другаго предмета даже мимоходомъ.

Объ отсутствіи въ Падуррѣ эстетическаго чувства и вообще любви къ тишинѣ, спокойствію, ясно свидѣтельствуетъ общее направленіе всѣхъ его произведеній. Въ то время, когда Залѣскій, воспѣвая тѣхъ же козаковъ, эстетически впечатлительною, истинно прекрасною душою, далекою отъ всего того, что было непревлекательнаго въ жизни козачества, воспроизводилъ геройскихъ защитниковъ родины, защитниковъ семьи, изображалъ ихъ среди южной природы, подъ яснымъ теплымъ небомъ, Падурра рисовалъ своихъ героевъ среди пожаровъ и потоковъ крови. Для перваго существовало козачество XVI

и половины XVII в., второй воспѣвалъ времена Хмельницкаго, коліивщины, гайдамачины, представлялъ образы и лица, несогласныя съ дѣйствительностью, болѣе еще,—его пѣсни, страдая совершеннымъ отсутствіемъ истины въ изображеніи характеровъ, очень часто переходятъ въ каррикатуры: козаки, воспѣваемые въ нихъ, похожи на тѣ картонныя пестро размалеванныя дѣтскія игрушки, которыя съ помощью шнурка произвольно приводятся въ движеніе, дѣйствуютъ безъ всякой цѣли, единственно по желанію Падурры.

Послушаемъ одну изъ нихъ:

Tiażko teper łebediowi
Zadrimaty z berehamy [1])
Rewut chwyli na Dniprowi
Pid żyliznymy stowpamy
Ałe (?) nasz kozak ne trus
Schopyw szablu, burku zduw,
Podywywsia, skrutyw wus,
Siw na czajku, taj dmuchnuw.

Какъ видно, все здѣсь происходитъ безъ всякаго основанія, «*зъ добраго дыва*», какъ говорятъ малороссы; для соблюденія риѳмы употребляется: трусъ—вусъ и подобное сочетаніе повторяется часто.

Ни одинъ изъ польскихъ и малороссійскихъ поэтовъ, даже тѣхъ, которые писали въ возбужденіи страстей, не воспѣвали разбойничества съ такимъ наслажденіемъ, съ какимъ изображалъ его Падурра; если тѣ считали геройскимъ подвигомъ рѣзню ляховъ, то послѣдній представлялъ своихъ героевъ, проливающими человѣческую кровь просто изъ любви къ искусству. Козакъ Падурры не человѣкъ, преслѣдующій *какую либо цѣль* (какова бы она ни была), жертвующій для нея собственною жизнью и жизнью другихъ, а просто какой то воплощенный демонъ.

De pokaże mstywa twar
Krasiat zemlu, krasiat wody
Krowli ryczki i pożar.

Кажется, трудно написать о человѣкѣ что либо болѣе отвратительное; а между тѣмъ поэтъ хочетъ насъ увѣрить, что такой козакъ

Tylko sławi bje pokłon.

Подобные типы непонятны намъ по отсутствію всякихъ психологическихъ данныхъ; не понимаемъ, какъ можно усмотрѣть героевъ

[1]) Выраженіе, не имѣющее никакого смысла. Связи между первою и второю строфою также нѣтъ никакой.

въ людяхъ, наслаждающихся пролитіемъ крови, пожарами, разбоемъ, грабежемъ, не преслѣдующихъ при этомъ никакой цѣли.

Независимо отъ этого герои, изображаемые Падуррою (Лисовщикъ, Сычовыкъ), полны самохвальства, забавляются словопреніями, они просто жалкіе болтуны, далекіе отъ истинно мужественныхъ людей, отвага которыхъ не знаетъ предѣловъ. Въ изображеніи ихъ такъ и чувствуется фальшивый тонъ, заказное одушевленіе, поддѣльное чувство. Неужели можетъ служить признакомъ геройство, напр.,

Bułaty [1]) rżu ne z czaty,
Lysz pjut z tepłych żyl?

Однако Падурра увлекается подобными людьми, изощряя свои силы въ изображеніи героевъ коліивщины: съ тоскою, смѣшанною съ безпредѣльнымъ уваженіемъ, восклицаетъ:

Bez chmar zora wschodyt' z mora
A ty spysz Sicz?
Cziż mrak wikiw stežky posiw [2]),
Szczo tobi nesły poklon?

Таковы его взгляды на козаковъ и козачество. Одинъ только разъ Падурра выражается по народному (Handzia ż Samary).

Jak ta meni woda myła
Z zełenoho brodu!
Jak w nij rybka, tak ja żyła
Jak brała mi wodu.

Стихи эти, какъ видимъ, болѣе пѣвучи, просты, плавны.

Обыкновенная форма въ произведеніяхъ Падурры—восьмистопные стихи, чередующіеся съ семистопными, съ риѳмами черезъ стихъ, или же въ половинѣ перваго стиха.

Szcze toj witer powiwaje,
Szczo buńczuki kołysaw;
Szcze pył sokił z chmar zmitaje,
Szczo z pid kopyt wylitaw.

или Bétlem Habar rozbyw tabor
Windobona *w trus* [3])

Стихи первой формы у Падурры болѣе удачны: при составленіи ихъ ему не приходилось преодолѣвать столько трудностей, со сколь-

---

[1]) Слово, вовсе не употребляемое въ народномъ малороссійскомъ языкѣ.

[2]) Т. е. завладѣлъ, засѣялъ,—сокращенная форма, также почти вовсе неупотребляемая.

[3]) Слово, произвольно образованное для соблюденія риѳмы.

кими онъ долженъ былъ считаться, приноравливая малороссійскую рѣчь къ формѣ втораго образца, изъ желанія соблюсти которую онъ употреблялъ натянутыя выраженія, дѣлалъ преувеличенныя сравненія, пользовался устарѣлыми словами, мало употребительными въ народной рѣчи, образовывалъ новыя слова и выраженія, не соотвѣтствующія ея духу.

De sia wprosym, to wynosym
W łyciach *spadkiw* dań;
Wid kul z moriw, mid strił z horiw
Tylki w *twar* nam hlań?

Поляку трудно понять, что хочетъ выразить въ этихъ стихахъ авторъ, малороссу—просто невозможно.

Такая натяжка въ словахъ и выраженіяхъ, неприятно дѣйствующая на слухъ каждаго, мало мальски знакомаго съ малорусскимъ языкомъ, умаляетъ достоинство даже тѣхъ произведеній Падурры, которыя написаны подъ вліянемъ истиннаго поэтическаго вдохновенія.

Вообще о Падуррѣ можно сказать, что онъ былъ непризнаннымъ артистомъ, избравшимъ подъ вліяніемъ темперамента ложный путь для своей дѣятельности; онъ былъ живописцемъ спокойнаго меланхолическаго настроенія, мечтателемъ, гуманистомъ, изображавшимъ по странному стеченію обстоятельствъ, которымъ вполнѣ подчинился, необыкновенныя приключенія, кровопролитныя войны, битвы. Поэтому форма и содержаніе его произведеній неестественны, проблески таланта и истиннаго вдохновенія видны въ нихъ лишь мѣстами, именно тамъ, гдѣ поэтъ является самимъ собою, свободнымъ отъ всякаго посторонняго вліянія; частности хороши, способны увлечь читателя образностью, свѣжестью красокъ, общее—не отдѣлано, страдаетъ отсутствіемъ согласія формы съ содержаніемъ.

Говоря о поэтическомъ дарованіи Падурры, слѣдуетъ замѣтить, что судить о немъ должно не по его крикливымъ, разгульнымъ пѣснямъ, но по *думамъ*. Въ нихъ онъ чаще является естественнымъ и употребляетъ форму 11-ти стопнаго стиха, болѣе соотвѣтствующую спокойному, простому, правдивому выраженію мыслей. Въ этихъ же самыхъ думахъ проглядываетъ и главный недостатокъ Падурры, какъ поэта,—отсутствіе всякого дѣйствія, пластики. Герои его произведеній туманны, какіе то великаны, о которыхъ не знаемъ, кто они были, какъ чувствовали и мыслили, подобно неяснымъ видѣніямъ, быстро проходятъ они предъ глазами читателя, блеснутъ на минуту какъ бы при освѣщеніи бенгальскимъ огнемъ, и затѣмъ также быстро исчеза-

ютъ, не оставляя послѣ себя ни малѣйшаго слѣда; образы, если хотите, эффектны, но не реальны, неполны, неясны. Несмотря на это, думы Падурры имѣютъ много общаго съ народною малороссійскою историческою пѣснію, въ нихъ то же смѣшеніе лирическаго элемента съ эпическимъ, тѣ же обращенія, сравненія, то же настроеніе; являясь выраженіемъ ничѣмъ нестѣсняемой мысли поэта, онѣ не чужды эпическаго спокойствія, а также и лирической искренности. Болѣе другихъ удачна въ этомъ смыслѣ поэма «*Hostyna u Jwoni*»; восхваляемая многими дума «*Roman z Koshyry*» страдаетъ отсутствіемъ дѣйствія, законченности, составляетъ скорѣе отрывокъ. Помѣченная «*Антошины на Волыни*» (имѣніе Сангушковъ) и воспѣвающая шляхту XVI в., который, по выраженію поэта,

Maw wtodi mužiw, muži czést u swita
A Polszcza sławni i roskiszni dity!

поэма эта очень подозрительна въ смыслѣ искренности. Эти хваленые «диты» вели между собою постоянныя распри, старались заполучить побольше подарковъ, торунскимъ статутомъ, законами, запрещающими мужику защищаться передъ судомъ, лишали меньшую братью всякой свободы.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ языкѣ произведеній Падурры. Говорить, что Падурра вовсе не зналъ малороссійскаго языка, могутъ только люди, мало съ нимъ знакомые или вовсе его не знающіе. Пусть онъ часто уродовалъ до безобразія этотъ языкъ употребленіемъ въ своихъ стихотвореніяхъ новыхъ или малоупотребительныхъ словъ, все таки тамъ, гдѣ онъ писалъ, не стѣсняясь соблюденіемъ искусственной, несоотвѣтствующей духу народной рѣчи формы, онъ выражался языкомъ звучнымъ, красивымъ и гармоническимъ.

Не взирая на это, духъ произведеній Падурры, мысли, изложенныя въ нихъ, свидѣтельствуютъ, что поэтъ не былъ прирожденнымъ малороссомъ, и объясняютъ достаточно, почему его пѣсни не вошли въ число тѣхъ, которыя поетъ украинскій народъ.

Ф. Равита.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Замѣтки о саранчѣ, бывшей въ Кіевщинѣ въ 1861 г.

Въ началѣ іюля 1860 года съ парохода, на которомъ мы плыли изъ Никополя въ Херсонъ, не доѣзжая Каховки и Берислава, видно было, какъ надъ камышами плавней взвивалось большое облако дыма. Всѣ пассажиры удивлялись, какимъ это образомъ такъ сильно горитъ сырой зеленый камышъ.

Оказалось, что это вовсе не дымъ, а облако саранчи, которое то взвивалось вверхъ, то разстилалось чуть чуть выше камышевыхъ махалокъ. Подплывъ ближе, мы увидали большія пространства камыша совершенно объѣденными: все зеленое съѣдено, и торчали только обнаженные стебли. Въ то же время облако саранчи переносилось черезъ Днѣпръ и на палубу парохода падало ее очень много: она билась объ трубу и снасти, и задыхалась въ дыму.

Тутъ то впервые и пришлось мнѣ увидать это зловредное насѣкомое. Это обыкновенный полевой коникъ сѣро-коричневаго цвѣта, съ испещренными черными пятнышками крыльями, но по величинѣ оно гораздо больше коника—приблизительно около трехъ дюймовъ. Послѣ уже, въ кіевской губерніи, мнѣ пришлось узнать, что черные пятнышки на крыльяхъ, имѣющія отдаленное подобіе какихъ то письменъ, означаютъ надпись на еврейскомъ языкѣ. *Азъ есмь сарана, одъ Бога послана; мени не сіять, не орать, тильки йисты та с...* Кто и какимъ образомъ дешифрировалъ эту надпись, разумѣется, я не знаю, да вѣроятно и никто не знаетъ, но что это вѣрно прочитано, такъ въ этомъ ручались старики, которые слышали про это тоже отъ вѣрныхъ людей.

Проходя изъ Херсона далѣе на Перекопъ къ Крыму до Симферополя, а послѣ изъ Одессы въ бобринецкій [1]) уѣздъ по степямъ, мы

[1]) Теперь его не существуетъ, а вмѣсто его елисаветградскій.

видѣли много саранчи. Особенно въ Крыму. Ежедневно на обширномъ горизонтѣ просторной, ровной, какъ билліардная доска, крымской степи мы видѣли въ различныхъ направленіяхъ передвигающіяся тучи саранчи. Она была въ то время въ періодѣ летанія, и носилась свободно по степямъ, выѣдая недовыжженные солнцемъ остатки степной растительности. Въ томъ году изъ Крыма выходили въ Турцію татары и, какъ мало заинтересованные мѣстнымъ урожаемъ, не истребляли этого бича степной растительности.

Видѣлъ я много саранчи, но ни разу не пришлось видѣть такой ея массы, чтобы она, какъ это я слышалъ много разъ отъ разныхъ разсказчиковъ, заслоняла собою солнце и день превращала въ ночь. Случалось не разъ, что цѣлая туча саранчи перелетала черезъ насъ. Дѣйствительно, это были цѣлыя тучи, несшіяся въ теченіи четверти часа и болѣе и разумѣется, дѣлающія на землѣ тѣнь, но все же таки не превращавшія дня въ ночь. Обыкновенно при пролетѣ ее много падаетъ, и если летитъ низко, то убивается обо всѣ встрѣчныя препятствія: непріятно бьется въ человѣка, заставляетъ фыркать и прядать ушами лошадь, кучами падаетъ около верстовыхъ и телеграфныхъ столбовъ. Усѣвшаяся такая туча саранчи издали блестѣла, какъ что то металлическое, кишѣла и издавала тихій трескъ. Этотъ трескъ слышенъ былъ и во время лета ея. Сидѣла она слоемъ отъ вершка до трехъ, и замѣчательно: проѣзжающая по такой настилкѣ повозка очень немного давила ее; какъ брызги воды, вспархивала саранча около колесъ экипажа и копытъ лошадей.

Въ профиль туча саранчи имѣла такой видъ: длинное облако къ переднему по направленію лета концу болѣе темное и къ заднему все болѣе и болѣе свѣтлѣющее. Передняя часть тучи была и толще; немного отступя отъ краю она имѣла къ низу опущенный сосокъ, особенно темный. Чѣмъ ниже къ землѣ была туча, тѣмъ больше и темнѣе былъ этотъ сосокъ. Это объясняется тѣмъ, что летящія впереди насѣкомыя пріискиваютъ удобное для кормленія мѣсто и поэтому столпливаются. Чѣмъ ниже къ землѣ, тѣмъ болѣе сгущается напоромъ насѣкомыхъ этотъ сосокъ-щупъ тучи. Непомѣщающіяся въ щупѣ особи образуютъ самый передній конецъ тучи.

Эта самая саранча, видѣнная мною въ Крыму и Херсонщинѣ, къ зимѣ достигла и кіевской губерніи, гдѣ мнѣ пришлось видѣть и истреблять уже новое ея поколѣніе весною 1861 года. Нужно полагать, что изъ всей массы саранчи, взлетѣвшей въ степяхъ Крыма, очень немного достигло Кіевщины, а то бы съ нею не раздѣла-

лись такъ дешево. Вѣроятно много саранчи пожрано птицею, летящею на встрѣчу ей осенью, много истреблено ея также и людьми, значительно гуще живущими въ кіевской губерніи. Лютая зима съ 1860 на 1861 годъ также не мало повліяла на уничтоженіе положенныхъ въ землю яичекъ.

Но тѣмъ не менѣе весною 1861 года саранча вывелась (вылупилась) во многихъ мѣстахъ кіевской губерніи и въ томъ числѣ и въ каневскомъ уѣздѣ, гдѣ мнѣ пришлось лично участвовать въ истребленіи ея.

Для незнающихъ я позволяю себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ о рожденіи, ростѣ и смерти саранчи. Она, какъ и всякое насѣкомое, выводится—(вылупливается)—изъ яичка-икринки, положенной самкою въ землю и своевременно согрѣтой какъ солнцемъ, такъ и теплой землей. На первыхъ порахъ жизни саранча имѣетъ видъ маленькой мошки, совершенно черной. Такой маленькой, что только при помощи увеличительнаго стекла можно различить въ этомъ существѣ складъ коника. Но растетъ она довольно быстро: уже на второй, на третій день увеличивается до возможности ясно видѣть въ ней крѣпкія скоки и челюсти. По мѣрѣ возрастанія саранча теряетъ свой темный цвѣтъ, и все болѣе и болѣе свѣтлѣетъ. Сначала показываются на ней темнокрасные цвѣта различныхъ частей, послѣ они переходятъ въ темно-коричневые и такъ до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлается сѣро-коричневой съ блестящими прозрачными крыльями, испещренными, какъ я уже говорилъ, черными пятнышками. Крылья эти у саранчи отростаютъ не сразу, а только мѣсяца черезъ два ея жизни. До того времени она передвигается, какъ всѣ насѣкомыя—скакуны, скачками при помощи крѣпкихъ скоковъ. Все это время ее называютъ *пѣшею* и она бываетъ до нельзя прожорлива. Ѣстъ очень много и постоянно, какъ бы исполняя написанное на ея крыльяхъ назначеніе. Разумѣется, что и количество потребной для нея пищи, а также и пространство, занимаемое ею, увеличиваются соразмѣрно ея возрастанію. Въ этотъ то періодъ ея жизни легче всего ее истреблять, что становится уже несравненно труднѣе тогда, когда она станетъ летать. Окрылившаяся, она подымается съ земли и переносится вышеописанными тучами съ мѣста на мѣсто, питаясь и истребляя растительность только во время отдыха, присѣста. Въ августѣ вполнѣ развившаяся саранча оплодотворяется: самцы сейчасъ же умираютъ, а самки гибнутъ только при родахъ. Онѣ ввертываются заднею частію тѣла въ землю и выпускаютъ изъ себя цѣлую капсюлю до $1^1/_2$

дюйма длины и до 3 линій толщины икры (яичекъ). Тутъ же она и умираетъ. Для спуска икры саранчѣ нужно найти такую почву, которая бы не была тверда и давала возможность ввертѣться заду самки и въ то же время не настолько рыхлую, чтобы вѣтромъ и дождемъ легко обнажалась положенная въ землю капсюль. Самая благопріятная для сего почва—это яровое поле: вспаханное съ весны, оно не отвердѣло окончательно и въ то же время не такъ рыхло, какъ засѣянныя въ августѣ озими. Поэтому то саранча весною вывелась исключительно на толокахъ, т. е. на тѣхъ поляхъ, гдѣ въ прошлое лѣто была ярина.

Починъ въ дѣлѣ принятія мѣръ къ истребленію выведшейся въ кіевской губерніи въ 1861 году саранчи всецѣло принадлежитъ администраціи, обратившей на это вниманіе по заявленіямъ землевладѣльцевъ помѣщиковъ. Крестьяне въ этомъ почти не принимали участія, во первыхъ по своему невѣдѣнію, и во вторыхъ по своей безгласности: въ 1861 они только съ весны сдѣлались свободными. Но за то самое исребленіе саранчи было исключительно дѣломъ крестьянъ, когда имъ власти предержащія указали на эту угрожающую ихъ и всего края благосостоянію саранчу. Явились особые чиновники, вѣдающіе дѣло истребленія саранчи, явились наставленія и инструкціи, явилось не мало и проектовъ, не осуществившихся на практикѣ. Самое же главное дѣло было обращеніе вниманія народонаселенія на саранчу и требованіе поголовнаго участія въ истребленіи ея.

И.... мы начали истреблять и истребили. Время было самое подходящее. Послѣ того, какъ обсѣялись, дѣла было мало и тутъ то и принялись за саранчу.

Приказано было слѣдить за ея появленіемъ, немедленно доносить по начальству и принимать мѣры къ уничтоженію ея. При ограниченности земельныхъ надѣловъ легко удавалось напасть на выводки. На толокѣ, совмѣстной въ то время панской и громадской, пастухи въ маѣ увидали *багато чорненькои кузкы*. Это и была саранча.

Обыкновенно староста черезъ разосланныхъ десятниковъ съ вечера *загадувавъ* собираться всѣмъ отъ мала до велика на указанное поле и приносить съ собою бабамъ, дѣвкамъ и дѣтямъ вѣники, а мужчинамъ заступы. Съ утра собирались довольно дружно всѣ вызываемые, сметали *кузку* въ неглубокіе ровики и закапывали. Дѣла всего было на полдня.

Но это только на первыхъ порахъ. Послѣ досмотрѣлись, что закопанная саранча вылѣзала изъ земли. Тогда порѣшили въ такихъ

же ровикахъ толочь ее на мязгу *довбнями*, затупленными кольями, а то и топтать сапогами. Это шло довольно успѣшно и главное было весьма существенно. Всѣ другіе рекомендованные способы не годились.

Такъ, напримѣръ, совѣтовали замѣченную кучку саранчи съ вечера настилать соломою, тонкимъ слоемъ, на которую она вылѣзала ночевать, а утромъ эту солому зажигать со всѣхъ сторонъ. Но оказывалось, что тонкій слой соломы за ночь отсырѣвалъ отъ росы и плохо горѣлъ, а какъ просыхалъ, саранча сходила съ него.

Тогда мы солому употребляли уже иначе: настилали впереди хода саранчи валъ и, подогнавъ ее къ валу, зажигали солому. Солома моментально вспыхивала, но сожигала саранчи немного. Вотъ если бы тогда былъ въ ходу керосинъ.

Послѣ кто то предписалъ дѣлать такъ: подъ бороны накладывать вѣтвей и волочить по саранчѣ. Ничего не выходило, саранча заметывалась въ пыль и оставалась жива и здорова.

Самое основательное все таки оставалось сметать въ ровики и толочь ее.

Но это сметаніе давалось не такъ легко, какъ кажется; представьте себѣ десятину приблизительно поля, совершенно обнаженнаго отъ растительности, сожранной саранчею, съ сухою сыпучею землею—пылью. Извольте подместь такую площадь, выместь изъ пыли массу комашекъ, ростомъ не превосходящихъ ростъ обыкновенной мухи, и при томъ разскакивающихся въ стороны, перепрыгивающихъ черезъ самые ровики. Чтобы нагляднѣе представить себѣ всю трудность этой работы, возьмитесь согнать въ одно мѣсто часто встрѣчающихся на поляхъ мелкихъ кузнечиковъ. Разница будетъ состоять только въ томъ, что саранчи гораздо больше. Какъ ее ни мести, все таки остается назади много. Мели обыкновенно становясь сплошною стѣною, плечо съ плечомъ, обхватывая по возможности все пространство, занимаемое выводкомъ. Особенно трудно было начинать эту гонку, пока вѣники не наметали валикъ саранчи—тогда уже дѣло шло легче, ибо валикъ самъ собою забиралъ попутныхъ насѣкомыхъ. Ровики копали недалеко впереди метельщиковъ, чтобы поскорѣе подавить подметенную саранчу, а послѣ принимались за сгонку остальной. Давили на мязгу, такъ, чтобы въ ровикахъ образовалась грязь. Дѣтей часто тошнило отъ вони, которая по ихъ росту была ощутительнѣе. Но разъ мнѣ пришлось самому испытать тошноту, когда я вскочилъ въ попавшійся на пути ровикъ, куда намели слой саранчи четверти въ полторы толщиною. Вѣтеръ во рву не разносилъ вони саранчи-

ной мязги и мой носъ вполнѣ ощутилъ этотъ отвратительный запахъ. Свиньи обыкновенно много пожирали саранчи, но птицъ около нея не помню. Можетъ быть это происходило отъ того, что они боялись людей. На Кавказѣ водится особый видъ скворца (*Pastor roseus по Брэму*), который цѣлыми стадами преслѣдуетъ и истребляетъ саранчу. Скворецъ этотъ по расположенію окраски совершенно похожъ на обыкновенную ворону, но только все то, что у вороны сѣро, у розоваго скворца нѣжно розоваго цвѣта. Голова же, концы крыльевъ и хвостъ черные. Ростомъ онъ съ обыкновеннаго шпака. Я видѣлъ его на Кавказѣ и разъ одинъ небольшое стадо, очевидно случайно залетѣвшее, въ воронежской губерніи на границѣ бобровскаго и богучарскаго уѣздовъ.

Однако съ уничтоженіемъ саранчи мы провозились всю весну и даже іюнь мѣсяцъ, т. е. почти до той поры, когда она уже взлетѣла. Но въ іюнѣ мы занимались ею уже гораздо меньше, такъ какъ и ее уменьшилось.

Весело бывало на этихъ сборищахъ: работа не тяжелая по размѣрамъ употребляемаго физическаго труда; послѣ первыхъ чуть не ежедневныхъ сборовъ стали собираться только въ небольшіе праздники да въ воскресенья послѣ обѣда; пѣсни, смѣхъ, шутки... Сколько пѣсенъ мною было услышано и записано въ это время!

Особенно памятно мнѣ послѣднее такое сборище. Кто то дознаъ, что на опушкѣ лѣса—(*на узлиску*)—Богатиривщыны показалась саранча. Порѣшили собраться на другой день туда, такъ какъ въ тотъ день когда получено было это извѣстіе, былъ праздникъ Петра и Павла и розговины, а на слѣдующій день праздникъ былъ меньшій—Соборъ 12 апостоловъ, или, какъ на Украинѣ его называютъ—Полупетра. Собрались рано, пообѣдавши. Дѣйствительно, на толокѣ подъ лѣсомъ нашли небольшой выводокъ уже крупной, вотъ вотъ готовой къ лету саранчи. Дружно согнали мы ее въ готовый, недавно почищенный ровъ—окопъ и всю передушили. Вся работа кончилась часамъ къ 5 дня, послѣ чего всѣ остались полудновать въ лѣсу, въ тѣни деревъ. Начались обычные хи-хи, смѣхи, въ лѣсу послышалось пѣніе разбредшихся дивчатъ, аукали разбѣжавшіяся и играющія въ прятки дѣти. Кѣмъ то упрошенный Иванъ Музыка прихватилъ съ собою скрыпку, а Пылыпъ сбѣгалъ за бубномъ и составилось цѣлое гулянье. Дивчата, несмотря на звуки музыки и бубонъ, что то долго не выходили изъ чащи. Наконецъ, онѣ показались всей гурьбой въ вѣнкахъ изъ лѣсныхъ цвѣтовъ, съ пѣснями. Посреди нихъ вы-

плясывала какая то совершенно красная фигура, которую мнѣ назвали *пыпа*. Это была дѣвушка, вплотную обвернутая красными плетеными поясами, такъ что у нея оставались обнаженными только ступни ногъ. Каждая нога обвернута была особо, какъ бы одѣтая въ трико, а руки, вытянутыя вверхъ, обмотаны вмѣстѣ съ головою и на концѣ высилась кисть изъ концовъ поясовъ. Вся фигура, сгибающаяся только въ тазу, вертѣлась и плясала и довольно похожа была на φάλος. Мнѣ тогда показалось, что это было ничто иное, какъ изображеніе Пріапа. Пора года была подходящая, да при томъ же нѣкоторыя молодицы стали срамить дѣвокъ, а только наша сельская законодательница обрядовъ, Янчиха, поддержала ихъ словами:

— «Щожъ! Воно такъ годытьця! Це по стариньому! Така вже на це пора!

Но тѣмъ не менѣе въ село эта *пыпа* не вошла. Я сначала думалъ, что стѣсняются по старой памяти наличности въ селѣ пановъ, но на мои вопросы мнѣ объяснили, что *пыпѣ* въ село идти *не годытьця*, и что она можетъ быть только въ полѣ и лѣсу....

Веселье молодежи съ танцами и пѣснями продолжалось далеко въ ночь. Но обрядовыхъ пѣсенъ, какія бы я не преминулъ записать, тогда уже не было.

Этимъ мы и покончили съ преслѣдованіемъ саранчи пѣшей. Летучей было немного: показывающіяся иногда облачка далеко не достигали такихъ размѣровъ, какія я видѣлъ въ Крыму. Если такое облачко и опускалось когда на посѣвъ, то было сейчасъ же сгоняемо. Разъ только саранча, усѣвшаяся на просѣ, въ теченіи минутъ десяти сразу съѣла его болѣе десятины. Отлетѣла она на югъ или пропала отъ раннихъ заморозковъ—не знаю, но въ 1862 году ея уже не было у насъ.

Борисъ Познанскій.

Поѣздка въ Кириловку [1]).

(Замѣтка къ біографіи Т. Г. Шевченка).

Много еще пройдетъ времени, пока народный украинскій поэтъ будетъ имѣть свою полную біографію. Только послѣ изученія мелкихъ фактовъ изъ его жизни, равно какъ и особенностей самой семьи, изъ которой онъ произошелъ, на что обыкновенно мало обращаютъ

[1]) Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ газетѣ „Новое Время“ была напечатана замѣтка М. А. Кретчмера, въ которой обращалось вниманіе на бѣдственное

вниманія, можно будетъ воспроизвести духовный образъ этого человѣка съ его добродѣтелями и недостатками, уразумѣть его творчество, объяснить себѣ его симпатіи и антипатіи, а подъ часъ и пристрастія, понять его безграничную любовь къ своему народу и ненависть къ его угнетателямъ, и ту горечь, которой была исполнена вся жизнь его и которая звучитъ въ его пѣсняхъ. Весьма удачно и мѣтко охарактеризовалъ жизнь Тараса въ прощальныхъ словахъ своихъ Богданъ Залѣскій, послѣдній изъ талантливыхъ представителей извѣстной польско-украинской школы. Обращаясь къ нему, Залѣскій говоритъ:

„Tarasie, współpiewco mój kozaczy,
Twój żywot był krótki, lecz wielce twardy
Z trójziela nassałeś się rozpaczy
I nienawiści i ludźkiej wzgardy“.

Большое село Кириловку, звенигородскаго уѣзда (свыше 3 тысячи жителей), я зналъ давно какъ мѣсто рожденія Т. Г. Шевченка, поближе же познакомился съ этимъ селомъ, равно какъ и съ семьею поэта, только въ послѣднее время. Въ каждомъ почти селѣ, среди многихъ поселянскихъ семействъ, существуетъ одинъ или нѣсколько родовъ, болѣе разросшихся, чѣмъ другіе, и составляющихъ какъ бы коренное населеніе, придающее особенный отпечатокъ всему населенію села. Коренными старожилами Кириловки считается родъ Шевченковъ. Нѣкогда предки ихъ составляли, по всей вѣроятности, населеніе королевщизны, къ которой принадлежала и сама Кириловка, входя въ составъ лысянскаго староства и раздѣляя его судьбы, а впослѣдствіи, послѣ присоединенія къ Россіи, они перешли, вмѣстѣ съ пріобрѣтенною землею, какъ крѣпостные, Энгельгардтамъ, а отъ нихъ на нѣкоторое время къ Фліорковскимъ.

Желая познакомиться съ семьею Т. Г., я однажды, проѣзжая по дорогѣ изъ Звенигородки въ Ольшану, рѣшился сдѣлать кругъ въ нѣсколько верстъ и направилъ мой путь черезъ Кириловку, чтобы побывать въ ней. День былъ іюльскій, знойный, хотя полдень уже давно миновалъ, однако солнце грѣло еще немилосердно, а пыль.

положеніе семьи племянницы Т. Г. Шевченка, Ирины Никитичны Ковтуновой Почитателями памяти покойнаго поэта была собрана въ пользу этой семьи нѣкоторая сумма денегъ, переданная по назначенію чрезъ д-ра Ю. Д. Талько-Грынцевича, который обязательно сообщилъ намъ печатаемую замѣтку о своей поѣздкѣ въ Кириловку. Собранными пожертвованіями, однако, далеко не обезпечивается участь многочисленной и почти неспособной къ труду семьи, и всякая дальнѣйшая помощь окажется весьма и весьма нелишнею.—*Ред.*

поднимаемая вѣтромъ, носилась густыми столбами по воздуху. Въ кириловской сельской расправѣ я узналъ, гдѣ хата родной племянницы поэта, Ярины, по мужу Ковтуновой, и направился прежде всего къ ней, гдѣ былъ весьма радушно принятъ. Ярина, женщина роста ниже средняго, лѣтъ 48, худощавая, оказалась дочерью старшаго брата Тараса, Никиты. Она болѣе всѣхъ Шевченковъ напоминаетъ собою поэта. Ея смуглое, худощавое лицо съ запавшими выразительными темными глазами, высматривающими немного изъ подлобья, придаютъ ей унылый видъ. У нея 10 дѣтей, изъ коихъ 7 человѣкъ слѣпыхъ. По разсказамъ матери, родились они всѣ здоровыми и лишь на 7-мъ году жизни развилась у нихъ слѣпота. Старшему сыну, слѣпому, лѣтъ 28, меньшій лѣтъ 5-ти неизвѣстно, будетъ ли изъятъ изъ общей почти болѣзни въ семействѣ. Я съ любопытствомъ присматривался къ глазамъ слѣпыхъ дѣтей, оставшихся дома, ибо остальные были на полевыхъ работахъ (слѣпота мало мѣшаетъ имъ заниматься физическимъ трудомъ) и нашелъ у нихъ жидкую катаракту хрусталика. Двумъ другимъ, какъ мнѣ передала мать, въ прошломъ году была совершена на одномъ глазу операція—экстракція катаракты—въ университетской клиникѣ въ Кіевѣ. Дѣти не имѣютъ умнаго выраженія лица своей матери, напротивъ лица у нихъ менѣе выразительны и мало осмысленны, а значительное развитіе наружнаго косоглазія придаетъ имъ видъ разсѣянности и невнимательности. Развитіе помутнѣнія хрусталика происходитъ вслѣдствіе плохаго его питанія, что осложняется сильною степенью наружнаго косоглазія въ зависимости отъ болѣзни рефракціи, а именно значительной дальнозоркости. Помутнѣніе хрусталика и дальнозоркость оказывается наслѣдственною болѣзнью въ семействѣ Шевченковъ. Меньшая сестра Тараса, Маруся, страдала глазами, можетъ быть этою же самою болѣзнью. Во второмъ поколѣніи одинъ изъ сыновей брата поэта, Іосифа, а именно Иванъ, который приходится двоюроднымъ Ковтуновой, страдаетъ этою болѣзнью, а въ третьемъ поколѣніи дѣти Ковтуновой и сынъ ея роднаго брата Прокопа. У брата же его, тоже при общей золотухѣ, воспаленіе праваго колѣннаго сустава и значительно выраженное косогласіе. Чтобы собрать болѣе подробныя свѣдѣнія объ остальныхъ членахъ рода Шевченковъ, я отправился въ хату брата Ярины, Петра, но по ошибкѣ попалъ къ двоюродному его брату того же имени, а тамъ мнѣ указали того, кого я искалъ. Самого хозяина я засталъ работающимъ въ клунѣ около хлѣба. Узнавши цѣль моего пріѣзда, Петро принялъ меня ласково и сталъ указывать все то, что относилось бо-

лѣе или менѣе къ Тарасу или къ его семейству. Петро роста средняго, хорошо сложенъ, лѣтъ 42, ничѣмъ не напоминаетъ свою сестру Ярину и извѣстный типъ Шевченковъ. Волосы у него русые, цвѣтъ лица бѣлый, глаза свѣтло-голубые, лицо въ общемъ веселое и открытое. Судя по порядочно выстроенной хатѣ и другимъ хозяйственнымъ постройкамъ, я пришелъ къ заключенію, что Петро принадлежитъ къ болѣе зажиточнымъ хозяевамъ Кириловки. Петро повелъ меня въ смежную съ нимъ усадьбу брата своего Прокопа, который, по его словамъ, матеріально было оправился, служа погонщикомъ во время послѣдней турецкой войны, но деньги потомъ онъ растратилъ и «опять находится въ бѣдности». «Тутъ», сказалъ Петро, указывая мнѣ рукою, «грунтъ» брата, наша «батькивщина», на мѣстѣ погреба стояла нѣкогда хата, въ которой родились не только мы всѣ, но и наши отцы, и дѣды, и въ ней «родывсь на свитъ Божій и самъ Тарасъ». Изъ матеріала, оставшагося послѣ разбора старой хаты, Прокопъ рядомъ съ ней построилъ новую хату. Я съ любопытствомъ осматривалъ мѣсто рожденія поэта, гдѣ складывались первые его понятія, желая запечатлѣть это мѣсто въ своей памяти. Но не на чемъ было тутъ остановиться глазамъ. Ничего я не нашелъ тутъ такого, что бы могло напомнить мнѣ прежнее жилище; кругомъ поросли молодыя вишни, и только за хатой обрывистый яръ со старыми деревьями, которыя могли пережить Тараса и быть свидѣтелями его первыхъ поэтическихъ грезъ и стремленій въ невѣдомый для него въ то время міръ надеждъ и упованія. А теперь тутъ глушь и однообразіе, какъ на всей безпредѣльной украинской степи!

Мы скоро вернулись въ хату Петра и сѣли на ея «прызьбѣ». Хозяинъ много разсказывалъ и сожалѣлъ о несчастномъ и бѣдственнымъ положеніи своей сестры Ярины, то опять возвращался къ воспоминаніямъ своей молодости, какъ его «Тарасъ гладилъ по головкѣ», потомъ представилъ мнѣ мать свою, симпатичную старушку, жену Никиты, невѣстку, жену Прокопа и ея 4 дѣтей, изъ которыхъ двое, какъ выше я упоминалъ, калѣки, и наконецъ своихъ шестерыхъ дѣтей. Прежде было у него еще двое, но они померли отъ такой же болѣзни, какъ и двое дѣтей сестры Ярины, насколько могъ понять изъ разсказовъ, отъ болѣзни мозга.

Большіе нѣкогда лѣса въ окрестностяхъ Кириловки пріучили Шевченковъ съ давнихъ временъ къ занятію стельмашествомъ т. е. колодействомъ. Этимъ занимался дѣдъ ихъ Григорій и его сыновья, занятіе этимъ ремесломъ досталось въ удѣлъ и Петру, какъ и совре-

менному имъ поколѣнію. Старшій братъ Тараса, Никита, былъ какъ бы опекуномъ въ семьѣ и заботился по своему и о Тарасѣ. Кромѣ него, у поэта былъ еще меньшій братъ Іосифъ, отъ котораго осталось потомство—три сына, одинъ изъ которыхъ, Андрей, переселился на жительство въ херсонскую губернію, и три сестры: Катерина, замужемъ за Красицкимъ въ сосѣднемъ съ Кириловкой селѣ Зеленой Дубровѣ (звенигородскаго уѣзда), мать многочисленной семьи, Ярина за Бойкомъ, выселившимся въ херсонскую губернію, и Маруся самая меньшая, умершая дѣвушкою, любимая сестра поэта. Отъ самаго старшаго брата поэта Никиты остались, какъ я раньше сказалъ, трое дѣтей: Петро, Прокопъ и Ярина. Вотъ краткая родословная вѣтви Шевченковъ, изъ которой происходитъ Тарасъ Григорьевичъ:

Въ родѣ Шевченковъ выдаются, какъ я замѣтилъ, два особенныхъ антропологическихъ типа. Одинъ изъ нихъ представляетъ смуглое лицо, темные глаза и волосы, небольшой ростъ и крѣпкое тѣлосложеніе, у другаго, напротивъ, тѣло бѣлое, волосы темнорусые, но глаза ясно-голубые, ростъ выше, тѣлосложеніе болѣе умѣренное. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, а во многомъ я могъ убѣдиться лично, въ родѣ Шевченковъ явно выступаетъ наслѣдственность съ нервопатическими вліяніями. Случаи мозговыхъ болѣзней въ дѣтствѣ, у значительнаго числа членовъ семейства болѣзнь рефракцій дальнозоркость съ расходящимся косоглазіемъ, значительное расположеніе при плохомъ питаніи хрусталика къ образованію его помутнѣнія въ раннемъ дѣтствѣ.

Чтобы больше мнѣ удѣлить свѣдѣній и воспоминаній о Тарасѣ, Петро велѣлъ своей женѣ принести изъ кладовой спрятанныя тамъ бумаги, изъ которыхъ вынулъ одну на четверти листа, исписанную мелкимъ почеркомъ, и подалъ мнѣ, предлагая прочесть, чего самъ онъ не можетъ сдѣлать по безграмотности. Это было письмо Т. Г.,

написанное изъ С.-Петербурга 2[illegible] марта 1840 года, къ Никитѣ. Тарасъ въ немъ благодаритъ брата за то, что онъ писалъ къ нему на родномъ языкѣ, на которомъ они начали первый разъ думать и говорить, далѣе пишетъ, что на его просьбу присылаетъ ему 50 рублей ассигнаціями, но не занимаетъ, ибо братъ брату можетъ только дарить. Упоминаетъ подробно о всей своей семьѣ и разспрашиваетъ о каждомъ изъ ея членовъ отдѣльно, посылая всѣмъ имъ сердечный привѣтъ. Въ припискѣ поэтъ посылаетъ горячій поцѣлуй Ивану Станиславовичу Дымовскому. Иванъ Станиславовичъ, какъ мнѣ объяснилъ Петро, былъ управляющимъ въ имѣніи, когда Тарасъ былъ взятъ, въ качествѣ мальчика для прислуги, въ его домъ и отъ него онъ получилъ собственно первыя начала элементарныхъ знаній. «Что же случилося съ Дымовскимъ?» спросилъ я съ любопытствомъ. «Дымовскій добрый чоловикъ», отвѣтилъ мнѣ Петро, «былъ старымъ холостякомъ, любилъ хорошо пожить и умеръ въ крайней бѣдности въ богодѣльнѣ при лысянскомъ костелѣ (звенигородскаго у.) въ 1860 году». На двухъ наружныхъ страничкахъ бумаги было набросано нѣсколько рисунковъ, головъ разныхъ типовъ, сдѣланныхъ рукою не совсѣмъ опытнаго живописца. Зная впередъ, что Петро не дастъ мнѣ на домъ письма Тараса для его скопированія, такъ какъ оно составляетъ дорогое для него сокровище, гордость его среди односельчанъ, свидѣтельствуя, что изъ ихъ семьи вышелъ народный украинскій поэтъ, я пытался переписать его на мѣстѣ, но солнце было уже на закатѣ и сумерки наступали, почему я долженъ былъ распрощаться съ гостепріимными хозяевами и поспѣшить съ выѣздомъ.

Ю. Д. Талько-Грынцевичъ.

Легенда о „Петровомъ батогѣ“.

Съ первыхъ чиселъ іюня въ нашихъ степяхъ, да и вездѣ по Украинѣ, зацвѣтаетъ довольно оригинальное растеніе—это *цикорій* ботаники, или *Петривъ батигъ* (Cichorium intybus L.) въ просторѣчіи. Принадлежитъ оно къ сем. сложноцвѣтныхъ и представляетъ изъ себя почти безлистный, довольно крѣпкій и мало вѣтвистый стебель, при томъ, какъ говорится, «хвеськый», т. е. при взмахиваніи имъ издающій нѣкоторое подобіе того свиста, какой слышится при взмахиваніи хлыстомъ. Любитъ оно опушки лѣсовъ, межи, открытыя полянки садковъ и тучныя, не особенно сырыя левады. Особенно

роскошно оно развивается на послѣднихъ, гдѣ при благопріятныхъ условіяхъ достигаетъ болѣе двухъаршинной высоты.

Утромъ, какъ только солнце станетъ «въ пивъ дерева» и уже хорошо «обиздріе», т. е. угрѣетъ, и начнетъ спадать роса, на хлыстообразномъ стеблѣ цикорія появляются свѣтлосинія, величиною въ мѣдный пятакъ, звѣзды цвѣтовъ, рѣзко выдѣляющіяся на общемъ фонѣ густой зелени самаго растенія. Но вотъ только солнце повернуло съ зенита—какъ эти яркія, до послѣдней минуты свѣжія, цвѣточныя звѣзды свертываются, закрываются и растеніе до слѣдующаго утра остается оголеннымъ, какъ бы осиротѣлымъ. Разъ закрывшійся цвѣтокъ—болѣе не раскрывается, онъ умираетъ, за то съ новымъ солнцемъ расцвѣтаетъ его сосѣдъ и такъ послѣдовательно одна особь можетъ цвѣсти въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, все же растеніе цвѣтетъ до сентября.

Совпаденіе времени цвѣтенія цикорія съ самою жаркою порою лѣта, когда воздухъ накаляется до того, что можно видѣть его волнообразное движеніе, так. наз. «югу», а также и совпаденіе раскрытія его цвѣтка по спаденіи росы съ временемъ—когда чабанъ «руша» свою отару «на пашу», и закрытія цвѣтка съ порою, когда овцы стоятъ у водопоя «на тырли», не могло не обратить на себя вниманія народной наблюдательности и породило пастушескую легенду, которую и передаю въ той діалогической формѣ, въ какой мнѣ удалось ее выспросить.

— А це—Петрівъ батигъ,—указалъ мнѣ мой спутникъ на цикорій.

— Якый батигъ?

— А що святый Петро вивци пасе.

— Яки вивци?

— А верблюды жъ! Воны колысь булы Адамовы, та якъ Адамъ согрішывъ, Богъ узявъ тай оддавъ ихъ святому Петрови.

— Якъ же винъ ихъ пасе?

— Та якъ и усяку скотыну. Отце прыдывится колы ранкомъ: якъ тилко сонечко обиздріе, обжене росу, заразъ квиточкы на ему (цикоріи) и порозвертаются, а якъ стане вже зъ обидъ звертаты, такъ де и динутся, уси у булюбашечкы позгортуются, та такъ ажъ до другого дня—ниде ни однієи и не заглядышъ. Це, бачъ, верблюды, якъ и вивци, росы боятся, а якъ вона вже опаде—то чабанъ руша вивци и св. Петро руша, а якъ стане вже сонечко на обидъ, почнуть квиточкы на ему закрыватыся, чабанъ стае на тырло и св.

Петро на тырло. Та тилко чабанъ иноди и до пивночи пасе, а св. Петро вже ажъ до другого дня стоить.

— И бачивъ це хто?

— Бачыты якъ слидъ — нихто не бачывъ, бо дежъ такы намъ гришнымъ та святе дило увичь знаты, а прымита есть. Онъ дывится якъ юга по степу *воздухъ* хвыляе; це жъ—якъ пылюга за отарою встае — такъ и ци хвылькы у *воздуси* мриють—де св. Петро зъ верблюдамы пройде, бо винъ жене ихъ по *воздуси* десь далеко.

Гдѣ это тырло, какъ велико стадо и т. п. —я не могъ допытаться.

Очевидно—легенда эта—сколокъ съ великой, все болѣе и болѣе вымирающей, дошедшей до насъ только въ отрывкахъ, эпопеи о хожденіи Бога и св. Петра по землѣ. Должно полагать, первоначальная редакція легенды была та,—что Богъ, вручая овецъ—верблюдовъ Адаму или Петру, далъ имъ въ Петровомъ батогѣ указателя—когда именно нужно ихъ «рушать на пашу» и становиться съ ними у водопоя на тырло. Впрочемъ это наше личное предположеніе.

Зап. въ екатеринославской губ.

Ив. Манжура.

У гуцуловъ [1]).

.... Единственное средство доспроситься чего нибудь отъ гуцула—ни о чемъ его не распрашивать. Не разъ сидѣлъ я у костра на *полонинѣ* и упорно молчалъ. Это надоѣдало, наконецъ, гуцуламъ, и они первые заводили разговоръ съ обычнаго вопроса: «А вы сами, паночку, звидкиль?» .—«Здалека, отвѣчалъ я, з-пидъ руского царя».

— Мой! Ге, ге, мой ты! Здалека... здалека, замѣчали вполголоса собесѣдники а затѣмъ обыкновенно продолжали спрашивать: А якъ тамъ у васъ? Що чуваты?—Я начиналъ передавать имъ разныя подробности о бытѣ подолянъ и украинцевъ, о хозяйственныхъ условіяхъ, о цѣнахъ на землю, на скотъ, на хлѣбъ...

— Эхъ! То у насъ инакше! перебивалъ обыкновенно кто нибудь изъ слушателей, и начинались разсказы о мѣстной жизни, чего мнѣ и нужно было.

[1]) Въ 31 № еженедѣльника „Kraj" помѣщено письмо за подписью „Enigma", озаглавленное „Wśród Huculów". Это—замѣтки туриста, побывавшаго на охотѣ въ Карпатахъ, въ области гуцуловъ. Научнаго значенія, конечно, онѣ имѣть не могутъ, но считаемъ нелишнимъ познакомить читателей съ ними, какъ съ результа-

Племя гуцуловъ говоритъ малорусскимъ языкомъ, но съ отмѣнами, и до такой степени испещреннымъ примѣсью чужихъ словъ, что даже человѣкъ, отлично говорящій на языкѣ Шевченка и Кулиша, долженъ посвятить нѣсколько дней на ознакомленіе со спеціально гуцульскими выраженіями, чтобы понимать мѣстную рѣчь и самому быть понятымъ собесѣдниками. Въ сущности это дѣло нетрудное, и за недѣлю пребыванія здѣсь я отлично пріучился къ мѣстнымъ особенностямъ говора.

Происхожденіе гуцуловъ составляетъ пока предметъ спора между нашими этнографами. Мнѣнія на этотъ счетъ очень различны, и существуетъ даже предположеніе, будто родоначальниками ихъ были татары Джингисъ хана одинъ изъ отрядовъ которыхъ заблудился въ этихъ горахъ на возвратномъ пути изъ Венгріи и остался здѣсь навсегда. Мнѣ кажется, что такія крайнія теоріи лишены всякаго основанія, и гуцулы представляютъ собою конгломератъ русиновъ и волоховъ, съ примѣсью разнаго рода бѣглецовъ изъ сосѣднихъ странъ. Это своего рода запорожская Сѣчь въ горахъ. Преданія объ украинскихъ гайдамакахъ и балканскихъ гайдукахъ одинаково глубоко хранятся въ памяти здѣшняго населенія.

Разбойничество недавно еще составляло главное и самое почетное занятіе гуцуловъ. Любимый герой здѣшнихъ легендъ и разсказовъ—Добошъ, разбойникъ, убитый въ половинѣ прошлаго вѣка; но народъ и понынѣ поетъ о немъ пѣсни и съ уваженіемъ поминаетъ его.
— Для бидныхъ бувъ мылосердный, говорятъ про него гуцулы, рабовавъ ино богатычивъ, панивъ и купцивъ.

Разбойничество продолжало процвѣтать и послѣ смерти Добоша, но лишилось уже прежняго обаянія геройства. Австрійское правительство не могло искоренить его сразу, только въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія правосудіе всею тяжестью обрушилось на карпатскихъ «легиней». Дюжинами вѣшали «опрышковъ» на базарныхъ площадяхъ Станиславова и Коломыи. Въ Надворной мнѣ показывали мѣсто, гдѣ въ одинъ день, по приговору полеваго суда, было повѣшено въ 1842 г. тридцать четыре разбойника. Вскорѣ послѣ того учреждены были молодецкія команды жандармовъ, которыя положили конецъ здѣшнему разбойничеству. Тогда легини стали убѣгать въ Балканскія горы и приставали къ тамошнимъ гай-

---

томъ непосредственныхъ наблюденій надъ жизнью галицкихъ горцевъ, оставляя на отвѣтственности автора фактическую ихъ достовѣрность.—*Ред.*

дукамъ. Недавно еще случалось слышать, какъ старый гуцулъ съ гордостью говорилъ объ убѣжавшемъ сынѣ:

— Путерный легинь, зъ буйносты пишовъ въ охоту на Балканъ, т. е. по избытку удали пошелъ добрый молодецъ.

Но теперь закрылся и этотъ выходъ, болгарское правительство обращается съ героями гайдучества точно такъ же, какъ обращалось раньше австрійское съ карпатскими «опрышками». Минуло доброе старое время, надо приниматься за трудъ. Но не легко сдѣлать это гуцулу, который представляетъ собою олицетворенную лѣнь. Только послѣдній бѣднякъ и въ послѣдней крайности рѣшается запречься въ работу. Да и тогда онъ предпочитаетъ лѣтомъ спуститься въ равнины и тамъ бродить за заработкомъ, чѣмъ поискать его у себя дома. Я съ изумленіемъ убѣдился, что гуцулы, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать въ степяхъ Бессарабіи или въ лѣсахъ Волыни, довольствовались тамъ гораздо меньшей рабочей платой, чѣмъ какую могли бы получить на мѣстѣ, при рубкѣ лѣса или въ горныхъ лѣсопильняхъ.

За гуцула работаетъ его женщина, работаетъ усердно, и если бы не она, то всему племени пришлось бы хоть съ голоду помирать. Гуцульская женщина представляетъ типъ совершенно отличный отъ русинскихъ крестьянокъ другихъ мѣстностей. Никогда не знала она крѣпостной зависимости и всегда держитъ себя госпожею. Она работаетъ, но только на себя и на своихъ дѣтей. Найти въ горахъ женскую прислугу нѣтъ почти никакой возможности; лѣсные чиновники и лѣсничіе принуждены нанимать женщинъ всегда изъ долинъ. Гуцулка иногда идетъ въ батрачки, но только къ другой гуцулкѣ же, богатой газдынѣ, а отношенія между нанимательницей и батрачкой такія же (?), какія бывали между знатнымъ паномъ временъ Рѣчи-Посполитой и его «дворянами».

Трудолюбіе гуцульскихъ женщинъ омрачается многими недостатками въ другихъ отношеніяхъ. Прежде всего, гуцулка не бываетъ вѣрна въ супружествѣ. Невѣрна по принципу. Ни въ одной области, гдѣ живутъ русины, не господствуетъ въ такой степени прелюбодѣяніе, и едва ли есть хоть одинъ случай, чтобы гуцулка сохранила супружескую вѣрность. Главныя причины такой ненормальности семейнаго быта заключаются, по всей вѣроятности, въ бродяжнической жизни мужей и въ обычаѣ поздней женитьбы. Гуцулъ почти никогда не женится ранѣе тридцатилѣтняго возратта. На каждомъ шагу встрѣчаются «легини» (холостые парни), гоняющіеся за любовными приключеніями.

— То вже инакше не може буты... всякый гуцулъ мусытъ маты любку, а всяка гуцулка любаса...

Женщина, у которой никогда не было любовника, становится предметомъ насмѣшекъ, и онѣ тщательно стараются этого избѣгнуть. Впрочемъ, контингентъ «любасовъ» пополняется не изъ одной только среды гуцульскихъ паробковъ: такъ называемая интеллигенція принимаетъ въ немъ тоже видное участіе. Мнѣ разсказывали про одного прославленнаго лѣсничаго государственныхъ имуществъ, который довелъ число своихъ любовницъ до внушительной цифры девяносто девяти и только когда сталъ ухаживать за сотою, то ревнивый гуцулъ, прежній ея любасъ, застрѣлилъ его «зъ заправленого криса»[1]).

Изъ сказаннаго выше никакъ не слѣдуетъ выводить ошибочнаго заключенія, будто средняя гуцулка наружностью своей напоминаетъ идеальную личность поэтовъ, хоть бы и украинскихъ. Ни чуточки. Правда, между ними не въ рѣдкость смазливыя лица, но и отъ первѣйшей красавицы преотвратительно несетъ прогорклымъ жиромъ и потомъ, почти всѣ онѣ, вдобавокъ, постоянно сосутъ коротенькія трубочки съ непереносимымъ венгерскимъ табакомъ. Для туристовъ, которые бы захотѣли испытать разнообразіе ощущеній,— получить которыя, впрочемъ, очень нетрудно,—добавлю предостереженіе, что по статистическимъ даннымъ изъ всѣхъ австровенгерскихъ провинцій въ мѣстахъ обитанія гуцуловъ чаще всѣхъ другихъ обнаруживаются случаи болѣзни, которую только старикъ Рей изъ Нагловицъ имѣлъ когда то право называть безъ обиняковъ полнымъ именемъ.

Хозяйство гуцуловъ почти исключительно пастушеское. Только около хатъ, въ особенности въ долинахъ и по берегамъ рѣкъ, бываютъ у него клочки огородовъ, гдѣ садятъ картофель и другія овощи. Но доходъ приносятъ имъ только «полонины», на которыхъ содержатъ значительныя стада лошадей, рогатаго скота и овецъ. Усадьбы располагаются по склонамъ горъ, строятся прочно и съ удобствами, комнаты просторны и высоки, снабжены окнами, полами и дымовыми трубами, а конюшни и хлѣвы старательно охранены отъ вѣтра. Въ горахъ, на полонинахъ, гдѣ гуцулы проводятъ все лѣто при стадахъ, они устраиваютъ жилища, называемыя колыбами или стаями. Это на

[1]) Заправленый крисъ—наговорное ружье. Я имѣлъ случай осмотрѣть такой заколдованный самопалъ. Въ ложѣ его имѣется выемка, и въ ней три косточки: одна изъ медвѣдя, другая изъ жида, происхожденія третьей ни за что не хотѣлъ объяснить мнѣ гуцулъ. Полагать надо, что происходитъ она „зъ ляшка“...

скорую руку поставленные шалаши, въ которыхъ никогда не угасаетъ огонь, по гуцульски ватра, а стелющійся по всему шалашу дымъ дѣлаетъ пребываніе въ немъ нестерпимымъ. Кромѣ огня въ колыбѣ пылаютъ еще повсюду костры около скотскихъ загоновъ, въ видѣ охраны отъ медвѣдей. Ради защиты отъ этого зловреднаго хищника вооружаются старыми ружьями и пистолетами, ватаги, бовчари и вивчари [1]). Чаще всего однако изъ всего этого мало проку: медвѣдь ухитряется обмануть бдительность пастуховъ и схватить добычу. При мнѣ, на незначительномъ протяженіи въ теченіи недѣли произошло до десятка случаевъ похищенія скота медвѣдями. Охота на этого пузана въ здѣшнихъ условіяхъ затруднительна до крайности. Однажды ночевали мы въ долинѣ на берегу Черемоша, какъ вдругъ приходятъ люди съ полонинъ и докладываютъ, что «на Скуповой полонинѣ медвѣдь убилъ быка!» Карабкаемся туда,—больше десяти верстъ самой непроходимой дороги. Устраиваемъ засады вокругъ принады, т. е. зарѣзанной скотины, такъ какъ медвѣдь обыкновенно возвращается къ своей добычѣ. Ждемъ часъ, другой.—нѣтъ ничего. Вуйко [2]), должно быть, почуялъ засаду и не явился къ полднику. Вотъ уже восьмой день, какъ мы сидимъ здѣсь, охотимся каждый день, но до сихъ поръ убитъ только одинъ полуторагодовый медвѣженокъ, да и того выслѣдилъ и застрѣлилъ за собственный счетъ Мыкола, одинъ изъ сопровождающихъ насъ гуцуловъ.

Лѣнь гуцуловъ въ отношеніи охоты просто возмутительна. Медвѣди постоянно наносятъ имъ огромный вредъ, но когда мы захотѣли устроить правильную облаву, то не могли достигнуть этого никакими средствами. Несмотря на предлагаемую имъ значительную плату, гуцулы не захотѣли «трудытыся по горахъ». Въ товарищи, въ охотники-стрѣлки, они напрашиваются сами; но тутъ совсѣмъ съ ними бѣда, потому что невозможно заставить ихъ подчиняться правиламъ охоты: расползаются во всѣ стороны, такъ что ежеминутно приходится бояться, какъ бы, стрѣляя по звѣрю, не попасть въ гуцула.

Бичъ этого бѣднаго, непредусмотрительнаго и лѣниваго населенія составляютъ жиды. Въ здѣшнія горы сбираются подонки еврейскаго населенія изо всей Галиціи. Они сносятъ всевозможныя униженія отъ гуцуловъ, но за то, пользуясь ихъ слабыми сторонами, выманиваютъ у нихъ и скотъ, и землю. Уже теперь самые плодородные сады по долинамъ, самыя богатыя пастбища въ полонинахъ,—все

---

[1]) Ватага—главный пастухъ; бовчаръ—волопасъ; вивчаръ—овечій пастухъ.

[2]) Вуйко—то же, что Мишка, обычное мѣстное названіе медвѣдя.

это въ еврейскихъ рукахъ. Со времени введенія закона о лихвѣ зло нѣсколько уменьшилось, въ особенности потому, что суды въ Коссовѣ и въ Кутахъ настойчиво преслѣдують извѣстныхъ ростовщиковъ, и многіе изъ нихъ успѣли уже попасть на казенное содержаніе, въ тюрьму.

Скажу въ заключеніе, что каждый, кто пожелалъ бы ближе ознакомиться съ этой любопытной разновидностью русинскаго племени, не останется въ накладѣ, посѣтивъ гуцульскій край, и съ удовольствіемъ можетъ провести здѣсь нѣсколько недѣль лѣтняго сезона.

Къ біографіи Тимофея Цыцуры.

Помѣщаемый ниже документъ освѣщаетъ позднѣйшую судьбу переяславскаго полковника Тимофея Цыцуры, котораго южнорусскія лѣтописи чаще называютъ Цюцюрою. Во время переговоровъ Выговскаго съ поляками, результатомъ которыхъ было заключеніе т. наз. «гадяцкихъ пактовъ» 1659 г., Цыцура состоялъ въ должности полковника переяславскаго, а къ затѣямъ Выговскаго относился несочувственно. Послѣ конотопской битвы, въ которой москвитяне подъ начальствомъ воеводъ, князей Трубецкаго и Пожарскаго, потерпѣли жесточайшее пораженіе, какъ только Выговскій отошелъ на правую сторону Днѣпра, въ Чигиринъ, Цыцура задумалъ поднять возстаніе противъ поляковъ, которые появились на Украинѣ, хотя и въ незначительномъ числѣ, въ качествѣ союзниковъ Выговскаго, а региментаремъ находившихся здѣсь хоругвей квартянаго войска былъ главный сотрудникъ Выговскаго по заключенію гадяцкаго договора, извѣстный Юрій Немиричъ. Цыцурою, впрочемъ, руководила не столько преданность московской сторонѣ, сколько разсчеты своекорыстные. По крайней мѣрѣ лѣтопись современника, т. назыв. «Самовидца», разсказываетъ объ этомъ такъ:

«Того жъ (1659) року полковникъ переясловскій Цюцюра, *хотячи себѣ гетманства,* съ поради протопопа нѣжинского Максима и Васюти козака (т. е. Золотаренка), изъ собою сприсягшися въ полѣ, зачалъ новую рѣчь, до будучи старшимъ въ городѣ Переясловѣ, которихъ знаючи козаковъ значнихъ, до себе зазвавши въ алкѣръ поодинцемъ, казалъ повязати, а напотомъ и позабивати на смерть».

Во время вспыхнувшаго затѣмъ возстанія погибъ, между прочимъ, и Юрій Немиричъ, убитый подъ селомъ Свидовцемъ [1]), а по нѣкоторымъ извѣстіямъ, отрядомъ, который напалъ на Немирича, предводительствовалъ самъ Цыцура. Въ слѣдующемъ году встрѣчаемъ его съ полкомъ при войскѣ боярина Шереметева, во время его гибельнаго похода противъ поляковъ, въ союзѣ съ новымъ гетманомъ, Юраской Хмельницкимъ. Когда послѣдній, во время встрѣчи съ поляками подъ Чудновомъ, передался на польскую сторону, то и Цыцура, находившійся не въ войскѣ гетмана, а, какъ сказано, при бояринѣ, рѣшился тоже послѣдовать за Хмельницкимъ и присоединился къ нему, пробившись сквозь татарское войско, «що», по замѣчанію лѣтописца, «не безъ шкоды козаковъ было, бо иныхъ татаре пошарпали, а иныхъ и въ неволю побрали». Эта то измѣна и была, повидимому, потомъ поставлена Цыцурѣ въ вину и послужила причиною ссылки его въ Сибирь. Послѣдній фактъ до сихъ поръ вовсе не былъ извѣстенъ, а подробностей, какъ и когда именно попался Цыцура въ руки москвитянъ и когда былъ сосланъ, мы не знаемъ и до сихъ поръ. Тѣмъ интереснѣе документъ, сообщенный намъ г. Н. О., такъ какъ онъ констатируетъ самый фактъ ссылки Цыцуры.—*Ред.*

Челобитная переяславскаго полковника Тимофея Цыцуры, 1667 г. 20 августа.

«Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу... бьетъ челомъ бѣдной и безпомошной и винной изъ Сибири исъ Томсково города ссыльной холопъ вашъ Переяславской полковникъ Тимошка *Цыцура:* служилъ я холопъ вашъ вамъ, великимъ государемъ, со всемъ полкомъ своимъ 13 лѣтъ, вѣрою и правдою, и многихъ невѣрныхъ тотаръ и ляховъ побивалъ, которые наступали на православную христіянскую вѣру, и измѣнника Ивашка *Выовскаго* изъ Малыя Росіи выгналъ и всю Малую Росію очистивши съ войскомъ Запороскимъ подъ вашу государеву царскую высокую руку подвелъ. А что надо мною холопомъ вашимъ учинился грѣхъ мой предъ Господомъ Богомъ и вина моя предъ вами, великими государи,—подъ *Чюдновымъ*, съ вашимъ, великихъ государей, зъ бояриномъ съ Васильемъ Борисовичемъ *Шереметевымъ*—въ томъ судитъ Богъ Юрья *Хмѣльницково*, что вамъ, великимъ государемъ, измѣнилъ и вашего государева боярина и насъ всѣхъ въ невѣрные руки въ полонъ от-

---

[1]) Теперь въ козелецкомъ уѣздѣ, а на мѣстѣ гибели Немирича у истоковъ Супоя, находится часовня, носящая имя „Побыванка", къ которой ежегодно совершается крестный ходъ въ „десятую пятницу"; сколько нибудь опредѣленнаго преданія о событіи, въ память котораго, повидимому, часовня устроена, въ мѣстномъ населеніи не сохранилось.

далъ. А нынѣ, государи, надо всѣми грѣшными ссыльными литовскими людьми Божія милость возсіяла и ваше, великихъ государей, царское жалованье: велѣно по вашей, великихъ государей, грамотѣ исъ Томсково города всѣхъ отпустить къ вамъ, великимъ государемъ, къ Москвѣ. И по вашему, великихъ государей, указу всѣ ссыльные люди исъ Томсково города отпущены, только я бѣдной холопъ вашъ оставленъ. Милосердый и великій государь царь... и государь благовѣрный царевичь и великій князь Алексѣй Алексѣевичь... (выпускаю, какъ и въ началѣ челобитной, остальныя воззванія къ Өедору, Симеону и Ивану Алексѣевичамъ).. пожалуйте меня холопа своего—велите, государи, меня бѣдного исъ Томсково взять къ Москвѣ, а сію мою челобитную велите, государи, своему государеву стольнику и воеводѣ Никитѣ Андрѣевичю *Вельяминову* да діяку Василью *Шпилкину* подъ отпискою послать къ вамъ, великимъ государемъ, къ Москвѣ. Царь государь и благовѣрные царевичи смилуйтеся!»—«Къ сей челобитной вмѣсто Тимошки Цыцуры по ево велѣнью Мишка Буяхѣевъ руку приложилъ». (Моск. А—въ М—ва Юст.: *Сибирскаго приказа* столбецъ № 536).

Челобитная, присланная при «отпискѣ» томскаго воеводы, получена въ Москвѣ 30 генваря 1668 г. Никакого приговора нѣтъ ни на челобитной, ни на отпискѣ. Не сохранилось и отвѣтной грамоты Вельяминову.

Сообщилъ **Н. О.**

Изъ народныхъ разсказовъ о проклятыхъ дѣтяхъ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, мнѣ пришлось быть въ с. Старо-Петровской, (бывш. крѣпостца на Азовскомъ морѣ) маріупольскаго уѣзда.

Какъ то, помню, на «поседенькахъ», когда переговорили обо всемъ, рѣчь незамѣтно перешла на тему—«про видемъ».

Говорили много и каждый старался доказать—«що видьмы е, але самъ нихто ихъ не бачывъ».

Но въ заключеніе всѣхъ этихъ дебатовъ заговорилъ Грыцько Сибирный, молчавшій до той поры. Онъ, что называется, обрѣзалъ всѣхъ:

— Яки тамъ у чорта видьмы? Колы самъ не бачывъ, то и не кажы, що воны е. Одынъ, пьяный, набреше, а другый давай ему патакаты! Я зроду не бачывъ видьмы и доти не повирю, покы своимы очыма не побачу! А ось зо мною була бида, такъ цёго не дай Бигъ никому. Бо де жъ такы?—мигъ спасты душу загублену— и не зробывъ. Хочъ, правда, и не знавъ я цего ранишъ.

Ото, знаете, пойихалы мы, зъ старшымъ моимъ братомъ Хвеохваномъ зъ Петровськойи у Ростовъ, бо треба було де яки дила справыты. На другу ничъ ночувалы у Танрози, а раненько запряглы

коненята, тай поихалы черезъ городъ, прямуючы на ростовськый шляхъ. За городомъ бувъ мистъ, черезъ яръ, на цему жъ такы шляху. Тилькы що мы почалы перейиздыты черезъ него, колы це зразу, щось якъ загуде, наче выхорь зхопывся и, буцимъ зъ земли, выросла попереду коней дивка: чорна, зъ страшеннымы вогневымы очыма и въ одній засмальцеваній сорочци.

Ничого не кажучы, вона схопыла за поводы, тай не пуска коней.

Братъ киньмы правывъ, а я седивъ у задку. Якъ учысте братъ по коняхъ, якъ гукне!—А воны—ни пьяди! Стоять соби, наче то й не ихъ поганяють. Бачу я, що щось воно не такъ: схопывся швыденько зъ визка, узявъ іи за плечы, тай одвивъ у бикъ; а кони тоди вже пишлы.

Якъ уже братъ одъихавъ трохы, то й я догнавъ его. Ще я не сивъ и на визка, а дивка вже зновъ передъ киньмы, та й не пуска ихъ: стоить соби, наче вона вже давно тамъ стояла. Я зъ серцемъ видхватывъ іи, повалывъ, тай держу колиномъ, покы братъ зновъ не видъйде. Глянувъ я на неи, а въ неи слезы такъ и льютьця и выдно, що на серци въ неи е якась велыка печаль. Жаль мене страшенный узявъ.

Одъихавъ братъ мо зъ гони, я зновъ пустывъ іи, а самъ побигъ на вздогонкы за визкомъ. Але не вспивъ я зробыты й двохъ ступнивъ, якъ вона выхромъ пролетила попередъ мене и въ одну мыть зновъ стала передъ киньмы, тай не пуска. Боже нашъ, кажу, чого Тоби одъ насъ треба? Роспытую іи, а вона мовчыть. Братъ не выдержавъ, тай ударывъ іи зъ серцемъ и злистью повалывъ на землю; а вона якъ заголосе, то наче душу твою шматуе на сто кускивъ! Вона голосе, а въ насъ обохъ слезы ричкою бижять зъ очей. И теперъ, якъ розказую, то ажъ морозъ мене по кожи дере. Наче бачу іи передъ своимы очыма.

Я бувъ соби здоровый парубчакъ и никого, здавалось, у свити не боявсь, а тоди, хочъ насъ и двое було, але обое доброго труса справылы!

Хочъ бы жъ вона пручалась, а то—лежыть, якъ ягнятко, та трусытьця.

Не знаю вже, чы довгобъ мы зъ нею бычувалысь, чы ни? Та на наше щастя на мистку показалысь повозкы.

Якъ побачыла вона ихъ, якъ схопытьця, та рванетьця зъ усіеи сылы, и зныкла у бальци, за витромъ.

Ихалы вирмняшкы (армяне). Пидъихалы воны до насъ, тай сміютьця.

— «А що, пытають, злякалысь?»

— Злякалысь бы й вы, колы бъ така прытычына зкоилась!—видмовляемо. А воны намъ на це таку штуку розказалы:

— Це вже давно було, литъ може сто тому, якъ на цему мисти, де теперъ стоить городъ, жылы соби чоловикъ зъ жинкою й у ныхъ була тилько одна дочка, и та дочка у чомусь дуже провынылась передъ батькамы, ну, воны іи й проклялы. Зъ того часу вона зныкла зъ дому; а куды подилась?—не видомо. И тильво черезъ симъ литъ писля того показалась вона у перве отутъ саме одному парубкови.

Довго винъ бычувався зъ нею, а якъ побачыла вона, що хтось другый иде, то и зновъ зныкла. Писля того, выбига вона завше и ривно черезъ симъ литъ, и тилькы по одному разу, та ще до того, хто вперве иде по цему шляху, и щобъ бувъ винъ чоловикъ невынный. Кожный бычуетьця зъ нею доти, покы хто другый не покажытьця такый, що вже бувавъ на цему шляху. И отъ що дывно: нихто не догадаетьця надиты на неи, нещасну, хреста; а колыбъ хто зробывъ це, то вона повынна упасты на землю и былась бы доти, докы не выйде зъ неи нечыста сыла, а дали вона зробылась бы справжьою дивкою, бо тоди знялы бъ зъ неи прокленъ батькивськый.

Кравченко.

Польскій театръ въ Каменцѣ 1860—61 гг.

По поводу смерти польскаго писателя, уроженца подольской губерніи, Петра Яксы-Быковскаго д—ръ Антоній І. (Ролле) помѣстилъ въ газетѣ «Wiek» (№ 147) краткое воспоминаніе о немъ, какъ директорѣ польской театральной труппы въ Каменцѣ. Передаемъ содержаніе этой статейки.

Существовавшій здѣсь ранѣе польскій театръ закрылся было, вслѣдствіе смерти прежняго антрепренера, но губернскій предводитель дворянства Янъ Сулятицкій исходатайствовалъ у кн. Васильчикова разрѣшеніе возобновить польскія представленія въ Каменцѣ. Приглашенный по избранію дворянства въ почетные директоры труппы, Быковскій управлялъ ею въ теченіе четырехъ сезоновъ,—двухъ осеннихъ, двухъ зимнихъ,—до окончательнаго закрытія здѣсь польскаго театра [1]). Новый директоръ энергично принялся за дѣло, успѣлъ по-

---

[1]) По этимъ указаніямъ мы и опредѣляемъ дату, выставленную въ заголовкѣ.

ставить до 130 спектаклей, репертуаръ которыхъ составляли по преимуществу: Фредро, Корженіовскій, Мольеръ въ переводахъ Ковальскаго, Словацкій, Кондратовичъ, въ придачу шла куча водевилей, заимствованныхъ съ варшавской сцены, а также переводныя пьесы, которымъ старались придавать мѣстный колоритъ съ помощью соотвѣтственныхъ вставокъ. Онѣ вызывали обыкновенно всеобщій смѣхъ, и именно панъ Петръ отличался умѣньемъ вставлять самыя веселыя прибавки. Сентиментальныя сцены не удавались ему вовсе, хотя онъ и имѣлъ къ нимъ большую охоту, а въ любительскихъ спектакляхъ всегда выбиралъ для себя любовныя роли, которыя ему не шли нимало. Во всякомъ случаѣ, для провинціальной сцены онъ сдѣлалъ много. Организованная имъ труппа состояла изъ сорока слишкомъ лицъ, въ томъ числѣ около 10 актрисъ и до 15 актеровъ на первыя, остальные—на второстепенныя роли. Изъ числа выдающихся персонажей можно упомянуть: супруговъ Экеръ, впослѣдствіи умершихъ въ Краковѣ, ихъ дочь Леонтину Паржницкую, которая играла потомъ въ Познани, супруговъ Бачинскихъ, ставшихъ впослѣдствіи во главѣ товарищества, устраивавшаго русинскіе спектакли въ Галиціи, по именамъ—Станислава и Эмилію, урожденную Лютомскую.

Я потому выписалъ дѣвичью фамилію Бачинской, что она раньше уже пользовалась извѣстностью на кіевской сценѣ, какъ выдающаяся при томъ же красавица. Университетская молодежь влюблялась въ нее чуть не поголовно, конечно, совершенно платонически, такъ какъ m-lle Эмилія отличалась безукоризненнѣйшей нравственностью, а съ другой стороны, при ней находилась неотступно старая тетушка. Ахъ, эта тетушка,—настоящій церберъ!... Впрочемъ, это не мѣшало пылкимъ поклонникамъ осыпать Лютомскую на сценѣ цвѣтами, выражать свой восторгъ криками во всю силу груди, и общее увлеченіе ею было такъ сильно, что когда мнѣ однажды случилось отозваться неодобрительно о ея игрѣ, то одинъ изъ товарищей принялъ это за личное оскорбленіе и вызвалъ меня на дуэль. Дѣло уладилось только благодаря вмѣшательству присутствовавшихъ, но бѣдняга «циклопъ»,—таково было прозвище моего противника, криваго на одинъ глазъ,—въ качествѣ горячаго заступника m-lle Эмиліи, до самаго окончанія курса продолжалъ относиться ко мнѣ холодно.

Изъ прочихъ членовъ труппы—Янковскій съ дочерью и дѣвица Каролина Лукашевичъ появились потомъ на русской сценѣ въ Кишиневѣ, Одессѣ и Саратовѣ; послѣдняя даже составила себѣ извѣстность, какъ очень способная актриса. Къ составу каменецкой труппы

принадлежалъ и г. Эмиль Борковскій, впослѣдствіи редакторъ юмористической газеты «Szczutek» въ Краковѣ; оркестромъ дирижировалъ Грюнвальдъ, и т. д.,—всѣхъ именъ перечислять не стану, многія неудержались въ памяти, а мое собраніе афишъ того времени не полно.

Директоръ Якса-Быковскій отличался необычайной суровостью, съ артистами обращался очень строго, но такъ какъ онъ всегда поступалъ вполнѣ справедливо, а въ выдачѣ жалованья не допускалъ никакихъ проволочекъ, то въ кандидатахъ недостатка не бывало, и ему было изъ чего дѣлать выборъ. Когда труппа прекратила свое существованіе, всѣ прощались съ нимъ со слезами. Когда случилось ему, лѣтъ десять слишкомъ спустя, побывать на короткое время въ Каменцѣ,—наличные ветераны труппы сочли своимъ долгомъ явиться на поклонъ; это были: чуть не восьмидесятилѣтняя старуха изъ второстепенныхъ актрисъ, кассиръ, да вторая скрипка изъ развѣяннаго по свѣту оркестра. Я былъ свидѣтелемъ трогательной сцены ихъ свиданія. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, много говорилось о судьбѣ прочихъ товарищей, а подъ конецъ директоръ вынулъ кошелекъ и оказалъ посильную помощь и впавшей въ нищету актрисѣ, и спившейся съ кругу скрипкѣ. Видимо было, что его увлекли воспоминанія прошлаго, веселое настроеніе духа исчезло,—и не диво,—большая половина знакомыхъ оказывалась уже по кладбищамъ. Театральныя дѣла сильно занимали Быковскаго до конца жизни. Вѣроятно, онъ оставилъ о нихъ мемуары, такъ какъ не разъ обращался къ содѣйствію и моей памяти, засыпалъ вопросами объ обстоятельствахъ времени, когда онъ былъ директоромъ театра. Нечего и добавлять, что дѣла театра во время директорства Быковскаго шли отлично, большая половина представленій давала полный сборъ, тѣмъ болѣе, что отсутствіе на представленіи кого либо изъ друзей или знакомыхъ увлекавшійся Якса принималъ за личную обиду. Несмотря на все это, при внезапномъ закрытіи театра образовался крупный дефицитъ, болѣе десятка тысячъ, который былъ покрытъ и. д. губернскаго предводителя, и покрытъ изъ собственныхъ средствъ, такъ какъ разложить убытки на все содержавшее театръ помѣстное дворянство, по обстоятельствамъ, уже потомъ не пришлось.

800-лѣтіе со дня освященія церкви Успенія Пресвятой Богородицы въ Кіево-Печерской лаврѣ [1]).

Подъ 1089 годомъ въ лѣтописи стоитъ слѣдующее извѣстіе: «Священа бысть церкви Печерьская святыя Богородица монастыря Федосьева Иваномь митрополитомь, и Лукою Бѣлогородскимъ епископомъ, и епископомъ Ростовьскимъ Исаиемь, и Иваномь Черниговьскымь епископомь и Антоньемь Гурьговьскымь игуменомь, при благовѣрномь князѣ Всеволодѣ державному Руския земля и чадома его, Володимера и Ростислава, воеводство държащю Кіевьской тысящи Яневи, игуменьство държащу Ивану» [2]). Такимъ образомъ въ настоящемъ году минуло ровно 800 лѣтъ со времени этого событія.

Конечно, самъ по себѣ такой фактъ, какъ освященіе, хотя бы и главной, монастырской церкви не представляетъ ничего выдающагося въ исторіи народа, но не нужно забывать, что это событіе связано съ началомъ процвѣтанія той обители, которая сослужила великую службу землѣ русской въ дѣлѣ нравственнаго и умственнаго просвѣщенія. Кіевъ съ Кіево-Печерской лаврой были колыбелью нашего просвѣщенія, мѣстомъ, откуда выходили піонеры цивилизаціи на необъятныя пространства, занятыя русско-славянскими племенами. Говорить подробно о заслугахъ Кіево-Печерской обители предъ русской землей значило бы повторять то, что извѣстно всякому образованному русскому человѣку. Поэтому мы хотимъ лишь напомнить нашимъ читателямъ въ немногихъ словахъ исторію созданія церкви Успенія Пресвятой Богородицы, главной церкви Кіево-Печерскаго монастыря, 800-лѣтній юбилей которой праздновался 14 августа настоящаго 1889 года.

Перенесенная на гору, гдѣ теперь она и находится, обитель начала быстро процвѣтать. Братія возымѣла намѣреніе выстроить новую каменную церковь вмѣсто прежней деревянной. Это предпріятіе встрѣтило, какъ видно, большое сочувствіе въ кіевскомъ обще-

---

[1]) 14 августа текущаго года, въ день празднованія 800-лѣтія Великой лаврской церкви, поздняя литургія была совершена высокопреосвященнымъ Платономъ, митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ, затѣмъ изъ ближнихъ и дальнихъ пещеръ прошли крестные ходы чрезъ нижнія ворота до Великой лаврской церкви. Послѣ литургіи, у гроба пр. Ѳеодосія отслуженъ былъ молебенъ. Сообщая теперь краткую историческую справку о созданіи церкви Успенія пресв. Богородицы, отсылаемъ интересующихся исторіею Печерской обители къ статьѣ г. П. Л. (Кіевская Старина 1885 г.).

[2]) Ипатьев. лѣтопись. Спб. 1871 г., стр. 145—146.

ствѣ того времени, по крайней мѣрѣ, въ высшемъ, потому что на построеніе храма явились жертвователи какъ въ лицѣ самого кіевскаго князя, такъ и среди его дружинниковъ. Въ это время великимъ княземъ кіевскимъ былъ Святославъ, сынъ Ярослава Мудраго, не задолго предъ этимъ выгнавшій изъ Кіева своего брата Изяслава, который принужденъ былъ бѣжать за границу [1]). Раньше Святославъ княжилъ въ Черниговѣ. Отношенія новаго князя къ монастырю были весьма теплыя, даже несмотря на то, что св. Ѳеодосій вначалѣ сильно протестовалъ противъ захвата кіевскаго стола Святославомъ. Послѣдній понималъ огромное вліяніе св. Ѳеодосія и его обители на современное общество и старался всѣми силами примирить его съ собой. Сначала св. Ѳеодосій писалъ къ Святославу посланія, обличалъ его при свиданіяхъ, запретилъ поминать его при богослуженіи, готовился даже, когда ему пригрозили, къ ссылкѣ, но затѣмъ примирился съ княземъ, часто посѣщалъ его, не переставая уговаривать помириться съ братомъ Изяславомъ, наконецъ, по желанію братіи, разрѣшилъ поминать его въ церкви, хотя и послѣ Изяслава. Пригрозивъ было св. Ѳеодосію ссылкой, Святославъ одумался, принималъ его съ большою честью, всю вину складывалъ на брата и этимъ вполнѣ достигъ нужныхъ ему результатовъ [2]). Между тѣмъ еще гораздо раньше Святославъ сблизился съ св. Антоніемъ. Во время княженія Изяслава въ Кіевѣ, было много недовольныхъ имъ, которые спасались отъ его преслѣдованій въ Черниговъ къ Святославу [3]). Въ числѣ гонимыхъ оказался и св. Антоній. Изгнанный изъ Кіева Изяславомъ, онъ нашелъ радушный пріемъ у Святослава въ Черниговѣ [4]). Такимъ образомъ, существовали старыя добрыя отношенія между бывшимъ черниговскимъ княземъ и Кіево-Печерскимъ монастыремъ. Поэтому, желаніе братіи создать церковь могло найти у Святослава полное сочувствіе. Святославъ подарилъ монастырю мѣсто и пожертвовалъ 100 гривенъ золота [5]). Другимъ крупнымъ, извѣстнымъ исторіи, жертвователемъ явился иностранецъ, сынъ одного скандинавскаго конунга, Шимонъ, принявшій православіе съ именемъ Си-

[1]) Ипатьев. лѣтоп. Спб. 1871 г. стр. 128; Лаврентьев. лѣтоп. Спб. 1872 г. стр. 182.

[2]) Житіе св. Ѳеодосія въ Учен. Запискахъ Имп. Ак. Н., кн. II, вып. 2, стр. 179, 176—178.

[3]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. II, стр. 16

[4]) Ипатьев. лѣтоп. стр. 136; Лаврентьев. лѣтоп. стр. 188.

[5]) Кіево-Печерскій патерикъ, перев. Викторовой. Кіевъ 1870 г., стр. 62; Учен. Зап. Имп. Ак. Н., т. II, вып. 2, стр. 179.

мона, и сынъ его Георгій. Это былъ племянникъ знаменитаго Якуна, который принималъ участіе въ борьбѣ Мстислава Тмутораканскаго съ Ярославомъ Мудрымъ, какъ союзникъ послѣдняго. Шимонъ, изгнанный изъ отечества своимъ дядей, пришелъ на службу къ Ярославу въ Кіевъ [1]). Благодаря этимъ, а вѣроятно, и другимъ жертвователямъ, постройка церкви была обезпечена, и въ 1073 году произошло ея заложеніе. Самъ князь Святославъ началъ своими руками копать ровъ и измѣрилъ величину церкви. Закладку совершалъ епископъ Михаилъ, такъ какъ митрополитъ Георгій былъ въ то время въ отсутствіи въ Константинополѣ [2]). Для постройки церкви были выписаны изъ Византіи архитекторы. Они принесли съ собой мусію (мозаику), которой и отдѣлали алтарь [3]). Несмотря на все усердіе архитекторовъ и строителей, при чемъ св. Θеодосій самъ лично съ братіей работалъ надъ постройкой, послѣдняя шла довольно медленно. По кончинѣ святыхъ Антонія и Θеодосія, изъ которыхъ первый преставился въ 1072 году, а второй въ 1074 году, работы, можно думать, совсѣмъ прекратились на нѣкоторое время, а при жизни св. Θеодосія было выведено едва ли немного болѣе фундамента. О пріостановкѣ работъ можно думать на основаніи извѣстія лѣтописи, что въ 1075 году «почата бысть церкви Печерьская надъ основаньемъ Стефаномъ игуменомъ: изъ основанья бо Феодосій поча, а на основаньи Стефанъ поча» [4])». Игуменъ Стефанъ, преемникъ св. Θеодосія, началъ ревностно продолжать созиданіе храма. Черезъ три года, причемъ лѣтопись обозначаетъ даже день, 1-го іюля 1078 года, церковь была совершенно выстроена [5]). Для украшенія ея внутри были вызваны изъ Византіи живописцы, явившіеся въ лавру уже при игуменѣ Никонѣ [6]). Какъ долго производились въ церкви внутреннія работы,—на это нѣтъ никакихъ указаній, но впродолженіе одиннадцати лѣтъ, т. е., отъ 1078 до 1089 года церковь не была освящена. Наконецъ, при преемникѣ Никона, скончавшагося въ 1088 году [7]), игуменѣ Иванѣ, совершилось торжественное освященіе готовой уже вполнѣ церкви, о чемъ и занесено было въ лѣтописи извѣстіе, приведенное нами въ началѣ нашей замѣтки.

П. Г.

---

[1]) Патерикъ стр. 59—69.

[2]) Ипатьев. лѣтоп. стр. 128—129.

[3]) Патерикъ, стр. 69 и слѣд.

[4]) Ипатьев. лѣтопись, стр. 139.

[5]) „.... и кончена бысть на третье лѣто, мѣсяца іюля въ 1 день". (Ibidem).

[6]) Патерикъ, стр. 73.

[7]) Ипатьев. лѣтоп., стр. 145.

Для справокъ.

— **Изъ литературныхъ нравовъ.** Въ № 4810 „Новаго Времени“ напечатанъ фельетонъ, озаглавленный „Подводная Сѣчь“—современная украинская легенда, за подписью г. Дмитрія Сильчевскаго. Статейка эта, выдаваемая за оригинальное произведеніе, есть ничто иное, какъ буквальный, хоть и плохой, переводъ разсказа Ив. Нечуя (И. С. Левицкаго) „Запорожцы“, помѣщеннаго въ кіевскомъ изданіи повѣстей Левицкаго, вышедшемъ въ 1874 г., а потомъ напечатаннаго и отдѣльной брошюрой. Конецъ разсказа отброшенъ и имена дѣйствующихъ лицъ замѣнены другими. Вотъ и всѣ проявленія творчества г. Сильчевскаго въ этой цѣликомъ украденной, а не украинской легендѣ.

Библіографія.

Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные Археографическою Коммиссіею. Томъ четырнадцатый (Дополненіе къ III тому). Спб. 1889, въ 4-ю долю, стр. 902+39.

Настоящій томъ актовъ, носящій еще частное заглавіе «Присоединеніе Бѣлоруссіи» «1654—1655», составляетъ, подобно изданному ранѣе подъ тою же редакціею Г. Ѳ. Карпова тому десятому, дополненіе къ актамъ эпохи Богдана Хмельницкаго, помѣщеннымъ Н. И. Костомаровымъ въ Ш томѣ того же изданія. Собственно говоря, дополнительнымъ онъ является въ гораздо меньшей степени, чѣмъ былъ т. X, относившійся исключительно къ Малороссіи: матеріалъ же настоящаго тома во многомъ вполнѣ самостоятеленъ и представляетъ массу совершенно новыхъ данныхъ относительно завоеванія въ указанныхъ годахъ Бѣлоруссіи,—терминъ «присоединеніе», употребленный г. Карповымъ, представляется въ данномъ случаѣ не вполнѣ удачнымъ, такъ какъ обладаніе Россіею нынѣшнимъ сѣверозападнымъ краемъ оказалось тогда очень кратковременнымъ, онъ вскорѣ былъ возвращенъ Польшѣ еще на столѣтіе слишкомъ, и только одинъ Смоленскъ съ областью остался съ той еще поры въ неразрывной связи съ государствомъ русскимъ. По терминологіи, съ правильностью которой мы здѣсь не соглашаемся, и французы въ 1812 г., занявъ рядъ русскихъ областей вплоть до самой Москвы и организовавъ повсюду собственное управленіе, могли бы назвать это словомъ «annexion», тогда какъ на дѣлѣ здѣсь была только «conquête» и «occupation».

Какъ бы мы впрочемъ ни назвали результаты этого побѣдоноснаго похода московскихъ войскъ до самой столицы великаго княжества литовскаго, и даже далѣе, въ чисто литовскія области (въ

чемъ вторая неточность частнаго заглавія),—самая фактическая сторона его до сихъ поръ была извѣстна мало, а въ исторической литературѣ разработана еще меньше. Ни спеціальный историкъ эпохи, Костомаровъ, ни общій, Соловьевъ, не даютъ о немъ подробныхъ указаній: первый ограничивается упоминаніемъ о нихъ вскользь, и при томъ не по документамъ, а по источникамъ литературнымъ, такъ какъ болѣе частной задачей его было изслѣдованіе дѣйствій Б. Хмельницкаго и его козаковъ въ предѣлахъ Россіи южной; второй же, хотя и говоритъ на основаніи архивныхъ данныхъ, но могъ воспользоваться ими только отчасти и долженъ былъ при этомъ строго сообразоваться съ общимъ планомъ своего труда и соразмѣрностью его частей. Что касается самихъ матеріаловъ, то они до сихъ поръ имѣлись въ разбросанномъ видѣ,—въ томъ же третьемъ томѣ актовъ, въ виленскомъ «Археографическомъ Сборникѣ», въ нѣкоторыхъ томахъ позднѣйшихъ изданій виленской археогр. коммиссіи, въ «Бѣлорусскомъ архивѣ древнихъ грамотъ» и т. под.; единственное болѣе цѣльное и очень интересное собраніе документовъ 1654 г., относящихся къ осадѣ и взятію Смоленска, находится въ изданіи виленской *археологической* коммиссіи 1858 г., существовавшей очень недолго и успѣвшей выпустить только одинъ томъ своихъ трудовъ, съ русскимъ и польскимъ en régard текстомъ предисловія, который составляетъ теперь библіографическую рѣдкость. Настоящій томъ, извлеченный г. Карповымъ изъ архивовъ, представляетъ богатое собраніе матеріала, строго отграниченное относительно времени и мѣста дѣйствій, для изслѣдованія которыхъ оно даетъ прочный фундаментъ. Такое изслѣдованіе, во всемъ его объемѣ, не можетъ входить въ задачу нашего журнала; но мы имѣемъ въ виду вскорѣ помѣстить сводъ тѣхъ новыхъ данныхъ изъ настоящихъ актовъ, которыя касаются дѣйствій въ Бѣлоруссіи двадцатитысячнаго вспомогательнаго корпуса козаковъ, который былъ посланъ сюда Хмельницкимъ, подъ начальствомъ наказнаго гетмана Ивана Золотаренка, для диверсіи съ юга и облегченія операцій главной русской арміи, наступавшей съ сѣверовостока, отъ Москвы, тогда какъ самъ Хмельницкій, съ московскимъ вспомогательнымъ корпусомъ Бутурлина, наступалъ на западъ отъ Кіева, ко Львову и Замостью.

Въ настоящей рецензіи ограничимся указаніемъ изъ XIV тома «Актовъ» нѣкоторыхъ фактическихъ подробностей, доселѣ документально неизвѣстныхъ, которыя не могутъ найти себѣ мѣста въ упомянутой предполагаемой статьѣ, по ихъ болѣе частному характеру или же потому, что онѣ имѣютъ ближайшее значеніе для исторіи

Малороссіи, а не относятся къ дѣятельности козачества въ Бѣлоруссіи.

Изъ числа такихъ фактовъ отмѣтимъ прежде всего нѣсколько относящихся до дипломатическихъ сношеній Хмельницкаго, которыя онъ, какъ извѣстно, продолжалъ и послѣ переяславской присяги въ качествѣ самостоятельнаго владѣтеля Украины, не всегда уже извѣщая о нихъ въ Москву, если предметъ и характеръ переговоровъ расходился съ ея интересами и стремленіями, какъ напримѣръ это уже выяснено Костомаровымъ относительно позднѣйшихъ его сношеній съ Крымомъ и особенно Турціею. Въ настоящемъ томѣ находимъ новыя подробности о посольствахъ къ нему изъ Крыма, отъ донцовъ, отъ ногайцевъ, отъ господарей волошскаго (т. е. молдавского), мутьянскаго (т. е. валашскаго), и, между прочимъ, отъ «сербскихъ капитановъ». Листъ ихъ извлеченъ изъ дѣлъ архива министерства юстиціи, содержаніе которыхъ ранѣе вовсе не было извѣстно (дѣла архива м. иностр. дѣлъ болѣе знакомы изслѣдователямъ по описямъ Бантыша-Каменскаго), и потому находимъ нелишнимъ привести его вполнѣ, въ виду его интереса для исторіи русско-славянскихъ отношеній вообще. Это собственно вѣрительная грамота присланнаго къ Хмельницкому капитана Ивана Юрьева, о которомъ московскій посолъ въ Украину Ржевскій сообщаетъ (ст. 40—42), что тотъ прибылъ просить помощи сербамъ, возставшимъ тогда противъ турокъ. Лично Ржевскому капитанъ разсказывалъ, что сербы за такую помощь «у гетмана во всякомъ послушенствѣ быть готовы». Сербы, по его словамъ, въ ту пору отъ турскаго царя отложились, потому что онъ «сербскіе земли князей велѣлъ побить до смерти болши сорока человѣкъ.... И собрався около Дунаю, турокъ многихъ побили и городы поимали и разорили, и селистрейской паша, боясь ихъ, отъ Дунаю выступилъ въ далніе мѣста, и хотятъ де Серби противъ турского стоять и съ ними битца. А въ сборѣ де сербскаго войска болши сорока тысячъ, а началные у нихъ нынѣ люди выбраны капитаны и тѣ де капитаны о какихъ дѣлѣхъ у нихъ бываетъ дума, сходятца вмѣстѣ и думаютъ и въ войску всякую росправу дѣлаютъ». Далѣе Юрьевъ (очевидно Джюрджевичъ) разсказывалъ о побѣдахъ надъ турками венеціанъ и сообщилъ нѣсколько подробностей о недавнемъ успѣшномъ набѣгѣ донцовъ подъ Цареградъ, изъ чего видно, что сербы тогда уже очень внимательно слѣдили за русско-турецкими отношеніями и столкновеніями. Изъ письма сербовъ видно, что въ то же время они послали и на Москву патріарха своего Гаврі-

ила, а Хмельницкаго титулують величествомъ и называють именемъ Хмеля, которое въ другихъ документахъ не встрѣчается, а сохранилось только въ народныхъ пѣсняхъ. Вотъ самое письмо (стр. 61—62[1]).

„Пресвѣтлый и благородный, Богомъ избранный пане Богдане Хмель, гетмане его царского величества всего войска запорожского, благодѣтелю нашъ. Мы всѣ Серби есмя православной христіянской вѣры Христовой, видимъ православіе вашей милости, и повелѣніе Божіе отъ радости великія не можемъ молчати и престати. Пишемъ до вашего пресвѣтлаго величества царского (sic) и вѣдомо чинимъ, что сей человѣкъ капитанъ есть изъ земли нашея сербскіе, рода великаго и добраго, отъ котораго рода есть Богомъ избранный Гаврилъ архіепископъ, патріархъ сербскій, которой и нынѣ есть у его царского величества на Москвѣ отъ сѣхъ сродникъ его. За которого просимъ в. м—ти и посылаемъ его до в. м—ти мы всѣ братья наши Серби и капитаны, какъ великіе такъ и малые, что человѣкъ сей есть потребный и разсудный до войска. На побѣду на невѣрныя иноплеменники и на всѣхъ непріятелей нашихъ, которые гонятъ насъ и вѣру нашу православную, да побѣдиши, даждь Боже даждь, да и намъ поможеши избавитися отъ узъ діаволскихъ. За которого просимъ м—ти в., чтобъ ему во всемъ вѣрилъ. Какъ будетъ воля Божія и в. м—ти, гетмана войска запорожского, сотвори его какимъ полковникомъ, да и мы всѣ поклонимся благородію твоему и пойдемъ на поганые языки, да избавимъ всю братію отъ поганыхъ, по повелѣнію Божію. И паки просимъ и печалуемся. Капитанъ Мирка, великій. Вашего величества гетманского послѣдніе раби Серби въ Мутьянскіе земли“.

Настоящій документъ, конечно, сообщенъ былъ Ржевскому Иваномъ Выговскимъ, который снабжалъ его списками и даже подлинниками разныхъ дипломатическихъ бумагъ. Если двоедушничалъ въ своихъ сношеніяхъ самъ гетманъ, изъ видовъ обще-дипломатическихъ, то его министръ иностранныхъ дѣлъ велъ такія же сношенія и на собственную руку, изъ видовъ уже прямо личныхъ. Ржевскій, ранѣе оффиціальнаго пріема его гетманомъ, видѣлся съ В—мъ и между прочимъ спросилъ по секрету, передать ли ему присланные царемъ подарки при гетманѣ, или безъ его вѣдома, на что получилъ отвѣтъ: «на жалованьѣ челомъ бью, а возьму то государево жалованье безъ гетмана, инымъ временемъ» (15). Впрочемъ, подарки за доставленіе вѣстей были тогда,—да и тогда ли только,—дѣломъ обычнымъ. Жалованья послано съ послами: гетману 40 соболей во 100 рублевъ, писарю 40 же соб. въ 70 р., «да для роздачи государевыхъ дѣлъ послано соболей парами на 50 рублевъ; и будетъ кому довелца отъ государева дѣла что дати, и имъ давати изъ тѣхъ запасныхъ соболей, а кому имянемъ и *отъ какова дѣла* что дадутъ, и имъ то

[1]) Измѣняемъ разстановку знаковъ, которая въ чтеніи г. Карпова совершенно затемняетъ смыслъ.

записывати особою статьею». (9—10). Этотъ пріемъ практиковался постоянно. Такъ, напр., еще въ 1650 г. посолъ Унковскій, послѣ оффиціальныхъ сообщеній ему отъ Хмельницкаго, «потомъ провѣдывалъ у писарей и у другихъ знатныхъ людей, у Ивана Искренки да у Семена Плотавскаго, тайно (и конечно не задаромъ), такъ ли его гетманская правда, какъ онъ сказывалъ ему» (Соловьевъ т. X, 284, по изд. 1860). Въ величайшей тайнѣ тогда же сносился съ Москвою и Выговскій, «только бъ это, говорилъ онъ въ 1651 г. послу Богданову, никому не было извѣстно, потому что если узнаетъ объ этомъ гетманъ Богданъ Хмельницкій, то ему писарю не миновать наказанья» (тамъ же, 291). Понятно, что подобныя услуги, сопряженныя съ большимъ рискомъ, не дешево и оплачивались; когда въ 1653 г. посланецъ Ѳоминъ отвозилъ Выговскому доставленныя имъ въ Москву подлинныя грамоты турецкаго султана и другія письма, то съ нимъ было послано 40 соболей и три пары добрыхъ; но на оффиціальномъ пріемѣ «гетману Ѳоминъ подалъ отъ государя 40 соболей да двѣ пары добрыхъ, значитъ меньше, чѣмъ Выговскому, которому при гетманѣ явно дана только пара соболей» (тамъ же, 315). Такія же сношенія, помимо гетмана, были у него и съ другими странами; о нихъ онъ самъ разсказывалъ, напр. Ржевскому, въ увѣренности, что тотъ его не можетъ выдать, чтобы тѣмъ лучше засвидѣтельствовать свое усердіе къ Москвѣ, да кстати и своимъ услугамъ поднять цѣну; онъ упоминаетъ, что гетманъ Радзивилъ въ письмѣ къ нему обѣщалъ у короля упросить, «да и самъ король его за службу пожалуетъ, учинитъ его у себя великимъ сенаторомъ и дастъ ему кіевское воеводство» (наст. томъ, 42), что сбылось только гораздо позже. Когда былъ у гетмана молдавскій посолъ Строеско, то Выговскій говорилъ и съ нимъ «тайнымъ обычаемъ, чтобъ имъ межъ себя ссылка держать почасту о всякихъ вѣстяхъ на обѣ стороны; а для пересылки договорились поставить на границѣ съ обѣ стороны Днѣстра почты» (38). Едва ли это не первое по времени упоминаніе объ учрежденіи правильнаго почтоваго сообщенія въ предѣлахъ русскаго государства, которые именно въ эту пору, въ 1654, хотя только въ видѣ власти сюзеренной, распространялись до границъ Подоліи.

Въ настоящемъ томѣ «Актовъ» встрѣчается много личностей, занимавшихъ видныя мѣста въ козачествѣ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ вовсе, или извѣстныхъ очень мало, или не подъ тѣми же буквально именами. Размѣры рецензіи не позволяютъ намъ на нихъ останавливаться теперь же, удобнѣе будетъ сдѣлать это въ особыхъ замѣт-

кахъ. Равно о составѣ козачества въ смыслѣ территоріальнаго распредѣленія сообщимъ новыя данныя позже, когда будемъ говорить о дѣйствіяхъ арміи Золотаренка въ Бѣлоруссіи.

Пока отмѣтимъ только еще одинъ весьма важный и любопытный фактъ, что захватъ козачьими старшинами обширныхъ имѣній, на основаніи царскаго пожалованья, начинается *съ первыхъ же годовъ* по присоединеніи Малороссіи къ государству московскому, и въ настоящемъ томѣ находимъ немалое число указаній на такія раздачи обще-козацкой территоріи. Воспользовались ими преимущественно, вслѣдствіе близости къ государю, старшины бѣлорусской Золотаренковой арміи: самъ онъ получилъ Батуринъ, Борзну, Глуховъ, братъ его Василій—Новые-Млыны и Мену, протопопъ Максимъ Филимоновъ, будущій епископъ Меѳодій,—с. Ушню надъ Десною съ мельницами, стародубскій полковникъ Опкіенко--Сосницу и т. д.

Возвратимся еще къ предисловію г. Карпова и къ двумъ его утвержденіямъ, съ которыми согласиться не можемъ. Первое изъ нихъ (стр. III) представляетъ просто фактическую невѣрность. «По отношенію къ исторіи поземельныхъ владѣній бѣлорусской шляхты, замѣчаетъ г. Карповъ, между прочимъ интересно то, что *старыя* шляхетскія маетности большею частью носятъ *названія ихъ владѣльцевъ:* маетность князей Головчинскихъ—Головчино, князей Соколинскихъ—Соколна, Киркоръ (т. е. Кирковъ)—Киркоры, Сущевскихъ—Суща и т. п.». Замѣчаніе это вѣрно только въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда предокъ владѣльцевъ былъ первымъ поселенцемъ извѣстной мѣстности; ихъ нетрудно отличить даже по грамматической формѣ: названіе такого владѣнія характеризуется множественнымъ числомъ, произведенымъ отъ фамиліи существительной формы прямо или патронимически, какъ отчество. Изъ приведенныхъ четырехъ примѣровъ сюда подходитъ только одинъ,—отъ имени лица «Киркоръ»,—село «Киркоры», могло бы быть и «Кирковичи». Но когда существительная форма, наоборотъ, принадлежитъ имени мѣстности, а фамилія имѣетъ форму прилагательную, то послѣдняя произошла отъ первой, т. е. какъ разъ обратно тому, что утверждаетъ почтенный редакторъ настоящаго тома. И это вовсе не бѣлорусская особенность, то же самое находимъ и въ великой Россіи, и въ Малороссіи, и въ Польшѣ. Такъ, напр., почти всѣ позднѣйшія княжескія фамиліи изъ Рюриковичей и Гедиминовичей имѣютъ форму притяжательныхъ и произошли отъ тѣхъ имѣній, которыя составляли нѣкогда ихъ удѣлы. Изъ первыхъ именно произошли, между прочимъ, удѣльные

князья Друцкіе, по владѣнію Друцкомъ, которые впослѣдствіи распались на три вѣтви, опять таки по владѣніямъ: Др.-Горскіе (отъ Горъ), Др.-Любецкіе (отъ Любеча) и Др.-Соколинскіе отъ Соколны, а не обратно, какъ это показалось г. Карпову. Признаться, отъ изслѣдователя западнорусской исторіи по документамъ, и при томъ архивнымъ, такой ошибки ожидать было трудно.

Другой пунктъ нашего разногласія гораздо важнѣе, такъ какъ относится ко взгляду г. Карпова на предметъ его настоящаго труда. Онъ не могъ не остановиться на различіи формъ, въ какихъ выразилось подчиненіе Алексѣю Михайловичу Малороссіи, а съ другой стороны Бѣлоруссіи. «Жители Малой Россіи, какъ онъ справедливо замѣтилъ, прося о потвержденіи своихъ прежнихъ правъ и привилегій, имѣли у себя признаваемыхъ представителей власти въ лицѣ гетмана войска запорожскаго и кіевскаго митрополита; съ ними или по ихъ уполномочію съ депутатами отъ городовъ и сословій правительство вело переговоры о внутреннихъ дѣлахъ Малороссіи».

Единственно въ отсутствіи такихъ представителей въ Бѣлоруссіи видитъ г. Карповъ причину, по которой здѣсь никакихъ «переговоровъ» не было. Не вѣрнѣе ли будетъ заключить, что договорная форма подчиненія Малороссіи зависѣла не отъ того только, что было съ кѣмъ договариваться? Можно думать, что и въ Бѣлоруссіи нашлось бы кому вести переговоры, если бы только этотъ край находился въ 1654 г. въ одинаковомъ положеніи съ Малороссіей. Послѣдняя почти шесть лѣтъ боролась за свою свободу единственно собственными силами, иногда при помощи татаръ, но только въ качествѣ ею самою пріобрѣтенныхъ союзниковъ. Успѣшность борьбы бывала по временамъ далеко не одинакова. Подъ Зборовымъ было одно, послѣ Берестечка совсѣмъ другое. Но даже и тогда сила возставшаго народа оказывалась настолько значительной, что представители самого польскаго государства, котораго Хмельницкій былъ только подданнымъ, видѣли себя вынужденными заключить договоръ съ нимъ.

Очевидно, что въ тотъ моментъ, когда южно-русскій народъ, одержавъ рѣшительный успѣхъ, обратился къ протекторату Москвы, не договариваться съ нимъ она *не могла*.

Въ Бѣлоруссіи не было и тѣни чего либо подобнаго. Если и были отдѣльныя попытки возстанія въ предѣлахъ Бѣлоруссіи, въ самомъ началѣ войны, на Полѣсьи сѣверскомъ, могилевскомъ, и вплоть до самаго Пинска, то онѣ представляются только отраженіемъ происходившаго далѣе къ югу. Всенароднаго возстанія въ Бѣлоруссіи не

было, а отдѣльныя попытки на первыхъ же порахъ безъ особенныхъ усилій были подавлены. Такимъ образомъ, въ моментъ, когда двинулась въ Бѣлоруссію московская рать, она вступала въ непріятельскую страну, а каждый городъ подчинялся въ отдѣльности, сдаваясь непосредственно «на имя государево». Права и привилегіи подтверждались и здѣсь, но уже только въ видѣ «пожалованья», потому что съ побѣдителемъ не договариваются. И вовсе не по отсутствію какого нибудь «представительства», какъ полагаетъ почтенный редакторъ разбираемаго тома. Конечно, это нисколько ни умаляетъ его заслуги, какъ трудолюбиваго изыскателя весьма важныхъ для науки матеріаловъ.

Ив. Н.

Иванъ Манджура. Степовы думы та спиви. Спб. 1889 г.—37 стр.

Имя автора этой книжки извѣстно всѣмъ знакомымъ съ малороссійскими этнографическими сборниками послѣдняго времени. Г. Манджура одинъ изъ ревностнѣйшихъ нашихъ собирателей произведеній народной устной словесности. Дѣятельность такого собирателя, требующая непремѣнно тѣснаго общенія съ народомъ, — хорошая школа какъ для изученія живой народной рѣчи, такъ и для усвоенія духа народнаго творчества. Опытъ самостоятельнаго сочинительства, съ которымъ выступаетъ теперь г. Манджура, и носитъ на себѣ слѣды такой школы. И знанье жизни сельскаго народа, и знанье языка имъ созданнаго у автора есть. Книжка его стиховъ этимъ и выдѣляется изъ книгъ и книжицъ этого рода, выходившихъ за послѣдніе годы.

Нося такъ сказать этнографическій оттѣнокъ, стихи г. Манджуры, кромѣ нѣсколькихъ субъективныхъ пьесъ, воспроизводятъ явленья и типы сельской жизни. Знаніе народной рѣчи и подробностей быта, приложенное къ изображенію крестьянской жизни, сообщаетъ стихамъ автора характеръ реальности, а отсутствіе дѣланности и фальши заставляетъ видѣть въ его сборникѣ все таки пріятное явленіе, несмотря на общую тусклость впечатлѣнія, зависящаго ужъ отъ степени литературной способности автора.

Лучшія пьесы въ книжкѣ—самыя несложныя, самыя простыя, дающія одну какую нибудь картинку, одинъ обликъ. Таковы стихотворенія «Зъ охрестами» (молитва о дождѣ), «На пасици», «Бурлака» (напоминающій «типы» Щоголева), «Бджолы», «Дивчача думка о Покрови» (навѣянная народными пѣснями, съ цѣлыми строчками изъ

нихъ) и еще двѣ три. Другія носятъ какой то сухой, разсудочный характеръ. Мотивы стихотвореній дѣйствительно близки къ мотивамъ будничной деревенской жизни. Засуха, неурожай, градъ,—все это точно составляетъ заботу и мысль селянина, но не въ этомъ выражается жизнь его души. У г. Манджуры есть строфы какъ бы переложенныя изъ какого нибудь отчета земской управы или доклада статистическаго бюро, напр. въ пьесѣ «Грядъ»:

Ни жукъ, ни ховряхъ а ни мухы погани
Цей рикъ не зробылы поталы,
Ще къ тому въ маеви на сходы зарани
Тры дощыкы добри упалы.

или въ стихотвореніи «на степу и у хати».

Перевелысь огороды ни на що,
Дается у помку имъ рикъ цей зима!
Ни буряка, ни капусты нема,
Навить немае мишечка картопли;
Ленъ незійшовъ, погорилы конопли...

Въ пьесѣ «Бджолы», отличающейся агрономическимъ, дѣловымъ характеромъ, въ нѣсколькихъ куплетахъ описывается вредъ, наносимый пчеламъ птицею «золотая щурка»... Прекрасное знаніе авторомъ языка не удерживаетъ его однако отъ употребленья странныхъ, какъ бы выдуманныхъ словъ. Таковы слова: тьмянуватый (темноватый?), насущныкъ (насущный хлѣбъ), трудныкъ, (труженикъ), подзорять (подглядать), встрѣчающіяся у него. Никто не увѣритъ насъ также, чтобъ выраженіе *зъ тыхъ поръ* не было буквальнымъ переводомъ великорусскаго. Всѣ эти погрѣшности у г. Манджуры, правда, на перечетъ, тогда какъ у другихъ новѣйшихъ малороссійскихъ сочинителей такимъ грѣхамъ нѣтъ числа. Размѣры стиховъ «Степовыхъ думъ» не всегда счастливы. Трудно выдумать что нибудь болѣе неуклюжее въ этомъ смыслѣ какъ пьеса «Старецъ»:

Вже чужи его опанувалы
Помижъ нымы ридного мени нема,
И воны мене не прывыталы,
Бо сыритство имъ мое тяжке дарма.

Есть размѣры взятые у другихъ поэтовъ, напр. у Некрасова, въ характерномъ стихѣ котораго написана пьеса «Нечесна».

Внимательное въ общемъ отношеніе писателя къ дѣлу невольно обращаетъ вниманіе на комическія вещи, проскользнувшія въ книжкѣ. Таково начало пьесы «Писня»:

Въ лычакахъ вьязовыхъ
У свитыни драній,

Несу чорни бровы
Я свсій коханій

Намѣреніе автора ясно, но выражено такъ неуклюже, что звучитъ смѣшной двусмысленностью. Стихотворенію «Мынуле», посвященному какой то особѣ, предшествуетъ наивный эпиграфъ—«Honni soit qui mal y pense»...

«Ренегатъ»—единственная въ книжкѣ большая пьеса, гдѣ авторъ вышелъ изъ рамокъ картинки и, на основѣ народнаго преданія, написалъ балладу. Мотивъ ея—покаяніе ренегата подъ вліяніемъ впечатлѣній дѣтства и молодости—взятъ удачно и,—что еще лучше,—въ исполненіи есть строфы поэтичныя. Таковы въ особенности прекрасныя строфы 14—16, рисующія пробужденіе степи весной и чувства степныхъ удальцовъ.

Помѣщенныя въ концѣ книги коротенькія «Басни» написаны на мотивы народныхъ анекдотовъ, поэтому онѣ не такъ скучны, какъ обыкновенно, и мало подходятъ подъ шаблонъ этого несноснѣйшаго изъ видовъ поэзіи. **В. Г.**

J. Topolnicki. Mapa do dziejów Polski. Второе изданіе (съ помощью краковской Академіи Наукъ), исправленное и дополненное по новѣйшимъ изслѣдованіямъ.—Львовъ 1888 г.

На обложкѣ, кромѣ вышеозначеннаго заглавія, перечислены еще источники, по которымъ г. Топольницкій составилъ свою историческую карту польскаго государства, а именно: Аббертранди, Балинскій, Бопланъ, Бѣлёвскій, Каро, Хшановскій, Ходзько, Г. де Ланнуа; Глищинскій, Лелевель, Морачевскій (?), Павинскій, Репель, Сарницкій, Шуйскій, Шайноха, Вротновскій, Р. Цанони. По солидному заглавію, а еще болѣе по многообѣщающему арсеналу, съ которымъ взялся за дѣло авторъ, можно было ожидать серьезного пособія для изученія исторіи развитія и упадка польскаго государства. На дѣлѣ же оказывается, что обложка вовсе не соотвѣтствуетъ содержанію труда г. Топольницкаго. Это маленькая карта въ ничтожномъ масштабѣ, принятомъ для школьныхъ обще-географическихъ атласовъ, отпечатанная въ одной изъ вѣнскихъ фотолитографій довольно грубо и нечисто.—Она до того испещрена мельчайшими подписями, разнообразными условными знаками, подчасъ неудоборазличаемыми, и датами, что просто рябитъ въ глазахъ при стараніи отыскать мѣстность. Пользоваться картой поэтому весьма затруднительно и не-

удобно. Такъ какъ назначеніе карты, а исторической въ частности, служить пособіемъ, облегчающимъ научное изслѣдованіе, то техническая сторона изданія такой карты несомнѣнно играетъ не второстепенную роль. Съ этой стороны карту г. Топольницкаго приходится признать изданіемъ безусловно неудачнымъ.

Что касается содержанія, то оно далеко не сложно и не богато, несмотря на страшную пестроту. Это польское государство въ границахъ 1770 г. съ подраздѣленіемъ на Литву и Корону и съ указаніемъ границъ воеводствъ. Изъ числа населенныхъ мѣстъ указаны главнѣйшіе города воеводскіе и повѣтовые, крѣпости и примѣчательныя села по битвамъ и другимъ событіямъ. — Дальше отмѣчены важнѣйшія между большими центрами дороги, не всѣ татарскіе шляхи и переправы, годы событій и больше почти ничего.—Кто бы захотѣлъ искать здѣсь Польши Мечислава I, Польши удѣльнаго періода, Польши Владислава Локетка и т. д., тотъ ошибется, какъ и я ошибся; ничего подобнаго здѣсь нѣтъ и въ поминѣ. Да и не было бы возможности нанести все это на такой маленькой картѣ, для которой и наличный матеріалъ оказался слишкомъ сложнымъ.—Есть впрочемъ еще одна граница Польши, означенная на картѣ однообразной крупной гранью, подъ названіемъ «давняя граница». Она захватываетъ въ область Польши съ запада почти всю западную Пруссію, всю Саксонію, Богемію и Моравію; съ юга Молдавію и Валахію, весь Новороссійскій край, Крымскій полуостровъ за исключеніемъ южнаго берега, и половину Азовскаго моря; съ востока, начиная отъ Таганрога, граница идетъ прямо на сѣверъ, захватыват Чугуевъ, Курскъ, Брянскъ, Вязьму, Тверь, затѣмъ по Волгѣ идетъ до Мологи, гдѣ оставляя Волгу, идетъ далѣе на сѣверъ. — Что эта граница изъ себя изображаетъ, трудно догадаться. Надо полагат и самъ авторъ не съумѣлъ бы подыскать эпохи, въ которую польское государство имѣло бы такія обширныя владѣнія. Вѣроятно, граница эта въ разныхъ мѣстахъ относится къ разнымъ эпохамъ. Но съ другой стороны я не могу догадаться, почему къ польскимъ областямъ причислена Тверь, Псковъ и Великій Новгородъ съ его огромными землями. Не потому ли, что былъ періодъ времени, когда въ этихъ странахъ проявлялось иногда вліяніе литовское (но не польское)? Что общаго съ границей Польши имѣетъ Крымъ и Азовское море? Кромѣ этого, въ картѣ есть масса мелкихъ погрѣшностей, доказывающихъ отсутствіе всякой системы при изданіи ея. Есть много надписей или безсодержательныхъ, или ненужныхъ, въ

въ родѣ напр. Волынь, Подоліе, Украина и тутъ же «Казаччина» безъ объясненія значенія этихъ терминовъ въ разное время. На среднемъ теченіи Дона подписано: «нѣкогда половцы». Почему тоже не подписано въ Приднѣпровьи; почему не показать массы другихъ народцевъ, прошедшихъ нѣкогда по южной Руси?.—Указавъ главнѣйшіе недостатки, низводящіе трудъ г. Топольницкаго на степень совершенно неудачнаго, я не стану утруждать читателя разборомъ мелочей и если считаю нужнымъ дать объ этой картѣ отзывъ, то только въ надеждѣ предупредить другихъ, дабы не впали въ заблужденіе, въ которое меня ввело заглавіе на обложкѣ.

Ц. Нейманъ.

Что такое унія, какъ она началась и какъ окончилась? (Историческій разсказъ для народнаго чтенія). Составилъ минскаго каѳедральнаго собора священникъ Павелъ Аѳонскій. Минскъ. 1889 г. Его же: Православныя святыни города Минска. Минскъ. 1889.

Первая изъ названныхъ книжекъ написана къ пятидесятилѣтію возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью. Авторъ ведетъ свой разсказъ отъ самаго «основанія Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ единой святой церкви»; говоря далѣе о появленіи ересей и расколовъ, онъ переходитъ къ вопросу о раздѣленіи церквей, причинамъ раздѣленія и дальнѣйшимъ отступленіямъ римскаго епископа отъ ученія Христова; авторъ затѣмъ касается распространенія христіанства въ Россіи, судьбы западно-русскаго народа до и послѣ люблинской уніи, столкновенія католицизма съ православіемъ, и возникшей мысли объ уніи церковной, говоритъ о роли іезуитовъ въ дѣлѣ уніи, о дѣятельности епископовъ Кирилла Терлецкаго и Ипатія Поцѣя, о желаніяхъ лучшихъ западно-русскихъ православныхъ людей, указыветъ на значеніе православныхъ западнорусскихъ братствъ въ борьбѣ за православіе и, наконецъ, излагаетъ самый актъ уніи—брестскій соборъ; время, послѣдовавшее за симъ, обрисовано чрезвычайно неясно и самые важные факты борьбы между православными и уніатами сообщаются весьма кратко; подробнѣе становится изложеніе въ концѣ, когда авторъ говоритъ о положеніи уніатовъ послѣ смерти Екатерины II и при императорахъ Павлѣ и Александрѣ I; мѣры же, принимавшіяся въ царствованіе императора Николая I, разсмотрѣны особенно подробно и личность главнаго дѣ-

ятеля этого періода, митрополита Іосифа Сѣмашка, очерчена весьма живо, какъ и совершенное имъ дѣло возсоединенія уніатовъ. Изъ изложеннаго содержанія видно, что авторъ обозрѣваетъ всю исторію уніи, отъ ея возникновенія и до прекращенія; но какъ мы уже замѣтили, не всѣ періоды этой исторіи изложены съ одинаковой подробностью; именно, XVII и XVIII вѣка не охарактеризованы достаточно точно; авторъ упускаетъ изъ вида, какъ отдѣльные фазисы борьбы, такъ и постепенное распространеніе уніи по территоріи западной Россіи; онъ не представляетъ примѣровъ (исключая Кунцевича) борьбы горожанъ и крестьянъ съ уніей, ничего не говоритъ о порожденныхъ ею козацкихъ и гайдамацкихъ движеніяхъ, о значеніи уніи для судьбы польскаго государства; тѣмъ не менѣе книжка о. Аѳонскаго обладаетъ и достоинствами, дѣлающими ее пригодною для народнаго чтенія: она не обременена большимъ количествомъ фактовъ, а тѣ, которые выдвинуты, представлены рельефно въ своихъ характерныхъ особенностяхъ, такъ что каждый грамотный, не знакомый съ исторіей, съ пользой прочтетъ эту книжку.

Вторая книжка съ многообѣщающимъ заглавіемъ: «Православныя святыни города Минска» касается всего лишь двухъ мѣстночтимыхъ иконъ Божіей Матери: Минской и Крупецкой. Съ каждой изъ иконъ соединяются историческія воспоминанія объ уніи, о борьбѣ съ ней православія; эти иконы служили въ этой борьбѣ знаменемъ, подъ которымъ собирались всѣ преданные православію борцы. Минской иконѣ Божій Матери авторъ приписываетъ глубокую древность, безусловно принимая преданіе, что она рисована св. евангелистомъ Лукою, принесена св. Владиміромъ изъ Корсуня и во время одного изъ татарскихъ нападеній на Кіевъ была ограблена и брошена въ Днѣпръ, идя вверхъ по которому прибыла въ Минскъ; при этомъ авторъ основывается на лѣтописи; но лѣтописи, какъ извѣстно, рѣшительно ничего не говорятъ объ этомъ; объ иконѣ Божіей Матери, писанной евангелистомъ Лукой, сообщается только, что она находилась въ Вышгородѣ, откуда взята была кн. Андреемъ Боголюбскимъ во Владиміръ и затѣмъ подъ именемъ Владимірской перенесена въ Москву, гдѣ и понынѣ хранится въ Успенскомъ соборѣ; другія ссылки автора еще менѣе убѣдительны, какъ принадлежащія болѣе позднему времени и основанныя на устномъ преданіи.

И. Каманинъ.

Časopis Musea království českého. 1888 г. **Выпускъ III—IV.** *Прага.*

Россіи и русскимъ книгамъ посвящены въ этой книгѣ слѣдующія статьи и замѣтки: «Рабочій хоръ южнорусскій» изъ путевыхъ записокъ по Россіи Людв. *Кубы*, «Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Изслѣдованіе П. Владимірова». (Оцѣнка), и «Осетинскіе этюды, Всеволода Миллера. Москва 1887 г.» (Оцѣнка), «50-я глава Кормчей книги, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права. А. Павлова». (Оцѣнка). Г. Людвигъ Куба извѣстенъ нѣсколько и у насъ своимъ изданіемъ «Slovanstvo ve svých zpěvech», гдѣ предложено любителямъ довольно обширное собраніе пѣсенъ всѣхъ славянскихъ племенъ какъ въ фортепьянномъ переложеніи, такъ и для пѣнія. Русскимъ пѣснямъ [1]) посвящена шестая книга этого изданія, заключающая въ себѣ 130 пѣсенъ малорусскихъ, 130 великорусскихъ и 15 бѣлорусскихъ. Значительная часть этихъ пѣсенъ, особенно малорусскихъ, записана издателемъ, при содѣйствіи пишущаго эти строки, въ двукратную бытность его въ Россіи.

Результатомъ пребыванія г. Кубы въ Россіи было между прочимъ изученіе имъ рабочаго южнорусскаго хора, т. е. тѣхъ пѣсенъ, какія поются въ южнорусскихъ городахъ, каковы Нѣжинъ, Полтава, рабочими, преимущественно столярами. Изученіе это выразилось въ указанной статьѣ, снабженной значительнымъ количествомъ нотныхъ примѣровъ и хоровыхъ пѣсенъ, записанныхъ авторомъ отъ столяровъ. Автора удивляетъ способность русскаго народа къ хоровому пѣнію, замѣченная имъ вездѣ на Руси и нигдѣ на западѣ не являющаяся съ такою силою и своеобразностію. Своеобразность эта заключается именно въ полномъ просторѣ для творчества каждаго изъ участниковъ хора, такъ что о наиболѣе чистомъ русскомъ хорѣ можно сказать: сколько пѣвцевъ, столько и самостоятельныхъ напѣвовъ. Строй русскихъ хоровыхъ пѣсенъ, по замѣчанію автора, въ высокой степени *контрапунктиченъ*, и безсмертные мастера контрапункта Бахъ и Гендель, по его словамъ, «преклонились бы конечно предъ великимъ

---

[1]) Оцѣнку русскихъ выпусковъ, изд. Кубы, см. въ „Извѣстіяхъ Петербургскаго Славянскаго общества“ 1888 г. № 2, но и за прежніе годы въ разныхъ №№. Изданіе это, къ сожалѣнію, мало распространено у насъ, несмотря на всю его дешевизну (1 р. за каждые 3 выпуска). Весь русскій отдѣлъ „Slovanstva“ можно пріобрѣсть за 5 гульденовъ и 60 крейцеровъ, а въ изящномъ переплетѣ за 6 гульденовъ и 40 крейцеровъ. Адресъ: Böhmen (Čechy) Ludv. *Kubě v Poděbradech.*

геніемъ великорусскаго народа». Въ другомъ мѣстѣ авторъ замѣчаетъ, что русскій хоръ въ высокой степени демократиченъ по своему строю, въ противоположность аристократическому характеру построенія хоровыхъ пьесъ въ западной Европѣ, гдѣ главное значеніе имѣетъ лишь одинъ голосъ, всѣ же прочіе лишь сопровождаютъ его, служатъ ему, такъ сказать, только аккомпаниментомъ. Изъ объясненій, даваемыхъ авторомъ по этому поводу, обнаруживается его достаточное знакомство съ лучшими русскими пособіями по данному предмету и сборниками, каковы Мельгунова, Пальчикова и др. Онъ особенно останавливается на томъ значеніи, какое имѣлъ для музыкальнаго развитія русскаго народа характеръ православнаго церковнаго богослуженія, гдѣ, за недопущеніемъ музыкальныхъ орудій, главная роль выпадаетъ на долю пѣвцевъ. Несомнѣнно, что въ этомъ обстоятельствѣ слѣдуетъ искать главнаго объясненія того явленія, что въ то время, какъ на западѣ процвѣла особенно инструментальная музыка и одногласная вокальная, на Руси преимущественное развитіе выпало на долю многоголоснаго пѣнія, хора, на что ушли всѣ музыкальныя силы народа. Мнѣніе г. Капустина о томъ вліяніи, какое имѣлъ на построеніе русской хоровой пѣсни общинный бытъ народа, также небезъизвѣстно автору, хотя онъ и не остановился съ должнымъ вниманіемъ на этомъ мнѣніи.

Южнорусскій хоръ теперь не имѣетъ, по замѣчанію г. Кубы, той чистоты и своеобразности, какъ сѣвернорусскій: на немъ отразилось уже вліяніе западноевропейской музыки и пѣсни и того посредствующаго, промежуточнаго положенія, какое занимаетъ Малая Русь и ея народъ между Великою Русью съ одной стороны и славянами западной Европы съ другой; а славяне эти, какъ извѣстно, давно уже подъ вліяніемъ западноевропейской культуры утратили многія изъ своихъ исконныхъ славянскихъ особенностей, еще присущихъ въ значительной мѣрѣ русскому народу. Тѣмъ не менѣе, несмотря на это, и въ южнорусской хоровой пѣснѣ еще замѣчается немало чудныхъ своеобразныхъ красотъ, особенно по сравненію ея съ обычнымъ формально правильнымъ и симметрично построеннымъ западноевропейскимъ хоромъ. Нельзя достаточно надивиться тому восторгу, съ какимъ г. Куба, въ качествѣ западнаго славянина, относится къ русскому хору, къ удивительнымъ музыкальнымъ способностямъ русскаго народа. Онъ словно съ трудомъ можетъ понять, какъ это чудныя контрапунктическія вещи создаются людьми, никогда не учившимися музыкальной грамматикѣ, вообще музыкально необразован-

ными. Не менѣе удивительна для него и необычайная наклонность къ пѣнію русскаго человѣка, поющаго на всякомъ мѣстѣ, во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ, сросшагося, такъ сказать, съ пѣснію. Сравнивая записанные г. Кубою полтавскіе хоры, у насъ, впрочемъ, общеизвѣстные (напр. Ой у поли озеречко, Ой гаю мій гаю и др.) съ нѣжинскими, мы замѣчаемъ, что выборъ первыхъ, въ смыслѣ народности, гораздо удачнѣе, чѣмъ вторыхъ, большая часть которыхъ великорусскаго происхожденія. Объясняется это, конечно, большею пестротою и смѣсью населенія Нѣжина, сравнительно съ болѣе чистою, въ этнографическомъ отношеніи, Полтавою, что опять таки въ свою очередь является слѣдствіемъ большаго торговаго значенія перваго изъ этихъ городовъ.

Для русскихъ читателей статья г. Кубы не представляетъ какихъ нибудь особенно новыхъ данныхъ, для нихъ она можетъ быть любопытна въ томъ однако отношеніи, что еще разъ показываетъ, до какой степени глубоко интересуются на западѣ своеобразными особенностями русской жизни, и искусства, литературы, которымъ, повидимому, суждено внести новые, свѣжіе элементы въ содержаніе старой западно-европейской культуры и тѣмъ заплатить за полученное отъ нея взаймы при Петрѣ Великомъ.

А. Степовичъ.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ.

Журн. Мин. Нар. Просв. 1889 г. №№ 5—8. *Мелкія замѣтки къ былинамъ. А. Веселовскаго* (№ 5, стр. 32—46). Это составляетъ продолженіе замѣтокъ, начатыхъ авторомъ уже давно (послѣднія замѣтки см. въ 1888 г. № 5). Въ настоящей статьѣ находимъ замѣтки: 1) Владиміръ—богатырь; 2) Кіевскія пещеры; 3) Былина объ Иванѣ Годиновичѣ; 4) Жидовинъ—богатырь; 5) Къ сербской легендѣ о Константинѣ Великомъ, гдѣ между прочимъ приводится легенда о Семенѣ Паліѣ.

Къ вопросу о составѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Е. Замысловскаго (№ 5, стр. 47—54). Замѣтка касается вопроса о томъ, могутъ ли точныя лѣтописныя записи о событіяхъ, случившихся въ другихъ городахъ, свидѣтельствовать несомнѣнно о томъ, что онѣ взяты изъ мѣстныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ.

Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. П. Бобровскаго. №№ 6—8; продолженіе слѣдуетъ). Эта обширная работа автора, продолженіе которой появится въ слѣдующихъ книжкахъ,

представляетъ изслѣдованіе вопроса о состояніи и положеніи греко-уніатской церкви послѣ раздѣла Польши и за весь періодъ царствованія Александра I. До сихъ поръ напечатано только четыре главы: 1) Протесты бѣлаго духовенства въ концѣ прошлаго вѣка; 2) Ираклій Лисовскій и его реформы въ уніатской церкви (№ 6, стр. 282—338); 3) Греко-уніатская церковь подъ управленіемъ А. Н. Голицына. Митрополиты Григорій (Кохановичъ) и Іосафатъ (Булгакъ). Усиленіе базиліанъ и протесты брестскаго капитула (№ 7, стр. 20—56); 4) Состояніе греко-уніатской церкви въ первые годы послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Россіи (№ 8, стр. 259—304).

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россія: 1) Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. *Михаила Ясинскаго.* Статья *К. Бестужева-Рюмина* (№ 5, стр. 231—233); 2) *П. Брянцевъ.* Исторія литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. Статья *К. Бестужева-Рюмина.* (№ 6, стр. 492—505); 3) *Д. Багалѣй.* Заселеніе харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Актовая рѣчь (№ 6, стр. 512); 4) *Д. Анучинъ.* О задачахъ русской этнографіи (№ 6, стр. 512—514); 5) Сочиненія *А. Котляревскаго.* Статья *К. Бестужева-Рюмина* (№ 7, стр. 157—167); 6) *Н. Карѣевъ.* Историческій очеркъ польскаго сейма. Статья *Евг. Бѣлова.* (№ 7, стр. 190—199); 7) Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Книга 3-я (№ 7, стр. 201—202).

Вѣстн. Евр. 1889 г. №№ 5—8. *Польскія реформы XVIII вѣка. Н. Карѣева* (№ 5, стр. 5—65; № 6, стр. 550—620). Эта обширная статья, находящаяся въ ближайшей связи съ другимъ изслѣдованіемъ автора «Паденіе Польши въ исторической литературѣ», представляетъ интересную картину той борьбы, которая велась представителями разныхъ партій въ Польшѣ незадолго до полнаго паденія ея изъ за введенія нѣкоторыхъ кардинальныхъ реформъ, клонившихся къ поддержанію расшатаннаго государства.

Обзоръ русскихъ изученій славянства. А. Пыпина. (№ 5, стр. 169—213; № 6, стр. 625—664) и продолженіе этой статьи подъ заглавіемъ *«Русское славяновѣдѣніе въ XIX стол.»* (№ 7, стр. 238—274; № 8, стр. 683—728). Статья, начатая въ № 4 текущаго года, знакомитъ съ положеніемъ изученія и разумѣнія славянства въ Россіи въ 18-мъ вѣкѣ, а затѣмъ характеризуетъ представителей уже вполнѣ научнаго славяновѣдѣнія у насъ въ 1-ой половинѣ 19 вѣка. Здѣсь, между прочимъ, представляетъ интересъ выписка изъ предисловія къ «Сравнительнымъ словарямъ всѣхъ языковъ и нарѣчій» о малороссійскомъ нарѣчіи (№ 6, стр. 655—666), а также характеристика описаній путешествій въ славянскія земли Д. Бантыша-Каменскаго, Ѳ. Лубяновскаго и В. Броневскаго (№ 7).

Русскій Филологическій Вѣстникъ 1889 г. № 2. Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщена замѣтка о первомъ томѣ сочиненій *А. Котляревскаго* (стр. 283—284).

Филологическія Записки 1889 г. № 2. *Памяти И. П. Котляревскаго по случаю 50-лѣтней годовщины со дня его смерти. С. Браиловскаго.* (стр. 19—33). Это—рефератъ, прочитанный въ одномъ изъ собраній членовъ нѣжинскаго музыкально-драматическаго общества.

Русская Мысль 1889 г. №№ 4—7. *Въ отдѣлѣ библіографіи* помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Кобзарь Т. Г. Шевченка; (№ 5, стр. 185); 2) «Кіевская Старина» сентябрь 1888 г.—мартъ 1889 г. (№ 5, стр. 222); 3) *Евгеньевская волость, тираспольскаго уѣзда, херсонск. губ.* (№ 6, стр. 237); 4) *Багалѣй. Заселеніе харьковскаго края* и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. (№ 7, стр. 287); 5) *Записки Императ. русскаго археолог. общ. Т. IV, вып. I.* Говорится о статьѣ *г. Лонгинова* «Древній храмъ св. Богородицы въ г. Владимірѣ-Волынскомъ (№ 7, стр. 289).

Русская Старина №№ 5—8. 5. Литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко въ 1839—1844 гг. Сообщилъ г. Ж—нъ.

5, 6. М. К. Бобровскій. 1784—1848 гг. Историко-біографическій очеркъ. Сост. П. О. Бобровскій. (Окончаніе).

5. Краткая рецензія на «Кубанское казачье войско».

6—8. Дневникъ А. В. Никитенка, 1828—1829 гг.

6. Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ. Очеркъ къ его біографіи. Сообщ. проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.

— Россія на Черномъ морѣ и въ Палестинѣ въ 1856—1860 гг. Очеркъ М.

7. Записки архимандрита Владиміра Терлецкаго, бывшаго греко-уніатскаго миссіонера 1808—1858 гг. Сообщ. А. Лопатинскій.

7, 8. Друзья и знакомые Н. В. Гоголя въ ихъ къ нему письмахъ въ 1836—1847 гг. Сообщ. В. И. Шенрокъ.

Историческій Вѣстникъ №№ 5—8. 5. Возобновленіе черниговскаго каѳедральнаго собора.

— Нѣсколько словъ о происхожденіи названія «Волынь». Вл. Боцяновскаго.

— А. Н. Дельсаль. А. Стоянова. По поводу «Историч. записки о немировской гимназіи» г. Стрибульскаго нѣсколько словъ въ защиту покойнаго директора этой гимназіи Дельсаля.

6. Отношенія Гоголя къ матери. А. М. Черницкой.

— Рецензія на книгу Н. В. Стороженка «Западно-русскіе провинціальные сеймики во 2 половинѣ XVII в.» Н. С. К.

— Рецензія на книгу В. Г. Дружинина «Расколъ на Дону въ концѣ XVII в.» С.

7. Рецензіи на: 1) Сочиненія А. А. Котляревскаго т. I. Е. П. 2) 50-лѣтіе возсоединенія съ православной церковью зап.-русскихъ уніатовъ. И. Чистовича.—50-лѣтіе возсоединенія съ правосл. церковью зап.-русскихъ уніатовъ. Соборныя дѣянія и торжественныя служенія въ 1839 г.—50-лѣтіе возсоединенія съ правосл. церковью зап.-русскихъ уніатовъ. Историч. очеркъ прот. I. Наумовича.—Семь проповѣдей синодал. члена, митроп. литов. и вилен. Іосифа, говоренныя при важнѣйшихъ случаяхъ служенія и о греко-уніатской церкви въ западномъ краѣ Россіи, воспоминанія архіеп. Антонія. М. Г—цкаго. 3) Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. Изсл. Мих. Ясинскаго. В. З. 4) Чтенія въ историч. обществѣ Нестора лѣтописца кн. 2-я. А—ва. 5) Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные черниговскимъ статистич. отдѣленіемъ при губ. зем. управѣ. Т. XV и послѣдній. Кролевецкій уѣздъ. Сост. П. П. Червинскій. Б. Г.

— Некрологъ М. В. Юзефовича.

8. Рецензіи на: 1) Исторія литовскаго государства П. Брянцева, Н. П. 2) Владиміръ св., какъ политическій дѣятель, изсл. Завитневича. А—ва, 3) Кубанское казачье войско. В. П. 4) Апокрифическія и легендарныя сказанія о пресв. Дѣвѣ Маріи, особенно распространенныя въ древней Руси. Соч. Вл. Сахарова. Д. А.

— Полувѣковой юбилей уніи.

— Мономахова церковь.

— Новонайденныя въ Кіевѣ византійско-русскія перегородчатыя эмали XII в.

— Некрологъ С. С. Гогоцкаго.

Сѣверный Вѣстникъ №№ 5—8. 7. Рецензія на «Бѣлую панну» Г. А. Мачтета.

8. Херсонское дворянство и херсонская губ. въ 1862 г. П. Зеленаго.

Восходъ №№ 5—8. 8. Рецензія на «Кіев. Старину» 1888 г.

Недѣльная хроника Восхода 17—32.

20. Отчетъ о бердичевской талмудъ—торѣ за 1888 г. (Корресп.).

24. Замѣтка по поводу рецензіи въ «Эконом. Журналѣ» на книгу г. Никитина «Евреи—Земледѣльцы».

Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія №№ 3—6. 4—6. Св. *А. Гиляревскій.* Русскій путешественникъ по св. мѣстамъ В. Г. Барскій.

4. Нѣкоторыя замѣтки въ журнальномъ обозрѣніи.

Странникъ №№ 5—8. 5, 6, 7. Святый равноапостольный князь Владиміръ, просвѣтитель Руси. И. П. Матченка (окончаніе).

5. Римская пропаганда, ея исторія и современное состояніе. Проф. архим. Никодима Милашъ.

— Романъ Кузьмина. Разсказъ изъ галицко-русской жизни. X—XI. Порт. И. Г. Наумовича.

5. Хроника епархіальной жизни. Православное общество сестеръ м. Тынной подольск. епархіи. Открытіе церковныхъ библіотекъ духовенствомъ одного изъ благочиній полтавской епархіи и дѣятельность въ этомъ направленіи екатеринославскаго комитета о православіи (5). Дѣятельность холмскаго братства. (6, 7). Противосектантскія библіотеки екатеринославской епархіи (8).

5—8. Обзоръ журналовъ. Ко дню 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ (5). 50-лѣтіе возсоединенія уніатовъ въ современной печати. (6—7). Митр. Филаретъ въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ. Записки бывшаго повстанца уніата (8).

5. Рецензія на книгу Шмурло «Митр. Евгеній».

6, 7. Пятидесятилѣтіе возсоединенія уніатовъ.

— Изданія, посвященныя исторіи уніи и возсоединенія уніатовъ.

8. Въ защиту Иннокентія архіеп. херсонскаго, противъ клеветы и нареканій на него. Пис. въ ред. И. У. Палимпсестова. По поводу записокъ Мурзакевича. («Рус. Ст.»).

Христіанское Чтеніе №№ 5—8. 5, 6. И. І. Бобровскаго. Подготовка реформъ въ русской греко-уніат. церкви (1803—1817). Отвѣтъ проф. М. Кояловичу.

— Библіограф. зам. «Высокопреосв. Филаретъ въ схимонашествѣ Ѳеодосій (Амфитеатровъ) митрополитъ кіевскій и галицкій и его время». Составилъ архимандритъ Сергій (Василевскій). 3 тома. Каз. 1888 г.—Н. Б.

Церковный Вѣстникъ №№ 17—28. 19. Замѣтки *Кояловича* въ отвѣтъ Бобровскому на его замѣтку (Хр. Чт. № 5 и 6). О возсоединеніи уніатовъ.

20, 22. Историческое значеніе возсоединенія съ православною церковью западно-русскихъ уніатовъ въ 1839 г. и естественныя особенности празднованія 50-лѣтія. Проф. М. Кояловича.

24. Замѣтки о напечатанныхъ въ 4 книжкѣ «Кіев. Старины» статьяхъ: П. Л. «Остатки древнихъ церквей на развалинахъ Корсуня», С. Т. Голубева «Очерки изъ исторіи кіев. дух. академіи» и Н. И. Петрова «Очерки путешествія въ сѣв.-зап. край».

— Корреспонденція изъ Вильны о празднованіи 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

Труды кіевской духовной академіи №№ 5—8. 5—7. *Н. И. Петровъ.* Извѣстія церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи.

6. Бесѣда въ день празднованія 50-лѣтняго юбилея со времени возсоединенія уніатовъ съ правосл. церковью. Высокопр. митроп. Платона.

— Адресъ кіевск. дух. академіи литовской церкви по случаю возсоединенія уніатовъ съ правосл. церковью.

— Археологическія замѣтки. І. О древнемъ фресковомъ изображеніи св. равноапостольнаго кн. Владиміра во владимірскомъ Успенскомъ соборѣ (отвѣтъ П. Л—у). II. Византійско-русскія перегородчатыя эмали.

— Письма митр. Евгенія. Сообщ. Полетаевъ.

8. Къ матеріаламъ для біографіи преосвященнаго Иннокентія херсонскаго. Сообщ. И. Стрѣльбицкій.

Русскій Паломникъ №№ 23—33. 23. Краткій некрологъ преосв. Варлаама, еп. минскаго.

24. Полоцкій Софійскій соборъ (съ рис.).

— Портретъ митрополита Іосифа Сѣмашка.

25. Историческое прошлое м. Ржищева и его Спасо-Преображенскаго монастыря. Свящ. С. Брояковскаго (съ рис. ржищевской церкви).

26. Антоній Зубко, архіеп. минскій (съ порт.).

28. Василій Лужинскій, архіеп. полоцкій и витебскій (съ портретомъ).

29. Протоіерей П. Л. Весинъ—одинъ изъ дѣятелей по возсоединенію уніатовъ. (Съ портретомъ).

— День въ Печерской лаврѣ (изъ дневника паломника на 900-лѣтній юбилей крещенія Руси). Съ 4 рис. Д. Гречишникова.

— Переяславскій соборъ (замѣтка).

30. Реставрація Кіево-Софійскаго собора (замѣтка).

31—32. Святыя горы. Съ рис Святогорскаго монастыря, изюмск. у. харьк. губ. (Переп. изъ Южн. Края).

Русское Судоходство №№ 80—95. 80—81. Городскіе сборы въ портахъ Чернаго и Азовскаго морей.

— Рыбопромышленная выставка 1889 г. (Черное и Азовское моря) Н. Крылова.

82. Изъ прошлаго (учрежденіе Черноморской компаніи) В. Т.

— Изъ Ростова на Дону.

86. Наше судоходство (Черное море).

87. Изъ прошлаго (черноморская торговля).

— Наше судоходство (одесскій портъ).

94, 95. Наше судоходство (Черное море).

Сѣверъ №№ 15—33. 17. Ялта, съ картины проф. Лагоріо.

22. Дорога въ Китаевъ, съ картины В. Д. Орловскаго.

23. Вишни поспѣли. Рис. К. А. Трутовскаго.

24. Бахчисарай, съ карт. Кондратенка.

Недѣля №№ 18—31. 23. Предстоящее бѣдствіе.

24. Рабочія шатанія.

25. Пожары городовъ.

— Въ отдѣлѣ «Намъ пишутъ»: изъ Чернигова о земскихъ выборахъ; изъ Одессы объ учрежденіи коммиссіи подъ предсѣдательствомъ временнаго генералъ-губернатора по вопросу объ урегулированіи рыбной ловли въ устьяхъ Днѣпра, Днѣстра, Буга, Дона и на побережьи Чернаго моря.

26. Переселенческій проектъ.

27. Забытое дѣло.

28. Въ отдѣлѣ «Разныя извѣстій». Различіе въ судьбѣ переселенческихъ партій.

«Въ отдѣлѣ «Намъ пишутъ» изъ кобелякскаго уѣзда полтавской губерніи о трудахъ очереднаго земскаго собранія.

29. «Народное образованіе»: «Первая сельская общественная библіотека», въ с. Марковскомъ, лебединскаго уѣзда, харьк. губ.

Въ отдѣлѣ «Экономическія замѣтки»: О регулированіи рыболовства на днѣпровск., бугск., березан. и днѣстр. лиманахъ.

30. Въ томъ же отдѣлѣ: «Печальныя свѣдѣнія о переселенцахъ».

Въ отдѣлѣ «Намъ пишутъ», изъ Верхне-Днѣпровска, екатеринославск. губерніи по вопросу о проектѣ передачи сельскихъ школъ во вѣдѣніе духовенства.

31. «Земское городское самоуправленіе»: Земская колонія душевно-больныхъ въ Херсонѣ.

Въ отдѣлѣ «Экономическія извѣстія»: Воскрешеніе чумачества на югѣ Россіи; Переселенцы на арестантскомъ положеніи.

Съ сѣвера на югъ.

Кіевлянинъ №№ 160—180 161. Корреспонденція изъ м. Гощи, острожск. у. волын. губ. О раскопкахъ кургановъ въ іюлѣ сего года на фермѣ Агатовкѣ при с. Томаховѣ, произведенныхъ Т. В. Кибальчичемъ, и о церкви Архистратига Михаила въ м. Гощѣ (построена 1639 г.).

162. Корреспонденція изъ м. Аннополя острож. у. волынск. г. О церкви с. Глинниковъ, древней мѣстночтимой иконѣ св. Николая, мѣстномъ обычаѣ приносить въ церковь на панихиды коровье масло и о церкви с. Малый Скнитъ.

163. Замѣтка о книгѣ «Кіево-Златоверхо-Михайловскій монастырь».

— Коневодство въ харьковской губ.

165. Перепечатка изъ «Крым. Вѣстн.» о существовавшей въ прошломъ столѣтіи въ Крыму ротѣ амазонокъ.

166. Восьмисотлѣтіе Великой церкви Кіево-Печерской лавры и перечень древнѣйшихъ храмовъ въ Россіи (XI—XVI вв.).

— О находкѣ въ Кіевѣ на ул. Нижній Валъ польскихъ серебряныхъ монетъ XVII вѣка.

168. Кіевскія наводненія прежнихъ временъ.

169. Историческая справка о поврежденіяхъ кіевскихъ храмовъ молніею.

169, **170.** Кременчугъ и посадъ Крюковъ. Историч. очеркъ. Перепечатка изъ «Елисаветгр. Вѣстн.».

170. Залежи фосфоритовъ въ воронежск. губ.

174. О пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ ровенскаго реальнаго училища.

— Корреспонденція изъ м. Славуты волынск. губ. О дворцѣ Сангушковъ, мѣстной церкви и лѣчебныхъ заведеніяхъ.

178. Восьмисотлѣтіе Великой лаврской церкви. Историческій очеркъ.

179. Слово по случаю 800-лѣтія Великой лаврской церкви, произнесенное протоіереемъ М. Д. Златоверховниковымъ.

180. Списокъ кіевскихъ генералъ-губернаторовъ.

Кіевское Слово №№ 729—749. 729. Краткій некрологъ гр. Ядвиги Ржевусской, писавшей подъ псевдонимомъ Лелива.

731, 732. О расширеніи метеорологической сѣти юго-западной Россіи.

734. Корреспонденція изъ Остра черн. г. О раскопкахъ.

745. Библіографическая замѣтка о имѣющемъ скоро выйти въ свѣтъ изданіи П. Н. Батюшкова «Литва и Бѣлоруссія».

746. Біографическія свѣдѣнія о ген.-ад. Ѳ. Ѳ. Радецкомъ.

— Перепечатка изъ № 8 «Кіевск. Стар» воспоминаній М. К. Чалаго о К. Д. Ушинскомъ.

747. Праздникъ въ Лаврѣ 14 августа.

748. Кіевскіе генералъ-губернаторы. (Списокъ ихъ; есть ошибки).

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 21—23. 21—23. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи. С. Хорупань, с. Головчинцы, 1-й благочиннический округъ дубенск. у.: с. Будеражъ, с. Пѣвче, с. Буща, с. Бѣлашевъ, м. Варковичи, с. Бѣлобережье, с. Дермань, с. Жарновъ, с. Збытинъ, с. Княгининъ, с. Кунинъ, с. Уѣздцы.

21. Нѣсколько мыслей по поводу возсоединенія съ православною церковью чеховъ въ с. Волковыяхъ дубенск. у.

— Годичный актъ въ волынскомъ женскомъ епарх. училищѣ.

— Уніаты въ австрійской имперіи.

— С. С. Гогоцкій (некрологъ).

22. Церковное торжество по случаю 50-лѣтія со времени возсоединенія уніатовъ съ православною церковью въ м. Домбровицѣ, ровенск. уѣзда.

23. Отчетъ о дѣятельности Св.-Владимірскаго православнаго братства въ г. Владимірѣ-Волынскомъ за 1888 г. и опись предметовъ, поступившихъ въ древлехранилище братства.

— Библіографич. замѣтка о книгѣ Е. Н. Дверницкаго «Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ».

Волынь №№ 116—140. 122. Передовая статья по поводу 25-лѣтія существованія газеты «Кіевлянинъ».

126. Перепечатка изъ іюльск. книжки «Кіевск. Старины» воспоминаній г. Дворжицкаго-Богдановича о курскомъ губернаторѣ Денѣ.

Подольскія Епарх. Вѣдомости №№ 29—32. 29. Воспоминаніе о митрополитѣ Іосифѣ Сѣмашкѣ.

— Празднованіе IV округомъ каменецкаго у. 50 лѣтія возсоединенія уніатовъ.

— С. С. Гогоцкій (некрологъ). Переп. изъ «Кіевл.».

30. Отвѣтъ впр. Алексія архіеп. литовскаго на привѣтственную телеграмму пр. Доната еп. подольскаго по случаю 50 лѣтія возсоединенія уніатовъ.

— Празднованіе 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ въ с. Малой Косницѣ, ямпольскаго уѣзда.

— Историч. свѣдѣнія о Каменцѣ-Подольскомъ и его православныхъ церквахъ въ связи съ гражданскою и церковною жизнію Подоліи.

— Реставрація Кіево-Софійскаго собора.

31. Посѣщеніе преосв. Димитріемъ еп. балтскимъ г. Балты и нѣкоторыхъ другихъ городовъ, селъ и мѣстечекъ подольск. епархіи въ 1888 г.

— Празднованіе V округомъ проскуровскаго у. 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

— Эпизодъ изъ временъ возсоединенія уніатовъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Прот. Н. Михневича.

32. Проповѣди, произнесенныя во время празднованія въ м. Немировѣ 50 лѣтія возсоединенія уніатовъ.

Черниговскія Епарх. Извѣстія 13—15. 13. Сказаніе о смерти блаж. Константина митроп. кіевскаго, въ Черниговѣ скончавшагося. (Изъ Четьи-Миней, іюня 5).

— Рѣчь къ празднованію въ черниговскомъ дух. училищѣ 8 іюля 1889 г. 50-лѣтняго юбилея возсоединенія уніатовъ. М. Михайловскаго.

14, 15. Краткій очеркъ исторіи литовской церковной уніи, пути проведенія и состояніе ея отъ начала до возсоединенія уніатовъ 1839 г.

Черниговскія Губ. Вѣдомости 58—65. 60, 62, 65. Къ исторіи края. Списки черниговскихъ дворянъ 1783 г. IV. Глуховскій уѣздъ. 1. Кулябка. 2. Туманскій. 3. Гудовичъ. 4. Паульсонъ. 5. Жайворонковъ. 6. Иваненко. 7. Миклашевскій. 8. Омельяновичъ. 9. Борковскій. 10. Миклашевская. 11. Фененко. 12. Карпѣка. 13. Уманецъ Ф. 14. Папаримскій. 15. Уманецъ Вас. 16. Халкиданскій. 17. Митяшевичъ. 18. Шликевичъ. 19. Миклашевская М. 20, Александровичъ. 21. Мирковскій. 22. Винда. 23. Высоцкій. 24. Адамовичъ. 25. Уманецъ Ив. 26. Товстоногъ. 27. Троцкій. 28. Высоцкій Як. 29. Коробкина. 30. Войцехъ. 31. Полонскій. 32. Базилевичъ Вас. 33. Делѣянсъ. 34. Пуранскій. 35. Константиновичъ. 36. Романовская. 37. Козловскій. 38. Карновичъ. 39. Коротковъ. 40. Шапочниковъ. 41. Ефремовскій. 42. Дубровскій. 43. Гудима-Мосепзовскій. 44. Яновъ. 45. Винда Дем. 46. Даниловъ. 47. Рѣшетинскій. 48. Кулѣшевъ. 49. Кобасъ. 50. Соляниковъ. 51. Дорошенко Лук. 52. Нарбутъ. 53. Дорошенко Мих. 54. Василенко.

55. Галяховскій. 56. Лазаревичъ Яковъ. 57. Лазаревичи Гавр. и Коз. 58. Зарубинъ.

63. Корреспонденція изъ Остра о поискахъ клада и о мѣстныхъ памятникахъ древности (переп. изъ Кіевскаго Слова).

Земскій Сборникъ Черниговской губ. №№ 3—4. 3, 4. Первые шаги шелководства въ черниговской губ. С. Лисенка.

— Въ стенографическомъ отчетѣ о засѣданіяхъ очереднаго губ. земскаго собранія 1888 г. пренія по вопросу о перенесеніи въ Черниговъ мощей св. князя Михаила черниговскаго.

Полтавскія Епарх. Вѣдомости №№ 14—15. 14. Рѣчь по поводу 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ прот. Терлецкаго.

Одесскій Вѣстникъ №№ 184—200. 184. Къ исторіи одесскаго мѣстнаго отдѣленія Краснаго креста.

185. Путеводитель по Крыму, Сосногоровой и Караулова (рецензія).

187, 191. Къ исторіи елисаветградскаго «Общества распространенія ремеслъ и грамотности».

188. Памятникъ ген.-ад. Дрентельну (корресп. изъ Кіева).

189. Некрологъ мѣстнаго литератора Конст. Вас. Ханацкаго.

190. Объ открытіи въ Одессѣ съ 30 авг. новой еженедѣльной газеты «Школьное обозрѣніе».

191. Къ исторіи «Общества попечительства о женскомъ образованіи въ г. Екатеринославѣ».

192. Школы въ одесскомъ уѣздѣ (статистическій обзоръ).

195. Роль литературы въ политикѣ славянъ (по поводу раздора и полемики галицко-русскихъ партій).

196. О возрожденіи въ южной Россіи чумачества (по поводу статьи «Русск. Курьера»).

— Изъ одесской старины. В. Яковлева.

— Отчетъ о первомъ представленіи драмы Кукольника «Азовское сидѣнье».

198. Къ исторіи «Николаевскаго общества для устройства ночлежныхъ пріютовъ».

199. О десятинщикахъ въ херсонской губерніи.

Одесскій Листокъ 1889 г. №№ 114—136. 114. Перечатано изъ «Новостей» извѣстіе о томъ, что въ екатериносл. губ. у одного изъ землевладѣльцевъ имѣется цѣлая коллекція предметовъ, употреблявшихся запорожскими козаками.

121. Извѣстіе о раскопкѣ г. Эварницкимъ кургана въ д. Богодаръ, александровск. уѣз. екатерин. губ.

131. То же извѣстіе, нѣсколько подробнѣе изложенное.

136. Перепечатано изъ ст. проф. Багалѣя («Кіевская Старина» 1889 г. №№ 5—6) объ основаніи города Одессы.

Елисаветградскій Вѣстникъ 1889 г. №№ 94—180. 94. Кременчугъ и посадъ Крюковъ. Очень коротенькій историческій очеркъ.

Легенда о Петрѣ В. Перепечатка изъ Черниг. Губ. Вѣдомостей.

95. О спектакляхъ товарищества малорусскихъ артистовъ въ Елисаветградѣ. Статья *Подорожняго*.

96. Страничка изъ исторіи театра галицкихъ малороссовъ. Перепечатано изъ «Зари» 1885 г.

101. Кое что изъ сравнительной антропологіи славянъ. Это—продолженіе статьи, напечатанной раньше (послѣдняя стат. см. въ № 59). Продолжается въ №№ 109-мъ, 112-мъ.

103. Крашанки и писанки на Волыни. Стат. *Д. Г—скаго*.

114. По поводу программы, составленной коммиссіей собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ.

117. Перепечатка изъ статьи г. Эварницкаго «Переправа черезъ Днѣпровскіе пороги» (Историч. Вѣстн. 1888 г. № 1), гдѣ разсказывается о гонкѣ плотовъ плотовщиками—бѣлоруссами.

121. Письмо ректора императ. хар. университета съ приглашеніемъ къ пожертвованію на постановку памятника В. Н. Каразину.

123. Древнія типографіи на Волыни. Перепечатка изъ Вол. Губ. Вѣд.

130. Отзывъ о піесѣ г-жи Шабельской «Нидъ Ивана Купала».

131. Кое что къ археологической картѣ херсонской губ. Стат. сельскаго учителя *А. Махно*. Продолжается въ №№ 148-мъ, 162-мъ, 166-мъ.

137. Омелько Каторжный. Разск. *Дм. Марковича*. Это переводъ съ малорусскаго яз.; оригиналъ помѣщенъ въ сборникѣ «Степъ» Спб. 1886 г.

142. Къ вопросу о сооруженіи памятника Каразину. Стат. *Ю. П—аго*.

174. Печать о Малороссіи. Статья, знакомящая съ отзывомъ иностранцевъ о малорусскихъ пѣсняхъ.

175 На Вовчомъ Хуторѣ. Разказъ *Дм. Марковича*. Перепечатано изъ «Кіевск. Стар.» 1889 г. № 8.

179. Старинныя украинскія пѣсни въ болгарскомъ селѣ. Стат. *Нетяги*.

Сборникъ Херсонскаго Земства № 4. 4. Въ отдѣлѣ «Дѣятельность херсонскаго земства» нѣкоторыя свѣдѣнія о хлѣбной торговлѣ и состоянія сельскаго хозяйства въ херсонской губерніи.

4, **5**. Статистика движенія населенія въ херсонской г. въ 1887 г. М. Уварова.

— Объ археологической картѣ херсонской губерніи В. Ястребова.

— Въ Приложеніяхъ: Статистическое описаніе тираспольскаго (отд. III и IV) и ананьевскаго (отд. I.) уѣздовъ.

5. О состояніи народныхъ школъ въ Херсонѣ и на подгородныхъ хуторахъ въ 1888 г.

— Статистич. описаніе херсонскаго и тираспольскаго уѣздовъ.

6. Объ организаціи физико-географическихъ изслѣдованій на юго-западѣ Россіи. А. Клоссовскаго.

— Статистич. описаніе херсонскаго уѣзда.

7. Фенологическія наблюденія, произведенныя на юго-западѣ Россіи въ 1888 г. Проф. А. Клоссовскаго.

— Статистич. описаніе ананьевскаго уѣзда.

Кишиневскія Епарх. Вѣдомости №№ 14—15. 14, 15. Преосв. Варлаамъ, еп. минскій и туровскій.

Крымъ №№ 80—94. 81. Воспоминаніе о полезной дѣятельности въ Новороссійскомъ краѣ князя Потемкина-Таврическаго по поводу предстоящаго столѣтія его кончины (1791 г.) и мнѣніе о необходимости постановки ему памятника въ Симферополѣ.

87. Перепечатка изъ іюл. книжки «Кіев. Старины» воспоминаній г. Дворжицкаго-Богдановича о курскомъ губернаторѣ Денѣ.

92. Замѣтка о проектѣ проф. А. Клоссовскаго относительно организаціи физико-географическихъ изслѣдованій на югѣ Россіи.

— Замѣтка объ археологическихъ раскопкахъ подъ наблюденіемъ П. Варсоблюка въ Херсонесѣ и объ открытыхъ развалинахъ нѣсколькихъ древнихъ храмовъ.

Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости. №№ 14—15. 14. Торжество столѣтія приходскаго храма въ слоб. Прогорѣлой, богучарскаго уѣзда.

— Образцовая школа при воронежской семинаріи.

Донская Рѣчь №№ 84—89. Пропавшіе акты по исторіи Дона. Сизякина.

Кубанскія Областныя Вѣдомости №№ 28—31. 28, 29. Историческіе документы запорожскаго сѣчеваго архива. 1) Указъ Сената отъ 11 іюня 1745 г. кошевому атаману Василію Григорьевичу и всему войску запорожскому о томъ, чтобы запорожцы для рыбныхъ ловель на кубанской сторонѣ моря въ непринадлежащіе Россіи мѣста не въѣзжали и обидъ кубанцамъ не чинили; 2) Инструкція, данная кошевымъ атаманомъ Якимомъ Игнатовичемъ въ 1754 г. войсковому эсаулу, полковнику Петру Кальнишевскому объ «искорененіи недобрыхъ сыновъ, злодѣевъ между войскомъ запорожскимъ»; 3) Указъ отъ 7 іюня 1744 г. кіев. ген.-губернатору Леонтьеву объ отношеніяхъ къ полякамъ въ заднѣпровскихъ поселеніяхъ; 4) Ордеръ гетмана К. Разумовскаго кошевому атаману о мѣрахъ противъ разбойниковъ и о присылкѣ обвиняемыхъ въ разбоѣ въ Глуховъ; 4) «Милостивое слово» имп. Елизаветы гетману Разумовскому отъ 19 сентября 1759 года по поводу жалобъ крымскаго хана на обиды и разбои запорожцевъ.

80. Къ вопросу о рыболовныхъ мѣстахъ, принадлежавшихъ кн. Потемкину-Таврическому въ Черноморіи. П. И. Короленка.

Курскій Листокъ №№ 82—95. 82, 85. Первые шаги курскаго губернскаго земства по народному образованію. Богдановича.

89. Мѣстные и отхожіе промыслы.

90. Участіе земства въ открытіи курскаго реальнаго училища. П. Богдановича.

91. Въ окрестностяхъ Коренной пустыни.

Орловскій Вѣстникъ №№ 87—104. 87. Болховъ. Краткій истор. очеркъ. Прибавленіе къ № 97. Въ отдѣлѣ «Замѣтки» о возрожденіи чумачества на югѣ Россіи.

104. Въ отдѣлѣ «Дневникъ» О переселенческомъ движеніи.

Минскій Листокъ №№ 53—62. № 54.—Замѣтка о предстоящемъ празднованіи въ 1893 году столѣтія присоединенія Подоліи къ Россіи и о предпринимаемомъ по этому поводу изданіи историческихъ матеріаловъ.

Литовскія Епарх. Вѣдомости №№ 27—31, № 27—28.—Телеграммы и адресы по поводу 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

29—30. Рѣчи, сказанныя въ г. Вильнѣ 8 іюня 1889 г. по поводу 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ.

— Церковище Евьевскаго православнаго монастыря во имя Успенія «Святыя Пречистыя». И. С.

Варшавскій Дневникъ №№ 150—178. № 155.—Статья Вэвэса: «Фабричная промышленность царства Польскаго» (окончаніе въ №№ 156 и 160).

157.—Разборъ «Памятной книжки Плоцкой губерніи на 1889-й годъ», съ извлеченіемъ данныхъ о состояніи губерніи.

163.—Замѣтка о древностяхъ Херсонеса и о раскопкахъ.

164. Корреспонденція изъ мѣст. Корца (новоградъ-волынскаго уѣзда), въ которой излагается исторія этого мѣстечка.

172.—Разборъ книги: «Głos z ludu w kwestii polskiey Napisal chłop. Warszawa. 1889», содержащей въ себѣ историко-политическое обозрѣніе Польши съ XVI вѣка (окончаніе въ № 174).

Червоная Русь №№ 143—160. 143. Краткая замѣтка о брошюрѣ Стрѣльбицкаго «50-лѣтіе возсоединенія бѣлорусскихъ уніатовъ».

150. Промышленные школы въ Галичинѣ.

151 Литература и искусство. Краткіе отзывы о № 6 «Науки», № 14 «Новаго Галичанина», № 11—12 «Русской Правды» и о статьѣ К. Э. Францоза въ Neue freie Presse о малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ.

151—154, 157—160. Чужіе стихіи въ Галичинѣ. По поводу книги В. Левицкаго «Nasze, czy obce żywioły».

156. Эмиграція изъ Галичины.

-- Литература и искусство. Краткія замѣтки о № VII—VIII Русской Библіотеки и о Календарѣ Общества Качковскаго.

Зоря № 9, 10. 13 и 14. Черезъ що баба Макрина богомилкою стала.— О. Катренка.

9. Новобранчикъ — поэма Ю. Федьковича.

9—14. Стефанъ Качала—политично суспильна студія — Ом. Калитовскаго.

9—14. Исторія литературы рускои.—Ом. Огоновскаго. Пер. новый. 1. Кирило Тополя, 2. Иванъ Озаркевичъ, 3. Рудольфъ Махъ, 4. Игнатій Якимовичъ. Краткій списокъ писателей, оставившихъ послѣ себя драматическія произведенія, и списокъ нѣкоторыхъ драмъ, написанныхъ на малороссійскомъ языкѣ. Періодъ новый Б. Проза: а) повѣсти 1. Григорій Квѣтка-Основяненко.

9—14. О археольогично-библіографичной выставцѣ Ставропигійскаго института—И. Скобельскаго.

— Ще о товариствѣ им. Шевченка.

9—11. Въ справѣ видносинъ украинцѣвъ до россійской литературы.

— Библіографични звѣстки. O góralach ruskich w Galicyi. Орлеанська дѣва. Кіевская Старина № 2 и 3. 1889, Ognisko, г. № 1. Енько Какъ и откуда добывается шелкъ. Русины въ Revue Britanique. «Кіевская Старина» № 4 1889 г. І. Франко Смерть Каина. Огоновскаго Грамматика руського языка. Селцкаго Жите св. Ивана Золотоустого.

11. Орися. Разск. М. Максименковои.

12. Чубатый. Начеркъ Вячеслава Потапенка.

— Пригородне село. Очеркъ М. Сиромахи.

13—14. Чума. І. Франка.

— Бѣла Панна. Переводъ повѣсти Г. А. Мачтета.

— Записки въ Служебнику, печатанôмъ 1666 року.

— Библіографични звѣстки. 11. Исторія литературы рускои. Написавъ Омелянъ Огоновскій. Ч. II. Галицко-руская библіографія за 1888 г. Составилъ Ив. Ем. Левицкій. 12. Учитель, органъ руского тов. педагогичного, число 1. 13—14. Иванъ Манджура. Степови думы та спивы. Де два цилуються, третій губъ не протягай. Водевиль Г. М. Бораковскаго. Галицко руская библіографія XIX ст. Вып. VIII. Кіевская Старина 5—6.

Gazeta Polska №№ 40—140. 40, 41. Рецензія на книгу: «Историческая замѣтка о 75-лѣтіи витебской гимназіи», составленную учителемъ гимназіи Сапуновымъ.

93 Въ статьѣ «Путешествіе по Жмуди» описываются нѣкоторые тамошніе обряды свадебные и похоронные. За нѣсколько дней до свадьбы товарищи жениха стараются похитить невѣсту, являясь переодѣтыми: то подъ видомъ нищихъ, то подъ видомъ забредшихъ случайно прохожихъ; иногда даже облекаются

въ шкуры животныхъ. При похоронахъ гробъ съ покойникомъ ставятъ на телѣгу и всѣ сопровождающіе размѣщаются на немъ другъ возлѣ друга такъ, что со стороны гробъ не замѣтенъ; затѣмъ съ пѣніемъ похоронныхъ пѣсенъ ѣдутъ на кладбище.

120. Сообщается объ открытіи въ Варшавѣ этнографическаго музея, среди коллекцій котораго видное мѣсто занимаетъ альбомъ подольскихъ и бессарабскихъ типовъ, подаренный музею г. Греймомъ изъ Каменецъ-Подольска.

126. Некрологъ писателя Петра Яксы-Быковскаго.

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи.

Вейнбергъ Л. Б. Распространеніе христіанства на Украйнѣ (Краткій историч. очеркъ, составлен. по неизд. документамъ). Изслѣдованіе. Воронежъ. 1889. 8 д. 80 стр.

Воскресенскій В. Медико-санитарный очеркъ Лукьяновки, предмѣстья г. Кіева. К. 1889. 16 д. 27 стр.

244 засѣданіе Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей 16 мая 1889 г. Од. 8 д. 5 стр.

Житіе и творенія св. Димитрія митрополита ростовскаго. М. 8 д. 127 стр.

Котляревскій И. П. Енеида, перелицеванная на малороссійскій языкъ. (Деш. библ. № 84) Изд. А. Суворина Спб. 12 д. 273.

Лазаревскій Ал. Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря (1682—1775) (Оттискъ изъ «Кіев. Старины») К. 1889. 8 д. 40 стр.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. 8 д. 90+III стр.

Отзывы нѣкоторыхъ газетъ о бывшемъ полтавскомъ губернаторѣ Е. О. Янковскомъ. Полтава. 1889. 8 д. 19 стр.

Отчетъ одесскаго комитета торговли и мануфактуръ за 1888 г. Од. 1889. 8 д. 150+24+14+15 стр.+2 табл.

Отчетъ распорядительнаго комитета одесск. общества для устройства дешевыхъ ночлежныхъ пріютовъ за 1888—89 г. Од. 1889. 8 д. 35 стр.

Сапуновъ А. Историческія судьбы полоцкой епархіи съ древнѣйшихъ временъ до пол. XIX в. 8 д. 170 стр.

Святловскій Е. В. Земская медицина въ черниговской губ. въ 1886 г. Черниговъ. 1889. 8 д. 38 стр. + 1 карта.

Спилка И. На Кубани. Оповидання. Харьковъ 1889. 16 д. 27 стр.

Спилка И. На пивночи. Оповидання. Харьковъ. 1889. 16 д. 30 стр.

Тарасенко И. На Вкраини. Вирши, писни и переспивы. 1889. Кіевъ, 16 д. 79+IV стр.

Цвѣтъ Н. Дачи въ окрестностяхъ Чернигова. Черниговскіе дачники. К. 1889, 16 д. II+5 стр.

Явирченко Д. Екатеринославъ. (Старое и новое). Ред. и изд. А. И. Егорова. Екатеринославъ. 1889. 8 д. 16 стр.

СОДЕРЖАНІЕ.

Сентябрь, 1889 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVI 1889 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

гл. 24, гдѣ говорится: „Двѣма же лѣтома окончавшемася, пріять измѣненіе Филиксъ Поркія Фиста“ (ст. 27). У насъ, напротивъ, тѣ, кто посылается куда либо, еще прежде чѣмъ окажутъ заслуги, получаютъ много денегъ изъ казны, хотя по большей части возвращаются ничего не сдѣлавши, но причинивши значительныя притѣсненія тѣмъ, черезъ владѣнія которыхъ пролегалъ ихъ путь, и разоривши ихъ требованіемъ доставки лошадей; эта повинность у насъ называется *подвода*. Въ Московіи только гонецъ, нуждающійся въ очень спѣшной ѣздѣ по государственнымъ дѣламъ, можетъ такимъ способомъ пользоваться лошадьми. Эти гонцы, благодаря быстрой ѣздѣ и частой перемѣнѣ усталыхъ лошадей (которыя содержатся съ этою цѣлью быстрыя и здоровыя во многихъ мѣстахъ), чрезвычайно скоро сообщаютъ извѣстія. Напротивъ того въ Литвѣ канцелярія вашего величества весьма щедро раздаетъ дипломы на право пользованія такою ѣздою; и нерѣдко подводы расходуются для перевозки частнаго имущества придворныхъ, а потомъ, вслѣдствіи ихъ недостатка, мы безъ оповѣщенія подвергаемся нападенію враговъ, своимъ появленіемъ предупреждающихъ извѣстіе о ихъ появленіи, посланное отъ границы. Не такъ давно еще освобождены были отъ этой повинности лица, издавна получившія помѣстья съ обязательствомъ доставлять подводы на всѣхъ путяхъ отъ границъ московскихъ, татарскихъ и турецкихъ въ нашу столицу Вильно. Эти данныя имъ привилегіи слѣдовало бы уничтожить, какъ вредныя для государственныхъ интересовъ.

У насъ очень много московскихъ перебѣжчиковъ, которые, развѣдавши наши дѣла, средства и финансы и изучивъ наши нравы, потомъ свободно возвращаются въ свою страну, а пока находятся здѣсь, тайно передаютъ своимъ наши планы. У татаръ они отдаются въ рабство, у ливонцевъ продаются смерти, хотя москвитяне и не отторгли у нихъ никакой области и связаны съ ними трактатомъ вѣчнаго мира и сосѣдской дружбы; притомъ совершившій такое убійство кромѣ имущества убитаго получаетъ еще денежную награду отъ правительства, потому что ливонцы повинуются поученію Іисуса сына Сирахова: „Не ими вѣры врагу твоему во вѣки...

не постави его при себѣ, да не когда, изринувъ тя, станетъ на мѣстѣ твоемъ". (Гл. XII, ст. 10—12). Если бы и мы слѣдовали этому правилу, то не утратили бы Сѣверской области и замковъ, вмѣстѣ съ которыми отъ насъ отпали Можайскъ и Вязьма [1]). Города эти были бѣдны, когда поступили къ намъ, а отъ насъ отошли богатые и усиленные цѣлыми областями, которыя были поручены ихъ управленію.

Народъ московскій хитрый и вѣроломный, неискренній и непостоянный; возвратившись въ свое отечество, люди эти становятся вождями и самоувѣренно опустошаютъ наши области. Въ числѣ московскихъ перебѣжчиковъ, которые въ темныя ночи убивали людей въ Вильнѣ и освобождали изъ темницы своихъ плѣнныхъ соотечественниковъ, былъ одинъ священникъ, который, добывая тайно изъ королевской канцеляріи копіи договоровъ, рѣшеній и протоколовъ совѣщаній, посылалъ ихъ своему князю; другой купилъ для употребленія при чародѣйствѣ св. причастіе, сохраненное нѣкоею дѣвицею при исполненіи этого таинства. Когда сгорѣло Вильно въ 1529 году, эти пронырливые и преступные люди тотчасъ донесли о томъ своему князю. Тогда въ соборной церкви св. Станислава, крытой свинцомъ съ позолоченными куполами, украшенной многими золотыми и серебряными сосудами и драгоцѣнными камнями, сгорѣло около 300 старинныхъ знаменъ, добытыхъ во время побѣдъ, одержанныхъ надъ русскими, москвитянами, нѣмцами и другими народами, а также 12 новыхъ знаменъ, повѣшенныхъ тамъ послѣ побѣды, одержанной надъ москвитянами у Орши 8-го сентября въ день рождества Богородицы 1514 года, въ которой было убито и взято въ плѣнъ 80,000 человѣкъ. Хитрый великій князь объявилъ награды тѣмъ перебѣжчикамъ, которые пожелаютъ возвратиться, хотя бы это были люди неважные и безполезные: рабу обѣщалъ свободу, человѣку простаго званія—дворянство, несостоятельному

---

[1]) Въ текстѣ городъ этотъ названъ Ossomacitz; вслѣдствіе сопоставленія историческихъ событій, мы полагаемъ, что подъ этимъ именемъ, видимо искаженнымъ, должно разумѣть Вязьму (въ окрестности которой протекаетъ рѣка Осьма), которою въ 1494 году овладѣлъ воевода Іоанна III, князь Даніилъ Васильевичъ Щеня.

должнику—прощеніе долга, преступнику—избавленіе отъ законной отвѣтственности.

Намъ принадлежитъ знаменитый замокъ и городъ Кіевъ, который, подобно другимъ крѣпостямъ, содержится небрежно, хотя съ кіевскихъ высотъ видны многія области, какъ гласитъ русская поговорка. Онъ занимаетъ первостепенное мѣсто среди другихъ замковъ и областей и расположенъ надъ рѣкою на границѣ степи, и Полѣсья. Почва кіевской области до того плодородна и удобна для обработки, что нива, вспаханная только разъ парою быковъ, даетъ обильнѣйшій урожай; даже невоздѣланныя поля производятъ растенія, питающія людей своими корнями и стволами. Здѣсь растутъ деревья, дающія разнообразные нѣжные плоды, воздѣлывается винная лоза, дающая большія кисти винограда, и мѣстами, на склонахъ, встрѣчается дикій виноградъ. Старые дубы и буки, въ которыхъ отъ ветхости образовались дупла, изобилуютъ роями пчелъ и сотами, отличающимися прекраснымъ цвѣтомъ и вкусомъ.—Дикихъ звѣрей: зубровъ, дикихъ лошадей и оленей такое множество въ лѣсахъ и на поляхъ, что за ними охотятся только ради кожи, а мясо, по причинѣ большаго его изобилія, бросаютъ, за исключеніемъ филейныхъ частей; ланями и дикими кабанами совсѣмъ гнушаются. Дикія козы въ такомъ огромномъ количествѣ перебѣгаютъ зимою изъ степей въ лѣса и лѣтомъ обратно въ степи, что каждый крестьянинъ убиваетъ ихъ до тысячи въ годъ. По берегамъ рѣкъ во множествѣ встрѣчаются поселенія бобровъ. Птицъ такое поразительное множество, что весною мальчики наполняютъ цѣлыя лодки яйцами дикихъ утокъ, гусей, журавлей и лебедей, а потомъ ихъ птенцами наполняютъ птичники. Орлятъ запираютъ въ клѣтки ради ихъ перьевъ, которыя прикрѣпляютъ къ стрѣламъ. Собакъ кормятъ мясомъ дикихъ звѣрей и рыбою, такъ какъ рѣки изобилуютъ невѣроятнымъ количествомъ осетровъ и другихъ большихъ рыбъ, подымающихся изъ моря вверхъ по рѣкамъ въ прѣсную воду. Поэтому многія рѣки называются золотыми, особенно Припять, которая въ одномъ мѣстѣ вблизи

Мозыря, при устьи рѣки Тура [1]), съ накопленіемъ свѣжей воды изъ источниковъ ежегодно, въ началѣ марта, наполняется такимъ множествомъ рыбы, что брошенное въ нее копье ущемляется и стоитъ отвѣсно, словно водруженное въ землю—такъ густо сбивается тамъ рыба. Я бы не повѣрилъ этому, если бы самъ не видалъ зачастую, какъ оттуда безпрерывно черпали рыбу и наполняли ею въ одинъ день до 1000 возовъ, принадлежавшихъ пріѣзжимъ купцамъ, которые ежегодно съѣзжаются къ этому времени.

Борисѳенъ самая большая и обильная рѣка въ этой странѣ, по ней доставляютъ въ Кіевъ безмѣрное количество рыбы и другихъ товаровъ. Съ востока выше Кіева съ нею соединяются: Десна, Сеймъ и другія рѣки, вытекающія изъ Сѣверщины и Московіи. Съ сѣверозапада и юга въ Борисѳенъ впадаютъ: Сожъ, Березина, Припять, Словешня, Ушь, Тетеревъ, Ирпень, воды которыхъ увеличиваются притоками, каковы: Вехра, Проня, Ипуть, Друть, Бобръ, Титва, Птичь, Случь, Оресса, Стырь, Горынь, Пина [2]).—Кромѣ того много другихъ рѣкъ вливается въ Днѣпръ сверху и снизу, вытекая изъ Литвы, Руси, Волыни и Московіи. По всѣмъ этимъ рѣкамъ сплавляютъ въ Кіевъ рыбу, мясо, мѣха, медъ, а также

---

[1]) Очевидно въ текстѣ сдѣлана ошибка или въ опредѣленіи мѣстности, или въ имени рѣки, если подъ именемъ Туръ слѣдуетъ разумѣть притокъ Припяти Турію, то мѣстность указана невѣрно, такъ какъ Турія впадаетъ въ Припять почти у ея верховья—въ ковельскомъ уѣздѣ волынской губ., слѣдовательно очень далеко отъ Мозыря. Если же мѣстность въ текстѣ указана вѣрно, то ошибка произошла въ названіи рѣки; вблизи Мозыря впадаютъ въ Припять три болѣе значительныхъ притока: Словешня, Птичь и Уборть, можетъ быть авторъ имя послѣдней измѣнилъ въ Туръ.

[2]) Имена многихъ рѣкъ значительно измѣнены въ текстѣ, такъ Словешня, Ушь, Ирпень, Проня, Птичь въ латинскомъ текстѣ написаны такъ: Slotz snia, Usa, Krpiew, Propascz, Pczit. Что такое Титва, мы не могли догадаться; судя по мѣсту, какое занимаетъ въ перечнѣ эта рѣка, можно предположить, что это притокъ Припяти—Ипа.—Сверхъ того въ перечень вкрались географическія ошибки; Сеймъ Словешня и Ушь названы въ числѣ притоковъ Днѣпра, между тѣмъ какъ первый впадаетъ въ Десну, а двѣ другія въ Припять; за то р. Друть, притокъ Днѣпра, помѣщена въ числѣ притоковъ Сожи и Березины. Изъ числа перечисленныхъ второстепенныхъ притоковъ впадаютъ въ Сожъ: Вехра, Проня и Ипуть; въ Березину—Бобръ; въ Припять—Ипа (?) Птичь (съ притокомъ Орессою), Случь (сѣверная), Пина (при посредствѣ Ясельды), Стырь, Горынь, Словешня и Ушь.

соль изъ таврическихъ лимановъ, называемыхъ Качибеевыми [1]), гдѣ нагрузка солью цѣлаго корабля стоитъ 10 стрѣлъ.

Борисөенъ представляетъ удобство для защиты всѣхъ областей вашего величества отъ набѣговъ татаръ, потому что плаваніе по немъ ниже Черкасъ затрудняется одиннадцатью порогами, имѣющими особыя имена и залегающими поперегъ рѣки въ видѣ острыхъ и неровныхъ утесовъ, такъ что переправа черезъ нихъ возможна только на судахъ разгруженныхъ; сверхъ того, вслѣдствіи характера береговъ, покрытыхъ высокими, отвѣсными скалами, затрудненъ самый доступъ къ рѣкѣ и переправа черезъ нее возможна ниже Черкасъ только въ немногихъ мѣстахъ, называемыхъ: Кременчугъ, Упскъ, Гербедеевъ Рогъ, Мишуринъ, Кичкасъ, Таванъ, Бургунъ, Тягиня и Очаковъ. Если бы въ этихъ мѣстахъ расположить хотя небольшія флотиліи, то онѣ могли бы преградить переправу самымъ численнымъ татарскимъ войскамъ, потому что татары обыкновенно переправляются безъ лодокъ, держась за лошадей, безъ оружія и нагіе, ихъ легко могли бы прогнать вооруженные люди, выѣхавши на встрѣчу въ лодкахъ изъ за островковъ, камышей и кустовъ лозы.

Насколько нашъ Борисөенъ неудобенъ для перекопцевъ лѣтомъ, настолько онъ выгоденъ для нихъ зимою, потому что тогда, съ прекращеніемъ судоходства, они съ полною безопасностью пасутъ свои стада за рвомъ на островахъ и среди лозовыхъ зарослей на этой рѣкѣ; они называютъ ее текущею медомъ и молокомъ, потому что рѣка эта въ верхнемъ своемъ теченіи пролегаетъ по странамъ лѣснымъ, богатымъ пчелами, а въ нижнемъ по степямъ, обильнымъ пастбищами, и потому доставляетъ въ изобиліи медъ и молоко жителямъ своего побережья; эти соображенія побуждаютъ татаръ заботиться о сохраненіи мира и союза съ владѣльцемъ Борисөена, великимъ княземъ литовскимъ. Рѣка эта отъ верховья своего до устья протекаетъ по старымъ литовскимъ владѣніямъ у городовъ, которые я осматривалъ: Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска, Дубровна,

[1]) Вѣроятно, авторъ имѣлъ въ виду Хаджибейскій лиманъ, лежащій вблизи нынѣшней Одессы.

Орши, Могилева, Рогачова, Быхова, Рѣчицы, Любеча, Чернобыля, Кіева, Канева, Черкасъ и Дашева или Очакова, у котораго Днѣпръ впадаетъ въ море, раздѣлившись на 12 гирлъ, сливающихся дальше въ одинъ лиманъ. Невдалекѣ оттуда находится устье Днѣстра, называемое Видовымъ (озеромъ) по имени поэта Овидія, который былъ сосланъ, какъ полагаютъ, на этотъ берегъ Понта. Нѣкоторые полагаютъ также, что Иліонъ или Троя находилась на кіевской землѣ, среди ея плодородныхъ полей и пріятныхъ рощъ. Тамъ видны ея слѣды въ существующихъ понынѣ развалинахъ,—сводахъ, подземельяхъ, выстланныхъ мраморомъ, полахъ и остаткахъ большихъ стѣнъ. Мѣсто это, еще недавно пустынное, но весьма удобное для поселенія, называется Торговица [1]),

Кіевъ изобилуетъ иностранными товарами, ибо нѣтъ пути болѣе обычнаго, какъ древняя, давно проложенная и хорошо извѣстная дорога, ведущая изъ черноморскаго порта, города Кафы, черезъ ворота Таврики, на таванскій перевозъ на Днѣпрѣ, а оттуда степью въ Кіевъ; по этой дорогѣ отправляютъ изъ Азіи, Персіи, Индіи, Аравіи и Сиріи на сѣверъ въ Московію, Псковъ, Новгородъ, Швецію и Данію всѣ восточные товары, какъ то: дорогіе каменья, шелкъ и шелковыя ткани, ладанъ, благовонія, шафранъ, перецъ и другія пряности. По этому пути часто отправляются иноземные купцы; они составляютъ отряды, иногда въ тысячу человѣкъ, называемые *караванами*, и сопровождаютъ обозы, состоящіе изъ многочисленныхъ нагруженныхъ возовъ и навьюченныхъ верблюдовъ. Прежде эти караваны платили значительную пошлину предкамъ вашего величества при переправѣ черезъ Борисоенъ у Тавани; тамъ и понынѣ сохранилось въ цѣлости каменное зданіе со сводами, которое и наши, и татары, и греки называютъ Витовтовою банею [2]), и разсказываютъ, что въ немъ жилъ нѣкогда мытникъ великаго

---

[1]) Торговица—мѣстечко кіевской губерніи, уманскаго уѣзда, на р. Синюхѣ, на границѣ херсонской губерніи и уѣзда.

[2]) Въ текстѣ Vitordinum (sic) balneum.—Таванью называется одинъ изъ днѣпровскихъ острововъ, лежащій противъ мѣстечка Тягинки (херсонской губерніи и уѣзда).

княжества литовскаго, собиравшій пошлину; если же кто не уплачивалъ пошлины, или захваченъ былъ въ прелюбодѣяніи, того наказывали въ Кіевѣ конфискаціею всего имущества; законъ этотъ, называемый *осьмичествомъ* [1]), былъ постановленъ въ видахъ обузданія сарацинской похотливости и соблюдался въ теченіи многихъ столѣтій, но въ послѣднее время началъ приходить въ забвеніе.

Если же купцы, избѣгая двухъ переправъ черезъ Борисѳенъ и не желая платить пошлины вашему величеству, оставляютъ старую дорогу, пролегающую черезъ владѣнія вашего величества и отъ таврическихъ воротъ сворачиваютъ внизъ, а затѣмъ направляются по непроходимымъ степямъ въ Московію черезъ Путивль, или возвращаются этимъ путемъ, то часто случается, что ихъ грабятъ разбойники, скитающіеся въ тѣхъ мѣстахъ.

При проходѣ каравана значительные доходы извлекаютъ кіевскіе жители: воеводы, мытники, купцы, мѣнялы, лодочники, извощики, трактирщики и шинкари, и обстоятельство это не вызывало понынѣ ничьихъ жалобъ, ни со стороны москвичей, ни турокъ, ни татаръ. Кіевляне пользуются выгодами отъ каравановъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣдніе, проходя зимою черезъ степи, сбиваются съ пути и гибнутъ подъ снѣжными заносами.

Въ невзрачныхъ кіевскихъ хатахъ встрѣчается не только достатокъ, но даже изобиліе плодовъ, овощей, меду, мяса и рыбы; сверхъ того, вслѣдствіи вышеуказанныхъ причинъ, онѣ до такой степени переполнены дорогими шелковыми одеждами, драгоцѣнными

---

[1]) Осмѣникъ былъ чиновникъ, назначавшійся кіевскимъ воеводою для сбора пошлины съ товаровъ, привозимыхъ въ Кіевъ; сверхъ того на его обязанности лежало наблюденіе за общественнымъ благочиніемъ. Въ уставной грамотѣ, выданной городу Кіеву в. к. Александромъ Казимировичемъ отъ 14 мая 1499 г., точно опредѣлены обязанности осмѣниковъ и размѣры взимаемыхъ ими пошлинъ; здѣсь мы встрѣчаемъ постановленіе, вполнѣ подтверждающее извѣстіе Михайла Литвина: „Коли осмъникъ воеводинъ застанетъ котораго мѣщанина, або купца, а любо козака христіанина зъ бѣлыми головами непочестлыи рѣчи дѣлаючи, вно намѣстнику митрополичому съ того врочная вина, а воеводѣ съ того вины копа грошей; а коли застанетъ осмъникъ въ таковыхъ рѣчахъ гостя: турчина, або татарина, а любо арминина, тогда воеводѣ съ такого вины дванадцать копъ грошей". — (Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи т. I, стр. 194).

камнями, собольими и другими мѣхами и пряностями, что мнѣ самому случалось видѣть шелкъ, обходившійся дешевле, нежели въ Вильнѣ ленъ, и перецъ дешевле соли.

Кіевъ славится стеченіемъ народонаселенія на его землѣ; на Борисеенѣ и его притокахъ расположены многолюдные города и села, жители которыхъ съ дѣтства привычны къ плаванію, судоходству, рыбной ловлѣ и охотѣ; многіе изъ нихъ, убѣгая отъ родительской власти, труда, рабства, наказаній, долговъ и другихъ непріятностей, или же просто отыскивая болѣе выгодный заработокъ и лучшую мѣстность, собираются въ Кіевщину особенно весною. Познакомившись съ удобствами жизни въ низовыхъ городахъ, они никогда уже не возвращаются къ своимъ, вскорѣ пріобрѣтаютъ опытность и храбрость и знакомятся съ опасностями, охотясь на медвѣдей и зубровъ. Потому въ этой странѣ весьма легко набрать хорошихъ воиновъ.

Кіевъ былъ нѣкогда столицею русскихъ и московскихъ князей; здѣсь они приняли христіанство и теперь еще въ Кіевѣ сохранились древнія церкви, великолѣпно выстроенныя изъ полированнаго мрамора и другихъ иноземныхъ матеріаловъ и крытыя свинцомъ и мѣдью, иныя съ позолоченными куполами; есть также богатѣйшіе монастыри. Особенно славится монастырь, посвященный пресвятой Дѣвѣ Маріи; въ его подземныхъ галлереяхъ и пещерахъ находятся многочисленныя гробницы, въ которыхъ сохраняются мощи сухія и нетлѣнныя; онѣ пользуются большимъ уваженіемъ у русскаго народа, который признаетъ ихъ святыми.—Такъ какъ установилось мнѣніе, что души погребенныхъ здѣсь лицъ удостоиваются спасенія, то всѣ болѣе значительные дворяне, даже изъ отдаленныхъ мѣстностей, хлопочутъ о томъ, чтобы быть здѣсь похороненными, расточая съ этою цѣлью большія средства на пожертвованія и вклады. Московскій князь собираетъ ежегодно значительные доходы съ тѣхъ имѣній этого монастыря, которыя отошли въ его владѣнія; но онъ медлитъ возвратить ихъ монастырю, потому что самъ страстно желаетъ овладѣть этимъ городомъ, утверждая, что онъ потомокъ наслѣдственнаго кіевскаго князя Владиміра; не менѣе скорбятъ и

его подданные о томъ, что не владѣютъ этою древнею столицею своихъ вѣнценосцевъ и средоточіемъ своей святыни.

При всѣхъ указанныхъ выгодахъ этого города есть и нѣкоторыя неудобства; жители не безопасны отъ татаръ, которые производятъ набѣги на границы, хотя и не пытаются завоевать города. Пріѣзжіе подвергаются опаснымъ лихорадкамъ, происходящимъ отъ дневнаго сна и отъ излишняго употребленія рыбы и плодовъ, а лошади болѣютъ отъ травы, зараженной разливами рыбообильнаго Борисѳена. Посѣвы часто истребляются саранчею, прилетающею изъ приморскихъ странъ. Въ лѣсахъ и по берегамъ водъ зарождаются, преимущественно въ началѣ іюня, подобные пчелинымъ рои различныхъ насѣкомыхъ, питающихся кровью: оводовъ, комаровъ и мухъ.

Сокращеніе десятаго отрывка.

Татары, турки и другіе сарацины имѣютъ общую религію или законъ, напоминающій іудейство и несторіанскую ересь: они исповѣдываютъ единаго Бога, Христа признаютъ лишь святымъ пророкомъ и верховнымъ судьею міра, рожденнымъ отъ пречистой Дѣвы, но не вѣрятъ въ Христовы страсти. Они соблюдаютъ обрѣзаніе, но производятъ его въ зрѣломъ возрастѣ, въ которомъ былъ обрѣзанъ ихъ патріархъ Измаилъ. Утверждаютъ, что это ученіе возникло въ арабскомъ городѣ Меккѣ, около 600 года христіанской эры, по почину евреевъ, переселившихся туда послѣ разрушенія Іерусалима, и вслѣдствіи казней нѣкоего негоднаго монаха и отступника Сергія, дѣйствовавшаго во вредъ христіанству. Распространителемъ ученія былъ нѣкій безумецъ арабъ, человѣкъ весьма хитрый, сдѣлавшійся изъ возницы мужемъ и господиномъ богатой жены; онъ стремился къ верховной власти надъ единоземцами, но, не достигнувъ этой цѣли, провозгласилъ себя вѣстникомъ и пророкомъ Господнимъ, въ чемъ и убѣдилъ арабовъ язычниковъ. Законъ этотъ, который они считаютъ своимъ долгомъ распространять оружіемъ, до того нелѣпъ, что полагаетъ высшее благо и наслажденіе въ удовольствіяхъ, которыми будто бы будутъ пользоваться блаженные въ будущей жизни

посредствомъ вкуса, осязанія и другихъ внѣшнихъ чувствъ. Коснѣя въ столь скотскомъ заблужденіи, эти варвары кичатся однако, будто они превосходятъ насъ любовью къ Богу и ближнему и дѣлами, угодными величію Божію, утверждаютъ, что за это Господь милостивъ къ нимъ и, по человѣческому легкомыслію, надѣются, что Онъ будетъ все больше и больше увеличивать ихъ благосостояніе. Насъ же, христіанъ, вслѣдствіи крайняго нашего нерадѣнія о дѣлахъ божественныхъ, а также обидъ и несправедливостей, которыя мы причиняемъ другъ другу, они порицаютъ, осмѣиваютъ, называютъ беззаконными варварами, носящими только имя Христово, но не исполняющими его закона, предвѣщаютъ намъ гибель и считаютъ недостойными своего общества.

Они свято соблюдаютъ правосудіе, неусыпно стараются о распространеніи своего вѣроученія, день начинаютъ и оканчиваютъ молитвою; молятся ежедневно утромъ, вечеромъ и по полудни, отъ исполненія этой обязанности не позволяютъ отвлекать себя по какому бы то ни было дѣлу и не возлагаютъ молитвы на однихъ священниковъ. Послѣдніе хотя и существуютъ у нихъ для совершенія богослуженія и толкованія закона, но какъ духовныя, такъ и міряне, каждый за себя наединѣ и сообща въ публичныхъ собраніяхъ исповѣдуютъ Бога. Всегда трезвые, обмывъ члены очистительною водою, они, согласно священному писанію, почитаютъ святою ту землю, на которой бесѣдуютъ съ Богомъ, и простираются на ней, не употребляя въ храмахъ никакихъ сѣдалищъ. Во время молитвы прибѣгаютъ къ извѣстнымъ, предписаннымъ закономъ знакамъ и тѣлодвиженіямъ: простираютъ руки къ небу, преклоняютъ колѣна, сгибаясь до земли, припадаютъ къ ней лицемъ, всѣмъ сердцемъ и и всѣми членами творятъ молитву, въ которой повторяютъ немногія слова, преимущественно слѣдующія: „Единому безсмертному Богу, Создателю неба и земли, кромѣ котораго нѣтъ иного Бога, честь и слава во вѣки вѣковъ“.

Съ молитвою они соединяютъ постъ и смиряютъ себя по цѣлымъ днямъ не только голодомъ и жаждою, но и воздержаніемъ отъ всякой непристойной работы и слова; они до глубокой ночи

хлопочутъ только о дѣлахъ богоугодныхъ. потомъ вкушаютъ пищу не въ излишествѣ, но только для возстановленія силъ. Они смѣются надъ нашими постами, не сопряженными ни съ голодомъ, ни съ жаждою, ни съ пепломъ, ни съ размышленіемъ о божественныхъ предметахъ, ни съ бдѣніемъ, ни съ молитвою.

Они щедры въ раздачѣ милостыни, не допускаютъ никого изъ своихъ нищенствовать или погибать отъ голода и холода. Оказывая благодѣянія, они поступаютъ разсудительно: не подаютъ тѣмъ, которые употребили бы ихъ милостыню для удовлетворенія обжорства или роскоши, но помогаютъ бѣднымъ, больнымъ, странникамъ, ученикамъ, изучающимъ науки и ихъ религіозные обряды.

Изслѣдованіе божественныхъ тайнъ они считаютъ беззаконіемъ и кощунствомъ. Они гнушаются нашею дерзостью и называютъ дѣломъ аспидскимъ то, что нѣкоторые изъ насъ разсуждаютъ на пирахъ о судахъ и тайнахъ божественныхъ, всуе употребляя имя Божье. Татары смѣются надъ нашими духовными и пророками, осуждаютъ храмы за ихъ утварь, сѣдалища, алтари и иконы, за изображеніе Бога въ возрастѣ близкомъ къ старости и изображенія красивыхъ женщинъ, возбуждающихъ страсти; смѣются надъ тѣмъ, что мы во время богослуженія услаждаемъ свой слухъ трубами, органами, гармоніями, заглушающими слова молитвы, между тѣмъ какъ естественные наши органы молчатъ.

Ихъ духовныя лица не грѣшатъ ни скупостью, ни честолюбіемъ, они не предаются удовольствіямъ, не заботятся о пріобрѣтеніи помѣстій и совсѣмъ не вмѣшиваются въ мірскія дѣла; они умѣренны, кротки, скромны, ревностны въ исполненіи своихъ обязанностей и заняты исключительно дѣлами вѣры и толкованіемъ закона.

Нашихъ священниковъ порицаютъ не только язычники, но и сосѣди наши русскіе за то, что они пьютъ вино, составляющее предметъ роскоши, ѣдятъ мясо и не женятся, хотя чувствуютъ желаніе производить себѣ подобныхъ; но никто не можетъ быть воздержнымъ безъ особой въ этомъ отношеніи милости Божьей; такъ отъ женитьбы воздерживаются греческіе монахи, живущіе въ безбрачіи, что же касается священниковъ, то они въ древности

имѣли женъ, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ священнаго писанія: Левитъ глава 21, ст. 3, Эздры гл. 9, Даніила гл. 14, Іезекіиля гл. 44, Баруха гл. 6, евангеліе отъ Луки гл. 1, ст. 10, 18, посланіе къ Титу I.

Если бы и наши теперь поступали также, воздерживаясь три дня передъ совершеніемъ евхаристіи, то жили бы благочестивѣе, чѣмъ въ этомъ мнимомъ безбрачіи; они изнѣжены пиршествами, постоянно сгораютъ страстью и держатъ наложницъ, т. е. по словамъ Софоніи „скверятъ святая". Однако мы возлагаемъ на этихъ наемниковъ обязанность хвалить Господа, которую находимъ обременительною для себя, а они между тѣмъ скорѣе раздражаютъ Бога своими развратными нравами, чѣмъ умилостивляютъ его; эту обязанность, возложенную на нихъ мірянами, они въ свою очередь слагаютъ на небрежныхъ викаріевъ, а сами предаются праздности и роскоши и, поѣдая трудъ народа, подобно тому какъ трутни поѣдаютъ медъ пчелъ, они пируютъ, роскошно одѣваются, легкомысленно добиваются духовныхъ должностей, нѣсколькихъ совмѣстно, не достигнувъ еще совершеннаго возраста и не испытавши своихъ способностей, и потомъ погружаются въ мірскія, непристойныя для нихъ дѣла.

Нѣкогда священникамъ не дозволено было владѣть частью земли вмѣстѣ съ народомъ Божіимъ и они пользовались только десятинами; но наши не довольствуются десятинами, подаяніями за отпущеніе грѣховъ и разными другими доходами, которые взимаютъ съ богатымъ и бѣдныхъ, съ новорожденныхъ, заключающихъ браки, больныхъ, умирающихъ и мертвыхъ; владѣя богатыми помѣстьями, они стремятся завѣдывать управленіемъ нѣсколькихъ церквей совмѣстно, во вредъ обществу и противно праву и здравому смыслу, такъ какъ они въ большинствѣ случаевъ не живутъ при тѣхъ церквяхъ, въ которыя вошли непризванные, по словамъ Господа нашего, не въ дверь, но какъ тати и разбойники. Самыя церкви они отдаютъ на откупъ мірянамъ, торговцамъ, развратникамъ, такъ что многіе изъ нихъ никогда и не видали своихъ приходскихъ монастырей.—Если бы кто отъ границъ Польши по всей Литвѣ, Жмуди и Руси осмотрѣлъ всѣ церкви, изъ которыхъ каждая могла

бы своими доходами прокормить нѣсколькихъ священниковъ, онъ не нашелъ бы ни одной такой, при которой пастырь живетъ постоянно, или по крайной мѣрѣ часто посѣщаетъ ее; потому и колеблется вѣра пасомыхъ, охладѣваетъ любовь къ Богу и останавливается прославленіе его имени.

Но я не хочу навлекать на себя вражды священниковъ, которымъ мы должны повиноваться; и безъ того я задѣлъ слишкомъ много общественныхъ группъ. Довольно того, что я указалъ условія, исправивши которыя мы будемъ жить счастливѣе на славу вашего королевскаго величества, особенно же во славу Божію.

КОНЕЦЪ.

Извлеченіе изъ записокъ Блеза де Виженеръ.

(1573).

На избирательномъ сеймѣ, состоявшемся въ Варшавѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1573 года, въ короли польскіе избранъ былъ Генрихъ Валуа герцогъ Анжу, братъ французскаго короля Карла IX, (впослѣдствіи Генрихъ III). Для ознакомленія новаго короля съ государствомъ, въ управленіе которымъ онъ долженъ былъ вступить немедленно, необходимо было составить по мѣрѣ возможности обстоятельную записку. Составленіе ея было поручено Блезу де Виженеръ, который весьма быстро исполнилъ возложенное на него порученіе. Уже въ іюлѣ 1573 года обширная записка, составленная Виженеромъ, поступила въ печать, какъ это видно изъ королевской привилегіи, данной его издателю Жану Ришеру, владѣльцу университетской типографіи въ Парижѣ.—Сочиненіе это, изданное in 4-to, носитъ слѣдующее заглавіе: „La description dy Royaume de Pologne et pays adjacens, avec les statuts, constitutions, moeurs, et façons de faire d'iceux. Par Blaise de Vigénère, secretaire de feu Monseigneur le Duc de Nivernois. A Paris, cher Jean Richr libraire, rue saint Jean de Latran, à l'enseigne de l'arbre Verdoyant. 1573. Avec privilège du roi".

Книга состоитъ, кромѣ выходнаго листа, на которомъ напечатана королевская привилегія, изъ 94 печатныхъ листковъ (188 страницъ) текста. Въ началѣ помѣщено, въ видѣ предисловія, общее описаніе польскаго государства, въ которомъ авторъ опредѣляетъ его границы: „отъ Одера на рубежѣ Бранденбургіи до славной

рѣки Борисѳена и отъ береговъ Понта Евксинскаго, до котораго простираются крайнія части Подолія,—до Сѣвернаго океана у береговъ Помераніи, Пруссіи, Жмуди и Ливоніи". Затѣмъ авторъ говоритъ о численности населенія, о значительныхъ военныхъ силахъ, доставляемыхъ дворянскимъ ополченіемъ, старается опредѣлить главныя черты народнаго характера жителей, отмѣчаетъ плодородіе почвы, важнѣйшія ея произведенія и важнѣйшія статьи внѣшней торговли; при изобиліи продуктовъ, доставляемыхъ почвою, онъ указываетъ только на недостатокъ вина, которое не производится въ Польшѣ „за исключеніемъ только Руси и Подолія". Глава эта заканчивается обширною похвалою заслугамъ, краснорѣчію и дипломатическому такту Іоанна Монтелюка, епископа виленскаго, который, въ качествѣ французскаго посланника на избирательномъ сеймѣ, успѣлъ склонить польскихъ дворянъ къ выбору въ короли Генриха Валуа. Затѣмъ сочиненіе раздѣлено на отдѣльныя главы, изъ которыхъ двѣнадцать посвящены болѣе подробному описанію отдѣльныхъ областей польскаго государства; главы эти слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: великая и малая Польша, Русь (Червоная), Волынь, Подолie, Мазовія, Куявія, Литва, (въ приложеніи къ описанію этой области мы находимъ подробное описаніе зубра, тура и лося), Жмудь, Ливонія, Пруссія и Померанія, Силезія, Валахія.

Далѣе слѣдуютъ четырнадцать главъ, посвященныхъ описанію государственнаго устройства Польши; эти главы носятъ слѣдующія заглавія: о штатахъ королевства, о епископахъ, о воеводахъ, о кастелянахъ, о старостахъ, о судьяхъ, о канцлерѣ и подканцлерѣ, о подкоморіяхъ, о маршалахъ, о сеймахъ, о порядкѣ избранія королей, о военномъ дѣлѣ, о финансахъ, о монетѣ.—Затѣмъ идутъ двѣ обширныя главы: о татарахъ и московскомъ государствѣ и наконецъ сочиненіе заканчивается перечисленіемъ маршрутовъ и путей, ведущихъ изъ Парижа въ Польшу, а также соединяющихъ между собою важнѣйшіе города польскаго государства.

Къ тексту сочиненія приложены: карта польскаго государства, генеалогическая таблица рода Гедымина, и рисунки, изображающіе тура, лося и охоту на зубра.

Сочиненіе Виженера даетъ понятіе о той суммѣ свѣдѣній, относящихся къ восточной половинѣ Европы, какою обладали на западѣ лица, спеціально занимавшіеся изученіемъ восточно-европейскихъ отношеній. При составленіи даннаго сочиненія авторъ имѣлъ довольно основательныя свѣдѣнія о государственномъ устройствѣ Польши и нѣсколько болѣе общія, но довольно вѣрныя свѣдѣнія о географіи, этнографіи и производительности страны; за то его историческія данныя въ большинствѣ случаевъ являются или совершенно ошибочными или сбивчивыми.

Изъ записокъ Виженера мы представляемъ въ переводѣ только тѣ немногія главы, которыя относятся къ описанію южной Руси.

К. М.

Русь (Червоная).

Южная Русь, составляющая часть всей Руси, о которой будетъ сказано подробнѣе въ отдѣльной главѣ, простирается вдоль Сарматскихъ горъ, которыя мѣстные жители называютъ Татрами и которыя защищаютъ ее съ юга до самой рѣки Днѣстра у предѣловъ Валахіи. Граница эта представляетъ наибольшую ширину этой области, ибо спускаясь по направленію къ Малой Польшѣ и слѣдуя по теченію рѣки Буга, отдѣляющаго Русь съ востока отъ Волыни, территорія ея постепенно съуживается на подобіе щита, вершина котораго оканчивается ниже Люблина и люблинской земли, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходятся предѣлы Литвы, Мазовіи и Волыни. Въ этой провинціи много прекрасныхъ городовъ, изъ нихъ главный Львовъ, гдѣ находится и каѳедра архіепископа. Край этотъ весьма хорошъ, очень плодородевъ, хорошо населенъ и былъ бы еще многолюднѣе, если бы не набѣги и вторженія татаръ, которые по большей части и не выходятъ отсюда. Впрочемъ на границахъ Подоліи и Волыни, въ направленіи Каменца, Дунаевецъ и Вишневца содержатся обыкновенно хорошіе и крѣпкіе гарнизоны съ цѣлью задерживать ихъ. Въ содержаніи этихъ гарнизоновъ участвуютъ въ извѣстной мѣрѣ всѣ сословія государства безъ всякаго исключенія, даже придворные

чины великаго князя, соотвѣтственно такое, установленной съ этою цѣлью королемъ Сигизмудомъ I, въ Быдгощи въ 1520 году [1]).

Первый изъ князей польскихъ, нападавшихъ на Русь, о которомъ можно говорить съ достовѣрностью и съ точнымъ обозначеніемъ времени, былъ Болеславъ I, христіанскій король; въ 1008 году онъ выигралъ два большія сраженія противъ Ярослава, взялъ городъ Кіевъ, столицу всѣхъ провинцій, носившихъ въ то время имя Руси и подчинявшихся ея господству, и поручилъ его охрану Святополку, брату Ярослава. Десять лѣтъ спустя онъ одержалъ еще одну крупную побѣду надъ Ярославомъ. Затѣмъ его сынъ и наслѣдникъ Мечиславъ окончательно смирилъ послѣдняго. Но во время междуцарствія въ малолѣтство Казиміра I русскіе имѣли возможность освободиться отъ ига и подчиненія полякамъ и причинить имъ много бѣдствій и урона въ ихъ собственной землѣ. Тѣмъ не менѣе все это было улажено посредствомъ женитьбы Казиміра на сестрѣ вышеупомянутаго Ярослава въ 1042 года [2]). Такимъ образомъ все пребывало въ покоѣ до времени его сына, Болеслава II, который былъ самымъ предпріимчивымъ изъ польскихъ королей по отношенію къ Руси; ибо въ 1074 году онъ силою захватилъ Кіевъ, Перемышль и Луцкъ и вообще всю страну, которую обложилъ большими данями и налогами. Здѣсь онъ провелъ большую часть своего царствованія, благодаря удовольствіямъ и наслажденіямъ, какія находилъ здѣсь.

Но та Русь, о которой мы намѣрены говорить, не простирается такъ далеко, такъ какъ Волынская земля, окаймленная по ту сторону рѣкою Случью, отдѣляетъ ее отъ Кіевской земли, которая простирается до рѣки Борисѳена на востокъ и которою впослѣдствіи овладѣли москвитяне вмѣстѣ съ провинціею Сѣверскою,

---

[1]) Свѣдѣніе это не точно. Въ быдгощской конституціи 1520 года мы встрѣчаемъ лишь общія постановленія относительно порядка мобилизаціи дворянскаго ополченія въ Польшѣ, но въ ней нѣтъ спеціальныхъ мѣръ относительно защиты границъ Руси отъ татаръ (Volumina legum т. I, стр. 177, fol. 392—393).

[2]) Марія-Доброгнѣва, дочь Владиміра св. отдана Ярославомъ въ замужество за Казиміра. (Карамзинъ II, 33; Погодинъ — Изслѣдованія, замѣч. и лекціи V т., 212 стр.).

Смоленскомъ и другими, входившими въ составъ великаго княжества литовскаго. Оправившись за смертью Болеслава русскіе князья причинили Польшѣ много непріятностей и тревогъ, а тѣмъ самымъ навлекли много зла и разоренія и на собственную страну, такъ какъ Болеславъ Кривоустый, раздраженный дерзостью Ярополка и другихъ русскихъ князей, разгромилъ край изъ конца въ конецъ около 1135 года. А въ 1205 году Лешко Бѣлый одержалъ большую побѣду при Завихостѣ надъ галицкимъ княземъ Романомъ, который самъ погибъ въ битвѣ и все его войско разсѣяно.

Впослѣдствіи [1]) здѣсь начали появляться татары и отсюда проникли въ Польшу, Силезію и Венгрію, гдѣ совершали жестокости, которыя можно видѣть въ жизнеописанія Болеслава Стыдливаго, въ царствованіе котораго въ 1241 году, они подчинили себѣ большую половину Руси. Такъ что въ 1258 году князья Левъ и Романъ сопровождали ихъ во время набѣга, который они совершили на Польшу. Отецъ ихъ Даніилъ Романовичъ [2]), устранивши всѣхъ прочихъ соперниковъ, сдѣлался какъ бы монархомъ и единственнымъ властелиномъ этой южной Руси, а въ 1262 году получилъ королевскій титулъ отъ папскаго легата. Но непосредственно вслѣдъ за этимъ онъ, вопреки своимъ обѣщаніямъ, принялся вмѣстѣ съ другими русскими производить многія опустошенія и разоренія въ польскихъ провинціяхъ. Раздраженный этимъ Болеславъ три или четыре года спустя одержалъ надъ ними большую побѣду [3]), такъ что они съ тѣхъ поръ не смѣли пошевельнуться, ни пикнуть слова до 1277 года, когда Левъ, основатель (какъ говорятъ) города Львова, вступилъ съ большимъ войскомъ въ люблинскую землю и прошелъ дальше въ Сендомирію, гдѣ былъ разбитъ и 8,000 изъ его людей остались на мѣстѣ.

---

[1]) Въ текстѣ приведена совершенно ошибочная дата перваго появленія татаръ на Руси—1211 годъ.

[2]) Авторъ смѣшиваетъ Романа Даниловича съ Романомъ Мстиславичемъ и въ силу того Даніила считаетъ сыномъ перваго изъ нихъ; эта генеалогическая путаница исправлена въ переводѣ.

[3]) Коронація Даніила папскимъ легатомъ происходила въ Дрогичинѣ не въ 1262, а въ 1255 году. Неудачный походъ на Польшу былъ предпринятъ не Даніиломъ, а сыномъ его Шварномъ черезъ два года послѣ смерти отца въ 1266 году.

Впрочемъ, уже въ 1285 году они снова возвратились вмѣстѣ съ татарами, которые захватили въ плѣнъ безчисленное множество народа и предали ихъ смерти на русской границѣ, за исключеніемъ 20,000 дѣвицъ, которыхъ увели съ собою; въ награду своимъ союзникамъ татары отравили всѣ ихъ рѣки у источниковъ, отчего большинство русскихъ погибло. Въ 1302 году они опять появились въ Сендомиріи и захватили тамъ богатую добычу, но на обратномъ пути поляки разбили ихъ близь Люблина и возвратили подъ свою власть эту крѣпость 57 лѣтъ спустя послѣ того, какъ русскіе заняли ее. Наконецъ въ 1342 году Казиміръ Великій взялъ Львовъ и непосредственно вслѣдъ за тѣмъ Перемышль, Санокъ, Галичъ. Теребовлю, Любачевъ и весь остальной край до самаго Каменца, находящагося на окраинахъ Подолія; съ тѣхъ поръ онъ низвелъ Русь, о которой здѣсь говорится, на степень провинціи, подчиненной польскому королевству, какою она остается и въ настоящее время. Затѣмъ Владиславъ сынъ Ягайла въ 1435 году [1]), при самомъ началѣ своего царствованія, уравнялъ дворянство Руси и Подолія съ польскимъ для того, чтобы отнынѣ оно пользовалось тѣми же правами и привилегіями и составляло одинъ народъ.

Что касается ихъ вѣроисповѣданія, то съ 980 года всѣ русскіе приняли христіанство, хотя и по греческому обряду, которое большинство изъ нихъ исповѣдываютъ и понынѣ, какъ ни стараются они скрывать это. Однако же они были обращены въ католическую вѣру еще со времени Казиміра Великаго, который первый учредилъ епископскую каѳедру во Львовѣ, въ 1361 году. Его преемникъ Людовикъ прибавилъ къ ней впослѣдствіи двѣ другія: въ Перемышлѣ и Владимірѣ и установилъ митрополичью каѳедру въ Галичѣ, откуда она была впослѣдствіи перенесена во Львовъ, а епископская переведена изъ Львова въ Каменецъ.

Жители Руси во всѣ времена были сильно преданы магіи, колдовству и другимъ ужаснымъ чародѣйствамъ. И даже въ 1431

---

[1]) Авторъ вѣроятно имѣетъ въ виду Едлинскій Статутъ Владислава Ягайловича, изданный въ 1433 году (Volumina legum I, 40, fol. 89—95).

году, когда Владиславъ Ягайло очень тѣсно осадилъ городъ Луцкъ, русскіе, захвативши въ плѣнъ нѣсколько поляковъ во время вылазки, принесли въ жертву прекраснаго молодого человѣка въ виду всего войска на городской стѣнѣ, разрѣзали ему горло и всѣ главные вожди пили по глотку горячей крови въ то время, какъ несчастный еще дышалъ. Затѣмъ, распоровши ему животъ, вынули внутренности и сердце, сложили въ большую жаровню, наполненную горящими угольями, и пошли окуривать всѣ закоулки крѣпости, примѣшивая къ выходившему изъ нея дыму извѣстныя чары и магическія слова. Они были убѣждены, что при помощи этихъ волшебствъ освободятся отъ осады [1]).

Главный городъ страны—Львовъ, резиденція архіепископа, затѣмъ въ ней есть города: Перемышль, Кросно, Санокъ, Ярославъ, Преворскъ, Ланцутъ, Косовъ, Стрый, Березовье (Бжозовъ).

Волынь.

Еслибы не рѣка Бугъ, отдѣляющая эту провинцію на восточной ея границѣ, то не было бы нужды давать ей особое названіе. Это одинъ народъ съ червоноруссами; у нихъ тотъ же языкъ, тѣ же нравы и обычаи. Поэтому все, что говорилось въ предыдущей главѣ о Болеславѣ II, покорившемъ Русь, должно распространяться и на весь остальной край, до рѣки Борисеена, до которой простирались его завоеванія въ эту сторону. Но завоеванія Казиміра Великаго не шли дальше рѣки Случи, такъ какъ, подчинивши подъ свою власть сперва южную Русь въ 1342 году, онъ уже въ 1349 овладѣлъ Луцкомъ, Владиміромъ, Холмомъ и всею остальною Волынью, которую въ то время узурпировали сыновья Гедымина, Любартъ и Кейстутъ, и которою они тотчасъ же снова овладѣли. Казиміръ

[1]) Эта нелѣпая сказка вѣроятно была сочинена поляками въ укоръ литовцамъ-язычникамъ, входившимъ въ составъ гарнизона, защищавшаго Луцкъ отъ Ягайла; авторъ, по непонятному недоразумѣнію, вмѣняетъ эти странныя, будто бы магическія, дѣйствія жителямъ Червоной Руси, совсѣмъ не принимавшимъ участія ни въ осадѣ, ни въ защитѣ Луцка.

вторично отнялъ ее въ 1351 году и взялъ въ плѣнъ Любарта, который успѣлъ бѣжать и, собравши наскоро кое-какія силы, еще разъ водворился въ краѣ до 1365 года, когда Казиміръ окончательно отнялъ у него Волынь и отдалъ Александру, сыну Коріята, оставивъ Любарту только Луцкъ и Владиміръ для того, чтобы держать его въ постоянномъ повиновеніи. Но въ 1382 году, за смертью Людовика, короля венгерскаго и польскаго, венгры, составлявшіе гарнизоны въ городахъ, продали ихъ за деньги Любарту. Съ того же времени эта провинція оставалась за Литвою приблизительно до 1432 года, когда Владиславъ Ягайло отнялъ ее у брата своего Свидригайла и отдалъ стародубскому князю Сигизмунду подъ условіемъ, что послѣ его смерти она должна возвратиться къ коронѣ. Такъ и случилось, когда Сигизмундъ былъ убитъ княземъ Иваномъ Чарторыйскимъ въ 1438 году, и съ того времени эта провинція принадлежитъ Польшѣ [1]).

Въ настоящее время это прекрасная и плодородная страна, обильная, подобно Литвѣ и Червоной Руси; очертанія ея округлены и ограничены съ востока рѣкою Случью, съ запада Бугомъ, южною стороною она прилегаетъ къ Руси близь Вишневца, а сѣверная тянется вдоль Литвы. Главный городъ Луцкъ, другіе менѣе значительные: Владиміръ, Холмъ, Брестъ, Белзъ, Олеско, Кременецъ, Городло, Лопатынъ, Ратно и нѣкоторые другіе города и замки [2]).

Подоліе.

Среди всѣхъ польскихъ владѣній болѣе другихъ подвержена опасностямъ и разореніямъ подольская земля, представляющая открытый про-

---

[1]) Свѣдѣнія автора въ этомъ отношеніи неточны: Волынь входила въ составъ великаго княжества литовскаго до люблинскаго сейма 1569 года и только на этомъ сеймѣ была отторгнута поляками. Въ 1432 году Ягайло отдалъ Сигизмунду Кейстутовичу не одну Волынь, а передалъ ему въ управленіе все великое княжество литовское. Сигизмундъ Кейстутовичъ былъ убитъ заговорщиками въ Трокахъ въ 1440 году.

[2]) Виженеръ составилъ перечень волынскихъ городовъ, основываясь на историческихъ данныхъ; въ современную ему эпоху далеко не всѣ названные имъ

ходъ, какъ бы мостъ для татаръ изъ Перекопа (или какъ его называютъ обыкновенно—Херсонеса Таврическаго), которые совершенно свободно проникаютъ этимъ путемъ на Волынь, въ Червоную Русь, въ Литву и даже Польшу, если обстоятельства тому благопріятствуютъ. Это тѣмъ удобнѣе, что на пространствѣ всей этой провинціи, обнимающей около 120 миль въ длину и 20 или 30 въ ширину, нѣтъ ни одной поперечной рѣки, которая могла бы преградить или затруднить имъ путь. Да если бы даже и были такія рѣки, то вѣдь извѣстно насколько и самъ этотъ вредоносный народъ, и его лошади искусно переходятъ ихъ вплавь, или же на плотахъ, изготовляемыхъ тутъ же на мѣстѣ изъ шестовъ и бревенъ съ помощью древесныхъ вѣтвей; сюда помѣщаютъ татары свои одежды, а въ случаѣ надобности женщинъ и дѣтей, затѣмъ привязываютъ эти плоты къ хвостамъ лошадей, которыя и переправляютъ ихъ на другой берегъ. Впрочемъ, извѣстную часть года татары избавлены и отъ такого труда, такъ какъ сильные морозы, сковывающіе льдомъ всѣ рѣки, повсюду открываютъ для нихъ путь гораздо болѣе удобный зимою, нежели лѣтомъ.

Вотъ причина, сдѣлавшая необитаемыми многія страны и даже подольскій край, который безъ этого былъ бы несомнѣнно самымъ лучшимъ и самымъ плодороднымъ въ ряду всѣхъ другихъ, находящихся подъ властью Польши, такъ какъ почва здѣсь производитъ повсемѣстно виноградъ и шелкъ безъ особыхъ заботъ со стороны человѣка. Мѣстные жители не нуждались бы въ привозныхъ винахъ, еслибы съумѣли найти средства оградить себя отъ татарскихъ вторженій. Впрочемъ, это было бы для нихъ чрезвычайно затруднительно, частью вслѣдствіе причинъ, изложенныхъ подробнѣе въ главѣ о

города находились въ предѣлахъ Волыни, хотя въ болѣе отдаленное время дѣйствительно принадлежали къ этой области. Въ концѣ XVI столѣтія Белзъ и Брестъ были главными центрами отдѣльныхъ воеводствъ. Холмъ считался главнымъ городомъ холмской земли, входившей въ составъ русскаго воеводства, въ этой же землѣ находилось и Ратно; Олеско и Лопатынъ принадлежали также къ русскому воеводству, а Городло къ белзскому. Такимъ образомъ изъ числа названныхъ городовъ только Луцкъ, Владиміръ, Кременецъ и Вишневецъ дѣйствительно находились на Волыни.

татарахъ, частью же и потому, что со времени стычки между ними и подольскимъ дворянствомъ въ 1438 году, въ царствованіе Казиміра Ягайловича, когда подольское ополченіе почти все было разбито и истреблено [1]), дворяне не рѣшались уже возвратиться въ край и мало по малу провинція эта опустѣла и обезлюдѣла вслѣдствіе постоянныхъ набѣговъ и вторженій со стороны татаръ не только перекопскихъ, но и заволжскихъ, гораздо болѣе отдаленныхъ. Въ 1469 году, во времена Казиміра III, эти послѣдніе перешли рѣку Борисѳенъ подъ предводительствомъ своего царя Маняка, разсѣялись по всей Литвѣ, Валахіи и Подоліи, повсюду причиняя многія бѣдствія и увели въ плѣнъ безчисленное множество народа. Они возвратились еще разъ въ 1474 году подъ начальствомъ Аидора, сына Эцигера, и несмотря на то, что ихъ было не болѣе семи тысячъ, все таки успѣли ограбить край на пространствѣ болѣе ста миль въ длину и тридцати въ ширину до городовъ: Каменца, Галича и Дунаевецъ и еще дальше, захвативши болѣе 40,000 плѣнныхъ [2]) и все это вслѣдствіе небрежности вышеупомянутаго Казиміра, который забавлялся въ это время какими то приготовленіями къ войнѣ съ Силезіею. Въ 1494 году, въ царствованіе его

---

[1]) Подъ 1438 годомъ Длугошъ описываетъ набѣгъ Шейхъ Ахмета на Подоліе, которое подверглось полнѣйшему опустошенію; дворяне подольскіе, погнавшіеся за татарами, были разбиты на голову и многія знатныя лица погибли въ битвѣ, въ томъ числѣ подольскій староста Михаилъ Бучацкій. Длугошъ зналъ лично одного изъ участниковъ этой битвы, Яна Влодковича, герба Сулима. (Histor. Polon. lib. XI).

[2]) Оба татарскіе набѣга: 1469 и 1474 гг. описаны подробно у Длугоша и Мартина Бѣльскаго. Виженеръ вѣроятно заимствовалъ разсказъ отъ Длугоша, со словъ котораго онъ считаетъ первый изъ этихъ набѣговъ нападеніемъ заволжскихъ татаръ, но, сокращая повѣствованіе Длугоша, онъ опустилъ подробность, точнѣе опредѣляющую составъ нападавшей на Подоліе орды въ 1469 году. Длугошъ говоритъ, что это было „многочисленное татарское войско, составившееся за Волгою изъ бѣглецовъ, разбойниковъ и изгнанниковъ, скопище, называемое по татарски козаками“. Трудно опредѣлить, кто былъ предводитель этого скопища, называемый у Длугоша и Виженера ханомъ Маняконъ.—Около этого времени въ числѣ крымскихъ беговъ мы встрѣчаемъ бека Мамака, то самостоятельно, то по порученію Менгли-Гирея сносившагося съ в. к. московскимъ и занимавшаго впослѣдствіи должность татарскаго тудуна (консула) въ Кафѣ.

Относительно набѣга 1474 года можно утверждать навѣрно, что онъ былъ предпринятъ крымцами подъ начальствомъ ихъ мурзы Айдара, сына Эцигера. Длу-

сына, короля Яна Альберта, вторглись перекопскіе татары и разбили на голову близь вишневецкаго замка всѣхъ поляковъ, гнавшихся за ними съ цѣлью отбить захваченную ими добычу [1]).

Турки явились впервые правдоподобно въ 1476 году и произвели большое разореніе. Но во всякомъ случаѣ мирныя и союзническія отношенія, установившіяся съ того времени между польскими королями и оттоманскимъ дворомъ, удерживали ихъ отъ дальнѣйшихъ вторженій. Но вообще эта несчастная страна подвержена жестокостямъ восточныхъ варваровъ, подобно скалѣ, открытой для морскихъ волнъ, и было бы чрезвычайно трудно гарантировать ей безопасность и заселить ее наново.

Что касается происхожденія здѣшнихъ жителей, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они, подобно прочимъ, принадлежатъ къ славяно-русскому племени; такъ какъ и языкъ ихъ, и нравы, и обычаи почти тождественны съ таковыми же на Червоной Руси, Волыни и Литвѣ, но подчинились они полякамъ развѣ со времени Казиміра Великаго, который, завоевавши около 1342 года земли перемышльскую, саноцкую, галицкую, теребовельскую и любачевскую, прошелъ до Каменца и дальше черезъ цѣлое Подоліе. Впослѣдствіи Владиславъ Ягайло отдалъ его въ 1394 году на правахъ леннаго владѣнія своему двоюродному брату, который еще сверхъ того захватилъ силою города: Кіевъ [2]) и Черкассы на рѣкѣ Борисѳенѣ или Днѣпрѣ. Но уже въ 1396 году тотъ же Ягайло отдалъ въ залогъ этотъ ленъ краковскому воеводѣ Спытку изъ Мельштына за сумму въ 6,250 червонцевъ. Затѣмъ выкупилъ Подольскую землю у его дѣтей въ 1403 году, чтобы отдать сво-

---

гошъ указываетъ на то, что мурза предпринялъ набѣгъ безъ разрѣшенія хана и что о сборахъ его въ походъ заблаговременно зналъ кіевскій воевода Мартинъ Гаштольдъ, пять разъ тщетно извѣщавшій короля Казиміра о грозившей опасности и просившій помощи для ея отраженія. Притомъ М. Бѣльскій указываетъ на то, что орда переправилась черезъ Днѣстръ у Тавани.—(Длугошъ Histor. Polon. lib. XIII; M. Bielski—Kronika Polska, стр. 462. Смирновъ.—Крымское ханство, стр. 255, 256, 265).

[1]) См. у М. Бѣльскаго, стр. 482.

[2]) Въ подлинникѣ Zecominie.

ему брату Свидригайлу, у котораго отнялъ ее уже въ 1405 г. за его непослушаніе и дурное поведеніе и передалъ Петру Влодку изъ Харбиновичъ; отобралъ и отъ него въ 1411 году и вторично вручилъ тому же Видовду [1]), который и провладѣлъ ею до конца жизни; умеръ онъ въ 1431 году болѣе 80 лѣтъ отъ роду.

Итакъ, эта жалкая и несчастная подольская земля, отвоеванная у татаръ Казиміромъ II, укрѣпившимъ ее нѣсколькими замками, каковы: Каменецъ, Хотинъ, Цециновка, Бакота, Межибожъ и другіе, по смерти его перешла къ венгерскому королю Людовику, наслѣдовавшему послѣ него польскую корону, затѣмъ досталась Ягайлу, терзавшему ее, какъ вы видѣли, но со времени этого послѣдняго не подвергалась больше ни передачамъ, ни отчужденіямъ и могла бы воспользоваться нѣкоторымъ спокойствіемъ или хоть передышкою, если бы не татарскіе набѣги. Говорятъ, что почва этой страны настолько хороша и плодородна, что если оставить въ полѣ плугъ, то онъ въ теченіи двухъ или трехъ дней до того зарастаетъ травою, что отыскать трудно. Край изобилуетъ медомъ и воскомъ и могъ бы прокормить огромное количество стадъ, если бы возможно было разводить ихъ.

Главный городъ Каменецъ, въ которомъ находится каѳедра епископа, но городъ этотъ скорѣе можетъ быть причисленъ къ Червоной Руси, такъ какъ лежитъ на самой ея границѣ, вдали отъ опасности; онъ отстоитъ на 120 большихъ миль отъ Чернаго моря.

---

[1]) Подобно другимъ историческимъ даннымъ, свѣдѣнія Виженера о Подоліи довольно сбивчивы. Страна эта не была завоевана поляками при Казимірѣ Великомъ въ 1342 г., но отнята у татаръ Ольгердомъ въ 1362 году, затѣмъ состояла въ управленіи князей Коріятовичей, получившихъ ее отъ Ольгерда въ ленное владѣніе. Въ 1393 г. Витовтъ за непослушаніе смѣстилъ Федора Коріятовича и управлялъ страною посредствомъ старостъ; въ 1396 г., нуждаясь въ деньгахъ, онъ отдалъ въ залогъ западную половину Подолія королю Ягайлу за сумму въ 20,000 червонцевъ, а тотъ перезаложилъ ее за ту же сумму богатому малопольскому магнату, Спытку изъ Мельштына; послѣдній палъ въ битвѣ на берегахъ Ворсклы въ 1399 г. Выкупивши Подоліе у наслѣдниковъ Спытка, король передалъ его Свидригайлу въ 1400 г. Но въ 1404, вслѣдствіе измѣны Свидригайла, заключившаго противъ него договоръ съ крестоносцами, отнялъ у него Подоліе и началъ управлять областью посредствомъ старостъ, изъ которыхъ послѣднимъ былъ, по словамъ Длугоша, Петръ Влодекъ изъ Харбиновичъ. Въ 1411 г. Витовтъ возвратилъ занятую у короля сумму,

которое составляетъ южную границу Подолія и съ береговъ котораго врываются татары. Съ востока и сѣвера подольская земля ограничена рѣкою Бугомъ, вливающимся въ Борисѳенъ у крѣпости Дашева (Очаковъ); западную границу составляетъ Днѣстръ, отдѣляющій этотъ край отъ Валахіи, и только незначительное пространство на сѣверо-западѣ прямо примыкаетъ къ Червоной Руси, въ окрестности упомянутаго города Каменца.

Впрочемъ вся страна принадлежитъ къ каменецкой епархіи и каменецкому воеводству. Воевода засѣдаетъ въ сенатѣ непосредственно передъ воеводою белзскимъ.

Туръ, зубръ и лось.

Urus, называемый туземцами туромъ, есть собственно порода дикаго быка, но онъ несравненно крупнѣе домашняго и среди всѣхъ животныхъ уступаетъ величиною одному слону. Вся его шерсть чернаго цвѣта и только вдоль хребта пролегаетъ бѣловатая полоса. Водятся они на границахъ Мазовіи и Литвы и то лишь въ нѣкоторыхъ селахъ, жителямъ которыхъ вмѣняется въ обязанности охранять ихъ въ особыхъ отдѣлахъ пущи, обнесенныхъ деревянными оградами на подобіе парковъ, такъ чтобы они не могли бродить по лѣсамъ подобно другому звѣрю. Туры могутъ соединяться съ домашними коровами, но въ такомъ случаѣ они уже не допускаются себѣ подобными въ общее стадо, ихъ изгоняютъ съ большою настойчивостью и даже иногда убиваютъ до смерти. Телята, которыя происходятъ отъ такого смѣшенія, недолговѣчны. Мясо тура не хуже и не лучше говядины, больше всего цѣнится его кожа; изъ нея выдѣлываются прекрасные пояса, о которыхъ разсказываютъ, будто они имѣютъ свойство облегчать роды.

получилъ обратно Подольскую землю и назначалъ въ ней старостъ. Послѣ его смерти въ 1431 г. польскіе дворяне посредствомъ хитрости овладѣли каменецкимъ замкомъ и присоединили западное Подоліе къ Польшѣ. (Stadnicki—Synowie Gedymina I, 36, 89, 90. Длугошъ. Histor. Polon. liber XI).

Вообще описаніе тура, составленное Геснеромъ, крайне ошибочно; онъ смѣшалъ тура съ зубромъ и отличительныя черты одного приписалъ другому.

Бизонъ, котораго литовцы называютъ зубромъ, животное дикое и свирѣпое; внѣшніе покровы зубра напоминаютъ льва, но въ отличіе онъ имѣетъ у подбородка большую длинную бороду; голова его невелика, глаза большіе, огненные, взглядъ косой и свирѣпый, лобъ широкій, рога огромные и такъ раскинуты, что въ промежуткѣ между ихъ концами могли бы усѣсться три полновѣсные человѣка. На спинѣ помѣщается высокій горбъ дромадера или верблюда, покрытый длинною, волнистою шерстью. Мунстеръ ошибался, приписывая эти качества лосю.

Желающіе охотиться на зубра должны обладать легкостью, ловкостью и смѣлостью, такъ какъ эти животные горды и свирѣпы, не щадятъ своихъ противниковъ, будутъ ли то люди, собаки, лошади или другія животныя. Они до того дики, что нѣтъ никакой возможности приручить ихъ даже въ такихъ случаяхъ, если удается овладѣть ими въ самомъ раннемъ возрастѣ. Поймать ихъ живьемъ можно только въ западню, т. е. яму, прикрытую вѣтвями и листьями, какія устраиваютъ въ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ они пасутся.

Желая развлечься охотою на зубра, выбираютъ мѣстность, изрѣдка поросшую деревьями такой толщины, чтобы можно было быстро обѣгать вокругъ ствола и чтобы онъ вполнѣ прикрывалъ собою тѣло человѣка. Расположившись по мѣстамъ за деревьями, охотники начинаютъ выгонять звѣря криками, звукомъ роговъ, а также при помощи собакъ. Замѣтивъ охотника зубръ съ яростью бросается на него, но охотникъ прячется за дерево и оттуда старается наносить ему удары рогатиною. Ярость животнаго усиливается отъ полученныхъ ранъ, оно пытается захватить охотника языкомъ, до такой степени жесткимъ, цѣпкимъ и бугорчатымъ, что если удается зубру достать хоть край одежды, онъ немедленно притягиваетъ человѣка, не взирая на сопротивленіе, и терзаетъ на части. Если охотникъ, бѣгающій вокругъ дерева изнемогаетъ въ борьбѣ, ему стоитъ только бросить въ сторону шапку или кусокъ краснаго сукна и животное тотчасъ

же набрасывается на этотъ предметъ, терзаетъ его въ клочки ударами копытъ и роговъ, а тѣмъ временемъ охотникъ имѣетъ возможность вздохнуть и собраться съ силами. Тогда другой охотникъ, стоящій вблизи, желая принять участіе въ развлеченіи и отозвать звѣря въ свою сторону, повторяетъ два-три раза возгласъ: лу, лу, лу! Зубръ немедленно бросается къ новому противнику и такимъ образомъ охотники смѣняютъ другъ друга, пока не убьютъ звѣря. Охота непремѣнно должна окончиться его смертью, такъ какъ зубръ, разъ напавши на человѣка, не отстаетъ до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ двухъ противниковъ не останется на мѣстѣ.

Нѣмцы называютъ слономъ „Ellend“ животное, которое по латыни называется Alces, полякамъ же и литовцамъ извѣстно подъ именемъ *лося* или *ловода*. Но поляки совершенно ошибочно принимаютъ его за дикаго осла, на котораго онъ не похожъ ничѣмъ кромѣ ушей; ноги его двукопытные и почти совсѣмъ подобны оленьимъ, но значительно больше, такъ какъ нога лося почти равняется ногѣ быка. Рога его скорѣе напоминаютъ рога даніела (cervus dama); они раскинуты и приплюснуты въ видѣ ладони, глаже оленьихъ, менѣе бугорчаты и испещрены бороздками чѣмъ у послѣдняго; ихъ вѣтви короче и прямѣе и цѣлый рогъ почти бѣлаго цвѣта. Лось имѣетъ довольно длинную шерсть, уши подобные ослинымъ, какъ сказано выше, и большой зобъ, висящій у шеи, морда его безобразно длинная, а верхняя губа такъ сильно выдается впередъ, что онъ принужденъ грызть траву пятясь назадъ.

Цезарь, Плиній и Павзаній писали о немъ много, но поверхностно, не ознакомившись съ нимъ, какъ это сдѣлалъ и Альбертъ Великій, несмотря на то, что жилъ значительно позже ихъ.

Слово Ellend на нѣмецкомъ языкѣ означаетъ несчастье и дѣйствительно животное это весьма достойно сожалѣнія, если правда, что оно подвергается ежедневно припадкамъ падучей болѣзни, какъ это говорятъ о немъ. Зато его копыта обладаютъ цѣлебнымъ свойствомъ противъ той же болѣзни, если носить ихъ на шеѣ, или въ видѣ кольца на пальцѣ, а также если принимать ихъ внутрь. Животное это отличается чрезвычайною быстротою бѣга, причемъ ско-

ростью и продолжительностью превосходитъ оленя; лось бѣжитъ не галопомъ, какъ другіе, но рысью и вскачь. Если его взять живьемъ, онъ тотчасъ же издыхаетъ, какъ бы ни были ничтожны полученныя имъ поврежденія; вслѣдствіи этого онъ очень боязливъ, даже гораздо пугливѣе дикой козы. Однако, если удастся овладѣть очень молодыми особями, то ихъ можно приручить. Кожу его выдѣлываютъ, подобно буйволовой, но въ издѣліяхъ она отличается большею крѣпостью и упругостью.

Дальше въ текстѣ слѣдуетъ описаніе города Вильно и 18 главъ, посвященныхъ большею частью внутреннему устройству и администраціи польскаго королевства, но не имѣющихъ прямаго отношенія къ южно-русскимъ землямъ. Изъ главы 27-й „о войнѣ" помѣщаемъ нѣкоторыя извлеченія, представляющія существенный интересъ, опуская субъективныя разсужденія автора о происхожденіи войны вообще, о ея цѣляхъ, задачахъ и пріемахъ, обусловливающихъ успѣхъ.

Устройство военнаго дѣла въ Польшѣ.

Въ силу своихъ старинныхъ правъ дворяне, которые одни среди всѣхъ сословій носятъ оружіе въ Польшѣ, обязаны къ военной службѣ только внутри страны и на границахъ, не выходя изъ предѣловъ государства. Поэтому, если бы король пожелалъ вести ихъ дальше, то можетъ сдѣлать это не иначе, какъ съ ихъ согласія и за особую плату. Сверхъ того онъ обязанъ вносить выкупъ за каждаго дворянина, взятаго въ плѣнъ, а также уплачивать имъ стоимость всѣхъ утраченныхъ ими замковъ. При всемъ томъ они чрезвычайно рѣдко выступаютъ въ битву со всѣми своими силами заразъ, откладываютъ генеральное сраженіе до послѣдней возможности и, даже въ случаѣ крайней необходимости, никогда не выводятъ сразу всѣхъ своихъ людей, не оставивъ нѣкотораго подкрѣпленія, къ которому можно прибѣгнуть въ крайнемъ случаѣ.

Поэтому главная армія никогда не подымается раньше, чѣмъ будутъ собраны предварительно частныя ополченія въ обычномъ пунктѣ

для каждой провинціи, а именно: для холмской земли въ Грубешовѣ, для белзской въ Бужскѣ, для перемышльской въ Моцискѣ, для подольской въ Каменцѣ, для саноцкой въ Санокѣ, для львовской въ Вишнѣ и для галицкой въ Теребовлѣ. Всѣ дворяне, обязанные участвовать въ походѣ, должны присутствовать на этихъ сборахъ и мѣстный воевода производитъ имъ смотръ. Если кто изъ нихъ скажется больнымъ, воевода отправляется къ нему съ тремя или четырьмя лицами изъ дворянъ, чтобы представить отчетъ королю. Это служитъ извиненіемъ и оправданіемъ для неявившихся, но во всякомъ случаѣ каждый долженъ предварительно подтвердить клятвою свое заявленіе о болѣзни за поручительствомъ четырехъ другихъ дворянъ. Но въ случаѣ, если бы подобное заявленіе оказалось ложнымъ, король имѣетъ право лишить уклоняющагося всѣхъ его владѣній какъ личныхъ, такъ и наслѣдственныхъ, и передать ихъ другому, потому что никто не вправѣ отказываться отъ участія въ войнѣ за исключеніемъ больныхъ, стариковъ и тѣхъ, кто удерживается по необходимости исполненіемъ какихъ либо общественныхъ должностей: подстаросты гродскихъ судовъ и коменданты пограничныхъ крѣпостей, которыя обыкновенно не поручаются лицамъ, владѣющимъ большими доходами для того, чтобы тѣмъ самымъ не уменьшать количества войска. Всѣ же прочіе обязаны присутствовать лично, или же участвовать въ размѣрѣ своего имущества, каждый въ своей области. Впрочемъ, если кто имѣетъ брата или сына, по лѣтамъ способнаго носить оружіе, то можетъ послать его вмѣсто себя подъ условіемъ, чтобы этотъ послѣдній не владѣлъ отдѣльною поземельною собственностью и не состоялъ при дворѣ короля или какого нибудь принца или вельможи. Если кто владѣетъ помѣстьями въ различныхъ воеводствахъ, то личность его привязана къ его обычному мѣсту жительства, по всѣмъ же остальнымъ онъ обязанъ участвовать опредѣленнымъ количествомъ вооруженныхъ воиновъ: такъ какъ всякій дворянинъ, владѣющій землями (жалованными или наслѣдственными), помѣстьями, селами, мѣстечками и замками, безусловно обязанъ лично присутствовать въ ополченіи съ такимъ количествомъ людей и лошадей, какое соотвѣтствуетъ количеству извлекаемыхъ ими доходовъ. Также

точно поступают турки по отношенію къ такъ называемымъ тимаріотамъ. Эти собственники не получаютъ никакого вознагражденія и принуждены сами нести всѣ расходы, но за то и не обязаны выходить за предѣлы государства противъ своей воли или безплатно.

Прочіе воины, не владѣющіе доходными статьями, содержатся на суммы, получаемыя отъ податей и налоговъ, обыкновенно налагаемыхъ въ такихъ случаяхъ на каждый моргъ пахатной земли и на частные дома въ городахъ. Затѣмъ существуетъ еще контрибуція, доставляемая духовенствомъ, купцами, вдовами, евреями и др. Всѣ лица, занимающіяся какою нибудь торговлею въ укрѣпленныхъ городахъ, (тѣмъ болѣе, что въ деревняхъ никакой торговли нѣтъ) обязаны доставлять по одному конному и вооруженному воину, если имущество ихъ достигаетъ стоимости въ 1,000 червонцевъ. Имѣющіе 500 червонцевъ доставляютъ одного пѣшаго, тѣ же, кто имѣетъ меньше или больше, соединяются по нѣсколько домовъ вмѣстѣ, пока не составится одна изъ требуемыхъ суммъ. Войты, бурмистры и райцы каждаго города обязаны строго слѣдить за правильнымъ выполненіемъ этой повинности, между тѣмъ какъ воеводы, кастеляны и тѣ, на кого угодно будетъ королю возложить это дѣло, должны созывать этихъ людей, удостовѣряться въ томъ, находятся ли сами они и ихъ вооруженія въ надлежащей исправности, и затѣмъ разсылать ихъ въ разныя мѣста по своему усмотрѣнію.

Что касается духовенства и церковныхъ земель, то они облагаются такою же повинностью и доставляемые ими солдаты имѣютъ собственныхъ вождей и начальниковъ, равно какъ и солдаты, доставляемые вдовами, малолѣтними и больными, пославшими другихъ вмѣсто себя; всѣ они составляютъ особые отряды. Наконецъ и самое духовенство, даже епископы не избавлены отъ обязанности лично участвовать въ войнѣ, когда представится въ томъ необходимость, или же, когда самъ король выступаетъ въ походъ. Сверхъ того города, получающіе 1,000 червонцевъ дохода съ общаго имущества, обязаны доставлять по 10 конныхъ, хорошо вооруженныхъ людей; получающіе 500 червонцевъ доставляютъ 5 человѣкъ, т. е. по одному всаднику за каждые 100 червонцевъ. Евреи несутъ эту по-

винность наравнѣ съ купцами, равно какъ и земледѣльцы, за исключеніемъ огородниковъ.

Вообще, когда подымается посполитное рушеніе, король обыкновенно участвуетъ въ немъ лично, если только не удерживаетъ его болѣзнь или другое препятствіе. Если военныя дѣйствія происходятъ въ нѣсколькихъ пунктахъ одновременно, то онъ отправляется на постъ самый важный и опасный, посылая на другіе воеводъ, кастеляновъ, или иныхъ лицъ по своему усмотрѣнію. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда король самъ присутствуетъ въ арміи, на ряду съ нимъ бываетъ сановникъ, который завѣдываетъ всѣмъ военнымъ дѣломъ—это гетманъ. Онъ располагаетъ лагерь, размѣщаетъ въ немъ войско, распоряжается продовольствіемъ и боевыми припасами, распредѣляетъ гауптвахты, караулы и пикеты, направляетъ въ битву тѣ или другіе отряды войскъ по своему усмотрѣнію и устанавливаетъ окончательный планъ битвы. Назначаетъ его король вмѣстѣ со своимъ совѣтомъ, равно какъ и другихъ военачальниковъ, называемыхъ *поручниками* [1]), которыхъ они выбираютъ изъ лицъ самыхъ способныхъ въ каждомъ воеводствѣ.

Но если бы случайно такихъ лицъ въ воеводствѣ не оказалось, или же они не пожелали бы принять этой должности, то король вмѣстѣ съ гетманомъ назначаютъ ихъ изъ другаго воеводства, причемъ жалованье имъ, въ размѣрѣ 100 золотыхъ за каждые 10 лошадей для каждой хоругви, состоящей изъ 200 всадниковъ, уплачивается изъ суммъ того воеводства, войсками котораго они предводительствуютъ. Но за то при всѣхъ переходахъ и передвиженіяхъ поручникъ обязанъ зорко слѣдить за ввѣренными ему командами для того, чтобы солдаты не предавались грабежамъ, не взимали съ жителей никакихъ поборовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ одинъ является отвѣтственнымъ лицомъ за всѣ причиненные убытки. Поэтому каждый изъ нихъ обыкновенно удерживаетъ нѣкоторую часть жалованья своихъ солдатъ и такимъ

---

[1]) Въ устройствѣ польскаго войска начальники отдѣльныхъ частей носили титулъ полковниковъ; поручниками назывались младшіе офицеры, заступавшіе мѣсто ротмистра въ его отсутствіе. Ротмистръ начальствовалъ хоругвями, количество которыхъ въ полку было неопредѣлено и достигало иногда двухъ, даже трехъ десятковъ. Авторъ очевидно ошибается, приписывая поручникамъ такое важное значеніе.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

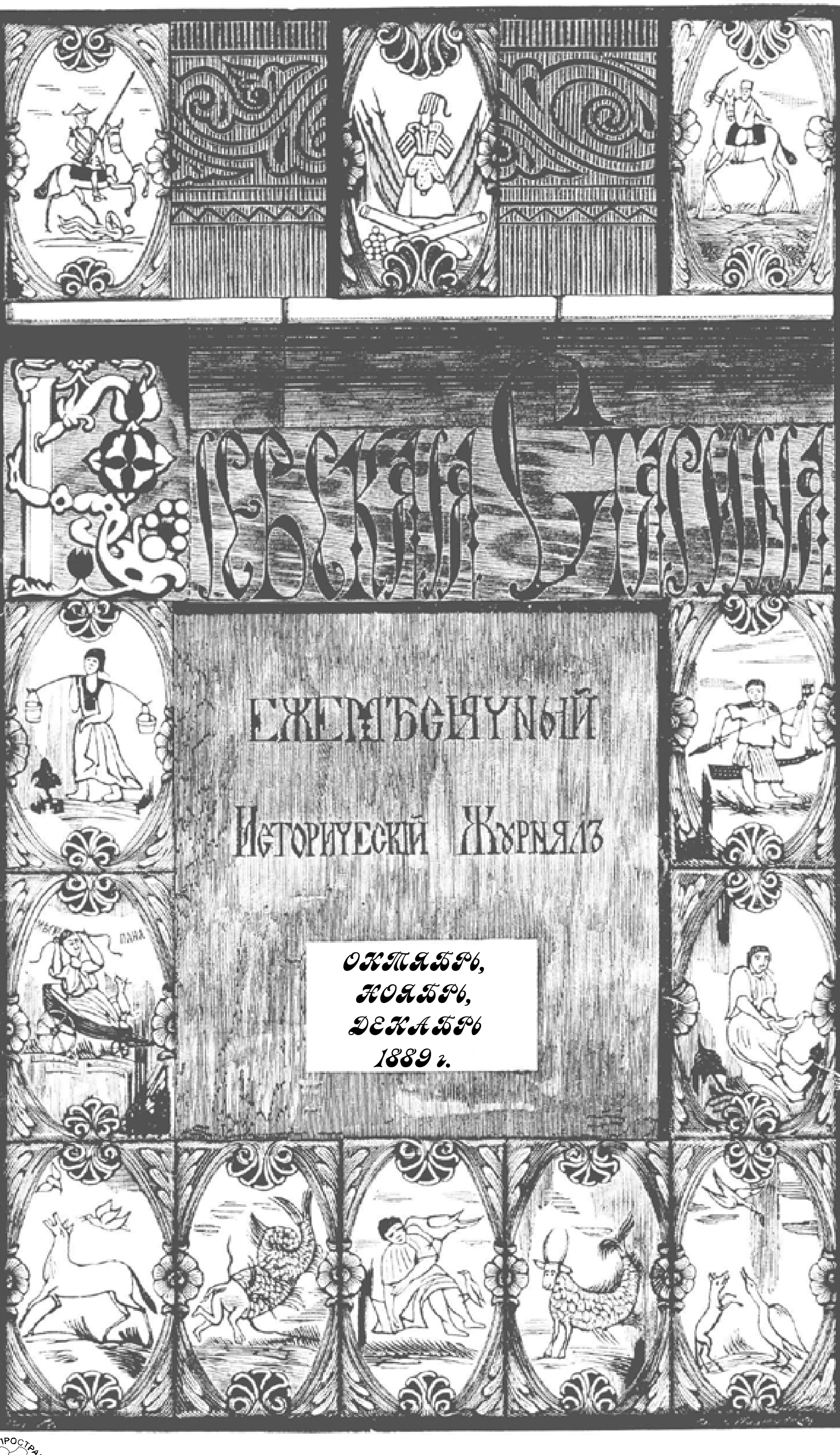
Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляютъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Кіевъ Въ тіпографіи Г.Т. Корчакъ-Новицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVII, 1889 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.